



О. ШМЕЛЕВ, В. ВОСТОКОВ

ОШИБКА РЕЗИДЕНТА



Scan Kreyder - 24.10.2018 - STERLITAMAK





О. ШМЕЛЕВ, В. ВОСТОКОВ

ОШИБКА РЕЗИДЕНТА

Второе издание

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1974**

P2
Ш72

© Издательство «Молодая гвардия», 1974 г.

Ш $\frac{70302-167}{078(02)-74}$ без объявл.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НЕТ НИЧЕГО
ТАЙНОГО...

«С уважением, которое Вы заслуживаете, имею честь сообщить Вам одно известие. Вас прошу в его достоверность верить. Думаю, что очень скоро к Вам будет отправлен опасный человек с враждебной целью. Имя — Михаил Кириллов. Выше среднего роста, густые черные брови, высокий лоб, нос тонкий, с горбинкой. Пожалуй, всё. Ваш друг».

Генерал Сергеев прислонил листок к чернильнице и прочел еще раз. Письмо составлено не по лучшим образцам изящной словесности, но достаточно серьезно по смыслу, и необходимо точно определить свое отношение к нему. Более или менее уверенно утверждать можно было лишь одно: анонимный корреспондент — иностранец. Бумага письма и продолговатый конверт — заграничного производства. Адрес на конверте написан так, как принято на Западе: сначала учреждение, затем город и страна. Стиль и почерк могли принадлежать человеку, который начал забывать русский язык или, наоборот, недавно взялся за его изучение. На почтовом штемпеле стояло: «20.4.1961. Москва».

Кто он этот «Ваш друг», бросивший в один из почтовых ящиков столицы продолговатый узенький конверт голубого цвета? Об этом можно было только гадать, а меж тем требовалось принять решение и действовать.

Генерал нажал кнопку звонка. Вошел дежурный.

— Поторопите Владимира Гавриловича.

— Слушаюсь.

Вчера они с полковником Марковым обсуждали это загадочное письмо. Конечно, очень жаль, что автор предпочел остаться неизвестным. Но что поделаешь, на это у него, вероятно, были свои соображения.

Сергеев и Марков сошлись в конце концов на том, что оставить безымянное письмо без внимания было бы несправедливо. Они договорились, что Владимир Гаврилович Марков по возможности быстро перепроверит достоверность сообщаемых анонимом данных и в случае, если они хотя бы частично подтвердятся, разработает план действий. Вот почему генерал с таким нетерпением ждал полковника.

Наконец Марков явился. Высокий, слегка сутуля-

щийся, он был в военной форме. На груди — три ряда орденских планок.

— Извините, Иван Алексеевич, немного задержался. Согласовывал кое-что с пограничниками.

— Присаживайтесь, докладывайте.

— Собственно говоря, докладывать особенно нечего, Иван Алексеевич. Сообщение анонима на первой стадии предварительной проверки находит частичное подтверждение, правда косвенное. Необходимые меры разработаны, вот они, прошу рассмотреть. — И полковник Марков положил перед генералом папку с документами. Сергеев откинул корочку, сел поудобнее и начал читать.

Прошло несколько минут.

Неожиданно генерал взял карандаш и что-то быстро поправил в тексте.

Марков посмотрел на бумагу, но генерал, угадав его сомнения, объяснил:

— Просто опечатка.

Перевернув очередной лист, генерал оторвался от текста, задумался. Марков молчал, продолжая наблюдать за ним.

— А если это рассчитанный ход врага или шутка идиота? — сказал генерал.

Марков как будто ждал этих слов.

— Допустим, — охотно согласился он. — А если нет?

Бесспорно, в решении, которое они собирались принять, был известный риск. Но что и когда делалось без риска в этих вопросах?

Генерал сказал:

— Вы правы. И начало совсем недурное.

Марков повеселел. Он знал: его с нетерпением ждут сейчас товарищи, принимавшие участие в разработке плана. И то, что генерал Сергеев одобрил план, будет для всех приятным известием.

Генерал написал на первой странице в верхнем правом углу одно слово: «Утверждаю». И расписался.

— Копия останется у меня. Прошу вас, Владимир Гаврилович, ежедневно докладывать о положении дел. Кого считаете наиболее подходящей кандидатурой для операции?

— Старшего лейтенанта Сеницына. Смел, сообрази-

телен и хладнокровен. Плюс пограничная закалка. Кандидатура правильная, товарищ генерал.

— В производстве у него срочных дел нет?

— Нет.

...Через несколько месяцев органами госбезопасности были получены новые данные, подтверждающие известие о переброске в Советский Союз резидента разведки одной из капиталистических стран. Иностранный корреспондент действительно оказался другом и писал правду.

ГЛАВА 1. КРАЖА В ВАГОНЕ

В купе мягкого вагона скорого поезда Сухуми — Ленинград ехали четверо: два молодых человека, один из которых занял место женщины, сошедшей в 10 часов вечера в Армавире, и старичок со старушкой.

Давно стало банальностью говорить о том, что люди в дороге быстро находят общий язык, а порой бывает даже, что дорожное знакомство превращается потом в дружбу. Эти пассажиры не были исключением из правила. Они быстро перезнакомились. Молодой человек, которого звали Михаилом, возвращается из командировки, едет в Петрозаводск. Павел, севший в Армавире, — радиотехник, живет в Москве. Он в отпуске, был на юге, а несколько оставшихся дней хочет провести в Ленинграде.

Старик и старушка — супруги. Они ездили в гости к сыну в Сухуми и сейчас возвращаются в свой несравненный Ленинград. Ах, как они соскучились по родному городу, не дождутся, когда приедут.

Михаил и Павел, как говорится, окружили своих симпатичных пожилых спутников заботой и вниманием. Старушка была в восторге от их любезности и предупредительности и с удовольствием принимала услуги молодых людей. Особенно хорошее впечатление произвел на нее Павел.

На одной из остановок Павел узнал и принес новость, взволновавшую наших знакомых. Оказывается, в соседнем вагоне у пассажира украли вещи.

— Безобразие! Распустили воров и хулиганов, житья нет, — возмущалась Антонина Ивановна.

— Дорогая моя, опять ты начинаешь волноваться,

ведь тебе вредно, ты знаешь, — успокаивал ее Дмитрий Михайлович, супруг.

— Вредно? Конечно, вредно... Не хватало еще, чтобы обокрали нас с тобой. Нет, нужны более строгие законы. Вспомни, как поступали с ворами в Финляндии и Китае...

— Дорогая моя, это было бы слишком кровожадно, — с патетикой, в которой сквозила ирония, возразил Дмитрий Михайлович.

Молодые люди, слушая этот разговор, снисходительно улыбались.

— Антонина Ивановна правильно говорит. Родимые пятна прошлого надо выжигать каленым железом, — подлил масла в огонь Павел.

— Да, в этих вопросах нужна решительная и беспощадная линия, — поддержал Михаил.

— Вот, вот. Вы правы. Но попробуйте это доказать нашим законникам. — Антонина Ивановна бросила сердитый взгляд в сторону мужа. — Вот, посмотрите на него. Он юрист.

Юрист, вздохнув почти трагически, уткнулся в спасительную газету. Вскоре тема была исчерпана, и разговор погас. Поезд продолжал отсчитывать километры. Наши пассажиры сообща поужинали и стали готовиться ко сну.

Перед тем как лечь спать, Антонина Ивановна не забыла тщательно осмотреть свой чемодан, попросила Михаила задвинуть его подальше в угол под нижнюю полку, предупредила молодых людей, что дверь купе на ночь надо обязательно запереть, и ответственным за эту важную операцию назначила полюбившегося ей Павла.

Утром старушка, проснувшись, первым делом проверила багаж и, вскрикнув, лишилась чувств. Чемодана на месте не оказалось. Вместе с ним исчез и Павел.

Дмитрий Михайлович суетился по купе, беспомощно разводил руками, виновато поглядывая поочередно то на свою супругу, то на растерянного Михаила, и все приговаривал:

— Как же это, а? Что же это такое?

Михаил побежал к проводнику, принес стакан воды и начал приводить в чувство Антонину Ивановну.

— Вот вам и родимые пятна... Хорош радиотехник.

Артист... Таких радиотехников вешать надо, — зло говорил Михаил, освежая водой лицо Антонины Ивановны.

Когда она окончательно пришла в себя, Михаил отправился искать начальника поезда, чтобы заявить о краже. На очередной остановке о происшествии сообщили в отдел милиции при вокзале.

Капитан милиции, внимательно выслушав заявление о похищении чемодана, проверил паспорта пострадавших супругов и их попутчика, а отныне свидетеля по делу — Михаила Кириллова и составил протокол происшествия, кратко записав обстоятельства дела и более подробно — приметы преступника.

Антонина Ивановна с присущей человеку ее возраста наблюдательностью и обстоятельностью начала описывать внешность Павла, и, когда она замолчала, капитан милиции, усердно заносивший в протокол приметы вора, вдруг воскликнул:

— О, все ясно! Это же наш старый знакомый — Бекас. Давно мы его ищем... — И добавил: — На его счету не одно дело. Опасный уголовник...

— Скажите на милость — Бекас! — перебила его Антонина Ивановна. — Давно вы его ищете, да плохо. Под самым носом орудует... Вот в Финляндии такого безобразия нет...

— Дорогая моя, — запротестовал Дмитрий Михайлович. — К чему эти сравнения?

— Не волнуйтесь, мамаша, разыщем, он от нас все равно не уйдет, — уверенно заявил капитан, протягивая Дмитрию Михайловичу авторучку, чтобы он подписал протокол.

— Нет уж, голубчик, подписывать буду я, а не он, — Антонина Ивановна решительно отобрала ручку у мужа и, наклонившись низко-низко к столу, поставила свою подпись. Дмитрий Михайлович театрально развел руками. Михаил вздохнул.

— Да, товарищ капитан, чуть не забыл, — спохватился Михаил. — Этот тип называет себя радиотехником.

Капитан быстро вынул из ящика стола коричневую папку и, открыв ее, заглянул в какую-то бумагу.

— Правильно, здесь он не соврал. Бекас в прошлом имел отношение к радиотехнике. — Капитан улыбнулся.

ся Михаилу: — Прошу и вас, товарищ Кириллов, подписать протокол.

Михаил Кириллов единым размашистым росчерком поставил свою подпись.

— Благодарю вас. До свидания, — закончил процедуру капитан милиции, принимая от Михаила протокол.

— Но чемодан, чемодан... Ведь там фотографии моего внука! — сокрушалась Антонина Ивановна, покидая комнату милиции.

— Не волнуйтесь, мамаша, разыщем ваш чемоданчик, — сказал капитан.

— Не стоит так убиваться, — сказал Михаил, — вот увидите, все будет в порядке.

Пассажиры вернулись в свое купе. Оставшуюся часть пути старая женщина пребывала в грустном настроении. В Ленинграде они распрощались почти сухо.

ГЛАВА 2. СПУСТЯ ДВА МЕСЯЦА

Поезд пришел в город N поздним осенним вечером. Носильщики, расталкивая на перроне встречающих, бросились к вагонам. Один из пассажиров с чемоданом в руке не спеша вышел из вагона и, отвергнув предложение носильщика, неторопливой походкой зашагал по перрону. Вошел в вокзал, прогулялся по залам, заглянул в киоски и остановился около стойки буфета. Здесь он слегка перекусил и только после этого направился к выходу.

На стоянке такси неторопливый пассажир сел в машину.

— В центр, — небрежно бросил он шоферу.

Машина тронулась. Пассажир достал папиросу, закурил. Равнодушно скользил он взглядом по мелькавшим на улице освещенным витринам. Вдруг знаком руки приказал шоферу остановиться, вышел из машины, несколько минут постоял около обувного магазина. Оглядел витрину, а потом посмотрел вправо, влево. На улице было пустынно и неуютно. Лишь редкие прохожие стуком каблучков нарушали тишину да время от времени шуршали шинами еще более редкие автомобили. Как бы приняв наконец решение, пассажир снова сел в такси. Не проехав и с полкилометра, он остановил машину и сказал, что хочет расплатиться.

Шофер взял деньги и уехал. Пассажир остался один в полутемном переулке. Зажав в зубах папиросу, он достал из кармана спички и, прикрываясь от ветра, повернулся. Внимательный глаз и здесь ничего подозрительного не обнаружил. Пассажир направился к трамвайной остановке, на которой стояло в ожидании несколько человек. Он сел во второй вагон последним и, когда трамвай начал набирать скорость, выпрыгнул из него. Трамвай, не сбавляя хода, продолжал свой путь. Пассажир решительно свернул в переулок и, уже не задерживаясь, зашагал спокойно, фланирующей походкой. Он ходил по улицам еще минут двадцать. Наконец остановился около дома, огороженного высоким дощатым забором, еще раз осмотрелся и только после этого нажал кнопку, торчащую на доске слева от калитки. Во дворе громко залаяла собака. Через несколько минут послышались шаги, и сонный недовольный голос спросил:

— Кого тут носит?

— Откройте, я техник из горэнерго, — объяснил пришелец.

— Чего надо?

— Не бойтесь, не съем. Проверка. В вашем районе обнаруживается утечка электроэнергии...

Собака все лаяла.

— Приходите днем.

— Ну что ж, тогда придется сходить за милиционером... Вам же хуже будет.

Угроза подействовала. Хозяин дома цыкнул на пса. Калитка отворилась, ночной гость нырнул в темноту двора. Хозяин, быстро закрыв калитку, поторопился вслед за техником из горэнерго.

— С проводкой у вас в порядке? — осведомился техник, входя в дом.

— Не жалуюсь.

— Давайте посмотрим.

Поставив чемодан на пол, техник внимательно осмотрел счетчик, потрогал пломбу, вынул блокнот и что-то записал в него.

Затем приступил к осмотру проводки, обошел все комнаты — их было три — и, покончив с этим, блаженно развалился на стуле в кухне. Он не стеснялся. Его вид и поведение казались хозяину по меньшей мере неучтивыми. Прошло две-три минуты молчания: хозя-

ин, обиженно насупясь, решил, видно, первым разговор не заводить и начинал поглядывать на непрошеного посетителя с тревогой.

Техник закурил без разрешения. Ему, кажется, здесь очень нравилось. Он давно заметил неприязнь хозяина дома и как будто даже наслаждался его мучениями. Наконец он нарушил молчание и задал вопрос, который показался хозяину дома просто издевательским.

— Ну-с, как поживаете?

— Хорошо поживаем. Вы закончили свою работу? — раздраженно осведомился, в свою очередь, хозяин.

— Однако вы не очень-то любезны.

— Я не располагаю временем для любезных разговоров. Если у вас больше нет ко мне вопросов, не смею вас долее задерживать, — сухо отрезал хозяин.

— Вопросы есть. И немаловажные. — Техник продолжал откровенно издеваться.

— Ну, так я слушаю вас. — Хозяин едва сдерживал себя.

— Например, вы не знаете, где обитает ныне... — он сделал паузу, — Леонид Круг?

При упоминании этого имени у хозяина дома перехватило дыхание. Сделав над собой усилие, он хмуро произнес:

— Такого я не знаю...

— Жаль. Мне он очень нужен, — как ни в чем не бывало наивно заметил гость.

Хозяин не знал, что делать. Он уставился на техника из горэнерго и недружелюбно молчал.

Тогда техник вынул из кармана пиджака зажигалку, демонстративно повертел в руках, как бы любясь ею, и щелкнул раз, другой, третий. Искры сыпались снопом, но пламя не появлялось. Зажигалка не работала. Техник вопросительно посмотрел на хозяина.

— Не найдется ли у вас бензина?

— Автомобильный подойдет? — Голос хозяина выдавал волнение.

— Желательно авиационный, — последовал ответ.

— Такого нет...

— Тогда давайте автомобильный...

Хозяин, не в силах больше сдерживаться, рванулся к технику.

— Извините меня, пожалуйста, но вы понимаете... — От волнения он не находил слов.

— Вашей выдержке позавидуешь, — перебил техник. — Давайте знакомиться. Зароков. — И он протянул хозяину руку.

— Дембович, Ян Евгеньевич, — вздохнув и улыбувшись, представился хозяин.

— Это ваша девичья фамилия?

— Да.

— Вы ведь были завербованы еще в сорок первом?

— У вас точные сведения.

— А с сорок пятого к активным действиям не привлекались?

— Нет.

— Ну, теперь анабиоз кончился. Я приехал в этот город потому, что здесь есть вы. Кто, кроме вас, живет в доме?

— Никого. Я холост, живу один, — ответил Дембович.

— Превосходно. А сейчас спать. Я лягу там. — Зароков показал на комнату, окна которой выходили в сад.

Хозяин отправился стелить постель. Гость нетерпеливо следил за его приготовлениями, он чувствовал неимоверную усталость, непреодолимое желание лечь, вытянуться и закрыть глаза.

— Меня не будить. В дом никого не впускать. Поговорим завтра. Все.

— Спокойной ночи, — произнес почтительно Дембович и вышел из комнаты. Зароков закрыл за ним дверь.

Дембович, наблюдая через замочную скважину за гостем, видел, как Зароков вяло стянул с себя пиджак, вынул из-под мышки левой руки пистолет, висевший на каком-то хитром приспособлении, сунул его под подушку и, не раздеваясь дальше, рухнул на кровать.

Дембович осторожно выпрямился и на цыпочках отправился к себе.

ГЛАВА 3. БЕКАС

Сегодня вечером шоферу голубой автомашины такси везло. Прошло всего два часа, как он выехал из парка, а сделал десять ездов, и выручка тянула уже на половину плана. Высадив очередного пассажира, он подкатил к стоянке такси, где скучала в ожидании очередь —

человек десять-двенадцать. В очереди произошло некое нетерпеливое движение, кто-то кого-то оттеснил, кто-то сказал: «Нахалы, обязательно норовят...» Но шофер не обратил внимания на скоротечный скандал — все это было ему привычно.

На заднее сиденье водворились двое, и мужской голос повелительно сказал:

— В ресторан, шеф! В самый лучший, если есть такой в этом богопротивном городе. Не обижу.

Шофер обернулся, посмотрел на пассажиров. Голос говорившего показался ему знакомым. Он поправил смотровое зеркальце и внимательно оглядел сначала ее, потом его. Девушка была сильно накрашена и, кажется, грубовата. Лицо мужчины, как и его голос, показалось шоферу знакомым. Он взгляделся и не поверил своим глазам.

— Слушай, шеф, мы когда-нибудь поедem? — спросил пассажир.

— Минуточку, — трогая с места, ответил шофер. Машина, резко набрав скорость, сделала три громких пистолетных выстрела.

На какой-то малолюдной улице остановились. Шофер вышел, поднял капот, снова закрыл, сел за руль, попробовал завести мотор, но ничего не получалось.

— Ехали мы, ехали... — усмехнулся пассажир. — Что с телегой?

— Не торопись, Бекас. Деньги промотать еще успеешь, — безуспешно терзая стартер, словно между прочим, сказал таксист.

Пассажир положил руку на плечо своей спутнице, бросил коротко: «Выйди», и, когда она покорно вылезла из машины, тихо спросил:

— Откуда знаешь?

— Не спеши...

— Легавый?

— Не спеши... Или забыл? Поезд Сухуми — Ленинград. И чемоданчик славной Антонины Ивановны.

— Хочешь сдать?

Таксист, полуобернувшись, посмотрел на пассажира насмешливо, потом показал рукой на смотровое стекло.

— Вон погляди, вперед, что там такое?

Пассажир посмотрел. Метрах в двадцати светился над тротуаром сине-красный прямоугольник — вывеска отделения милиции. Как раз в этот момент из подъезда

отделения вышли три милиционера. Они направлялись в сторону такси.

— Видишь, я мог бы легко тебя сдать, — сказал таксист сжавшемуся на заднем сиденье пассажиру, когда милиционеры миновали их.

— Спасибо, шеф, век не забуду — успокоившись, вздохнул пассажир. — А теперь двигай.

Он приоткрыл левую дверцу, девица села, и машина у таксиста вдруг завелась как ни в чем не бывало.

Всю дорогу ехали молча. У ресторана «Центральный» машина остановилась. Раскрашенная девица вышла первой, Бекас остался рассчитывать с шофером. Когда она захлопнула дверцу, они посмотрели друг на друга. Шофер дружески улыбнулся.

— Ну что, узнал? — отсчитывая сдачу, спросил он.

— Нельзя так пугать человека, — сказал Бекас. — Сдачи не надо... Слушайте, шеф, если память мне не изменяет, вы ехали в Петрозаводск? И зовут вас Миша?

— Память у тебя хорошая, радиотехник по чемоданам. Гуляй пока. Может, встретимся. Знаешь, гора с горой...

— Семь бы лет тебя не видел! — И Бекас вылез из машины, громко хлопнул дверцей.

Михаил не торопился уезжать. Он видел, как Бекас — он же Павел-радиотехник — остановился в нерешительности с девицей у входа в ресторан, как они что-то горячо доказывали друг другу. Во время этого разговора он заметил, что Павел дважды озабоченно и зло посмотрел в его сторону.

В конце концов Павел махнул рукой, оканчивая надоевший спор. Девушка заторопилась по улице, а Павел один вошел в ресторан.

— Свободен? — услышал Михаил голос нового пассажира.

— Еду в парк, — соврал он, быстро развернул машину почти на месте, дал газ так, что колеса в первую секунду провернулись вхолостую, оставив на асфальте черный след, и уехал прочь от ресторана.

Павел, войдя в зал, вел себя настороженно. Глядя на него, можно было подумать: вот человек, который ждет какой-то беды. Он занял столик в углу, оттуда хорошо был виден вход.

Посетителей в ресторане с каждой минутой становилось все больше. Входили парами, по одному и целыми компаниями. Но один посетитель не мог не обратиться на себя внимания Павла. Высокий, чуть полноватый и седовласый, он не вошел, а вступил в зал несколько ленивой походкой. С удовольствием огляделся, и во взгляде его светилась некая приятность, словно все здесь присутствующие были его личными гостями. Когда он приблизился, Павел увидел резкие морщины на его шее. Седовласый опустил на свободный стул за столиком невдалеке и принялся со вкусом изучать окружение. Павел исподтишка следил за ним. Наконец седовласый остановил взгляд на его столике. Павел тут же уткнулся в меню. Даже постороннему было заметно, что ему не по себе, хотя он и старался сохранять беспечный вид. Оторвав взгляд от меню, он увидел, что седовласый встал и идет к нему. Вот остановился у его столика.

— Вы не против, если я составлю вам компанию? — услышал Павел.

— Сделайте одолжение. — Павел не поднял головы.

Незнакомец поправил полы пиджака, усаживаясь поудобнее.

— Вы уже заказали?

— Да. Но, кажется, здесь вообще не подают, — ответил Павел.

— Старая привычка: в классных ресторанах раньше всегда было принято не спешить.

Сосед Павла оказался словоохотливым человеком. Он тоном знатока стал рассказывать, как в прежние времена обслуживали в ресторанах. Все это было несколько старомодно, Павел вежливо и со вниманием слушал. Когда официант принес Павлу закуску, его сосед, не обращаясь к помощи отпечатанного на машинке меню, сделал свой заказ.

Павел ел, а сосед посвящал его в традиции ресторанного быта, и голос его звучал почти задушевно. Он был настроен на долгую беседу, а может быть, даже на близкое знакомство.

Павел осмелился предложить седовласому рюмку водки. Тот охотно принял предложение.

— Вы крайне любезны, молодой человек, ваше здоровье... Люблю это заведение. Только здесь по-настоя-

щему отдыхаешь, здесь чувствуешь себя по-настоящему хорошо после дневной суеты.

Они выпили. Седовласый закусывать отказался.

— Вы здесь частый гость? — спросил Павел.

— А вы разве впервые?

— Я транзитом...

— Вижу, вы компанейский парень. Давайте в таком случае знакомиться, — предложил он. — Куртис.

— Матвеев.

— Чем занимаетесь?

Павел не ответил. Появился официант с заказом.

— Пить так пить, — сказал Куртис, наливая рюмки. — За людей свободной профессии, за тех, кого недолюбливает закон.

— Вы принадлежите к их числу? — с некоторым подозрением спросил Павел. — Закону не нравится ваш способ существования?

Куртис вздохнул.

— О нет! Я вполне лоялен. Получаю пенсию. У меня большой участок — знаете, яблони, картошка, то-сё. Сейчас зима, и я совсем свободен. У меня есть сын, работает конструктором на Урале. Помогает, конечно. Но все это не имеет значения...

Они пили рюмку за рюмкой. И взаимная симпатия росла.

— Значит, вы, молодой человек, проездом? А где же остановились? — уже полупьяным голосом спросил Куртис.

— Как видите, пока здесь. А дальше видно будет.

— Значит, нигде?.. — Куртис как будто был доволен, сделав такое заключение.

Заиграл джаз. А когда музыка умолкла, Куртис сказал:

— Я гулял по улице и видел, как вы входили в ресторан. Обратил на вас внимание, потому что вы были с очень яркой девушкой. Где водятся такие красавицы?

— Ерунда! На вокзале прихватил.

Павел вытер губы бумажной салфеткой, помолчал и спросил:

— Между прочим, улица Карла Маркса далеко отсюда?

— Найдем. Могу помочь.

— Видно будет, — неопределенно ответил Павел.

Выпили еще. И теперь уже изрядно охмелели. Щед-

ро расплатившись с официантом и стараясь идти прямо, новые знакомые покинули ресторан. Куртис держал Павла под руку. Они искали улицу Карла Маркса.

Встречный прохожий объяснил, как лучше пройти, и, завернув за угол, Куртис сказал:

— Теперь скоро.

Через несколько минут они стояли перед серым трехэтажным зданием. Павел посмотрел на номер дома, огляделся вокруг.

— Побудь здесь.

— Нет, нет. Я с тобой! — запротестовал Куртис.

Они вошли в подъезд, медленно, держась за перила, поднялись на третий этаж, остановились у двери квартиры под номером двенадцать. Павел нажал кнопку электрического звонка. Дверь открылась, и перед ними предстал мужчина огромного роста, лет тридцати пяти. На нем была морская тельняшка.

— Мне бы Зудова, — спросил Павел.

— Я Зудов, — ответил простуженным голосом человек в тельняшке.

— Привет, Боцман.

— Привет, — без всякого энтузиазма откликнулся Зудов, оглядывая Павла суровым взглядом из-под густых бровей.

— Пройдем?

— Валяй здесь.

— Разве так встречают гостей? — развязно бросил Павел. — Я привез для боцманской трубки табачку. Вот, держите, Боцман. — И Павел, вынув из внутреннего кармана пиджака небольшой сверток, протянул его Боцману.

Боцман пристально посмотрел на Павла, затем перевел взгляд на Куртиса.

— Слушай, детка. Трубку я оставил на память милиции. Отнеси туда и табачок. Чуешь?

Павел сунул сверток в карман. В это время открылась одна из дверей, выходящих в коридор квартиры, и оттуда с громким криком выбежал мальчик лет трех. Он споткнулся и упал в ноги Боцману. Боцман подхватил мальчишку. Из этой же двери в коридоре появилась белокурая маленькая женщина.

— Уловил? — беззлобно спросил Боцман.

— Нетрудно догадаться, — откликнулся Павел.

— Еще вопросы есть?

— Табачок я по вашей просьбе при случае, может, и правда легавым передам... Сейчас мне нужна хата... Всего на несколько дней.

— С кем имею честь? — спросил Боцман, оглянувшись на жену.

— Бекаса слышал?

— Приходилось... Все один промышляешь?

— Колхоз в нашем деле — могила.

— Давно с дела? — без всякого интереса спросил Боцман.

— Не имеет значения... Все прояснилось, Боцман. Не поминай лихом. — И Павел, резко повернувшись к Куртису, взял его за рукав и потащил вниз.

— Идем ко мне, дорогой Бекас, — сказал уже внизу Куртис, обнимая Павла за плечи. — Никаких разговоров! Едем ко мне. Гарантирую, будешь доволен.

И Куртис пьяно облобызал его.

В одном из переулков они остановились перед высоким домом, поднялись на четвертый этаж. В квартире, куда попал со своим новым знакомым Павел, никого, кроме маленькой аккуратной старушки, не было.

Они сняли пальто.

— Располагайся! Будь как дома. Я сейчас.

Куртис вышел.

Через несколько минут они вдвоем со старухой накрили на стол.

Не нужно было обладать особенной наблюдательностью, чтобы понять, что Куртис проявляет к гостю повышенный интерес.

— А все-таки, какая у тебя профессия? — усаживаясь за стол, спросил он.

— Радист.

— Передаешь или принимаешь?

— Всего понемногу, но в основном принимаю...

— И получается?

— Не всегда ладно...

— Вот то-то и оно-то. Одиночка — былинка в поле, подул ветер — и за решеткой. Приходилось? — гнул свою линию Куртис.

— Бывало... Не пойму, маэстро, к чему этот допрос? Ты же не поп. Давай без покаяния...

— Извини. Хочу помочь. У меня есть надежные люди. Если надумаешь быть с ними, станешь человеком.

Павел зевнул и ответил безразлично:

— Я и так человек. Даже с большой буквы.

— Ну, в таком случае — спать.

— Первый раз сказали дельную вещь, маэстро.

Куртис встал и вышел. Павлу отвели отдельную комнату.

...Утром за столом Куртис, распечатав бутылку водки, вновь вернулся к теме вчерашнего разговора. На сей раз Павел оказался покладистее. Он удовлетворил любопытство новоявленного друга и рассказал все о своей неудачно сложившейся жизни.

Куртис слушал, молчал и сочувственно посматривал на него.

— Да, нелегка твоя жизнь. Ну, что же ты собираешься делать здесь? — спросил Куртис после минутной паузы.

— Пока даю показания Куртису.

— А если без шуток?

— Стерегу одного фраера. Скоро отчаливает. Думаю в дороге перейти с ним на «ты».

— Оставь его в покое. Могут найтись более солидные дела. И без разъездов.

— Что мне надо, я нашел. И упускать не собираюсь.

— Но сколько можно стрелять по воробьям? Пока ты молод, это еще годится. А состаришься? Плохо одному в старости...

— Что-то ты мне, Куртис, ребусы подсовываешь, а карандаш прячешь. Нет, пожалуй, лучше в одиночку. Вы хотите, маэстро, чтобы я по утрам снимал табель с одной доски и вешал на другую? А вечером наоборот?

В конце концов они договорились, что Павел останется в городе и на время укроется здесь, в квартире этой старушки. Условились встретиться на следующий день. По этому поводу они еще выпили. И через час Павел, пробормотав: «Эх, славно получается!» — подошел к кровати, лег, вяло помахал Куртису рукой и тут же уснул. Куртис, подождав минутку, уложил Бекаса поудобнее и вынул у него из кармана сверток, от которого отказался Боцман. Вместе со свертком он извлек маленький золотой медальон на короткой золотой цепочке — это получилось нечаянно, Куртис случайно мизинцем захватил петлю цепочки.

У Зарокова был сегодня выходной день, однако встал он рано. Побрился, умылся, оделся, позавтракал. Несколько раз с нетерпением взглянул на часы. Скоро десять, а Ян еще не вернулся. Что могло случиться?

Но раздался добродушный лай собаки, и Зароков вздохнул облегченно. По этому лаю он безошибочно узнавал, кто идет — хозяин дома или посторонний.

— В ресторане я его нашел сразу... — раздеваясь на ходу, начал рассказывать Дембович. — Парень стоящий, насили уломал. Фамилия его, если не врет, Матвеев. Трижды судим. Бежал из колонии. Имел здесь явку, но хозяин завязал узелок. Отец умер в тридцать восьмом, мать пенсионерка, живет в Москве. У него свои счета с властями. Дорожит свободой, не любит над собой начальства. Придется с ним еще повозиться, но уверен — можно обломать. Отвез к старухе.

— Идиот! — вскочил со стула Зароков. — Зачем к старухе?! Такое чистое место! Если он вор — может наследить, провалить квартиру. Лезешь напролом, как медведь...

— Но вы же сказали: надо его не упускать. Бекас — свой парень, это сразу видно. А упусти я его — у него там уже готовый клиент. И ищи ветра в поле, — обиженно доказывал Дембович.

— Не хватало только, Дембович, чтобы вы меня поближе познакомили с контрразведчиками, которые интересуются как раз седыми пожилыми людьми, имеющими подозрительные связи.

— Он урка, — уже спокойно, даже вяло, не стараясь уверить, сказал Дембович. — Я знаю их жаргон. Тут невозможно обмануть.

— Дембович, Дембович! — покачал головой Зароков. — Блатному жаргону можно выучиться по книгам. У меня даже был один знакомый художник, немолодой человек, который говорил на жаргоне хлеще любого урки. — Он понемногу успокаивался. — Надо быть осторожнее. Можешь обижаться сколько тебе угодно. Но впредь не торопись. А теперь выкладывай по порядку. Как можно подробнее.

Обстоятельно рассказав обо всем, Дембович поло-

жил перед Зароковым сверток, а сверху аккуратно поместил медальон.

— Это было у него. Привез Боцману.

Зароков глядел на сверток с поблескивающим наверху медальоном.

— Можно подумать, что ты в свое время только и делал, что грабил пьяных. Самая неквалифицированная специальность...

— Вы же говорили, что при возможности хорошо бы обыскать карманы.

— Ну ладно...

Зароков развернул сверток. Там был серебряный портсигар с чернью, совсем новый, а в нем серебряные колечки, тоже с чернью, бирюзовые сережки и серебряный браслет — видно, все это из какого-то второразрядного ювелирного магазина. Но золотой медальон — тусклый ромб на тусклой золотой нитке — был наверняка не из той коллекции. Зароков подбросил его на ладони, спрятал к себе в бумажник.

— Портсигар ты ему вернешь. Скажешь, взял, чтобы старуха не соблазнилась. Про медальон ничего не говори.

Зароков собрал все в портсигар, завернул его в газету.

— Имеет свои счета с властями, говоришь... Но, боюсь, оплачивает он их не теми векселями, какими ты думаешь...

— Но я вас не совсем понимаю. Если вы его подозреваете — зачем он вам?

— Мне будут нужны люди. Если этот человек действительно вор, то лучше иметь такого симпатичного вора, чем другого. Радист — это кстати. Дай бог, чтобы мы заполучили натурального урку. Но надо проверить как следует. Узнай, кто такой Боцман. Обо мне, разумеется, ни слова. Ты, надеюсь, настоящей своей фамилии Бекасу не сказал?

— Я назвался Куртисом. Старуху предупредил, — отвечал Дембович.

— А что за красавица была с ним?

— Говорит, на вокзале прихватил.

— Ну хорошо. Надо подумать, куда его пристроить. С улицей ему следует кончать.

— Устроить на работу совсем нетрудно, были бы документы.

— Будут.

На этом они закончили разговор. Дембович пошел по хозяйству.

...Сам Зароков с помощью Дембовича без особого труда устроился в таксомоторный парк — шоферов там не хватало. Уже через несколько дней он знал почти всех парковских по имени. Увидев за рулем встречной автомашины водителя из своего парка, дружески салютовал ему рукой.

Работал Зароков, как и все шоферы, через день. С самого начала он постарался зарекомендовать себя как можно лучше. Не спешил уходить домой после смены, подолгу задерживался в гараже, и не было случая, чтобы он отказался кому-нибудь помочь. Скоро о нем заговорили как о хорошем, отзывчивом человеке. Как-то начальник колонны попросил его принять участие в осмотре послеремонтных машин. О чем речь? С удовольствием. И шофер Зароков в свободное от дежурства время подолгу возился с автомашинами.

Правда, существовало и еще одно обстоятельство, из-за которого Зароков с охотой торчал в гараже: ему сразу понравилась диспетчер Мария. Ей лет двадцать шесть — двадцать семь. Высокая. Темные волосы, серые глаза... Словом, Зароков решил поближе познакомиться с диспетчером.

И теперь, одевшись, он отправился в парк.

В диспетчерской, которую шоферы называли между собой брехаловкой, было полно. Неудачно, подумал Зароков, не дадут, подлецы, поговорить. Он громко поздоровался:

— Алейкум саялам.

— Не алейкум саялам, а саялам алейкум, — поправил кто-то.

Свободных стульев в диспетчерской не было. Он прислонился к косяку двери.

— Ну вот, еще одна жертва, — громко сказал шофер в серой кепке.

Мария сидела за столом и заполняла кому-то путевой лист. Шутка не смутила ее. Однако этот новый парень ей нравился.

— Здравствуйте, Зароков, — не поднимая головы, сказала она.

— Ого! Персонально! Похоже, что это не жертва, — сказал тот же шутник.

— Новички-холостячки берут первенство, нам здесь делать нечего. Пошли, ребята! — поддержал его другой.

Кое-кто поднялся, собираясь уходить. Зароков сел на освободившуюся табуретку, вынул пачку «Казбека», стал угощать.

— Богато живешь. А мы так «Волну» с перека-том, — взяв папиросу, опять пошутил шофер в серой кепке.

— Как дела, ребята? — спросил Зароков, не обратив внимания на «Волну».

— Спрашиваешь, будто не знаешь. План везешь — дела хороши, плана нет — переходи на иждивение жены.

В это время в диспетчерской появился начальник колонны.

Стали расходиться. Зароков пожалел, что и на сей раз разговора с Марией с глазу на глаз не получилось, простился и ушел восвояси.

ГЛАВА 5. ЗАРОКОВ НЕ ТЕРЯЕТСЯ

Дембович нетерпеливо посматривал на дверь комнаты Зарокова. Завтрак давно был на столе, а тот все не выходил. Он крикнул:

— Завтрак остынет!

— Зайди ко мне, — слышался из-за двери приглушенный голос.

Дембович вошел и недовольно поморщился: накурено так, что щипало глаза и за пеленой дыма Зарокова еле было видно.

— Так недолго и дом сжечь. Окурки на полу... — нерешительно, скорее механически проворчал Дембович, оставляя дверь открытой.

— Присядь, разговор есть.

Дембович сел на стул.

— Вот что, дорогой мой хозяин. Я вижу, вы с большим уважением относитесь к своему желудку. Вы любите вкусные вещи, не правда ли? По этому поводу я хочу рассказать вам один эпизод, имевший место у нас в диспетчерской. Так вот. На днях я дружески болтал с товарищами и, между прочим, угостил их «Казбеком». Они сказали, что я богато живу. Правда, допроса не учиняли, однако намек был недвусмысленный. Как

бы это сделать, чтобы у них не возникали разные вопросы?..

— Понимаю. Что-то надо придумать, — ответил Дембович.

— Подумай, ты же обстановку знаешь.

Дембович, помолчав секунду, сказал:

— Кажется, надо выиграть. — И, как бы убеждая самого себя, прибавил: — Совершенно правильно, надо выиграть. Скоро розыгрыш. Я знаю. Слежу. У меня есть две облигации.

— Не пойму.

— По трехпроцентному займу. Надо после опубликования таблицы выигрышей потолкаться в какой-нибудь сберкассе среди счастливлчиков и попробовать кого-то осчастливить еще раз. Трудно, конечно. Но если повезет, можно найти человека, который не считает себя жадным, а просто, так сказать, не любит стоять в очереди за деньгами. Он даст вам свою облигацию, а вы ему отдадите деньги, причем его выигрыш будет, конечно, больше, чем значится в таблице. Не ясно?

— Просто, но убедительно, — сразу все понял Зароков. — Но будь осторожен. А теперь завтракать...

Через три дня после опубликования таблицы выигрышей очередного тиража трехпроцентного государственного займа в красном уголке таксомоторного парка Зароков, понаблюдав минут пять за партией «козла», подошел к столику, где лежала подшивка «Известий», над которой, опершись о стол, склонились двое. Когда они перевернули последнюю страницу, Зароков увидел таблицу и сказал: «О братцы, у меня же облигация имеется. А ну проверим!» Он достал из бумажника единственную двадцатирублевую облигацию, посмотрел на номер, произнес его вслух, и три замасленных указательных пальца побежали по столбикам цифр.

— Есть! — воскликнул один из шоферов.

— Ты смотри... — удивился другой.

Зароков сначала даже не поверил. Он смотрел то на облигацию, то на таблицу. Но сомнений быть не могло: облигация выиграла тысячу рублей новыми деньгами. Зарокова поздравляли, кто-то объявил, что с него полагается. Зароков принимал поздравления с растерянным видом, разводил руками, наконец сказал: «Дуракам везет». А потом Зароков пригласил тех

двоих, что помогали проверять таблицу, в шашлычную. Вечер в шашлычной прибавил Зарокову популярности в таксомоторном парке. Во-первых, не скуп. Во-вторых, пьет, но знает меру. А Зароков сделал для себя в шашлычной полезное открытие: можно, как сказал один из его новых дружков, ходить на ипподром, на бега. Новичкам в тотализаторе, как во всякой игре, непременно везет. Старые, прожженные тототы даже специально поджидают их у кассы, чтобы подслушать их ставку и сделать такую же... Зарокову очень понравилось предложение как-нибудь сходить на ипподром...

Он собирался наладить свою жизнь в этом городе не на месяц и не на год. На много лет. И он уже избавился от беспокоящего чувства чужеродности в толпе незнакомых людей, жителей этого города. Он чувствовал и знал, что от него уже не пахнет чужаком, когда он едет в трамвае, покупает папиросы в киоске или пьет томатный сок. Самое трудное — жесты, которые были бы естественны, как дыхание, — он усвоил быстрее всего. Может быть, потому, что он все-таки был русский.

...В этот свой выходной день он проснулся рано, как всегда, часов в шесть. За окном было еще совсем темно, он нажал пуговку торшера, закурил и взял валявшуюся на полу недочитанную вчерашнюю газету. Почитав и бросив папиросу в стоявшую на стуле пепельницу, задумался. Собственно, если не считать двух специальных заданий, у него нет других забот, кроме одной, самой главной и трудной: пустить корни как можно глубже, сделаться своим среди советских людей, обзавестись полезными для дела связями, стать настоящим Михаилом Зароковым.

...Рассвело. Зароков отодвинул штору на окне. На дворе был снег. Солнце только-только вставало где-то за городом, но по тому, как прозрачен был воздух, чувствовалось, что день будет ясный и морозный.

Бреясь в ванной перед зеркалом, он размышлял, чем бы сегодня заняться. Вспомнил о разговоре в шашлычной насчет ипподрома. Тот парень говорил, что бега бывают по вторникам, четвергам и субботам. Сегодня четверг. Значит, решено — на ипподром. Если бы еще Мария согласилась с ним пойти, было бы совсем как в сказке...

Он позвонил ей из ближайшего автомата.

— Здравствуйте, товарищ диспетчер.

— Здравствуйте, товарищ Зароков! — Голос у Марии был веселый.

— Как дела?

— Отлично. Только жаль сидеть в помещении в такой день.

— Денек хорош. Кстати, что вы делаете после работы?

— Не знаю. Планов не строила.

— Слушайте, Мария, у меня есть предложение. Вы когда-нибудь на ипподром ходили?

— Нет, не ходила. А что?

— Давайте сходим. Я тоже никогда не был. Говорят, интересно.

— Ну что ж, давайте.

Зароков даже сам не ожидал, что его настолько обрадует согласие Марии.

— Только надо потеплей одеться. Сейчас градусов пять, но это же будет после четырех вечера, мороз прибавится.

Мария отвечала все так же весело:

— Не замерзну.

— Так где прикажете вас ждать?

— Давайте у цирка. Возле телефонов-автоматов.

— Я буду там ровно в четыре...

В четверть пятого они встретились. Зарокова поразил цвет лица Марии. Свежая и румяная. Как будто не она просидела целый день в прокуренной брехаловке. Ему было очень приятно, что эта миловидная женщина пришла к нему на свидание так охотно.

Зароков остановил такси, заметив по номеру, что машина не из их парка. Через десять минут они были на ипподроме. Он взял билеты на главную трибуну, после недолгих блужданий по переходам они поднялись наверх, туда, где гудела возбужденная толпа. Уже заметно темнело. На кругу перед трибунами включили прожекторы, и они осветили белое поле, белый щит с черными цифрами, и черную ленту дорожки, и столбы. Шел второй заезд. Лошади были где-то на противоположном краю круга.

Они встали у колонны в десятом ряду. Зароков спросил у соседа, как пройти к кассам тотализатора, и, оставив Марию, побежал сделать ставку. Он купил наугад десять билетов в «одинаре» — по полтин-

нику и десять дублей — по рублю. Когда он брал сдачу, на кругу зазвонил колокол, трибуны взорвались тысячеустым криком, и Зароков поймал себя на том, что он совсем забыл о главной причине, приведшей его сюда, что дух игры, азарт, которым пропитан воздух ипподрома, проник в него и завладел им. И ему показалось унижительным разыгрывать перед Марией комедию. Но это было лишь минутной слабостью. Отойдя от кассы, он стряхнул с себя наваждение.

Мария смотрела на дорожку, где в ожидании нового заезда взад-вперед бегали размашистой рысью лошади, впряженные в крохотные двухколесные коляски, в которых сидели наездники в разноцветных камзолах, и глаза ее блестели.

Зароков, пошутив насчет того, что им, как новичкам, обязательно должно повезти, разделил билеты на две пачки, положил одну в левый карман пальто, другую в правый и сказал, что левая пачка принадлежит Марии, а правая ему.

Дали старт очередному заезду, и трибуны притихли. Зароков держал Марию под руку, искоса поглядывал на нее и молчал.

Снова зазвонил колокол, и трибуны снова взревели и вздохнули. Потом опять очередной заезд. И так повторялось раз семь или восемь. Не разбираясь в механизме тотализатора, Зароков решил не вникать в объявляемые по радио и черными цифрами на белом щите номера выигравших лошадей и величину выигрышей. Он сказал Марии, что они узнают обо всем сразу, когда бега окончатся.

Все здесь было удивительно и для него и для Марии. Но самое удивительное произошло тогда, когда Зароков, снова оставив Марию, спустился к кассам, выплачивавшим выигрыши, и разузнал, по каким билетам платят. Оказывается, ему не придется разыгрывать комедию перед Марией: шесть его билетов — два одинарных и четыре дубля — выиграли! Три билета были из левого кармана, три из правого. Выигрыши были одинаковые, потому что и на четырех дублях и на двух одинарных значились одинаковые ставки — так купил Зароков.

Несколько удивленный, Зароков встал в очередь сначала к одной кассе, получил по одинарным семнадцать рублей, потом в другом окошке, где народу бы-

ло значительно меньше, получил по дублям, и эта сумма повергла его в изумление: девяносто шесть рублей! Черт его знает, действительно новичкам везет!

На трибуну, где ждала его Мария, Зароков взлетел единым махом.

— Вот! — возбужденно воскликнул он. — Мы выиграли сто тринадцать рублей. Хотите — верьте, хотите — нет. Половина ваша.

Он помахал зажатými в руке деньгами.

Мария засмеялась, слегка закинув голову, и сказала тихонько:

— Нет, нет! Что вы! Я их не покупала.

— Но это нечестно! — воскликнул Зароков. — Если уж считаться и быть шепетильным, то я вычту из вашей половины стоимость билетов — три рубля. И ваша совесть спокойна.

Но Мария категорически отказалась от денег.

— Лучше идемте отсюда. Я что-то начинаю зябнуть. — Она взяла его под руку, и они пошли по лабиринту переходов.

— Но если вы откажетесь сейчас пойти в ресторан, это будет несправедливо.

Мария сказала:

— В ресторан я с вами пойду.

Это трудно было объяснить, но три часа, проведенные на ипподроме, и два часа в ресторане сблизили их так, словно они знали друг друга с незапамятных времен. Когда вышли, Зароков спросил:

— Почему вы одиноки? Неудачный брак?

— К сожалению. Это длинная история...

— Я провожу вас.

Пошел снег. Крупный, лохматый. И на улицах сразу стало светлее.

ГЛАВА 6. КВАРТИРАНТ

Квартира, в которой обосновался Павел Матвеев, состояла из двух смежных, соединенных дверью комнат и маленькой кухни.

По выцветшим, изрядно замасленным обоям трудно было установить, какой рисунок был на них первоначально. Меблировка разномастная. Квартира имела черный ход. Хозяйка, пожилая женщина, которую уже вполне можно было назвать старухой, впрочем очень

подтянутая и живая, держалась с Павлом неприветливо и сухо.

На следующий день после той знаменательной встречи явился седовласый Куртис. Павел еще не успел проверить свои карманы и определить, что цело, а что пропало. И был искренне обескуражен, когда Куртис протянул ему бумажный сверток, тряхнув им, как спичечным коробком.

— Брали на сохранение? — спросил Павел.

— Представь себе... Хозяйка твоя могла бы и не вернуть.

Павел пошарил в том кармане, где лежал сверток.

— Тут была еще одна рыжая игрушка, — сказал он рассеянно. — Неужели она вам так понравилась?

Куртис не понял.

— Какая рыжая?

— Ну ладно, я вам дарю ее, маэстро, — сказал Павел. Но, увидев, что Куртис вот-вот обидится, поспешил его успокоить: — Не расстраивайтесь, маэстро. Черт с ней.

Куртис сказал, чтобы Павел пока что не выходил на улицу. Без хороших документов нельзя.

— У тебя фотокарточка для документа найдется? — спросил он.

Карточки у Павла не было.

Куртис вынул из кармана крошечный, не больше спичечного коробка, фотоаппарат, поставил Павла против окна и щелкнул несколько раз.

Сказав Павлу: «Ну что ж, живи, отдыхай!», он ушел.

...Было ясно, что завязать с хозяйкой дружбу не удастся. Павел быстро сделал и другое заключение: она неотрывно следила за ним. Когда Павлу надоело дышать свежим воздухом только через форточку, он однажды попытался выйти на улицу. Хозяйка загородила ему дорогу и заявила сухим тихим голосом:

— Вам нельзя выходить.

— А выползать можно?

— Нельзя выходить, — бесстрастно повторила хозяйка.

— Но в чем дело? — крикнул Павел.

— Так велено.

«Чем бы заняться?» — думал Павел, усаживаясь на диван. Он оглядел комнату. На стене над комодом висело несколько фотографий. Павел, сидя на диване, на-

чал их изучать. Вот семейная фотография, на ней изображено пять человек: отец, мать и трое детей. В высокой девушке, обнявшей родителей, едва угадывалась хозяйка квартиры. «Красивая была», — подумал Павел.

С другой фотографии глядели молодая пара и двухлетний мальчик. Была еще фотография уже старой женщины и молодого человека в матросской форме, как видно, матери и сына.

Те порнографические открытки, которые он обнаружил однажды в отсутствие старухи у нее в столе, к семейным фотографиям явно не относились. Можно было только удивляться, с какой стати старушка держит их.

В соседней комнате, куда вела внутренняя дверь, стояли кровать хозяйки, шифоньер и трюмо овальной формы со всевозможными маленькими ящичками и полочками. Против кровати разместился кованый сундук, покрытый домотканым красно-черным ковриком.

Биографию старухи трудно было себе представить. Может быть, думал Павел, у нее в жизни произошла какая-то трагедия. Как говорится, жизнь не получилась, и женщина обозлилась постепенно на весь белый свет. Кто ее знает? Одно только Павел понимал ясно: старуха зависит от Куртиса и потому так предана ему.

Прошло три дня затворнической жизни. Никто больше Павлом не интересовался. Куртис не появлялся.

Впрочем, не это волновало Павла. Больше всего тяготило непривычное безделье, и было противно оттого, что хозяйка, уходя из квартиры, каждый раз с особой тщательностью запирала двери. Павел оказывался тогда на положении заключенного.

Он скоро усвоил распорядок этого дома. Старушка готовила ему еду. По звону посуды Павел определял, что обед подан, и, не ожидая приглашения, шел на кухню и садился за стол. Хозяйка была неизменно молчалива и неприветлива.

Как-то, отдыхая после обеда, Павел почитывал потрепанную, без начала и конца, книгу, изданную, вероятно, в прошлом веке. В ней повествовалось о любви и загробной жизни.

Захотев пить, Павел встал, вышел на кухню. Старухи не было. Он подошел к другой комнате, открыл дверь. И там ее не было. Павел направился к выходной

двери. Она была заперта только на французский замок. Внутренний запереть старуха забыла. «Это уже прогресс», — сказал он. Быстро пошел в комнату старухи, открыл шифоньер, порывшись в белье, достал деньги — он однажды подсмотрел, куда она прятала свою наличность. Оделся и вышел на улицу...

Вернулся он поздно. Старуха встретила его злым взглядом.

— Вор несчастный, — только и сказала она.

Павел пробормотал в ответ что-то невразумительное.

...Однажды — это произошло в субботу утром — явился Куртис. Он был в новом пальто, на голове водружена пышная светло-коричневая шапка, а когда он разделся, оказалось, что и костюм на нем новый. Вид у Куртиса был здоровый и свежий.

Павел, обрадованный его приходом, обнял Куртиса, а потом стал вертеть его из стороны в сторону, осматривая костюм, пощупал борта пиджака, потрогал плечи.

— Неплохо прибрахлились, — сказал он, закончив осмотр.

— Я уже стар, дорогой мой, — отвечал Куртис со вздохом. — Так пусть хотя бы одежда будет новой. Как дела?

— В тюрьме намного веселей.

Куртис подавил улыбку. Ему нравился этот парень, всегда готовый пошутить. Куртис знал все, что касалось поведения Павла, — хозяйка квартиры время от времени докладывала ему. Состояние подопечного легко можно было понять.

— Ну ничего. Скоро все переменится, — сказал Куртис, садясь к столу. — У тебя паспорт есть?

— Что за вопрос?

Павел достал из кармана брюк паспорт и протянул его Куртису.

Куртис с интересом взял, открыл корочку, и брови у него поползли вверх. С фотокарточки на Куртиса смотрела его собственная физиономия.

— Дембович Ян Евгеньевич. Время и место рождения — 18 июля 1901 год, город Херсон, — машинально вслух прочел он. Растерянно посмотрев на ухмылявшегося Павла, быстро сунул руку во внутренний карман своего пиджака и все понял.

— Когда же ты успел? — искренне удивленный, спросил Куртис.

— Ловкость рук! — Павел рассмеялся, но тут же, прищурив левый глаз, прицелился в Куртиса указательным пальцем, как прицеливаются из револьвера. — Я вас поймал, маэстро. Значит, или вы не Куртис, или эта ксива не ваша.

Куртис колебался лишь секунду. Еще раз посмотрев на паспорт, он спокойно объяснил:

— Застарелая привычка... Всегда полезно иметь запасной документ.

— Ладно, не оправдывайтесь. Оставайтесь Куртисом. Но в следующий раз будьте осторожнее.

— Урок пойдет мне на пользу, — сказал Куртис. — Но теперь к делу. Дай твой собственный паспорт.

Павел достал из висевшего на стуле пиджака потрепанный документ.

— Вот, прошу.

— Почему чужая фамилия? — спросил Куртис, заглянув в паспорт. — Ты же Матвеев, а тут...

— Моя настоящая фамилия мне теперь ни к чему. А это я позаимствовал у одного несознательного гражданина.

— Но как же фотокарточка? Ведь здесь твоя?

— Имеем опыт. Правда, я был тогда немного помоложе, — объяснил Павел, и непонятно было, к чему относится это «правда» — к опыту или к его изображению на фотокарточке.

— Чистая работа, — сказал Куртис. — Паспорт я у тебя возьму.

— Другой бы спорил...

Куртис изменил тон, стал совсем серьезным.

— Вот тебе новый на имя Корнеева.

Павел взял протянутый паспорт.

— Корнеев так Корнеев.

Куртис положил на стол узенькую полоску бумаги.

— Дальше. Вот адрес. Ты послезавтра пойдешь туда и обратишься в отдел кадров. Постарайся устроиться на работу, не отказывайся ни от какой. Места у них там должны быть.

— Хорошенькое дело...

— Подожди, не перебивай.

На столе появилась трудовая книжка.

— Возьми это. Без нее нельзя. Как следует запомни все, что здесь написано, а то будешь путаться.

Павел поморщился.

— Вы хотите сделать из меня ударника коммунистического труда? Маэстро, я же вор, мне работать нельзя.

— Надо работать. Для твоей же пользы. Нелегально долго не проживешь. А потом не беспокойся, дело найдется.

Павел раскрыл трудовую книжку, стал читать, и лицо у него сделалось кислое.

— Веселая жизнь была у этого Корнеева... Грузчик, истопник, разнорабочий какой-то... Не могли придумать что-нибудь поинтереснее?

— Ты же сам говоришь — работать не привык. Что ты умеешь?

— Когда-то я действительно прилично знал радио-дело.

— Когда-то! — передразнил Куртис. — Спорить тут нечего. Надо поступать на работу. Деньги у тебя есть?

— Ни копейки.

— На вот двадцать рублей.

— Благодарю.

Павел полистал паспорт, увидел штамп прописки.

— Прописан я здесь?

— Да.

— В таком случае пусть старуха перестанет глядеть на меня как солдат на вошь. Я законный жилец.

— Имей в виду, ты ей приходишься племянником. Приехал из Минска на постоянное жительство... Полагаю, с племянником она будет вести себя иначе.

— Больше вопросов нет. Могу я пойти погулять?

— Конечно.

Павел заторопился как на пожар — до того ему хотелось побыстрее глотнуть свежего воздуха. Куртис поглядывал на него с понимающей улыбкой. Одевшись, Павел подошел к двери кухни, приоткрыл ее, крикнул: «Привет, бабуся!», сделал Куртису прощальный жест и выбежал вон из квартиры.

Дембович позвал хозяйку. Она вошла. Все на ней — от мягких суконных тапочек до платка — было аккуратное, чистое.

— Садись. Что нового?

— Что же нового? — нехотя отвечала она. — Я вам уже говорила... Очень любопытный, всю квартиру обшарил, во все углы нос сунул. Что ни подложишь —

осмотрит, обнюхает... Монеты золотые нашел... Пере-
кладывал... одну взял... карточки эти, что вы мне дали,
десять раз рассматривал... Я знаю: он жулик. Украл у
меня тридцать рублей. Забыла двери запереть —
ушел... Явился пьяный... Нехороший он... Жулик.

— Определенно жулик, — задумчиво произнес Дем-
бович. — Не спрашивал обо мне, кто я?

— Нет.

— Ну, хорошо, — после короткой паузы сказал Дем-
бович. — Теперь он твой родственник. В домоуправ-
лении все устроено официально... Вещи его осмот-
рела?

— Нет.

— Надо осмотреть.

— Не было подходящего случая. Раз ночью я вхо-
дила, но не решилась. Спит чутко.

— Надо поторопиться. — Дембович достал бумаж-
ник, вынул из него белую таблетку. — Вот снотвор-
ное — всыплешь в водку и угостишь его.

ГЛАВА 7. ОБЫСК

На следующий день Павел опять захотел погулять.
Было без пяти минут двенадцать. Выбежав из парад-
ного на улицу, он застегнул пальто, поглядел на низкий
белый потолок облаков, с удовольствием вдохнул гу-
стой влажный воздух оттепели и зашагал к центру.

Сначала он медленно шел по улице, с интересом раз-
глядывая встречных, автомобили, витрины. Если бы
кто-нибудь посмотрел на него со стороны, всякий по-
думал бы: вот беспечный человек, вполне довольный
жизнью. И это было бы совершенно неправильно. Па-
вел, отойдя от своего дома на порядочное расстояние,
решил проверить, нет ли за ним слежки, и пошел бы-
стрее.

Установить, следят за тобой или нет, может быть
очень трудно или совсем нетрудно. Все зависит от того,
кто следит, от его остроумия. Ну и, конечно, от внима-
тельности отслеживаемого.

Пока Павел шагал к центру, облака немного разря-
дились и солнечные лучи, чуть рассеянные, пробились
через них. Подойдя к площади, где был универмаг, он
увидел зеркально блестящие витрины магазина, распо-
ложенного напротив универсама. Они чисто отражали

красный цвет шедшего по той же улице вдогонку Павлу трамвая, а его черный номер — тройка — был в зеркале витрины четкой заглавной буквой «Е».

Павел завернул за угол универмага и тут же остановился. Витрина во всех подробностях отражала кусок той самой улицы, по которой он только что шел. Через несколько секунд он увидел в витрине Куртиса. Павел закусил губу, соображая, как вести себя дальше, и озорная мысль пришла ему в голову. Он посмотрел на уличные часы. Времени было пять минут первого. Павел широким шагом пересек площадь и направился к вокзалу. С полчаса он толкался среди пассажиров в зале ожидания. Потом сходил в зал билетных касс. Потом заглянул в ресторан, но раздеваться не стал, а повернулся и направился в буфет. И все время он чувствовал у себя за спиной Куртиса.

Выпив в буфете бутылку пива, Павел покинул вокзал и начал долгое блуждание по городу. Он садился в трамвай, проезжал две или три остановки и сходил. Рассматривал витрины, заходил в магазины, приценился к вещам, на которые у него не имелось денег. Дважды он делал попытки залезть в сумочки разгоряченных покупками женщин, но, конечно, неудачно. Потом сел в такси, проехал на шестьдесят копеек, расплатился возле кафе и зашел в него. Просидел он целый час, а между тем на улице пошел снег пополам с дождем. Пообедав, Павел покинул кафе и пешком отправился в центр. Когда он подходил к универмагу, на часах было половина шестого. Пять с половиной часов Куртис молтался за ним по пятам, как послушная собака. В его-то возрасте! Наверно, долго помнить будет.

Павел чувствовал себя отлично — он-то пообедал, — и ему было весело, когда поднимался по лестнице на четвертый этаж.

Хозяйка, как ни странно, действительно непонятным образом переменялась. Она встретила его нельзя сказать чтобы приветливо, но не стала, как делала всегда, запираить входную дверь и прятать ключ в карман.

Павел еще больше удивился, когда услышал:

— Еда на кухне в шкафу. В графине есть водка. — И, подобрав губы, прошаркала в свою комнату.

Наутро хозяйка сама разбудила его — тоже знак перемены в ее отношении к постояльцу.

— Пора вставать, — ворчливо сказала она, когда Павел открыл глаза.

— Что, нарушаю санаторный режим? — спросил Павел.

Она промолчала. Павел быстро собрался, умылся, пошел на кухню завтракать. Позавтракав, решил, что не лишним будет попривередничать, показать характер.

— Слушайте, бабушка, где жалобная книга? Плохо кормите.

— Ты и этого не заслуживаешь, — ответила хозяйка.

— Справедливо, — сказал Павел. — Пошел заслуживать. Мое вам...

Изумлению Павла не было конца, когда хозяйка дала ему два ключа на железном колечке, сказав: «От входной двери».

Он отправился по адресу, который дал ему Куртис, — это оказался хлебозавод. В отделе кадров молоденькая курносая девушка-инспектор приветливо предложила ему должность разнорабочего. В его обязанности, объяснила она, будет входить погрузка хлеба в автофургоны. Павел почесал за ухом и согласился. К работе можно было приступить хоть сейчас, не дожидаясь официального оформления и приказа. И Павел тут же приступил. Целый день он грузил ящики со свежим, только что выпеченным хлебом в фургоны. Он отнюдь не был хлипким, двухпудовая гирилка когда-то летала в его руках, как детский резиновый мячик. Но с непривычки Павел намотался так, что домой ехал совсем разбитый. Болели руки, ноги, ныла поясница.

Медленно поднявшись по лестнице и войдя в квартиру, он разделся, повесил пальто и кепку на вешалку и хотел сразу идти в ванную, но хозяйка, выглянув из своей комнаты, сказала:

— У вас гость.

В его комнате на диване сидел с газетой в руках Куртис.

— А, передовик производства! — приветствовал он Павла. — Рассказывай, как дела.

— Минуточку, маэстро, — устало сказал Павел. — Смою трудовой пот.

Встал под холодный душ, потом растерся жестким мохнатым полотенцем. Выходя из ванной, он уже совсем не ощущал усталости.

Куртис ждал с нетерпением рассказа о прошедшем дне, и Павел не стал испытывать его терпения, отказавшись на этот раз от своих обычных шутливых отступлений.

Куртис остался доволен рассказом. Скоро хозяйка пригласила ужинать. Они перешли в кухню.

— Надо обмыть назначение, — потирая руки и усаживаясь, сказал Куртис.

На столе стояли хрустальный пол-литровый графинчик, полный водки, и распечатанная бутылка коньяку.

В вазе был салат, на маленьких тарелках лежали колбаса, сыр, заливной судак, чернела баночка зернистой икры, овальный соусник доверху был полон кругленькими тугими маринованными помидорами — в общем, было чем закусить.

— Сразу видно, бабушка уважает работающих людей, — заметил Павел.

Через полчаса Павел почувствовал, что его клонит в сон. Он подумал, что все-таки тяжелая физическая работа для непривычного человека — это тебе не утренняя физзарядка, и сказал об этом вслух, прибавив:

— Я, кажется, расклеился. Надо спать.

— Ну, тогда будь здоров! Я с полчаса еще посижу и поеду к себе. Завтра увидимся.

У Павла, казалось, уже не ворочался язык. Он только покачал головой и побрел вон из кухни, так неуверенно ступая, словно ноги у него сделались вдруг ватными.

Посидев минут пятнадцать, Куртис поднялся, заглянул в комнату Павла. Тот спал вниз лицом, свесив к полу безжизненную правую руку. Пиджак висел, как всегда, на спинке стула, брюки валялись скомканные рядом со стулом. Куртис хотел тут же войти и взять вещи Павла, но счел, что лучше это сделать хозяйке. Старуха в своих мягких суконных тапочках неслышно вошла к Павлу, взяла пиджак и брюки и вышла.

Ян Евгеньевич, нетерпеливо ждавший на кухне, положил брюки на сундук и начал обыскивать карманы пиджака. Он вынул уже знакомый ему сверток с побрякушками, от которых отказался Боцман, пачку сигарет «Шипка», записную книжку в зеленом ледериновом переплете, некий предмет, представлявший собой увесистый, в полкилограмма, стальной шарик, обернутый в

толстую лоснящуюся кожу, прикрепленный к гибкой ручке из китового уса. Ян Евгеньевич разложил все это на сундуке и начал просматривать записную книжку. Хозяйку же почему-то заинтересовал тяжелый предмет. Она взяла, взвесила его на руке и спросила в недоумении:

— А это что?

— Кастет, — сердито и коротко ответил Ян Евгеньевич, листая странички записной книжки.

Хозяйка, помолчав, снова задала вопрос:

— Для чего это?

— Чтобы бить людей по голове, — уже совсем раздраженно объяснил Ян Евгеньевич. — Не задавай глупых вопросов, Эмма, мешаешь.

Хозяйка испуганно положила кастет на сундук и отошла в сторону.

Ян Евгеньевич долго и внимательно изучал записную книжку Павла. Здесь было несколько адресов, телефонов, причем постороннему человеку оставалось непонятным, каким городам принадлежат эти адреса и телефоны. Было также множество невразумительных заметок.

Там, где кончался алфавит и начинались чистые листы, Ян Евгеньевич обнаружил маленькую, сделанную для документа фотокарточку пожилой женщины. Невеселый взгляд, чуть наморщенный лоб, прическа гладкая с пробором посередине. Он быстро переснял маленьким своим фотоаппаратом карточку женщины, а затем все записи и заметки записной книжки Павла.

ГЛАВА 8. МАРИЯ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Ровно через неделю после первого, столь удачного похода на ипподром Зароков снова пригласил Марию съездить посмотреть на лошадей и попытать счастья в тотализаторе. Все было так же интересно и красиво, как в прошлый раз, — все, кроме одного: хотя он опять купил кучу билетов, потратив тридцать рублей, выигрыш составил смехотворную сумму — всего два рубля семьдесят копеек. Зароков забыл, что он уже не новичок на ипподроме, и, ничего не поделаешь, теперь уже ему придется разыгрывать перед Марией идиотские водевили под названием «А я опять выиграл!». Однако он не опасался, что Мария заметит фальшь: он давно понял, что

Мария наивна и доверчива, хотя на первый взгляд кажется многоопытной, искушенной в жизни женщиной.

Вот и сейчас, выслушав сообщение, что они снова выиграли кучу денег, Мария рассмеялась как ребенок, она радовалась гораздо больше Михаила, хотя взять свою долю опять отказалась.

Потом они поужинали в кафе, и, как в прошлый раз, он проводил Марию до дому. В гости не напрашивался, решив подождать, пока она пригласит сама, — он был уверен, что этот момент не так уж далек.

С тех пор они стали видеться чаще. В свои выходные дни Зароков был свободен только до четырех часов, а в четыре отправлялся встречать Марию. В таксомоторном парке многие уже давно разглядели истинные отношения Зарокова и Марии, и они с молчаливого обоюдного согласия не очень старались маскировать свои свидания, встречались без опаски совсем близко от парка, а однажды Зароков просто зашел за Марией в диспетчерскую. Постепенно даже самые неугомонные остряки прекратили отпускать шуточки в их адрес. Все видели, что отношения у них серьезные.

Раз в неделю они обязательно посещали ипподром, и Зароков обязательно исполнял свою хорошо отработанную роль, варьируя только сумму и в соответствии с ней степень своей радости.

Часто ходили в кино. По воскресеньям же, если он не работал, покупали билеты в какой-нибудь театр.

Зароков нравился Марии все больше и больше. Она сразу, с первых дней работы Михаила в парке, выделила его. Михаил казался умнее и интеллигентнее всех других шоферов. Был неизменно вежлив и спокоен, никогда она не услышала от него скверного слова. Понимал хорошую шутку и сам умел шутить. А когда они стали встречаться, Мария к тому же увидела, что он не жадный.

Михаил понемногу рассказывал ей о себе, но никогда особенно не расписывал свою биографию, и это тоже нравилось Марии. Из его отрывочных рассказов, всегда к месту в разговоре, Мария узнала, что он рано осиротел, что у него где-то должна быть сестра, которую он очень любил и любит и которую потерял во время войны. Он был в плену, числился пропавшим без вести. Потом бежал из плена, опять воевал. И по тому, как Зароков, вспоминая свою жизнь, хмурил бро-

ви, Мария догадывалась, что ему тяжело перебирать в памяти события минувших лет. Она даже жалела его в такие минуты, хотя он всем своим обликом и характером менее всего походил на человека, нуждающегося в жалости. Он ни разу не позволил себе сказать о том, что Мария ему нравится. Но об этом и не надо было говорить, она и так все видела.

Новый, 1962 год встречали у ее подруги Лены Солодовниковой. Компания собралась пестрая, но Зароков нашел общий язык со всеми, и так как он был старше других, то скоро завладел общим вниманием и стал вроде бы не гостем, а хозяином. Лена работала библиотекарем и была тихой и спокойной девушкой, потому с удовольствием уступила Зарокову командный пост. А Марию она просто поразила, когда, вызвав ее посреди шумного пира в коридор, восторженно и горячо начала поздравлять подругу с тем, что у нее такой «великолепный возлюбленный». Это, конечно, польстило Марии, и она скорее для приличия, чем чистосердечно возмутилась: «Что ты, Ленка, какой же он возлюбленный?»

Одним словом, Марии не было необходимости прислушиваться к своему сердцу, чтобы узнать, что в нем происходит. Она не строила никаких планов на будущее в расчете на то, что Михаил Зароков вдруг возьмет и сделает ей предложение. Но ей приятно было сознавать, что такая возможность не исключена.

Новогодняя ночь у Лены — компания не расходилась до утра — окончательно их сблизила. Утром, когда расходились, все попрощались с Марией и Михаилом за руку, и Марии лестно было видеть, что буквально все глядят на него с неподдельным восхищением. Они пешком добрались до ее дома. По дороге договорились, что сегодня надо как следует отдохнуть, потому что и ему и ей завтра выходить на работу. У подъезда Михаил в первый раз поцеловал ее.

На следующее утро в восемь часов, выписывая ему путевку, Мария была в прекрасном настроении.

А в два часа дня, когда Зароков заехал в парк, чтобы исправить мелкую неполадку в счетчике, и, пока механик возился в машине, заглянул в диспетчерскую, Мария сидела грустная, как будто произошло несчастье.

— Что случилось? — склонившись над столом, вполголоса спросил он.

— Понимаете, Миша, расстроилась я. Сейчас был разговор с начальством, они хотят, чтобы я свой отпуск за прошлый год взяла сейчас же. Я рассчитывала соединить за тот и за этот вместе и отгулять в сентябре, но ничего не получится. У моих сменщиков так составлен график отпусков, что...

— И это все? — спросил Михаил.

— Понимаете, я так рассчитывала...

Михаил весело усмехнулся.

— Есть из-за чего убиваться! По мне, отдыхать всегда хорошо.

— Но куда я зимой денусь? Путевку в дом отдыха купить уже не успею...

— Вот что. Завтра встретимся, что-нибудь придумаем. Когда надо уходить в отпуск?

— Уже отправили приказ машинистке. Через пять дней.

— Ну, не расстраивайтесь. Придумаем что-нибудь...

...На свидание Зароков пришел с готовым планом. То, что он собирался предложить Марии и о чем хотел ее просить, выглядело совершенно естественно, по-житейски понятно и уместно. Больше того: главное — его просьба — будет, наверное, воспринята всего лишь как благовидный предлог, который позволит Марии без особых усилий справиться с самолюбием и принять его дружеское предложение.

— Вчерашняя хандра прошла? — весело встретил он Марию, видя, что она совсем не хмуряя.

— В конце концов, надо же кому-то пойти в отпуск и в январе, правда? — сказала Мария. — Что будем делать?

— Давайте погуляем, пока не замерзнем, затем где-нибудь посидим, пока не отогреемся, а потом — воля ваша.

Он взял ее под руку. Они шли, слушая, как скрипит под ногами свежий сухой снежок. Зимние сумерки сгущались, фонарей еще не зажгли, и улицы с усыпанными снегом ветвями черных лип, решетками скверов, карнизами зданий на несколько минут стали похожи на гравюру. Но загорелись молочно-белые плафоны фонарей, и все изменилось. Где-то в переулке слышались клики мальчишек, где-то вдруг заливисто зазвонил трамвай. Казалось, вместе с электрическим светом разом ожили звуки притихшего было города.

— Так я, кажется, придумал... — начал Михаил. — Вы когда-нибудь в Москве бывали?

— Два раза, но проездом — с вокзала на вокзал. Можно не считать.

— Почему бы не съездить как следует?

— Что вы! На такую поездку у меня нет денег. В Москву надо очень много. Одна дорога...

Михаил перебил ее:

— Но слушайте, Мария, пусть эта поездка будет вам подарком от меня. Я сейчас просто набит деньгами, и они же, вы знаете, шальные, достались случайно.

Она взглянула на него как-то рассеянно.

— Нет, нет, слишком дорогой подарок. К таким подаркам я не привыкла.

— Хорошо, — попробовал он с другого конца, — возьмите у меня в долг. Я подожду, пока вы не разбогатеете. Ведь на десять дней житья и на дорогу много ли нужно? Сто, ну сто пятьдесят рублей.

— В долг брать я тоже не привыкла.

Михаил был почти обижен.

— Ладно, в таком случае я открою вам один секрет. Можно считать, что это останется между нами?

Мария пожала плечами.

— Зачем вы спрашиваете? Да и кому мне передавать секреты? Разве что Ленке...

— Слушайте, Мария, — наклонясь к ней поближе, начал Зароков. — Я расскажу одну историю, не очень длинную, а потом попрошу вас об одолжении, но, прежде чем соглашаться или отказываться, попробуйте понять меня. Это не так уж трудно.

Он сделал паузу, пока они переходили через оживленный перекресток, и продолжал:

— Во время войны у меня был друг, звали его Павел Матвеев. Мы долго, почти полгода, служили в одной части. Для передовой полгода — это, поверьте, большой срок. Это было в сорок третьем, уже после того, как я побывал там, у немцев. И носил я в то время не свою настоящую фамилию. Под настоящей после плена можно было угодить... ну, знаете сами, наверное, что иногда случалось с бывшими пленными во время войны... Так вот, этот Павел Матвеев был единственный человек, который знал, как меня зовут на самом деле. Понятно, как мы дружили?

Он закурил, затянулся несколько раз подряд, не выпуская дыма.

— В одном бою, уже далеко за Днепром, его ранило. Ранило тяжело, в живот. Я был возле него, когда Павла отправляли на грузовике в тыл. Фельдшер, который ехал с ним, сказал, что скорей всего Павел не выживет. Наверное, так думал и он сам, потому что, когда мы прощались, он отдал мне золотой медальончик на цепочке и свою небольшую фотокарточку. И просил сохранить, а если что — передать на память матери. И то и другое у меня сохранилось, я вам потом покажу.

Михаил опять прервал себя на людном перекрестке.

— После войны все у меня так закрутилось, запуталось, что ехать в Москву искать Павла или его мать — времени не было. Да, я, кажется, забыл сказать, что Павел — москвич. Ну вот. Да к тому же у меня и своя забота была — разыскать сестру. Ее-то я искал, конечно, но тоже не нашел. Может, вышла замуж, сменила фамилию. Одно только я узнал: из Горького, где мы жили с ней вдвоем перед войной и откуда я призывался в армию, она уехала еще в сорок пятом, в феврале, а куда — никто не мог сказать. Адрес Павла я знал. Начиная с сорок восьмого писал раз шесть или семь, но ответа не получал. И мои письма обратно тоже не приходили. Я уж думал — может, их дом сломали? Но этого не может быть, тогда бы мои письма возвращались. Значит, что-то не то... На будущее лето я наметил, что обязательно съезжу в Москву, попробую разыскать или узнать, в чем дело. А тут вот ваш неожиданный отпуск. Я и подумал — попросить бы вас...

После, спустя много времени, Мария и сама удивлялась, как это она с такой легкостью, даже с энтузиазмом согласилась на предложение Михаила. Но тон его был настолько искренен, а задача помочь двум друзьям снова найти друг друга показалась ей столь благородной и трогательной, что вся щепетильность и соображения самолюбия улетучились.

Они не пошли отогреться ни в кафе, ни в ресторан. Мария просто, как будто делала ему такие предложения каждый вечер, сказала:

— Знаете что, давайте купим конфет и пойдем ко мне. Будем пить чай.

Наконец, почувствовав вдруг, что озябли, они зашли в продовольственный магазин. Там Зароков готов был закупить чуть не полмагазина, и Марии пришлось все время его останавливать. Но все равно пакет, который им соорудили в отделе упаковки, получился громадный.

Комната Марии сразу понравилась Михаилу. Ничего лишнего. И очень уютно. Пока Мария снимала пальто, развязывала косынку, он стоял со свертком в руках, глядя на нее. Она подышала на покрасневшие ладони, посмотрела, как он стоит с тяжелым свертком, и рассмеялась.

Через четверть часа им было приятно взглянуть на стол и на самих себя за этим столом. Фарфоровый чайник с заваркой, поставленный на блестящий чайник с кипятком, шумел почти как настоящий самовар. У Марии давно, а может быть даже никогда, не было такого вечера. Она больше не стеснялась Михаила и не испытывала обычного чувства некоторого отчуждения. И когда Михаил вновь вернулся к разговору о ее поездке в Москву и шутя предложил составить смету расходов, она не нашла в этом ничего предосудительного.

Он хотел, чтобы она взяла у него полтора ста рублей, но Мария возразила, что за глаза хватит на поездку и ста двадцати, а так как у нее будет рублей пятьдесят отпускных, то речь может идти лишь еще о семидесяти. Михаил не стал упорствовать, довольный уже тем, что она вообще согласилась, и боясь излишней настойчивостью испортить все.

Он дал Марии медальон, взятый Дембовичем у Павла, и карточку, снятую с его старого паспорта и тщательно освобожденную от следов ее пребывания на документе.

Медальон Марии очень понравился, она прикинула его на себе, посмотревшись в зеркало, и сказала одобрительно:

— Изящный.

Потом взглядела в карточку, но фото было старое, несколько выцветшее, и разобрать на нем выражение глаз было невозможно.

— А вот его мать. — Михаил показал ей карточку, которую переснял Дембович.

Они условились, что Мария поедет послезавтра ут-

ренным поездом, чтобы утром же без малого через сутки быть в Москве.

У Михаила в отношении Марии не было никаких сомнений. Вряд ли такую наивную и бесхарактерную женщину контрразведчики могли выбрать для своих целей. И в парке она работала еще задолго до того, как он появился в этом городе. Его интуиция подсказывала ему, что Марии можно не опасаться.

И все же он счел необходимым устроить ей хотя бы самую грубую и нехитрую проверку.

Когда Михаил доставал фотокарточку Павла, он вынул и два конверта, на которых не было написано адресов. Один из них был запечатан, другой нет. В конвертах лежали письма к двум его воображаемым приятелям. Он уронил их под стол, а уходя, забыл поднять.

Утром в набитой шоферами диспетчерской Мария первым делом протянула ему эти конверты. Выехав из парка, Зароков остановился в переулке и самым тщательным образом осмотрел конверты. Заклеенный не вскрывался, а из незаклеенного письмо даже не извлекалось. И Зароков подумал, что надо быть очень воспитанной женщиной, чтобы победить природное любопытство и не позволить себе прочитывать распечатанное письмо мужчины, который ухаживает за тобой на протяжении трех месяцев и от которого ты не испугалась взять деньги на отпуск. Он окончательно успокоился. И с легким сердцем повернул к вокзалу — за билетом.

Наутро он провожал Марию. Она немного волновалась, оттого что ехала в мягком вагоне скорого поезда — это было впервые в жизни, — и поглядывала на стоявших возле ее вагона уезжающих и провожающих как бы исподтишка. Когда объявили, что до отправления поезда осталось пять минут, Зароков дал Марии листок из блокнота, на котором было написано: «Матвеев Павел Алексеевич. Матвеева Пелагея Сергеевна, год рождения — приблизительно 1902—1904».

— Вот, узнаете в справочном в Москве, — сказал он. — Пора садиться.

Поезд медленно, почти незаметно тронулся.

— Веселитесь хорошенько! — говорил Михаил громко, шагая за вагоном и глядя на белевшее в глубине тамбура, за спиной проводника, чуть растерянное лицо Марии. — Не забывайте меня!

...Первое, что сделала Мария, выйдя на вокзальную площадь в Москве, — спросила у милиционера, где справочное бюро. Оно оказалось в пяти шагах. А через полчаса с адресом Пелагеи Сергеевны Матвеевой Мария спускалась в метро.

На третьем этаже большого старого дома она позвонила в квартиру номер одиннадцать. Дверь открыла пожилая женщина, и Мария без труда ее узнала — то же лицо с грустными глазами и морщинками на лбу, та же гладкая прическа с прямым пробором посередине, как у той, что на фотографии, которую показывал ей Михаил. Но Мария все же спросила:

— Мне Матвеевых. Можно?

— Входите, — нисколько не удивившись, пригласила женщина. — Я и есть Матвеева.

— Пелагея Сергеевна? — спросила Мария, довольная, что не ошиблась и что все оказалось так удачно. — Меня так просили вас найти, вы себе не представляете.

— Идемте в комнату, что же мы на пороге стоим?

Пока раздевалась, Мария все думала, как лучше начать разговор с этой симпатичной женщиной. И решила издалека не начинать. Когда вошли в комнату, открыла сумочку, достала медальон и фотокарточку Павла и положила то и другое на стол.

— Вот, — сказала она, — не узнаете?

Пелагея Сергеевна взяла фотокарточку, долго смотрела на нее, а затем сказала без всякой радости:

— Постарел... Видно, по тюрьмам сидеть даром не дается...

Мария стояла растерянная.

Пелагея Сергеевна посмотрела на медальон, перевела недоуменный взгляд на Марию.

— А это к чему?

— Понимаете... — Мария не знала, как объяснить.

— Ах, милая вы моя, — сказала Пелагея Сергеевна. — Вещичка эта чужая. Небось ворованная. И откуда в нем такое? У нас в роду не то что воров — лгунов никогда не было. Но вот споткнулись на Павлушке. Его ведь ищут сейчас... Ко мне уже два раза милиция приходила. Он из тюрьмы бежал. Говорят, охранника убил. Не сын он мне, нет, не сын... — Пелагея Сергеевна опустила на стул, потрогала задумчиво фарфоровую фигурку собаки, стоявшую посередине сто-

ла. — Не знаю, в каких вы с ним отношениях. Но я бы вам дала совет — не верьте ему.

Мария, когда шла, собиралась рассказать Пелагее Сергеевне историю, поведенную ей Михаилом, но теперь сочла это излишним. Она взяла медальон, положила его в сумочку. Потом взяла карточку, повертела, сунула ее в тот же кармашек и сказала:

— Извините, пожалуйста. Я не хотела...

Пелагея Сергеевна все понимала и без слов.

— Ладно, милая.

Мария уходила от Пелагеи Сергеевны усталая. После этого она часа три искала номер в гостинице, стояла в очереди в магазине синтетических тканей за косынкой, обедала в столовой — и все это время думала о Пелагее Сергеевне, о ее непутевом сыне Павле, о том, как тяжело быть матерью, у которой сын пошел по преступной дороге...

Мария не смогла прожить в Москве все десять дней. Она сходила в Музей изобразительных искусств на Волхонке, в Третьяковскую, на ВДНХ, в Большой театр, слушала «Бориса Годунова», а потом затосковала по дому, по Михаилу, ей показалось, что, пока она тут проводит время, Михаил ее забудет, — и на седьмой день своего пребывания в Москве приехала на вокзал и купила билет.

Михаил не встречал ее, потому что телеграмму она не давала. Они увиделись на следующий день вечером у нее дома.

Мария рассказала все в подробностях. Она видела печаль на его лице. Конечно, думала она, можно понять человека, который столько лет искал друга и вот узнает, что этот друг — преступник. Нехорошо бывает узнавать такие вещи, но что же поделаешь? По крайней мере все стало на свои места...

Мария вернула ему фотографию и медальон, но Михаил уговорил ее оставить эту золотую безделушку себе. Мария отказывалась, но недолго: медальон ей нравился.

ГЛАВА 9. КТО ТАКОЙ МИХАИЛ ЗАРОКОВ

Он родился в 1922 году в Париже. Отец его, русский дворянин Александр Тульев, официально служил в министерстве иностранных дел Российской империи.

На самом же деле он работал в разведке. Октябрьская революция застала отца во Франции, ему было тогда двадцать четыре года.

Поняв, что в России произошли необратимые изменения и что необходимо сделать выбор, Александр Тульев принял решение не возвращаться на родину. Правда, один раз он все-таки побывал в Петрограде в самом начале восемнадцатого года. Там его ждала невеста, девятнадцатилетняя девушка, с которой он был обручен. К тому же он должен был хотя бы еще один раз посетить свою большую квартиру на Литейном, чтобы взять кое-что ценное — например, три-четыре небольшие картины.

Возвращение во Францию было не таким легким, как его путь в Россию, но, помыкавшись недели три, Александр Тульев с невестой благополучно добрались до Константинополя, а дальнейшее уже не составляло труда.

В Париже мастер вновь заключил в рамы привезенные ими три холста, и Александр Тульев продал их за очень большую сумму. Ее хватило на несколько лет безбедной жизни. Но в конце концов деньги иссякли, и он стал искать заработка. Полузабытая им профессия помогла найти ход в контрразведку одного из европейских государств. А впоследствии его перевели в школу, которая готовила разведчиков и диверсантов. За год перед тем супруга его скончалась.

Александр Тульев сам выбрал профессию для своего сына Михаила. В один прекрасный день Михаил был зачислен в школу, где инструктором работал его отец.

Незадолго до нападения Германии на Советский Союз школу прибрали к рукам гитлеровцы. Михаил раньше специализировался по Балканам, но его вскоре переквалифицировали, и он стал готовить себя к работе в России.

Когда настал срок подыскивать легенду — то есть маску, под которой надо будет жить и работать в России, — Михаила под видом советского военнопленного посадили в один из концентрационных лагерей на территории Польши. Это было летом 1942 года.

Прежде чем сделаться «военнопленным», Михаил познакомился с документами заключенных и заочно отобрал наиболее подходящих — прежде всего он об-

ращал внимание на год рождения. За месяц пребывания в концлагере Михаил Тульев сделал выбор. Он пал на русского солдата Михаила Зарокова. Почему именно на него? Тут имелось несколько важных причин. Начать с того, что они были тезками и по имени и по отчеству, — это удобно, не надо привыкать к другому имени.

Михаил Зароков родился, как и Тульев, в 1922 году. Роста они были совершенно одинакового. И даже в чертах лица угадывалось что-то общее — может быть, оттого, что оба были по-монгольски скуласты. Михаил Зароков оказался совсем простодушным и наивным парнем, хотя выглядел старше своих двадцати, и чувствовалось, что в житейском смысле он опытен не по летам. Поначалу он не очень-то распространялся о своей довоенной жизни, был в разговорах сдержан, как будто стеснялся открывать душу перед товарищами по несчастью. Но Тульев сумел завоевать его расположение, плюнув однажды в лицо капо, которого все смертельно ненавидели. Капо пообещал Тульеву расправиться с ним. Инцидент этот сделал Тульева в глазах заключенных если не героем, то, во всяком случае, смелым парнем. И естественно, у него сразу появилось много друзей, среди которых первым был Михаил Зароков.

Тульеву обязательно нужно было узнать о Зарокове все до мельчайших подробностей — о нем самом, о его родных и даже о друзьях и знакомых.

По вечерам, когда они, грязные и до предела усталые, возвращались из карьера в блок и, похлебав баланды, садились на нары, Тульев обычно заводил разговоры о довоенной жизни. Зароков откликался все охотнее, и постепенно перед Тульевым открылась вся его короткая, но не простая биография. Некоторые ее особенности были очень удобны для разведчика.

Во-первых, у Михаила Зарокова не было родителей — они умерли в 1933 году в приволжской деревне, в Самарской области. Из родных у него есть только один человек — младшая сестра Нина, моложе его на три года. Если бы и ее не было, это устраивало бы Тульева больше, но тут ничего поделать было нельзя.

Во-вторых, нет в России такого города или села, где бы Михаила считали своим или хотя бы знали мало-мальски. После смерти родителей они с сестренкой жили как перекаати-поле: сначала их отправили в

детский дом на Украину, в Сумскую область, потом перевели в Ростовскую область, потом опять на Украину. В 1938 году он научился водить трактор, ушел из детдома, устроился работать в МТС и забрал к себе сестру. Потом окончил школу шоферов, поработал немного на грузовике, а в 1940 году его потянуло в большой город, и они переехали в Горький. Работа нашлась. Дали им две койки в общежитии, они отгородили свой угол цветастой ситцевой занавеской — получилась настоящая комната. Нина поступила ученицей токаря на автомобильный завод.

В мае 1941 года Михаила призвали в армию, назначили его в автобатальон. В первый же день войны вместе с машиной отправили в Москву. Потом были Орел, Тула, а под Вязмой их колонна попала в окружение. Пытались прорваться на восток, но шоссе уже было оседлано фашистской мотопехотой. Гитлеровцы расстреляли колонну из крупнокалиберных пулеметов, подожгли машины зажигательными пулями.

Выскочив из вспыхнувшей машины, Зароков кинулся через поле в сторону небольшого леса, темневшего километрах в двух на пригорке. Пробежал всего метров пятьдесят, когда слева, справа, впереди с воем начали шлепаться мины. Не успел он выбрать ложбинку, чтобы залечь, — его подбросило, швырнуло оземь, и он потерял сознание. Очнулся в плену. Вог и вся история.

Жалко ему сестренку. Война идет. Девчонке шестнадцать лет. Осталась совсем одна...

Как-то раз под вечер в их блок явился в сопровождении капо незнакомый заключенным обер-лейтенант. Капо подвел его к Михаилу Тульеву, что-то сказал шепотом. Обер-лейтенант сделал Тульеву замечание за то, что он не встал перед офицером, и приказал следовать за ним. «Вещи не брать», — остановил он Михаила, когда тот хотел снять с гвоздя висевший в изголовье нар парусиновый мешочек с кое-какими солдатскими пожитками.

Его увели, и больше он уже в блок не возвращался. Все подумали, что это месть капо.

А через месяц или полтора пятьдесят заключенных из этого концлагеря были переведены в Германию — их отправили в Рур, на шахты. Однако туда доехало не пятьдесят человек, а только сорок. Десятерых ссадили по пути на какой-то небольшой станции, в их числе

и Михаила Зарокова. Эти десятеро не доехали никуда: их расстреляли в местной тюрьме. Михаил Тульев, получив отличную легенду, в Россию все же не попал. Положение быстро менялось, шефы сочли целесообразным использовать его на Балканах.

После войны отец нашел для себя новых хозяев и, конечно, для сына тоже. Михаилу пришлось побывать в Африке и в Португалии, в Корее и на Ближнем Востоке. А потом шеф отца вспомнил, что Михаила когда-то готовили для работы в России, и это решило его дальнейшую судьбу. Михаила вызвали к самому высшему начальству и после долгой беседы объявили, что его собираются послать надолго в Советский Союз. Началась усиленная учеба. Отец сам придумал ему кличку — «Надежда». Разменяв седьмой десяток, старик стал заметно сентиментальнее. Вероятно, он вкладывал в эту кличку какой-то особый смысл.

Через год Надежда был готов перейти границу. Он отчетливо помнит последние дни перед заброской.

Работы хватало всем. Эксперты с особой тщательностью отбирали предметы будущей экипировки. Специалисты готовили ему документы, спецаппаратуру, шифровальные таблицы, средства тайнописи, оружие, медикаменты...

Разведчики еще раз тщательно инструктировали Надежду, как себя вести в России, с тем чтобы не попасть в поле зрения советских контрразведчиков. Скрупулезно уточняли, что в первую очередь надо узнавать о военной и экономической мощи Советского Союза и как безопаснее переправлять добытые данные.

Опытные инструкторы отрабатывали с ним скоростные передачи по рации. Так называемые психологи проводили длиннейшие беседы, тщательно проверяли надежность новой биографии, с которой он должен действовать в России. С великим пристрастием они допрашивали его, ловили на слове, на малейшем замешательстве, старались запутать, сбить с толку.

Больше всех, конечно, доставалось самому Михаилу. Все эти дни у него не было времени побыть с отцом. И вот наконец они вместе. Отец, седой, с уставшим лицом, одетый во все черное, как на дипломатическом приеме, стоял перед ним, заложив руки за спину и в раздумье покачиваясь с носков на пятки.

Михаил, как две капли воды похожий на отца в мо-

лодости, смуглый, с тонким носом, глубоко сидящими карими глазами, ждал, что он скажет.

— Давайте присядем на дорогу, — сказал тихо старый Тульев. С сыном он был на «вы».

Сели друг перед другом в низкие кресла. Закурили.

— Мишель, голубчик... — начал отец. — Что сказать вам на прощанье? Давно я ждал и боялся этого часа... Вы уходите не на год и не на два. Может быть, навсегда... А я уж стар, мне жить осталось недолго, и вряд ли мы еще увидимся... Будьте осторожны, будьте хитры... Не забывайте отца, а я буду за вас молиться...

Старик не сдержался, на глазах у него показались слезы. Но тут в кабинет заглянул секретарь шефа, позвал Михаила, и они расстались... С того момента минуло пять месяцев, а кажется, что пять лет.

Сейчас у Надежды не было оснований для беспокойства. Границу он перешел удачно. Поддельный паспорт на имя Кириллова с честью выдержал испытание в пути. Тот паспорт давно уничтожен, а в действие вступил настоящий, советский, на имя Зарокова. Вопрос с работой решен надежно. Для разведчика трудно подыскать более подходящую работу, чем место шофера-таксиста, — езди куда хочешь и с кем хочешь, никто ни в чем не заподозрит. И ко всему еще одно удобство: день ездешь, день свободен. С пропиской и с жильем все устроилось как нельзя лучше. Помощник мог бы оказаться помоложе и порасторопнее, но на первое время и Дембовича хватит. В общем причин испытывать недовольство собой у Надежды не имелось. На связь с центром, как было условлено, он выходил лишь однажды, после того, как поступил в таксомоторный парк. Портативная рация была закопана Дембовичем под яблоней. До весны она не понадобится.

Пожалуй, уже можно было приступить к исполнению двух специальных заданий, полученных им перед заброской. Надо поскорее сделать это, чтобы потом уже не думать и не заботиться ни о чем, кроме главной своей задачи.

Первое задание выглядело предельно просто: необходимо взять в районе города Новотрубинска пробы земли и воды. Сам Надежда поехать туда, разумеется, не мог. Резидент, который должен осесть на неопреде-

ленно долгий срок, рисковать по пустякам не имел права. В этом деле Надежда рассчитывал на Павла. Закончив его проверку, он собирался через Дембовича дать ему задание.

Второе дело было намного сложнее. Надежда не напрасно помянул при первой встрече с Дембовичем некоего Леонида Круга. Это сразу дало Дембовичу понять, что Зарокову о нем известно все. Леонид Круг, приходившийся родным братом помощнику шефа разведцентра, был членом подпольной боевки. Его сбросили на парашюте еще в 1947 году.

В 1949 году органы госбезопасности одним ударом разгромили боевку, накрыли квартиру Леонида Круга, разворошили все потаенные лесные бункера. И все же Круг сумел скрыться. Связи с ним больше не было, так как рация попала в руки советских контрразведчиков. За прошедшие десять лет Виктор Круг дважды посылал агентов для розыска своего брата, но безуспешно. Скорее всего Леонид Круг с перепугу так хорошо законспирировался, что обнаружить его было бы невозможно даже с помощью властей, а без помощи и подавно.

Во время напутственного совещания шеф дважды повторил, что, как только Надежда сочтет свое положение прочным, он должен разыскать Леонида Круга, а затем с помощью центра организовать его переправу через границу. Старый Тульев тогда пытался возражать в том духе, что нерационально нагружать Михаила, резидента, отправляющегося со столь серьезной миссией, обязанностями частного сыщика — старик недолюбливал помощника шефа — Виктора Круга, они вечно соперничали, — но шеф так посмотрел на него, что Тульев осекся...

Надежда знал: Дембовичу кое-что известно о дальнейшей судьбе Круга, и он рассчитывал на его помощь. Те два связника, что забрасывались специально для розыска Круга, воспользоваться услугами Дембовича не имели возможности, так как квартира Дембовича была законсервирована еще раньше, чем Круг потерпел неудачу. Но разговора на эту тему Надежда до поры не заводил.

Согласно предварительному плану Леонида Круга, когда он обнаружится, должны будут переправлять морем. У Надежды еще есть время — до весны. До тех

пор, когда растает береговой припай, ждать еще целых три месяца.

Пробы земли и воды раньше мая не добудешь — человек, ковыряющий мерзлую землю посреди белого заснеженного поля, неминуемо вызовет подозрение.

Насчет способа передачи проб заранее не улаивались. При благоприятном стечении обстоятельств их можно будет переправить с Кругом.

Вот как складывались у Надежды дела в конце января 1962 года. И вдруг одно событие чуть было не разрушило до основания все это с трудом добытое благополучие.

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА И БЕЗ НАЗВАНИЯ

Здесь мы прервем изложение живых событий, как они происходили, чтобы сделать некоторые заключения.

Многие читатели, наверно, знают, что в лексиконе велогонщиков есть один термин — так называемый промежуточный финиш. А чтобы всем было понятно, что это такое, надо этот термин объяснить.

Предположим, длина очередного этапа составляет двести километров. Приблизительно где-то на полпути трасса велогонки проходит через небольшой городок. Горожане учредили приз для гонщика, который первым въедет на центральную площадь городка. Это и есть промежуточный финиш. Гонщик, пересекший первым его черту, становится для горожан героем гонки. На финише этапа победителем может оказаться совсем другой, а этот, вполне возможно, приплетется последним, но зато там, на промежуточном, он пожал лавры, пусть и скромные. А может быть, и в конце этапа он тоже будет первым.

Так вот, образно говоря, начиная со следующей главы наш рассказ будет быстро приближаться к промежуточному финишу. Кто будет на нем победителем, мы скоро увидим. Определить же победителя всего этапа пока невозможно.

Итак, сделаем некоторые заключения, исходя из того, что нам уже известно.

Все, разумеется, с первых страниц догадались, что Надежда, Кириллов и Зароков — одно лицо. Авторам не было нужды играть в прятки и сбивать с толку чи-

тателя, заставляя долго гадать, кто из действующих лиц — иностранный разведчик.

Роль Павла можно толковать по-разному. Вполне логично предположить, что он совсем не случайно оказался однажды пассажиром в вагоне поезда Сухуми — Ленинград, а затем в такси, за рулем которого сидел Михаил Зароков, хотя обстоятельства, при которых это произошло, не вызывали подозрений даже у осторожного Надежды.

Дембович, назвавшийся Павлу Куртисом, — фигура совершенно ясная с самого начала. Он был завербован иностранной разведкой еще во время войны, но до поры до времени его к активной работе не привлекали.

Оценивая поведение Марии, следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, она не знает, кто такой Михаил Зароков на самом деле. Во-вторых, он так настойчиво навязывал ей свою дружбу, что даже и в том случае, если бы он ей совсем не нравился, она вряд ли собралась бы с духом, чтобы оттолкнуть его. А ведь он ей, наоборот, очень нравился. Советские контрразведчики, конечно, могли бы предупредить ее, но это было рискованно. Характер Марии таков, что в один прекрасный момент она могла бы не удержаться и выдать себя, а значит, и провалить все дело.

А теперь продолжим рассказ.

ГЛАВА 10. ВИЗИТ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО

Сквозь сон Надежда услышал, как вдруг залаял во дворе Таран. Он поднял голову, взглянул на будильник — было десять часов утра. Давно рассвело.

Лай оборвался. С улицы донесся голос Дембовича. Он приглашал кого-то в дом. Голос у него был медовый.

Кто-то крепко притопнул на крыльце раз-другой, хлопнула дверь, и половицы в коридоре заскрипели под тяжелыми шагами.

— Прошу вас, товарищ уполномоченный, вот сюда. — Дембович распахнул двери столовой. — Прошу, присаживайтесь.

— Благодарю, — опустившись на жалобно скрипнувший стул, сказал гость сочным басом.

Надежде было хорошо слышно, что он листает бумаги.

— У вас прописан Зароков Михаил Александрович? — спросил бас.

— Да, да, как же! — поспешно ответил Дембович.

— Тысяча девятьсот двадцать второго года рождения?

— Да, кажется.

— Как его увидеть? Он на работе?

— Нет, по-моему, еще спит. Во всяком случае, я не заметил, чтобы он выходил. Я уж целый час на дворе копаюсь. Сейчас загляну к нему. Одну минутку!

Надежда вдруг почувствовал, как одеревенела у него рука, на которую он оперся, приподнявшись, чтобы посмотреть на будильник. В груди заломило, когда он сделал глубокий вдох, — кажется, он все это время не дышал.

Дембович подошел к его двери, нарочно громко постучал, крикнул:

— Михаил Александрович, вы не спите?

Надежда сел на краю кровати, ответил заспанным голосом:

— В чем дело, Ян Евгеньевич? Встаю. Вчера последняя ездка проклятая попалась, до часу ночи он меня крутил, еле отбоярился... Входите!

Дембович вошел, закрыл за собой дверь.

— Садитесь, я сейчас, — повысив голос, сказал Надежда, жестом спрашивая, кто в столовой.

— Участковый уполномоченный из милиции, — скороговоркой объяснил Дембович.

Надежда лихорадочно вспоминал, кто такой участковый уполномоченный, — расспрашивать у Дембовича было не время. Наконец вспомнил. Дал знак, чтобы Дембович говорил.

— Товарищ хочет побеседовать с вами лично.

— Сейчас. Я быстренько оденусь. — И тихо, для одного Дембовича: — У вас выпить найдется?

Дембович кивнул.

— Устрой на кухне...

Минут через пять Надежда, улыбаясь, вошел в столовую. Участковый уполномоченный встал при его появлении — высокий, с массивными плечами. Густые выцветшие брови белели на обветренном розовом лице. Совсем молодой, лет двадцати пяти.

— Здравствуйте, — сказал он.

Надежда протянул руку.

— Здравствуйте, товарищ... — он взглянул на погоны, — ...младший лейтенант.

— Вы Зароков Михаил Александрович?

— Совершенно верно. И именно я вам нужен? — Надежда спросил это шутливым тоном, но было ему совсем не до шуток.

Младший лейтенант принял этот тон, и, вероятно, у него настроение было гораздо лучше, потому что его шутка получилась более удачной, — Надежда не сразу понял, что его разыгрывают.

— Ай-я-яй, гражданин Зароков! — укоризненно начал младший лейтенант. — Нехорошо получается... Вас ищут, давно разыскивают, а вы скрываетесь. Нехорошо...

Надежда изобразил на лице крайнюю степень удивления.

— Позвольте, кто же меня может искать?

— Вся милиция Советского Союза. Покажите, пожалуйста, ваш паспорт.

Надежда быстро прошел в свою комнату, вернулся с паспортом, дал его младшему лейтенанту. Он еще минуту назад сообразил, в чем дело. Пора было показать участковому уполномоченному свою догадливость.

— Неужели Нина, сестра моя? — не веря собственной догадке, спросил он.

Младший лейтенант добродушно рассмеялся.

— Точно. Поздравляю.

— Присядемте! — Надежда был неподдельно взволнован. — Вы понимаете, прошло двадцать лет... Я ее после войны искал, но все впустую... Думал, или умерла, или вышла замуж, сменила фамилию. Разве найдешь? Откровенно говоря, давно смирился.

Участковый уполномоченный заглянул в бланк, лежавший перед ним на столе рядом с планшеткой.

— Точно. Фамилия ее теперь Воробьева. Нина Александровна Воробьева. Проживает в Ленинграде. Можете записать адрес...

Надежда снова сходил в свою комнату, принес блокнот и карандаш, переписал адрес, затем позвал из кухни Дембовича.

— Вы слышали, Ян Евгеньевич? Сестра нашлась!

— Ну вот, никогда не следует терять надежду.

Младший лейтенант снова засмеялся.

— Скорее не сестра, а вы нашли, товарищ Зароков.

— Золотые слова, товарищ младший лейтенант! По этому поводу не худо бы по баночке. Как смотрите?

Но участковый вежливо отказался. Уходя, он сказал, что милиция, как положено в таких случаях, сообщит Нине Александровне Воробьевой об успешном завершении розысков, и пожелал Зарокову скорейшей встречи с сестрой.

Дембович проводил участкового до калитки, вернулся, забыв вытереть ноги о скребок на крыльце. Надежда все еще сидел в столовой, растерянно глядя на листок блокнота с адресом Нины Воробьевой.

— Что же будет? — решил спросить Дембович.

Он только раз видел Зарокова таким. Сейчас Зароков был похож на того ночного гостя, который однажды осенью явился в дом Дембовича под видом техника гор-энерго. В нем не чувствовалось самоуверенности.

— Действительно, что же будет? — не обращая внимания на Дембовича, переспросил самого себя Надежда. — Одна такая нелепость — и все летит к чертям...

Отстранив в дверях онемевшего Дембовича, он прошел в ванную, умылся, причесался. Потом у себя в комнате снял спортивные брюки и фланелевую рубашу, в которых обычно ходил дома, надел костюм, повязал галстук. Дембович все это время следовал за ним молча, но в конце концов не выдержал.

— Вы собираетесь уходить?

— Не навсегда, — ответил Надежда. — Не бойся. Пойду на почту, надо дать телеграмму сестре. А ты пока что попробуй уяснить себе в подробностях, как может отразиться знакомство с «сестрой» на моей судьбе, а значит, и на твоей тоже.

С тем Надежда ушел. А Дембович принялся искать валидол, к которому давно уже не прибегал.

ГЛАВА 11. РИСК РАДИ БУДУЩЕГО

На почте Михаил Зароков составил и послал в Ленинград на имя Нины Александровны Воробьевой длинную, в пятьдесят слов, телеграмму.

Вот что он писал:

«Здравствуй родная Нина эта телеграмма придет тебе раньше чем ты получишь милиции сообщение моем

розыске наконец это произошло я тоже долго искал тебя безуспешно не могу высказать тебе мое счастье надо увидаться поскорее постараюсь взять отпуск три дня как только получу твое сообщение обнимаю крепко целую твой брат Михаил Зароков». Дальше шел обратный адрес. Покинув почту, он отправился бродить по городу. Надо все хорошенько взвесить и принять какое-то решение.

Встреча с Ниной Воробьевой исключалась — это не подлежало обсуждению. Хотя Нина и настоящий ее брат Михаил расстались целых двадцать лет назад, было бы крайне опрометчиво рассчитывать на то, что она не распознает подмены. Даже если память обманет ее, он все равно не имеет права строить всю свою дальнейшую судьбу на таком зыбком расчете. Можно оттянуть встречу, но ненадолго. Вообще же уклоняться было бы в его положении несерьезно. Он должен вести себя точно так, как это сделал бы настоящий Михаил Зароков. Вот почему он поспешил дать телеграмму.

Короче говоря, выход был один: или он должен все бросить и исчезнуть, или исчезнуть должна Нина Воробьева. Но ее исчезновение органы милиции теперь уже обязательно свяжут с тем фактом, что она долго разыскивала брата и наконец нашла его. Жаль, очень жаль, что у него не было раньше возможности самому разыскать ее тайно. Тогда все устроилось бы значительно проще. Но зачем понапрасну сожалеть о том, чего он не сделал?

Много ли можно дать за Михаила Зарокова, чье имя будет связано с убийством? Но не меньше ли стоит Михаил Зароков, если сестра скажет, что он ей не брат, что она его вообще не знает? Скрыться, используя запасную легенду? Но для такого ли случая она предназначена?

Как ни поворачивай, в создавшейся ситуации выход один: если Надежда твердо намерен исполнять задание, оставаться резидентом, необходимо так или иначе, раньше или позже избавиться от сестры. Риск велик, но это как раз тот случай, когда он должен либо рискнуть, либо, не мешкая, связаться по радио с центром и попросить разрешения исчезнуть под запасной легендой.

В его положении убийство — крайний, самый нежелательный шаг. Но он попробовал успокоить себя тем,

что убийство убийству рознь. Очень много зависит от того, как его обставить. Если свести до минимума свою причастность к нему, у милиции может и не возникнуть далеко идущих подозрений...

В двенадцать часов дня Зароков вернулся домой. Дембовичу не терпелось поговорить.

— Вы позволите мне задать вопрос? — еле дождавшись, пока Зароков разденется, спросил он.

— Сколько угодно.

Зароков пошел в кухню, налил в чашку остывшего крепкого чая, выпил, сел к столу на круглую табуретку.

Дембович устроился напротив.

— Думаю, вы не хотите встречаться с этой женщиной.

— Я-то не хочу. Она хочет.

— Но это же невозможно!

— Конечно, невозможно, — согласился Зароков. — Может, вы сумеете ее отговорить?

Дембовичу было не до шуток.

— Довольно вам паясничать... — С утра он явно сделался смелее. — Вы же должны что-то предпринимать!

— В другое время, дорогой Дембович, я бы сказал, что вы вмешиваетесь в чужие дела. Но сейчас ваше благополучие для меня так же дорого, как мое для вас. Или я ошибаюсь, или у вас есть предложения?

Дембович коротко вздохнул и, решившись, сказал:

— Я знаю, как найти Леонида Круга.

Зарокову не надо было долго думать, чтобы по достоинству оценить ход мыслей Дембовича. Идея, возникшая в седой голове старого пройдохи, устраивала его во всех отношениях. Круг в обмен на обязательство переправить его за кордон пойдет, пожалуй, на что хочешь. Да ему можно и просто приказать. Ведь он не знает, какие инструкции на его счет получил Надежда. А провалится — туда и дорога. Болтать он не будет. А центр если что-нибудь и узнает, то не от Надежды.

— Где он сейчас? — спросил Зароков.

— Работает киномехаником в рабочем клубе, в поселке на седьмом километре. — Дембович видел, что его идея одобрена, и постепенно успокаивался.

— Поддерживали с ним связь?

— Нет.

Зароков и это, безусловно, одобрял.

— Как обнаружили?

— Я встретил его там же, в клубе, лет шесть... позвольте... да, шесть лет назад. Я работал тогда инструктором областного управления культуры, часто ездил по клубам. Мы не разговаривали, но он дал мне знак, что узнал и помнит. Прошлым летом я ездил на седьмой километр, показывался ему, но не разговаривал, даже не подходил близко.

— Где живет, знаете?

— Да, я проследил. По-моему, у него семья...

Зароков минуту подумал.

— Вот что, Дембович, я вижу, взаимных объяснений не требуется. Надо действовать, и немедленно. Вы сейчас же поедете на этот седьмой километр, найдете Круга. Опасаться и слишком осторожничать, пожалуй, нет нужды. Он давно очистился. Поговорите. Прощупайте его — может ли он снова взяться за дело. Обо мне пока — ничего. Даже и намеков не надо. Само ваше появление будет лучшим намеком. На прощанье скажите, что очень скоро увидите опять.

...Через час Дембович приехал в электричке на седьмой километр. Клуб оказался на замке. В квартире, где жил Круг, Дембович нашел лишь парнишку лет двенадцати — это был сын соседей Круга. Мальчик сказал Дембовичу, что тетя Поля как ушла утром на работу, так и не приходила, что дядя Леня приходил домой обедать, а после обеда, всего с полчаса назад, поехал в город на базу кинопроката за новой картиной. Мальчик объяснил, что всегда спрашивает у дяди Лени, какое будет кино. На этот раз дядя Леня сказал ему, что на сегодняшний фильм дети до шестнадцати лет не допускаются. Он и название сказал, но мальчик не запомнил, — зачем же запоминать, раз не допускаются?

Приехав в город, он сел в трамвай-двойку, чтобы добраться до базы кинопроката, — адрес ему был известен. Дембович очень спешил, очень хотелось поскорее увидеть Круга, и ему повезло. Не промаячив и четверти часа перед воротами базы, возле которых стояли два «пикапа»-«Москвича», он увидел того, кого искал. Леонид Круг, низкорослый, широколицый, появился из проходной с двумя большими кубическими

жестяными коробками в руках. Оттого, что был в стеганой телогрейке, он и сам казался кубическим. Поставив коробки в кузов бежевого «пикапа», он огляделся, ища своего шофера. Дембович в этот момент двинулся через дорогу, и Круг обратил на него внимание. Приблизившись, Дембович сказал:

— Товарищ, вы не с седьмого километра?

— С седьмого.

— То-то, я вижу, как будто знакомый «пикапчик». — Заметив подходившего к ним шофера, он спросил у Круга: — Не подбросите?

— Нужно хозяина попросить, — сказал Круг и повернулся к шоферу. — Вот тут земляк с нашего седьмого в пассажиры набивается, ты не против?

Шофер, сердитый высокий дяденька, которому в кабине «Москвича», наверное, было очень тесно, отпер дверцу, закинул ногу в кабину и буркнул неприветливо:

— Я-то не против... Замерзнет старик в кузове.

Кинемеханик сказал:

— Ну, ничего, я для компании тоже в кузов сяду, чтобы не обидно одному...

— Тут ерунда ехать... — добавил Дембович.

— Дело ваше, — захлопнув дверцу, закончил переговоры шофер.

С первой минуты, как только они уселись рядом спиной к ветру и машина тронулась, Дембович приступил к делу. Ему было легко начать, ибо он ясно видел: Леонид Круг настолько рад этой встрече, что еле сдерживает себя, чтобы не кинуться в объятия. Прощупывать было решительно ни к чему. Путь был недалекий. Через десять минут у переезда через железную дорогу Дембович сошел. Прежде чем постучать по кабине, он спросил у Круга, как лучше всего найти его в скором времени, чтобы поговорить более обстоятельно. Круг сказал, что удобнее прийти, как стемнеет, к нему в кинобудку. Помощника он всегда сумеет выставить, благо у того по вечерам частенько бывают назначены свидания. Дембович может прийти в любой день, кроме понедельника. В понедельник — выходной. На том они и расстались...

Дембович застал Зарокова дома, тот лежал на кровати поверх одеяла и курил. У него была, как всегда, намечена встреча с Марией, но сейчас не до свиданий, и, проводив Дембовича на седьмой километр, Михаил сходил к телефонам-автоматам, позвонил Марии в парк

и сказал, что сегодня прийти не сможет, а почему — объяснит при встрече...

Внимательный Дембович сразу заметил валявшийся на полу рядом с пепельницей лист бумаги, похожий на телеграмму. Он подошел ближе. Это и была телеграмма.

— От нее?

Зароков кивнул.

— Можно?

Дембович прочел: «Миша дорогой какая радость не дождусь встречи срочно позвони любое время суток жду целую тебя крепко обнимаю твоя сестра Нина». И в конце два телефона — рабочий и домашний. Зароков не дал Дембовичу высказать свои комментарии по этому поводу, он начал расспрашивать его о Круге.

После девяти вечера Зароков отправился на переговорный пункт. Он разговаривал с Ниной ровно пять минут и вышел из жаркой, душной кабины взъерошенный и потный. Вернувшись домой, Михаил счел излишним передавать Дембовичу содержание этого разговора. Да, собственно, и нечего было передавать — так, мало-вразумительный обмен бессвязными репликами, не удивительный между людьми, которые не виделись двадцать лет...

ГЛАВА 12. ПОСЛЕДСТВИЯ ВИЗИТА УЧАСТКОВОГО

Контрразведчикам, взявшимся за осуществление плана с очень дальним прицелом, приходится ни на секунду не забывать о психологических особенностях человеческой натуры.

Разведчик, если даже он ничего не делает, всегда имеет повод для беспокойства. Но, бездействуя долгое время, он может постепенно успокоиться. Правда, это будет пассивное, если можно так выразиться, полусонное спокойствие. Оно непрочное и неглубокое и может развеяться от малейшей, даже ложной, тревоги.

Только то спокойствие надежно и прочно, которое выработалось путем многочисленных проверок в серьезных испытаниях. Опытный разведчик не пропускает ни одной возможности проверить обстановку, он даже сам искусственно создает такие возможности — конечно, в пределах разумного.

Надежда, после того как устроился в таксомоторный парк, словно впал в зимнюю спячку и, по всей видимости, надолго. Это не устраивало советских контрразведчиков. Лучше было бы, если бы он активизировался. Вот почему участковый уполномоченный имел удовольствие сообщить Зарокову столь радостную весть, что сестра его нашлась, хоть хорошо было известно, что он и не собирался ее искать.

Спустя два часа после телефонного разговора Нины Александровны с Михаилом в квартире Воробьевых — это была отдельная двухкомнатная квартира — раздался звонок. Открыв дверь, Нина Александровна увидела незнакомого молодого человека.

— Разрешите войти? — очень вежливо и вместе с тем несколько официально сказал он.

Молодой человек достал из кармана удостоверение личности, показал его Нине Александровне и спросил:

— Где нам с вами можно поговорить наедине?

Нина Александровна пригласила в комнату.

У Нины Александровны были все основания удивляться, когда сотрудник органов госбезопасности, попросив извинения за то, что не может ничего объяснить подробно, изложил причину своего появления. Он сказал, что человек, который прислал телеграмму и с которым два часа назад она говорила по телефону, не брат ей. Но если она когда-нибудь встретится с ним, она должна постараться сделать вид, что узнала в нем брата. Сыграть эту маленькую, но очень важную роль ей будет не так-то просто и легко. Двадцать лет надеяться и ждать, получить телеграмму, услышать, хотя бы издали, голос того, кого ждешь, испытать радость, а потом вот здесь, сейчас, выслушивать подобные вещи — это очень тяжело...

Пока он говорил, Нина Александровна успела отчетливо сообразить лишь одно: с ее братом Михаилом случилось что-то серьезное. Она готова была услышать самое худшее. Поглядев на нее внимательно, сотрудник госбезопасности продолжал:

— Вы, безусловно, понимаете, Нина Александровна, приносить людям такие вести никому не хочется, но у нас есть основания полагать, что ваш брат Михаил Зароков, если даже он еще жив, вряд ли объявится теперь. Мою задачу немного облегчает то, что

вы ведь еще в сорок пятом году получили извещение о Михаиле... Что он пропал без вести...

Нина Александровна провела ладонями по лицу, глубоко вздохнула.

— Мне сейчас кажется, что я чего-то такого ожидала... — заговорила она. — Сказать по правде, в последний раз я давала заявление в милицию о розыске Михаила просто на всякий случай, без особых иллюзий... И муж не раз говорил, что напрасно я все это... И вдруг получила телеграмму, потом звонок... Похоже на рождественский рассказ... Мне и радостно было, и как-то странно...

— Мы надеялись, что вам должно показаться если и не странно, то как-то уж неправдоподобно. — Он окончательно освободился от сковывавшего его чувства виноватости перед этой спокойной и, как видно, немало пережившей женщиной. — Но все же сегодня вашим нервам досталось... Мы просим у вас извинения.

— Ничего, — сказала Нина Александровна. Ей уже хотелось подбодрить молодого человека. Она сумела заметить, как трудно дается ему этот разговор. — Я понимаю, что так нужно.

Напоследок он заверил ее, что она не должна испытывать беспокойства. Мужу надо все объяснить.

— И попросите его, как я прошу вас, никому не говорить о моем посещении и о теме нашей беседы.

— Ну, конечно. Это понятно.

А для Надежды визит участкового имел и еще одно последствие.

Леонид Круг, которого предприимчивый Дембович, сам того не ведая, ввел в поле зрения органов госбезопасности, очень заинтересовал советских контрразведчиков. За короткий срок была проведена большая работа. Она началась через несколько минут после того, как киномеханик рабочего клуба в поселке на седьмом километре, открутив последний вечерний сеанс, запер на всякий замок свою кинопалатку и отправился домой, а окончилась утром следующего дня. В эту ночь не спали многие работники органов госбезопасности и вместе с ними два летчика. Но зато к утру был собран обширный материал. Дактилоскопическая экспертиза установила полную идентичность отпечатков пальцев, взятых с предметов, которыми

пользовался киномеханик, и тех отпечатков, которые были с величайшим трудом добыты с некоторых предметов отнюдь не домашнего обихода после разгрома боевки в 1949 году и, как предполагалось, принадлежали матерому бандиту, сумевшему скрыться и с тех пор безуспешно разыскиваемому. Беспокойство Надежды начинало давать плоды...

Можно было с немалой степенью вероятности предположить, что появление на горизонте мнимого Зарокова, его сестры и неожиданное желание Дембовича увидеть Круга находятся в прямой связи.

Леонид Круг сам по себе такая фигура, что советские контрразведчики не могли позволить Надежде пожертвовать им в какой-нибудь комбинации, связанной с появлением сестры, — это было бы по меньшей мере нерасчетливо. Круг мог еще сыграть и более серьезную роль. Надо было заставить Надежду искать другие пути, возможно, иных людей, еще неизвестных органам госбезопасности. Необходимо было принудить Надежду вытряхнуть до конца его резервы.

Именно поэтому случилось так, что на следующее утро к Кругу зашла заведующая клубом. Она приказала явиться к ней в кабинет за командировкой. Киномеханика посылали на курсы повышения квалификации. Он не удивился — это уже бывало.

ГЛАВА 13. ГРЯЗНЫЙ ВАРИАНТ

Зароков выехал из парка в шесть утра. Три раза отвез от вокзала пассажиров с прибывшего поезда, а потом дело застопорилось — нет седоков, хоть убейся. Поболтав на стоянке со скучавшими коллегами, он решил съездить домой выпить чаю. Непокойно было у него на душе. А вид Дембовича, ходившего со вчерашнего дня с физиономией гробовщика, растравил еще больше. Он понимал, что глупо и несправедливо злиться на старика, и старался хотя бы внешне не показывать ему своего раздражения. Состояние у обоих было одинаковое: ждать сложа руки невыносимо, надо двигаться, действовать. За чаем Зароков завел речь о возникшем накануне плане.

— Сегодня четверг, значит, клуб работает? — спросил он.

— Да.

— Но до вечера ждать долго, сейчас всего восемь часов. У вас как, валидола хватит?

Зароков с некоторых пор незаметно для себя перестал говорить Дембовичу «ты». И это пошло на пользу их отношениям.

— Можно и не ждать вечера. Если он дома, то один или в крайнем случае еще этот малыш сосед.

— Хорошо, Дембович, не будем ждать вечера, поезжайте. — Зароков сложил руки на столе в замок. — Начнете с того, что вам известен пароль. У меня есть старый пароль к Леониду Кругу. Человека, который придет к нему с этим паролем, он обязан слушаться. Круг, наверное, удивится, что им оказались вы. Объясните, что пароль дал вам тот, кому подчиняетесь и вы сами. И дальше прямо к делу. Он должен сегодня же уехать или улететь в Ленинград. Хорошенько запомните сами и велите запомнить ему адрес моей сестры и ее телефоны. В Ленинграде он сразу позвонит ей — вероятно, это будет вечером, после работы. Он расскажет такую историю: с братом Михаилом произошла небольшая неприятность, сам он в ближайшие две недели приехать не сможет. Он, Леонид, — мой друг, прилетел в Ленинград всего на сутки, хочет кое-что передать. Зайти к ней домой не может, нет времени. Если она имеет желание поговорить с ним полчаса, пусть приедет, скажем, на Кировские острова или в другое место по его выбору... Нет, пожалуй, Кировские острова подозрительно. Лучше где-нибудь не очень далеко от центра. Скорее всего она согласится. Когда я говорил с ней по телефону, было столько слез...

Зароков закурил.

— Дальше. Он спросит, в чем она одета, как ее узнать. Но встретит ее у самого дома — конечно, она не должна его видеть. Обязательно надо проверить, не следят ли за ней. Как это делается, Круг знает. А с полпути он сумеет раньше ее добраться до места свидания. — Зароков перебил себя: — Вы не удивляйтесь, Дембович, что я так все разжевываю. Здесь мельчайшие детали могут быть самыми решающими. Вы сумеете все в точности изложить это Кругу?

— Да, да, я слушаю.

— Самое главное. Меня не интересует, где и как он с нею покончит. Обстоятельства подскажут, а ру-

ка у него, думаю, набита. Самое главное, чтобы все было похоже на убийство с целью ограбления. И чтобы он убрался из Ленинграда в ту же ночь. Хорошо, если у него в кармане заранее будет билет на поезд, который уходит из Ленинграда часов в одиннадцать-двенадцать. В любую сторону, только не в наш город. А дело сделать надо за час-полтора до отъезда. И не дай бог, если он привезет сюда с собой хоть одну ее вещичку. Все надо где-нибудь спрятать так, чтобы никто не нашел. И обязательно чтобы был в перчатках и в новой обуви.

Зароков встал, начал расхаживать взад-вперед.

— Дальше. На следующий день он даст телеграмму сюда, на главный почтамт, до востребования на имя Корнеева. Пусть напишет два слова: «Перевод получил» — если все в порядке. Если нет — «Жду перевода»... Теперь о нем самом. Он, конечно, сообразит, что ему трудно будет объяснить дома и на работе неожиданный отъезд. Скажите вот что. После Ленинграда он не вернется на седьмой километр, мы переведем его на нелегальное положение. Пусть приедет в город, пойдет на хлебозавод и найдет там Корнеева. Куда поведет его Бекас, после решим. В конце разговора объявите ему, что весной, если все будет хорошо, его переправят за кордон. Это вдохновит. А потом дадите ему триста рублей на разъезды. Кажется, все...

Но, подумав, Зароков уточнил еще одну деталь:

— Да, забыл... Когда он с ней встретится, пусть расскажет такую историю. Я сбил нечаянно пешехода. Не насмерть. Начали следствие. С меня взяли подписку о невыезде. Подробности придумать легко. — Зароков посмотрел на озабоченно хмурившего лоб Дембовича. — Ой, боюсь, Дембович, не донесете вы все это до Круга, перепутается у вас в голове.

— Нет, я все запомнил.

— Ну, тогда с богом!

Они вышли вместе, сели в машину, стоявшую в переулке. Прежде чем тронуться, Зароков разогрел мотор, покурил. Высадив Дембовича у автобусной остановки, он отправился в парк.

Было около девяти. В диспетчерской, по обычаю, толклись водители. Возле Марии, опершись о барьер, стоял дежурный балагур. Когда Зароков хлопнул его по спине, тот сказал:

— А, Зарокову привет!

— Ты свободен.

— Вот спасибо! Как дела?

— Какие дела? Я с шести за рулем, а накрутил на полтора целковых. Все ходят пешком... Я же сказал, ты свободен. — Наклонившись к Марии, он подмигнул ей и сказал:

— У меня новость.

— Расскажешь?

— Сестра нашлась... Сама меня разыскала... Представляешь?

Мария приложила ладони к щекам.

— Да что ты говоришь?!

— Ей-богу... Живет в Ленинграде. Фамилия Воробьева. А я-то искал Зарокову.

— Как я рада за тебя...

— Хочу дня на три отпуск у начальства попросить.

— Ну как же, конечно, надо.

Зароков рассказал подробно, как все это произошло, какую он послал и получил телеграмму, как говорил с сестрой по телефону.

— Ладно, Мария, — он взглянул на часы. — Надо поработать.

— Завтра увидимся?

— Обязательно. Если я не уеду...

А в одиннадцать часов дня на площади перед филармонией произошел несчастный случай, по поводу которого работники ОРУДа составили протокол.

Вот как было дело.

К остановке на площади подошел автобус. Следом за автобусом ехало такси — голубая «Волга». В тот момент, когда такси обгоняло автобус, из-за него на проезжую часть выскочил молодой человек, он хотел перебежать на другую сторону, к скверу. Такси вильнуло, молодой человек заметался, и машина ударила его правым крылом в бедро. очевидцы сообщили, что скорость такси была небольшая, во всяком случае, не превышала шестидесяти километров. Резко тормозить водитель не мог, так как был гололед, да к тому же площадь покрыта не асфальтом, а гладкой гранитной брусчаткой. Общая картина позволяла сделать заключение, что водитель такси не виноват. Между прочим, остановившись, он первым бросился

к лежавшему на мостовой парню, хотел отвезти его в больницу. Но тут, на счастье, мимо проходила машина скорой помощи, она и забрала парня. У незадачливого пешехода оказался перелом бедренной кости, других повреждений не нашли.

Водителем этого такси был Зароков. Его повезли на экспертизу, где заставили дуть в трубку. Трубка не показала ни малейших следов алкоголя. После составления протокола у Зарокова взяли подписку о невыезде из города и велели отправляться в парк. На линию выезжать сегодня больше не разрешили.

В парке по этому поводу было много толков. Хорошо еще, что Мария сдала смену и ушла до его появления. Все шоферы жалели Зарокова, считали, что ему просто не повезло. Ведь водитель первого класса. Допустить наезд из-за нерасторопности, по недосмотру он не мог...

Убитый случившимся, Зароков покинул парк и отправился на телефонный переговорный пункт. Продав целый час, он наконец получил Ленинград. Ему не хотелось описывать случившееся Нине в слишком трагических тонах, но все же он был очень расстроен. Главным образом потому, что это досадное происшествие задержит его приезд в Ленинград. Не может ли она сама приехать к нему? Нет, в ближайшие дни никак не может, составляется план на второй квартал. Договорились, что он будет звонить ей как можно чаще.

По пути домой он зашел в винный магазин, где продавали в розлив, выпил стакан коньяку. Ему сразу стало легче.

Дембович встретил его словами:

— Он уехал.

Зарокова удивило: слова приятные, а произнесены так мрачно.

— Уже? — спросил он.

— На курсы уехал.

Хмель сразу прошел.

— На какие курсы?

— Повышения квалификации.

Зароков сунул изжеванный окурочек в пепельницу.

— Неужели это из-за вас?

— За последние три года его посылают вторично. Я узнавал у его заведующей.

Зароков покачал головой.

— Наследили, Дембович. Заведующая вас запомнит.

— Не уверен... Я ведь тоже задал себе вопрос: неужели из-за меня? Лучше уж наследить, чем думать о таких страшных вещах. И потом это не так опасно. Она меня помнит с тех времен, когда я еще работал в управлении культуры.

Зароков не спорил. Он попросил дать чего-нибудь поесть. Дембович не мешал ему, но Зароков заговорил сам:

— Надолго послали?

— На месяц.

— Надо проверить, но с ним не встречайтесь. — Он покачал головой. — А я-то насочинял... Драматург! Режиссер несчастный!

Дембович тоже не стал спорить. Зароков отложил вилку.

— Но что-то необходимо делать. Нужен другой.

— Я думал, — сказал Дембович. — У меня есть только один человек, который может пойти на такую вещь. Но это будет очень грязный вариант.

— Кто он?

— Зовут его Василий Терентьев. Мы вместе служили в гестапо во время войны на Карпатах. На нем много крови, его держали на самых грязных акциях. А я в этом смысле был не замаран. Когда уходили, немцы меня взяли, а его бросили. Он знает, что его разыскивают как государственного преступника. В сорок седьмом он меня нашел. Я помог ему достать документы.

— Плохо... Плохо, но поневоле приходится иметь дело с подонками. Где живет?

— Псков.

— Надо ехать к нему, Дембович. Завтра же. Но как следует проверяйтесь в пути.

— Другого ничего нет.

— То, что мы насочиняли для Круга, годится?

— Думаю, годится. Только разговаривать он не мастер. Не знаю, как сейчас. Ваша сестра удивится, что у ее брата такой друг.

— Другого же никого нет... Давайте спать. Встанем пораньше... Вам в дорогу, а мне надо одного пострадавшего пешехода в больнице навестить, передачу снести.

В течение последнего месяца Куртис не баловал Павла своим вниманием. Словно бы охладел к нему. Приходил раз в неделю по вечерам, справлялся, как идет работа, давал двадцать или тридцать рублей и откланивался. Однажды, поговорив дольше обычного, он выразил удивление, что Павел резко изменил свой лексикон и вообще как-то изменился.

— Вы что же, прикажете с хлебопеками по изящной фене ботать? — возразил Павел. — Они могут не так понять. Приспосабливаться обязан, дорогой товарищ. А вообще надоело мне носить хомут. Видели бы кореша! Боже мой! Вот завеснит немножко — помашу я вам платочком.

Куртис сказал, что снимает с повестки совещания свой вопрос насчет лексикона как совершенно неуместный. И чтобы Павел не тосковал. Все окупится когда-нибудь. И дал тридцать рублей.

Жизнь Павла текла размеренно и спокойно. Время от времени являлся домой поздно. Тогда хозяйка ворчала, а на следующий день завтрак бывал хуже тюремного. Но Павел не очень-то обижался. Добродушие его было неистощимо. И это обезоруживало строгую и дисциплинированную старушку.

Усердие и расторопность Павла были замечены на работе, и вскоре его перевели на должность экспедитора. Теперь он ездил на разные склады и базы за маслом, за изюмом, какао, молоком, сахаром...

Однажды на складе, где он должен был получать масло, к нему подошел какой-то человек в белом фартуке — лица его Павел в первый момент не разглядел, в помещении склада было полутемно. Наверно, новый помощник кладовщика, решил Павел.

— А халатик-то надо бы постирать, — сказал этот человек.

Павел смутился. Но не оттого, что его синий халат был действительно не первой свежести. Он узнал много раз слышанный голос. Ошибиться было невозможно — рядом с ним стоял лейтенант Кустов, которому по плану операции назначалось осуществлять связь между ним и руководством.

— А у вас всегда очередь? — спросил Павел и отвернулся. — Пойти покурить, что ли?

— Ну, это уже по принципу — сам дурак, — разочарованно произнес человек в белом фартуке. — Покурите, покурите...

Ожидавшие очереди экспедиторы заулыбались. Кустов вышел в боковой коридор, Павел за ним.

— Кустов, это же ты, да? — быстрым шепотом сказал он ему в спину, шагая следом.

Октябрь, ноябрь, декабрь, январь — вот сколько прошло времени, прежде чем Павел дождался связи. Каково ему было сдерживаться? Он уж думал — про него забыли.

В дальнем конце коридора Кустов отпер ключом маленькую дверь, и они вошли в тесную кладовку, где стояли новенькие весы и в углу стопкой были сложены пустые мешки. Пахло свежей рогожей.

Обнялись. Потом Кустов достал из бокового кармана кожаный бумажник, извлек из него вдвое сложенный листок.

— Читай.

Павел развернул записку. Его не надо было просить дважды.

«Твое поведение одобряем, — читал он. — От тебя пока никакой информации не требуется. Задача прежняя — входи в доверие.

Боцмана проверял Дембович. Пелагею Сергеевну Матвееву проверяла втемную женщина, тебе неизвестная. Медальон предъявлен. Но не в медальоне суть. Главное — карточка. На карточке тебя узнали. И все-таки проверка еще не закончена. Будь бдителен. Не торопи события.

Дома все в порядке, мать шлет тебе большой привет. Что нужно — передай. Желаем успехов. Сергей».

Кустов все время глядел на него с добродушной улыбкой. Заметив, что Павел дочитал до точки, сказал вполголоса:

— Тебя просто не узнаешь.

— Система Станиславского.

Но обмениваться впечатлениями друг о друге все-таки не было настроения.

— Видал его с тех пор? — спросил Кустов.

— Нет, больше не видал.

— Выдерживает.

— Но думаю, если уж такой заглочет — будет крепко, не сорвется.

— Трудно тебе?

— Вжился.

Кустов показал пальцем на записку. Павел вернул ее. Кустов вынул карандаш, написал на чистой стороне несколько цифр.

— В экстренном случае можешь звонить. — Он подержал у Павла перед глазами номер телефона.

— Готово, — сказал Павел, и Кустов спрятал записку в бумажник, а бумажник во внутренний карман.

— Следующая явка будет похожа на эту.

— Хорошо.

— Что передать?

— Только приветы. Мне ничего не надо.

И они расстались, обнявшись на прощанье. Павел отправился получать масло, а Кустов вышел через другую дверь на улицу.

ГЛАВА 15. ТЕЛЕГРАММА

Настал февраль. Среди метельных и ветреных выпадали иногда дни, приносившие откуда-то издалека запах весны. Как будто на замороженных стеклах окна кто-то растопил теплым дыханием светлую лунку. Но на следующий день снова налетала морозная выюга, и лунка затягивалась бесследно.

Ничто не менялось в распорядке жизни Павла. Встреча с Кустовым немного выбила из колеи, но это быстро прошло.

6 февраля вечером пожаловал Куртис. Дверь ему открыл Павел. Он отметил про себя, что старик сильно сдал по сравнению с прошлым посещением. Как-то сразу обозначились и мешки под глазами, и склеротические жилки на скулах, а кожа шеи, показавшаяся Павлу такой морщинистой еще при первой встрече в ресторане «Центральный», была решетчатая и темная, как панцирь у старой черепахи. И вдобавок, видно, он дня два не брился.

— Сразу видно, что вы шли не на прием к английской королеве, — приветствовал его Павел.

Куртис только махнул нетерпеливо рукой.

— Слушай, Павел. Завтра поближе к вечеру тебе надо сходить на почтамт. Возьми с собой паспорт. Получишь телеграмму до востребования.

...На следующий день Павел после работы съездил на почтамт и получил телеграмму.

Дома его ждал Куртис. Старик схватил телеграмму, воскликнул: «Слава богу!» — и, не простившись, убежал.

Павел переоделся, обрадовал хозяйку, что идет в кино, и спустился на улицу. Побродив, он нашел телефон-автомат на тихой пустынной улочке. Набрав номер, который показывал ему Кустов, спросил:

— Скажите, пожалуйста, ваш телефон два двенадцать сорок семь? — Это не были цифры, набранные им.

— Нет.

— А какой?

Мужской голос назвал условный номер.

Павел сообщил о телеграмме.

— Вам велено передать, — услышал он в ответ после небольшой паузы, — придет гость. Берегите его. Редкая гадина. Теперь необходимо координировать действия.

— Понял. Буду звонить.

Вернувшись к себе, Павел увидел Куртиса. Как всегда, когда предстоял разговор без посторонних, Куртис послал хозяйку в магазин. Потом попросил Павла сесть и предупредил, что это будет самая серьезная беседа из всех, до сих пор между ними происходивших. И просил не зубоскалить.

— Завтра, а может быть, послезавтра, — начал он, — к тебе на работу придет человек. Он вызовет тебя. Не удивляйся. Фамилия его Терентьев. Пойди с ним в столовую на углу Кузнечной и Парковой. Знаешь? Если будет спрашивать обо мне, скажи, что меня увидеть нельзя, меня сейчас в городе нет... Расспроси его досконально, что он сделал. Все по порядку. Если у него осталось что-нибудь от поездки — отбери. А затем скажи, я велел сделать так. Он сегодня же ночью должен ограбить какую-нибудь палатку, магазин, ларек — что угодно. Или стянуть вещи в зале ожидания на вокзале. В общем, по его усмотрению. Его ищут, могут и найти. Ты понимаешь: лучше судиться за кражу. Осудят года на два — и концы в воду. Отсидит — выйдет чистый. Втолкуй ему. Самое главное — чтобы он усвоил именно это. От него надо избавиться. Объясни, что после отсидки он сможет жить в откры-

тую, как хочет. Не надо будет скрываться. Я дам тебе деньги, отдашь ему. Тысячу рублей.

— Слушайте, маэстро, хотите впутать меня в мокрое дело? — серьезно сказал Павел. — Я протестую. На мне и так, кажется, висит...

— Тебе нечего опасаться, — уверял Куртис.

— Хорошо. Но учтите: если что, я себя в жертву ради вас приносить не буду. Все расскажу...

ГЛАВА 16. ТЕРЕНТЬЕВ ЕСТ ПИРОЖКИ

Человек, пришедший в пятницу после обеда в контору хлебозавода и спросивший Корнеева, производил очень странное впечатление. Он был словно из ваты. Двигался медленно. На землистом лице застыло какое-то идиотски бесстрастное выражение, словно у него были парализованы нервы, управляющие мышцами лица. Лицо истукана. И ко всему — неестественно тонкий голос.

Павел, отпросившись у начальства, вышел с ним на улицу.

— Значит, вы и есть Терентьев и вы получили мой перевод? — в обычной своей манере завел разговор Павел.

— Телеграмму отбивал, — без всякого выражения, как автомат, сказал Терентьев.

— И много получили?

Тот молчал.

Павел посмотрел на него сбоку и подумал: «Натуральный истукан».

Походили по переулкам. Павел два раза проверился — Куртиса не было.

— Ладно, — сказал он, — план такой. Сейчас пойдем где-нибудь перекусим. Для ресторана, боюсь, ты одет слишком кричаще. Но тут недалеко имеется одно предприятие под названием «Пирожковая». Оно нам подойдет.

В столовую на углу Кузнечной и Парковой, где советовал отобедать Куртис, он идти не собирался. Там за ним будут следить.

В пирожковой было столиков шесть, а посетителей человека четыре — обеденные часы кончились. Павел и Терентьев сели в углу. Терентьев шапку не снял и пальто не расстегнул, хотя было жарко. Павел при-

нес два бульона, горку пирожков с мясом на глубокой тарелке.

— Водки нет? — Впервые в голосе Терентьева послышались слабые нотки какой-то заинтересованности.

Это было кстати. Павел сам собирался навести речь на выпивку, чтобы выйти минут на пять из пирожковой. Вчера он звонил своим, доложил о Терентьеве. Просили позвонить сегодня, когда Терентьев явится.

— Нет, — с сожалением произнес Павел, — здесь выпивки не бывает. Но вот что... Ты посиди, я сбегая в продовольственный, куплю поллитра. Тут недалеко. Хочешь — ешь, но лучше подожди.

— Бери сразу две. — В первый раз этот ватный человек сказал три слова кряду.

— Тоже правильно, — согласился Павел и убежал.

Он позвонил из автомата за углом. Инструкции были короткими и ясными: сделать все так, как приказал Куртис.

— И еще одно. У вашего подопечного есть золотые женские часы марки «Заря». Возьмите их у него. Покажите и отдайте их Куртису, если он сам спросит о каких-нибудь вещах. Не спросит — не показывайте. Вы их присвоили, понимаете? Деньги подопечному не отдавайте. Прикарманьте их.

— Понял.

— Когда будете передавать Куртису то, что расскажет подопечный, не приукрашивайте. Сохраните его стиль.

— Это мне ясно.

— Все.

...Павел принес две бутылки водки. Одну дал Терентьеву, другую зажал у себя между коленями.

— Так удобнее, — объяснил он. — Тут в открытую пить не разрешается. Наливай себе под столом и сразу опрокидывай. Чтоб стакан пустой стоял.

Терентьев налил себе полный стакан и выпил его маленькими глотками. Съел полпирожка.

И тут Павел попросил его рассказать про Ленинград.

Терентьев уместил всю историю слов в двадцать пять — тридцать, но излагал ее мучительно долго. То и дело останавливался, возвращался назад и все

время забывал, что говорить надо шепотом. Павлу пришлось раза два цыкнуть на него. В конце концов он все-таки добрался до точки. Если бы Павел знал о плане убийства, разработанном Надеждой, он бы увидел, что рассказ Терентьева в целом совпадает с этим планом.

Терентьев допил свою бутылку и спросил у Павла, нет ли еще выпить. Оказывается, этот истукан даже не замечал, что Павел вообще не наливал себе. Он был полностью отключен от окружающего.

— Свалишься, — сказал Павел. — А тебе еще надо дело делать.

— Не. Не свалюсь, — трезвым бесстрастным голосом возразил Терентьев. — Если есть, дай.

Павел видел, что он действительно несколько не изменился после выпитой бутылки.

— Ну ладно, я тебе дам еще, но после. Сейчас слушай...

И он слово в слово изложил то, о чем просил Куртис.

Терентьев выслушал спокойно. Ни одна жилка не дрогнула на его лице.

— Сделаю, — только и молвил он.

— Что-нибудь от этой женщины у тебя есть? — спросил Павел.

— Часики.

— Дай их мне. Только тихо. Сними шапку, сунь их за клапан, шапку положи на стол.

Терентьев все так и сделал. Павел взял шапку, вынул и положил к себе в карман часики на черном креповом ремешке.

Потом передал Терентьеву под столом нераспечатанную бутылку, сказав:

— Только не торопись, а то опьянеешь. Нам еще долго сидеть, до вечера. Я тебе покажу одну палаточку, там ты и разгуляешься.

...Около девяти часов вечера Павел повел Терентьева поближе к центру.

Не дойдя немного до угла Первомайского переулка, Павел остановился.

— Вон, смотри, на углу стеклянный павильон. Это галантерейная палатка. Действуй.

Место было не очень оживленное, но прохожие попадались.

Терентьев, шаркая по асфальту своими галошами, размеренно и неторопливо направился к павильону.

Павел повернул в обратную сторону, отошел метров на сто и решил подождать, понаблюдать, что будет.

Было тихо, и скоро он отчетливо услышал лязг, какой-то хруст, затем крики: «Сюда! Сюда!» А через минуту раздалась трель свистка.

Павел увидел, как две фигуры, сопровождаемые кучкой любопытных, пересекли улицу и скрылись за углом...

Куртис встретил Павла бранью. Он был взбешен и настолько не владел собой, что забыл услатить Эмму.

— Где ты пропадал? — кричал он. — С вокзала он поехал к тебе. Почему ты не пришел в столовую?

— Какая столовая? — Павел простодушно поглядел на Куртиса. — С таким чучелом в центре показываться?

— Подумаешь, аристократ!

Павел тоже решил разозлиться:

— Если так, я вам скажу, маэстро, кое-что. Хотели, чтобы я с этим барахлом таскался по городу? Замарать меня хотели? И без того уже замарали! Хватит. Что вы ко мне прилипли? И не орите. На меня родной папа никогда не орал. Кажется, мы с вами распрощаемся. И боюсь, что навсегда.

Павел хорошо изучил натуру Куртиса. Старик был из тех, кто кипятится только до первого отпора, а наткнувшись на острое, моментально сникает. Так произошло и теперь. Куртис почувствовал себя усталым.

— Сядем, — сказал он. — Рассказывай.

Павел подробно описал все. Куртис слушал, закусив губу, полуотвернувшись и глядя в пол.

— Будем надеяться, что все произошло так хорошо, как ты говоришь.

— Чего вам еще надо? — возмутился Павел. — Ваш приятель благополучно попал в руки милиции. Вы же этого хотели?

— Он мне никакой не приятель... У него что-нибудь осталось из вещей?

Павел молча достал часы на потертом черном креповом ремешке, протянул их Куртису. Но тот, поглядев на них, брать в руки не стал. Он смотрел на часы, как на жабу.

— Их надо выбросить. Так, чтоб никто не нашел. Слышишь? Непременно выброси. Пожадничаешь — жалеть будешь.

Павел усмехнулся.

— Это я лучше вас знаю. Я же не аристократ.

— Деньги отдал?

— Конечно, отдал, — не моргнув, соврал Павел. — Но вот куда он их спрятать успеет, трудно сказать.

— Отберут, наверно, — безразлично предположил Куртис, вставая. — Мне пора идти. Но я тебя еще раз прошу: выброси часы. А ремешок лучше сжечь.

Павел не вышел из комнаты в прихожую, чтобы проводить Куртиса, — это было впервые. Старик, надев пальто, заглянул в дверь, сказал:

— Не сердчай. — Тон у него был примирительный. — Скоро погуляем. А насчет замарать — глупость.

— Поживем — увидим, — ответил Павел.

ГЛАВА 17. ЧЕГО НЕ ЗНАЛИ ПАВЕЛ И НАДЕЖДА

Контрразведчики думали, что Надежда не решится на убийство Воробьевой. Но, к их большому сожалению, он решился. И вот что произошло в Ленинграде, о чем не знали ни Павел, ни Надежда.

...Василий Терентьев, ничем не примечательный низенький человек лет сорока пяти, неторопливый, даже медлительный в движениях, одетый в длинное зимнее пальто грязно-синего цвета с черным барашковым воротником, в шапке-ушанке солдатского образца, в черных валенках с галошами, вышел на вокзальную площадь в толпе пассажиров, приехавших из Пскова в Ленинград, и остановился, чтобы осмотреться.

Шоферы стоявших чуть поодаль легковых автомашин торопливо, как родных, кинулись встречать приехавших, предлагая услуги. Это были не таксисты, а обыкновенные «леваки».

Ловкий разбитной парень в пыжиковой шапке и потертой кожаной тужурке издали крикнул стоявшему с полукрытым ртом Терентьеву:

— Эй, валенки! Поедем, что ли?

Терентьев поманил его рукой в темной толстой шерстяной перчатке. Парень подошел вразвалочку.

— Мне на Московский вокзал. Свезешь? — спросил Терентьев неожиданным для его обстоятельного облика тонким голосом.

— Рупь, — сказал парень, озорно поглядывая по сторонам.

Терентьев снял перчатку, хотел лезть в карман за деньгами.

— Да нет, ты что? — остановил его парень. — Так нельзя. Потом. Иди в машину. Во-о-он, серая, с того краю третья. Видишь? Ты иди садись, я еще попутных поищу.

Терентьев неторопливой деловой походкой направился к машине, а парень принялся громко вопрошать:

— Кому на Московский? На Московский кому? Есть два места!

Терентьев, приблизясь к серой машине, обойдя ее два раза, словно прилаживаясь, наконец открыл переднюю дверцу, но передумал, закрыл и поместился на заднее сиденье.

Скоро прибежал шофер. Рывком распахнув дверцу, он нырнул за руль, еще не усевшись, завел мотор и, трогая с места, сказал:

— Порядок! Еще двое нашлись. С вещами. Сейчас мы их заберем.

Развернувшись по широкой дуге, он лихо, так, что взвизгнули тормоза, осадил машину у тротуара. Задние дверцы открылись разом с обеих сторон, и, не успев сообразить, что происходит, Терентьев оказался между двумя плотными молодыми людьми. И машина, свернув, быстро побежала по переулку. Молодые люди крепко сжимали ему запястья.

— Спокойно, — дружелюбно сказал тот, что сидел справа, и сунул руку к нему за борт пальто.

Там у Терентьева наспех был пришит длинный, узкий, как для белого батона, карман из холстины, а в кармане лежал тяжелый молоток.

Молодой человек извлек его и спокойно поинтересовался:

— Еще что есть?

— Ножик, — тонким голосом отвечал Терентьев.

— Ну и валенки! — весело сказал шофер и расхохотался.

— Где он?

— В пинжаке. В левом кармане, — оторопело, еще не придя в себя, сообщил Терентьев.

Молодой человек достал финку в самодельном сыромятном чехле, с наборной ручкой из разноцветного плексигласа — такие делали во времена войны...

Через полчаса Терентьев давал показания. Первый вопрос задал, правда, он сам:

— За что забрали?

Но спокойный грузный человек, сидевший перед ним за большим столом, на котором не было ничего, кроме чистого листа бумаги и черной авторучки, выдвинул боковой ящик, взял из него фотографию с фигурно обрезанными краями, показал ее Терентьеву и ответил своим вопросом:

— Когда и куда вы исчезли с Карпат?

Терентьев, помедлив, попросил попить.

— Спрашивайте. Буду говорить.

Он не запирался, не утаивал ничего.

Покончив с прошлым, перешли к тому, что Терентьев собирался сделать в Ленинграде. Ответы его были односложны, но вполне откровенны и исчерпывающи.

— Вот что, Терентьев, — сказал безразлично человек, сидевший напротив, — вы поедете в Москву, как собирались сделать. Вы дадите оттуда телеграмму, что перевод получили. Потом вы поедете в тот город и найдете Корнеева. И будете поступать так, как они вам прикажут. Не вздумайте обмануть. Теперь вам никуда не уйти. Разделаться с вами мы им не дадим. Вас обязательно будут судить как государственного преступника.

Вот каким образом случилось, что Павел имел сомнительное удовольствие познакомиться с Терентьевым, а Надежда смог порадоваться телеграмме, содержавшей два слова: «Перевод получил».

ГЛАВА 18. БЕДА ОДНА НЕ ПРИХОДИТ

Испытывая в эту зиму постоянную радость от того, что одиночество ее кончилось, Мария все ждала и боялась, как бы не пришла беда. И вот, пожалуйста, так она и знала: Михаил сбил пешехода. Правда, до суда дело вряд ли дойдет, потому что виноват не Михаил, а сам пострадавший, но все равно душа болит. Един-

ственное утешение — травма у парня оказалась не очень тяжелой. Мария дважды навещала его, носила яблоки, печенье, говорила с врачом. У парня был перелом бедренной кости, но врач назвал его удачным, потому что кость не расщепилась, парню семнадцать лет, бедро срастется.

Но так как беда одна не приходит, Мария ждала, что должна случиться еще какая-нибудь неприятность. Так оно и случилось. Едва Михаил немного успокоился после происшествия с парнем, как нагрянуло настоящее несчастье.

В тот вечер они собирались пойти в театр, но когда Михаил встретил ее после работы, Мария поняла: ни о каком театре не может быть и речи. Михаил выглядел таким убитым, что у нее упало сердце. Он как будто постарел лет на десять.

— Что с тобой? — спросила она.

Он протянул ей синюю бумажку — это была повестка из прокуратуры. Явиться сегодня в пять вечера.

— Неужели все-таки?.. — Мария имела в виду дело с парнем.

— Нет, — сказал Михаил. — Думаю, что-то случилось с сестрой. Что-то серьезное. Сейчас объясню. Проводишь меня до прокуратуры?

До пяти времени еще оставалось много, пошли пешком. И вот что рассказал Михаил.

Вчера поздно вечером он позвонил в Ленинград сестре по домашнему телефону. Было часов одиннадцать, но никто ему не ответил. Он подумал, что, может быть, сестра с мужем ушли в кино или в гости. Но какое-то смутное предчувствие не давало ему покоя, и он решил во что бы то ни стало дозвониться, услышать голос сестры, хоть в час, хоть в два ночи. Вернулся на переговорный пункт в половине первого. Но и на этот раз квартирный телефон не отвечал.

Сегодня утром он позвонил по рабочему телефону. Произошел какой-то странный разговор. Женский голос ответил, что Воробьевой нет. Он спросил, когда она будет. Никогда, был ответ. Михаил попросил объяснить почему. Может, она уволилась? Нет, не уволилась. Так что же случилось? Ну, сказала женщина, такие вещи по телефону объяснять она не будет.

А дома Михаила ждала повестка...

У подъезда прокуратуры он попробовал уговорить

Марию, чтобы она не ждала, это может затянуться. Но она осталась ждать.

Целых два часа она ходила по тротуару взад-вперед, строя самые зловещие предположения. Было холодно, но зайти в прокуратуру Мария стеснялась. Наконец Михаил вышел.

Да, предчувствия не обманули его. Следователь попросил буквально по часам и минутам рассказать, что он делал с того момента, как узнал от участкового уполномоченного о существовании Нины Александровны Воробьевой, своей сестры. Михаилу нечего было ломать голову — каждый его шаг на виду, можно точно проверить.

На вопрос Михаила о сестре следователь ответил, что она убита. Когда Михаил пришел в себя, следователь сказал, чтобы он правильно понял этот вызов и допрос. Следствие обязано проверить все версии, кажушиеся возможными. Михаила, вероятно, вызовут еще не раз.

На протяжении недели его действительно вызывали еще дважды. И в последний раз следователь объявил, что Михаил может считать себя вне подозрений, и попросил от имени прокуратуры извинения за то, что вынуждены были его потревожить.

Михаил пытался звонить по вечерам в Ленинград на квартиру Нине, хотел поговорить с мужем, но телефон не отвечал. Михаил пошел к следователю, который его допрашивал, посоветоваться, узнать, почему не отвечает телефон. Следователь сказал, что свяжется с ленинградцами, и просил зайти завтра. Михаил зашел. Оказывается, Воробьев, муж его сестры, кажется, хочет менять квартиру, дома не бывает, живет у знакомых. Что касается намерения Михаила повидаться с Воробьевым, побывать на могиле сестры, то лично он, следователь, делать этого сейчас не советует. Сомнительно, чтобы Воробьев в глубине души не связывал убийство жены с неожиданно нашедшимся братом. Между прочим, именно он первый подал ленинградским следователям мысль проверить эту версию. Вряд ли ему будет приятно увидеть Михаила...

Мария, когда у них зашел разговор о поездке Михаила в Ленинград, сказала ему то же самое и почти в тех же выражениях. И он смирился.

На этом черная полоса у Марии, кажется, конча-

лась. С парнем, которого сбил Михаил, все уладилось. По поводу темной истории с сестрой подозрения с него сняты, и Мария с радостью наблюдала, как Михаил становится прежним, уверенным в себе человеком. Окончательно он стряхнул угнетавшее его беспокойство в тот день, когда они нечаянно попали в суд. А произошло это так.

Они гуляли, встретившись по обыкновению в четыре часа, после ее работы. Михаил был веселый. Вдруг он остановился и стал читать вывеску, на которой было написано: «Народный суд 2-го участка Заводского района». Михаил сказал: «Идея! Давай зайдем. Интересно же посмотреть, что бы могло со мной произойти. Никогда не бывал в суде. А ты?» Она тоже не бывала.

Залов было несколько, но дела слушались только в двух: в одном разводили мужа с женой, в другом судили вора. Публика — сплошь старушки и старики. Михаил выбрал второй зал.

Они немного опоздали к началу разбирательства, обвинительного заключения не слышали. Подсудимый — невзрачный коренастый человек с землистым лицом — отвечал на вопросы прокурора противным тонким голосом. Вероятно, дело было предельно ясное — весь процесс занял не более двадцати минут. Вор забрался в галантерейную палатку на углу Спортивной и Первомайского переулков и был задержан на месте преступления двумя прохожими — парнями с электролампового завода, которые сдали вора милиционеру. Парни эти присутствовали на суде в качестве свидетелей и тоже давали показания. Вору дали два года.

После суда Михаил стал еще беззаботнее. В тот вечер Мария вздохнула с облегчением: и вправду черная полоса кончилась, все переменялось.

ГЛАВА 19. УРОК ЛОГИКИ

Надежда был спокоен и уверен как никогда. Все вошло в норму. Единственное, что тревожило его, — внезапный отъезд Леонида Круга, подозрительно точно совпавший с посещением Дембовича, — разъяснилось. По его заданию Дембович съездил в район, зашел в здание, где проходили сборы киномехаников, видел Круга, а в первых числах марта был на седьмом кило-

метре, разговаривал с ним. Круг в самом деле был на курсах. Ровно месяц.

Снег в саду у Дембовича растаял, и однажды поздним вечером Надежда попросил его выкопать из-под яблони портативную рацию. Составив и зашифровав довольно подробное донесение и дождавшись назначенного для сеанса часа, он выехал далеко за город и во второй раз за полгода пребывания в Советском Союзе вышел в эфир. Надежда не слишком опасался, что его запеленгуют, — передача была скоростная, длилась каких-нибудь двадцать секунд, не больше.

В донесении Надежда описал в общих чертах события прошедших месяцев, дал объективную оценку своему положению, а в конце сообщил о том, что с Леонидом Кругом установлена связь, и просил на этот счет указаний.

В следующую ночь он работал на приеме, который длился всего десять секунд. После приема он с помощью маленькой приставки к рации прослушал развернутый текст сжатой радиограммы, а потом долго расшифровывал ее. Центр считал, что положение Надежды, как им представляется, позволяет приступить к исполнению двух заданий. Ориентировочно переброска Леонида Круга назначалась на вторую половину июня. К тому времени следует иметь пробы земли и воды, чтобы Круг взял их с собой. Детально разработанный план переброски Надежда получит ровно через месяц. Указывалось точное время, когда он должен будет в следующий раз работать на приеме.

Видеться с Кругом он не намеревался. Это было бы опрометчиво. Все можно сделать через Дембовича. А с Бекасом следовало встретиться как бы случайно и поговорить по душам.

Как-то в ясный вечер, когда солнце было уже на закате и капель, весь день звеневшая в городе, замолкла, а на карнизах домов морозец развесил хрустальные сосульки, Надежда подъехал на своей машине к хлебозаводу.

Павел вышел с двумя совсем юными девушками. Он, видно, досказывал им какую-то историю, начатую еще там, за дверями завода. Девчонки покатывались со смеху. Надежда, понаблюдав эту картину, подумал, что Дембович в своих педантично подробных описаниях встреч с Бекасом нарисовал ему портрет, идеально

схожий с оригиналом. Тут, конечно, Павел был не таким, какого Павла помнил Надежда по кратковременному знакомству в поезде Сухуми — Ленинград. И не таким, как во вторую их встречу, когда Бекас сел к нему в такси вместе с размалеванной девицей. Надежда чувствовал, что начинает питать симпатию к этому легкомысленно шагающему по жизни парню.

Павел не обратил на машину Надежды никакого внимания. До трамвайной остановки он дошел вместе с девушками, а на остановке с ними распрощался. Они продолжали путь пешком.

Павел вскочил в трамвай.

Надежда не спеша ехал следом. Там, где трамвай сворачивал в сторону стадиона, Павел спрыгнул с задней площадки, не дожидаясь остановки, и бодро зашагал по бульвару. За версту было видно, что это невозможно бесшабашный человек.

На глаза ему попала закусочная, и Павел зашел в нее. Надежде пришлось подождать минут пятнадцать.

Павел появился, дожевывая на ходу.

Сокращая путь, он свернул в улицу, застроенную старыми одноэтажными и двухэтажными домиками, с тесными дворами, загроможденными покосившимися сараями. И вот здесь-то Надежда догнал его.

Опустив стекло, он окликнул Павла:

— Алло, радиотехник! Садись — подвезу. Денег не возьму — угощаю!

Павел чуть нагнулся, разглядывая шофера такси. Узнал и моментально нахмурился.

— Знаешь, друг милый, — не принимая дружелюбного тона, сказал он. — Вались ты... Вот навязался на мою шею! Я тебя не знаю, понял?

Павел огляделся, свернул во двор, увидел узкий проход между сараями и юркнул в него, чтобы выйти на другую, параллельную улицу.

Надежда развернул машину, нажал на газ посильнее, доехал до угла, сделал поворот и буквально через десять секунд въехал на улицу, по которой ускользнул. Павел. Но его там уже не было.

Личный контакт, как говорится, наладить не удалось. Зато паническое бегство Павла давало Надежде красноречивое доказательство в пользу того, что сомнения его относительно Павла беспочвенны.

И Надежда в последний раз решил проверить эти свои сомнения, преподав самому себе урок элементарной логики.

Если исходить из предположения, что Павел — контрразведчик и подослан к нему, значит, органам государственной безопасности было известно о Надежде с первого дня его появления на территории Советского Союза, а точнее, еще до появления.

Допустим, что это так. Отсюда вытекает вопрос: почему органы госбезопасности не взяли Надежду сразу? Ответ найти нетрудно: чтобы выявить его связи и намерения.

Но очевидно, что у советских контрразведчиков достаточно сил, чтобы знать о расшифрованном вражеском разведчике буквально все, следить за малейшим его шагом, контролировать каждое его действие. Подсылать к нему под видом уголовного специального сотрудника для того, чтобы усилить слежку, нет особой необходимости. И к тому же это всегда чревато известным риском для следящих: если они не считают иностранного разведчика идиотом, то обязательно должны опасаться, что при малейшей фальши со стороны подосланного разведчик обнаружит слежку, и тогда органам госбезопасности придется немедленно прекращать игру. Да и вряд ли они могли рассчитывать, что разведчик позволит себе прямой контакт с подосланным человеком, а общение через третье лицо в смысле слежки мало что прибавляет.

Значит, если Павел является человеком советской контрразведки, то направлен к нему с единственной целью: чтобы Надежда его завербовал, заставил работать на себя. Это закономерно.

В таком случае этот Павел — большой артист. Он до сегодняшнего дня еще не сделал ни единой ошибки. И сегодня сыграл блестяще. Да и Дембович не верит, что Павел направлен к ним советской контрразведкой, а старик — стреляный воробей, его на мякине не проведешь.

Трезвый ум запрещал Надежде полностью положиться на Павла и настоятельно требовал более строгой проверки.

Что же получается?

К чему он пришел?

Он пойдет на риск, пора ставить точку. Он пошлет

Павла за пробами земли и воды. Это окончательно решит все вопросы.

Надежда переправит эти пробы с Кругом, а затем попросит центр, чтобы они послали в Советский Союз специального агента за повторными пробами. Центр обязан пойти на такую перепроверку Павла, он пойдет на нее, когда поймет, какое важное значение она имеет для будущей деятельности Надежды. Это займет, правда, много времени, но у Надежды еще раньше будет возможность проверить свои сомнения относительно того, раскрыт он или нет. Самая верная проверка — переправка Круга.

Если Кругу удастся уйти за кордон, значит, советские контрразведчики не знают о Надежде. Осталось подождать два месяца. А пока по-прежнему надо быть начеку. Максимум осторожности и бдительности.

ГЛАВА 20. ЗЕМЛЯ И ВОДА

Павел, придя с работы, заперся в ванной и полоскался там, как морж. В это время явился Куртис. Подздоровавшись с Павлом через дверь, он спросил:

— Ты долго еще?

— Только голову вымыл. Посидите, маэстро, почитайте книжку о загробной жизни. У Эммы попросите...

В пиджаке у Павла, кроме старого, знакомого Куртису блокнота, был еще новый, с записями, имеющими отношение к новой деятельности Павла в качестве экспедитора. Кастет отсутствовал, был спрятан — это Куртис знал — под кроватью. Сверток с дарами для Боцмана также исчез, вероятно продан за наличные в какой-нибудь забегаловке. Часиков, которые Павел получил от Терентьева, не было. Но зато за подкладкой на обоих бортах пиджака, внизу, Куртис нащупал нечто хрустящее.

Поколебавшись немного, он решительно пошел в комнату хозяйки, вернулся с ножницами и отпорол подкладку в двух местах. Возмущение его не поддавалось описанию — он изъяс из распоротого пиджака два целлофановых пакетика, в каждом из которых было по четыреста рублей двадцатипятирублевыми новенькими купюрами. Те самые, которые он вручил Павлу для передачи Терентьеву! Две сотни были, конечно, пропиты...

Куртис даже покраснел. Бросив распотрошенный пиджак на стол вверх подкладкой и положив на него пакетики, он сел и придал лицу оскорбленное выражение. Павел появился в комнате распаренный, с полотенцем на мокрых волосах. Он с порога увидел свой пиджак на столе, перевел взгляд на разбурявшегося Куртиса и молвил:

— Ну-у, маэстро, никогда бы на вас не подумал... Устраивать шмон своему лучшему другу...

Куртис вскочил, сжав кулаки.

— Шмон? Я тебе покажу шмон, несчастный вор!

Он кричал как на базаре, топал ногами, поносил Павла в самых отборных выражениях. Павел не огрызнулся. Побесновавшись всласть, старик схватился за сердце и сел на кровать. Павел сбегал на кухню, принес воды в стакане, дал ему попить, приговаривая:

— Ну, стоит ли так портить кровь из-за несчастных бумажек? Что деньги? Та же вода.

— Ты поступил подло по отношению к Терентьеву! — закричал старик.

— На что они ему? И куда бы он успел их спрятать? — возразил Павел.

— Ты поступил подло, — настаивал старик. — Мне этот случай открыл на тебя глаза. Я шел к тебе сегодня не за тем, чтобы ругаться и скандалить, но ты меня вынудил. Я хотел по-дружески просить тебя об одном одолжении, но теперь имею право и требовать. Я собирался дать тебе деньги — не столько, конечно, сколько ты прикарманил. Скажем, половину. Но ты уже получил из них двести рублей, не так ли?

— Считайте, что получил, — согласился Павел. — Давайте остальные триста.

— Сначала поинтересуйся, за что ты их будешь получать.

— Интересуюсь.

— Вот и слушай.

Павел присел на кровать рядом с ним.

— Помнишь, я как-то, между прочим, спрашивал тебя насчет города Новотрубинска?

— Разве? Что-то не помню.

— Ну, значит, собирался спросить. Ты бывал там?

— Лучше спросите, где я не бывал.

— Тебе придется съездить в Новотрубинск.

— А как же работа?

— Возьмешь расчет.

Павел не мог сдерживать радости. Он хлопнул старика по плечу так, что тот поежился.

— Вы не совсем пропащий человек, Куртис. Весна и на вас отражается благоприятно. Но что я там буду делать?

Куртис как будто не слышал вопроса.

— Скажи, — спросил он, — в тех местах в апреле снега уже нет?

— Смотря где. А вам что, прошлогодний снег нужен?

Куртис достал из пиджака карту — это была страница, выдранная из карманного географического атласа, — ткнул пальцем в бурое пятно. Карта была маленькая, очень мелкомасштабная. Ноготь Куртиса занял площадь в несколько тысяч квадратных километров.

— Здесь.

— Аллах его ведает, — сказал Павел. — Наверно, уже растаял. А может, нет.

— Все равно. — Куртис сложил карту пополам. — К концу апреля ты отправишься. До Новотрубинска самолетом, а там как возможно. Авиация есть — полетишь, нет — поездом. Запомни: станция... — он назвал станцию.

— А вы скажете, за чем я туда поеду?

— Дело самое пустяковое. Привезешь коробочку земли и бутылку воды из речки. И все.

— Так, так, так... — Павел соображал недолго. — Думаете, нашли простака... Учтите, Куртис, я же вор образованный, хотя и не аристократ. Научно-популярную литературу почитываю в промежутках между посадками. Знаете, такие маленькие книжечки в ярких обложках. Я же десять классов окончил, Куртис. А вы сколько?.. Это называется — проба на радиоактивность.

— Ты ничем не рискуешь.

— Статья шестьдесят четыре УК РСФСР. Измена Родине.

Куртис заерзал.

— Это же легче легкого. Ну как ты можешь попасться? Неужели у кого-нибудь вызовет подозрение турист, если он несет с собой бутылку воды? И земли тебе нужно не целый вагон. Всего две-три горсти.

— Я же беглый, меня ищут. Попадусь в дороге —

что я скажу? Что вез землицы на могилу отца? А водой хотел полить цветы, которые на ней не растут, потому что я не знаю, где могила?

Павел сам подкинул козыри в руки Куртиса.

— Ну, если ты попадешься милиции, тебе все равно, по какой статье становиться к стенке. Убийства часовых не прощают.

Удивленно взглянув на него, Павел протянул неуверенно:

— Он должен был остаться живым... А как вы разнюхали?..

— Должен! Откуда ты знаешь?

Переговоры, выражаясь языком дипломатов, чуть было не зашли в тупик. Но Куртис проявил терпение и настойчивость. Он не сулил золотых гор, но предлагал довольно много денег. Успокаивал, внушал, что при соблюдении элементарной осторожности почти никакой опасности нет. Павел молчал, слушал как-то рассеянно, потом встал, снял с головы уже наполовину высохшее полотенце, скомкал его, в сердцах шлепнул на стул и сказал:

— Эх, гореть так гореть!

Когда Куртис уходил, к Павлу вернулось его обычное бесшабашное настроение. Он остановил старика в дверях.

— Слушайте, маэстро, может, все-таки заштопаете мой пиджачок?

— Ничего, ты и сам портной хоть куда...

Как условились, дней через десять Павел взял расчет. На хлебозаводе все были опечалены, что он уходит, его успели полюбить за веселый, легкий характер. Пробовали отговаривать, но Павел сказал, что хочет приобрести на четвертом десятке какую-нибудь более квалифицированную профессию.

Куртис не провожал его на аэродром. Они скоротали время в кафе неподалеку от городского агентства Аэрофлота, откуда Павел должен был уехать на автобусе. На Павле был новый, только что купленный костюм серого цвета и недорогое, но хорошо на нем сидевшее пальто. Поговорили о том, о сем, о погоде. А напоследок, уже выйдя из кафе, Куртис сказал как бы мимоходом:

— Да, ты вот что... Билеты не выбрасывай. Все привези.

Павел ничего не ответил, только укоризненно покачал головой.

— Тебя не обманешь, — старик улыбнулся одобрительно.

ГЛАВА 21. ТРЕТИЙ СЕАНС

Все чаще случалось так, что Михаил после смены, поставив машину в гараж, приходил ночевать к Марии. Соседи ее давно к нему привыкли, он стал в квартире своим человеком. Мария дала ему запасные ключи от общей двери и от комнаты.

Она лишь однажды поинтересовалась, где он живет. Он сказал, что снимает проходную комнату в ветхом доме на окраине, приглашать Марию в гости ему неловко. И больше между ними этот вопрос не возникал.

В тот день, уходя из дома Дембовича утром на работу, Михаил захватил небольшой обшарпанный фибровый чемоданчик. Сверху лежала пара чистого белья, свежая верхняя рубаша, мыло, мочалка и махровое полотенце. Под бельем свободно поместилась рация. очередной сеанс связи с центром, назначенный на завтра, он из предосторожности хотел провести в другом месте, за городом.

После смены, сдав машину, Михаил пошел к Марии. Она видела уже седьмой сон, когда он, стараясь не греметь, открыл дверь. Мария не проснулась. На ночь он поставил чемоданчик в платяной шкаф. Что Мария из любопытства заглянет в него, можно было не опасаться. Эпизод с письмами, которые он забыл у нее тогда, давал ему на это право.

Утром она не стала его будить, и он проспал момент ее ухода. На столе лежала записка с указаниями, что где взять на завтрак. В конце: «Позвони».

Позавтракав, он оделся, взял чемоданчик и вышел на улицу. Было совсем тепло. Солнце делалось горячим. На тополях лопнули почки, и по улицам стелились на уровне вторых этажей прозрачные зеленые газовые косынки.

На автобусе он добрался до того места, где началась загородная автострада. Встал на обочине.

Грузовые машины шли часто, но ему не всякая годилась. Наконец он увидел то, что нужно: в кабине

с шофером рядом место было занято — там сидели две женщины. Кузов с высокими бортами — машина оказалась овощная. Михаил поднял руку, грузовик притормозил.

— Мне недалеко! — крикнул он шоферу. — Подвезешь?

Шофер кивком показал на кузов, Михаил перебро-сил через борт свой чемоданчик и легко вскочил сам. Грузовик быстро покатился по прямой, как линейка, бетонной автостраде.

Зарокон лег на пол кузова, приоткрыл крышку чемодана. Рация была налажена заранее. Следовало лишь послать позывные и перейти на прием.

Минут через десять, когда проезжали через большой поселок, Михаил постучал по кабине, поблагодарил шофера, предложил ему рубль, но тот отказался.

В город он вернулся на электричке. На вокзале зашел в телефонную будку, позвонил в диспетчерскую парка.

— Ну как? — узнав его голос, спросила Мария. — Что собираешься делать?

Михаил сказал, что хотел сходить в баню попариться с веничком, да встретил одного знакомого. У него мотороллер забарахлил, просит помочь, придется венику постоять в углу.

— То-то думаю, чего это Миша с чемоданом стал ходить. В баню, значит. Ну так что? Ты мне еще позвонишь?

— Обязательно. После обеда.

Он поспешил домой. Дембович ковырялся среди яблонь, начался сезон весенних садоводческих работ.

Расшифрованная радиограмма подробно излагала детали по переброске Леонида Круга, который должен взять с собой пробы.

В час ночи 28 июня в квадрате, который числится на имеющейся у Надежды карте под номером 31—42, в узкой длинной бухте Круг должен в ста — ста пятидесяти метрах от берега ждать катер. Он может быть в небольшой резиновой лодке, а лучше пусть добирается вплавь. При условии, что пробы останутся в сохранности.

В непосредственной близости от указанного квадрата расположены санатории и дома отдыха. Круга надо направить в один из них заблаговременно. Район по-

граничный, появление незнакомого человека, если он не отдыхающий, обратит на себя внимание. Под видом отдыхающего есть возможность предварительно разведать квадрат.

Пароль для Круга: «Экватор». Ответ: «Аляска».

Если у Надежды возникнут препятствия — уведомить. Его будут слушать каждое четное число в два часа дня по московскому времени. Если все в порядке — в эфир не выходить.

Но у Надежды были и свои потребности. Он хотел получить от центра деньги и, главное, запасную портативную рацию. Его рация почему-то вдруг стала барахлить. Однажды он, торопясь, забыл вложить ее в непромокаемый футляр, и она, очевидно, отсырела. Отдавать в ремонт, естественно, нельзя.

Надежда считал переброску Круга пробным камнем. Улетит — стало быть, у него все в порядке. Не улетит — значит, он давно на крючке у советской контрразведки. Пересылка рации и заодно с нею денег в этом смысле опасности не прибавляла. А раз так, можно подключить Павла.

Надежда зашифровал ответную радиogramму с намерением передать ее послезавтра. Затем снова позвонил Марии. Баня отменяется, сказал он, до послезавтра. Сейчас купит билеты в кино на вечер, потом пообедаст, а в четыре ждет ее на обычном месте.

Через сутки был опять устроен «банный» день. Он передал центру радиogramму с просьбой прислать запасную рацию и деньги, которые должен принять с катера и доставить на берег Павел. Спустя некоторое время центр запросил характеристику на Павла. Получив необходимые данные, он разрешил привлечь Павла к операции.

Надежда до этого допустил несколько просчетов — правда, не из-за собственной опрометчивости, а с помощью советских контрразведчиков. Но самой серьезной и теперь уже самой последней ошибкой резидента был, конечно, Павел, хотя Надежда все еще не до конца доверял ему...

На Дембовиче действия Надежды отразились своеобразно. Он получил задание купить надувную лодку и весло.

Весло купить удалось, но были только алюминиевые, оставлявшие на ладонях темные, металлические

лоснящиеся пятна. Дембович наивно попробовал выразить протест — почему алюминиевое? Весло должно быть деревянное. Но продавец посоветовал дружески: «Берите, папаша, что есть, а то и этого не будет».

Лодок в магазине не имелось. Как говорится, нет и неизвестно... Отчаявшись, Дембович предпринял в воскресенье поход на рынок, на толкучку, и там ему повезло. Один дошлый дяденька, торговавший предметами рыбацкого обихода, надоумил его обратиться к некоему своему знакомому, который работал вулканизаторщиком в авторемонтной мастерской. Он и адрес дал. И заверил: «Он те не то что лодку, он те космический корабль сотворит». Действительно, найдя вулканизаторщика, Дембович моментально с ним договорился. Цену тот заломил людоедскую, но зато обещал сделать быстро, и, как сказал сей маг, «будете плавать, пока сами не утопитесь».

Но это была не самая трудная часть выпавших на долю Дембовича забот. Михаил велел обеспечить две путевки в дом отдыха на побережье. Курортный сезон был на носу, достать путевку к морю становилось проблемой даже для рабочих и служащих, а Дембович, как известно, пенсионер. И позвольте, если, предположим, ему повезет и через собес дадут целых две путевки, то ведь они будут на его имя. «Ну, тут мы выйдем из положения», — сказал Михаил.

И Дембович каждое утро, как на службу, отправлялся или в собес, или в областное курортное управление, где у него прежде были кое-какие знакомства, или в совет профсоюзов.

А 26 мая Михаил послал Дембовича к Леониду Кругу с паролем, велел передать, чтобы тот готовился к переправе и ждал указаний.

ГЛАВА 22. ВСТРЕЧА ПЕРЕД МАЕМ

В небольшой подмосковной даче, укрывшейся за высоким глухим забором, не ложились спать до поздней ночи. Собеседников было трое: генерал Иван Алексеевич Сергеев, полковник Владимир Гаврилович Марков и старший лейтенант Павел Сеницын.

Полковник Марков и Павел сидели друг перед другом за круглым столом под огромным темным абажуром. Генерал расположился в полутени на диванчике.

Он лишь изредка вмешивался в разговор, а больше слушал.

Марков подытожил доклад Павла и данные, собранные всеми участниками операции.

— Вариантов с переправой проб может быть несколько, но наиболее реальные из них только два. Либо к нему пришлют специального курьера, допустим какого-нибудь безобидного туриста, моряка, либо он сам пошлет кого-то за кордон. Курьер — маловероятно, потому что слишком для него опасно. Курьер может привести «хвоста». Значит, будем исходить из второго варианта. Здесь четыре вопроса: кого, как, где, когда? Здесь нам ничего не известно, но есть наводящие на размышления факты. Во-первых, Дембович снова навещал Леонида Круга...

— Владимир Гаврилович, — перебил Маркова генерал, — простите, но вы ведь, кажется, выяснили, что поездка Дембовича на седьмой километр в марте вызвана просто беспокойством Надежды.

— Мартовская — да. Но Дембович ездил туда и вчера. Я не успел вам доложить...

Павел слушал молча. Ему все это было крайне интересно, ведь сейчас перед ним открывалась общая картина операции. В положении Бекаса он походил на актера, который один, без партнеров, играет выхваченную из пьесы роль.

— Во-вторых, — продолжал Марков. — Дембович обзавелся самодельной надувной резиновой лодкой и веслом. — Он сделал паузу, побарабанил пальцами по столу. — В-третьих, Дембович пытается приобрести две — прошу обратить внимание, — две путевки в дом отдыха у моря — предпочтительнее к западу от города N. И сроки его интересуют строго определенные — с пятнадцатого или в крайнем случае с двадцатого июня. Зароков три раза выходил в эфир, но расшифровать его радиogramмы не удалось. Вот все, Иван Алексеевич...

— Да... — Генерал подсел к ним за стол, облокотился, лег грудью на скрещенные руки. — Как ты думаешь, Павел, зачем ему две путевки?

— Не знаю, для кого другая, но от одной я сам не отказался бы, — сказал Павел.

Генерал усмехнулся.

— Кстати, Владимир Гаврилович, не забудьте по-

мочь Дембовичу купить путевки. — Он поглядел на Маркова, потом на Павла. — Интересно, как все это повернется...

Марков и Павел молчали.

— А затем спать пора, — сказал генерал, вставая. — Ложитесь. Я поеду домой.

Марков и Павел поднялись из-за стола. Генерал снял очки, близоруко посмотрел на Павла, положил ему на плечо руку.

— Славно мы посидели на дороге. До свидания, Павел! Главное, всегда помни: бой ведешь ты, а мы обеспечиваем тебе тылы. За них не беспокойся.

«Волга», фыркнув, выскочила за ворота...

Шел третий час ночи, но Марков и Павел спать не легли. Требовалось самым тщательным образом верить линию дальнейшего поведения Павла в зависимости от любого возможного поворота событий.

На следующий день Марков привез на дачу красивую молодую женщину и познакомил с нею Павла. Она была модно одета. Звали ее Рита. Если Павлу придется попасть на курорт, Рита будет связной, — на все другие случаи остается лейтенант Кустов.

После первомайских праздников, которые Павел провел с матерью на даче, он получил от полковника Маркова пробы. Земля и вода были привезены из того самого района, куда Павла послал Дембович, но по пути к Павлу они успели побывать в лаборатории одного института. Если люди, жаждавшие заполучить эту землю и воду, предполагали обнаружить в пробах радиоактивность, то результаты анализов превзойдут самые смелые их ожидания.

Павел, взяв чемоданчик из искусственной кожи, в котором лежали круглая коробка из-под халвы — там была земля — и синтетическая фляга с водой, а также имелись предметы, приличествующие Бекасу, полетел в Новотрубинск. Оттуда поехал на станцию, указанную Дембовичем, и целую неделю изучал ее окрестности с пристрастием топографа.

На Павле, когда он покидал Москву, не было пальто, не было и новенького серого костюма. Возвращался он в город, где его ждали Зароков с Дембовичем, не самолетом, а поездом. И ехал не в купированном вагоне, а в бесплацкартном, рассчитывая, что Дембович и Зароков расценят это как надо.

— Нате вам землю, сажайте огурцы. — Павел положил перед Куртисом банку из-под халвы. — Нате вам воду, поливайте их. — На столе появилась фляга. — Больше для вас ничего нет.

Павел вытряхнул остальное содержимое чемоданчика на кровать. В перепутанном ворохе были зеленый мужской шарф, женский пуховый платок, галстук тех ядовитых расцветок, от которых сводит скулы, кожаные перчатки, блестел перочинный нож, и все это нашпиговано картами рассыпавшейся колоды.

— Да, маэстро! — Павел полез в боковой карман. — Вот билеты. Тут немного больше, чем вам нужно.

Действительно, маршрут передвижений Павла, отраженный в предъявленных им билетах, был гораздо длиннее и сложнее того, который составил для него Куртис. На билетах фигурировало штук пять крупных городов.

Куртис брезгливо наблюдал за Павлом. Наконец разжал зубы.

— Гастролировал?

— Было дело.

— Не боялся?

— Боялся.

Куртис оглядел все так же брезгливо грязный, заношенный, явно с чужого плеча костюм Павла.

— Пропился?

Павел вынул из разноцветного вороха на кровати карту, показал ее Куртису. Это был туз.

— Вот. Вот что меня сгубило, дорогой Куртис. Ставил я на пиковую даму, а сыграл бубнового туза. Перекинемся с вами? Я не передергиваю, не опасайтесь.

Куртис пропустил мимо ушей любезное приглашение. Он не был расположен к пустой болтовне.

— Банку и флягу оставь у себя. Спрячь, на виду не держи. Завтра я зайду. А ты отмывайся.

— Одолжите хоть красненькую.

Куртис оставил на столе десятку, сгреб билеты, завернул их в газету и ушел.

Явившись на следующий день, он пошушукался с хозяйкой на кухне, а когда та ушла, приступил к делу.

— С тобой можно говорить всерьез?

— Валяйте, — лежа одетый на кровати и глядя в

потолок, сказал Павел. — Я сейчас в самой боевой форме.

Вот что услышал Павел. Куртис даст ему путевку в дом отдыха «Сосновый воздух», выдаст денег на приличный костюм и вообще на обзаведение всем необходимым для пребывания на курорте. Павел возьмет надувную лодку, складное весло и велосипедный насос, которые лежат в брезентовом чехле у хозяйки в кладовке. Путевка не заполнена, Павел впишет свою фамилию и имя собственной рукой, это официально разрешается. Путевка с 12 июня на двадцать четыре дня.

В доме отдыха с ним познакомится один человек...

Тут Куртис нарисовал портрет, прямо противоположный внешности Круга: высокого роста, худой, узкоплечий. Волосы светлые, стрижка короткая. Глаза серые. Особых примет нет. Впрочем, полезно знать, что два передних верхних зуба у него из белого металла.

— Неудобно в зубы глядеть, — критически заметил Павел и поцокал языком.

— Если ты надо мной издеваешься, твое дело. Но советую отнестись серьезнее.

— Не издеваюсь. Сообразите сами: как он меня опознает и как я его?

— Вот для этого и надо слушать до конца, а не строить из себя умника.

Во-первых, этот человек заметит Павла уже по брезентовому чехлу с лодкой, он придет в дом отдыха несколько раньше. Но на курорте найдется много отдыхающих с лодками в чехлах. Поэтому...

— Поэтому поднимайся, приведи себя в божеский вид, и пойдем погуляем по городу.

Куртис посмотрел на часы. Было два. Хозяйка где-то задержалась.

— Не будем дожидаться Эмму. Пообедаем где-нибудь по дороге.

Он таскал Павла по улицам, будто экскурсовод экскурсанта. Павел так и не понял, где Куртис хочет показать, предъявить его Леониду Кругу, где должно состояться это одностороннее знакомство. Они обошли весь центр, съездили к вокзалу, были у стадиона, у электролампового завода, возле базы кинопроката, в речном порту, около телецентра и когда после двухчасового блуждания сели в маленьком ресторанчике пообедать, бедный Куртис дышал, как загнанный.

Провожая Павла, Куртис досказал основную часть своих инструкций.

Павел возьмет землю и воду и будет держать их у себя. Когда тот человек спросит о халве, Павел отдаст ему пробы. И вот наиболее важное — то, что Павел должен зарубить себе на носу: на все время пребывания в доме отдыха он поступает в беспрекословное подчинение к незнакомцу и обязан исполнять все, что тот прикажет. А дела там могут быть посложнее, чем поездка за пробами. С нынешнего дня и до самого отъезда на курорт Павлу запрещается выходить из дому. Строго-настрого.

И последний параграф: по истечении срока путевки Павел возвращается домой с теми вещами, которые у него окажутся.

По мере того как излагалась программа, всегдашняя бесшабашность постепенно сползала с Павла, и от Куртиса это не укрылось. Серьезный Павел нравился ему больше.

Куртис поднялся с ним в квартиру, поговорил с Эммой. Уходя, отобрал у Павла ключи.

Павел протестовал вяло.

— В такую погоду...

— У моря надышишься.

В начале трехнедельного карантина, похожего во всем на тот, первый, Павел переживал тревогу и неуверенность. Что делать? Надо позвонить и поставить своих в известность о том, что он узнал. Но Куртис торчит в квартире целый день. А старуха, кажется, вовсе перестала спать по ночам. Можно, конечно, улучшить удобный момент, убежать, когда Куртиса нет, а старуха ковыряется на кухне. Однако вернуться в квартиру незамеченным не удастся. Эмма обязательно донесет Куртису, и это может навести на Павла подозрения, которые, возможно, заставят Надежду изменить планы.

К тому же, что существенное, чего не знали бы Марков и Сергеев, мог в данную минуту сообщить Павел? Им и без него все должно быть известно, в том числе и сроки путевок.

Они не знают только, что вторая путевка именно у него.

Что ж, узнают 12 июня. Тут ничего страшного нет, все равно раньше 20-го ничего случиться не должно. И Павел решил не испытывать судьбу.

Он научил Куртиса играть в буру и в шестьдесят шесть, а старик научил его раскладывать пасьянсы. Куртису не понравились ни бура, ни шестьдесят шесть, а Павлу понравился пасьянс под названием «чахоточный», посредством которого удавалось успешно убивать время.

Кроме того, Павел заставлял Куртиса приносить ежедневно свежие газеты. Все, какие бывают в киосках. Он говорил, что ему доставляет удовольствие хотя бы видеть на печатных страницах названия различных городов, если уж нельзя их посетить лично. Иногда он читал Куртису вслух длинные статьи, читал с выражением, и это было на редкость трогательное зрелище.

Иногда Павел тренировался: раскладывал на полу аккуратно склеенную лодку и надувал ее с помощью велосипедного насоса. Это была очень трудная и долгая процедура.

Однажды он заявил, что гантели, купленные им еще в пору работы на хлебозаводе, его больше не удовлетворяют. Нужна гиря. В магазине спорттоваров должны продаваться. Куртис, кряхтя, приволок новенький полуторапудовик. Как старик вознес его на четвертый этаж — уму непостижимо, но клял он Павла искренне и с большим темпераментом.

Но все приходит к концу. 12 июня утром Павел с маленьким чемоданчиком из искусственной кожи в руке и с большим брезентовым чехлом на плече ступил на перрон вокзала в городе N и, щурясь на солнце, от которого успел отвыкнуть за три недели, не спеша вышел на привокзальную площадь. А еще через час автобус доставил его в дом отдыха «Сосновый воздух».

ГЛАВА 24. «ИДЕМТЕ ГУЛЯТЬ» И ПАША-ЛОДОЧНИК

Дом отдыха, куда приехал Павел, имел только один каменный корпус — центральный, где на первом этаже размещались столовая и клуб. Большинство отдыхающих располагалось в четырехкомнатных деревянных коттеджах, разбросанных в беспорядке среди соснового леса, который недалеко от берега переходил в лиственный. В лесу обитало множество белок, они совершенно не боялись людей.

Вода была еще холодна для купанья — пятнадцать-

шестнадцать градусов, но солнце грело жарко, и после завтрака все отправлялись на пляж. Лежали на песочке, подставляя солнцу по очереди то грудь, то спину. Становились в широкий круг и пасовали друг другу волейбольный мяч, вскрикивая, когда кто-нибудь с силой гасил. Владельцы разноцветных надувных матрацев и лодок, презрев оставшихся на берегу, покачивались на ленивой меланхоличной волне. Преферансисты, положив расчерченную для записи бумагу на большой плоский камень и прижав ее сверху малыми камнями, травили себя сигаретами и отрешались от моря, неба и земли, лишь время от времени нервно переругиваясь с окружающими их болельщиками, которые, как известно, хорошо умеют подсказывать, но совсем не умеют играть.

Как на каждом пляже, здесь тоже было два-три мужественных купальщика и две-три еще более мужественные купальщицы, которые плавали в любую погоду, при любой температуре, восхищая тем простых смертных.

После ужина танцевали на веранде, смотрели кино, иногда по призыву энергичного культработника по очереди завязывали платком глаза и, беря в руки увесистую палку, били глиняные горшки, но плохо. Наличных запасов горшков культработнику должно было хватить при таких темпах лет на десять.

Пары отправлялись к морю — слушать прибой, как они объясняли. Часов около десяти их обычно вспугивали пограничники, ходившие дозором по берегу.

В общем курорт как курорт. Только две особенности отличали его от многих других курортов страны: во-первых, здесь в нескольких километрах проходила государственная граница, и, во-вторых, море иногда выбрасывало на берег янтарь, так что в любое время дня и вечера можно было увидеть, как любители древней застывшей смолы с прутиками в руках бродят по колону в воде. Павел не имел ни малейшего намерения в чем-нибудь отставать от других. Он играл в волейбол, загорал, купался и катался на своей лодке. Правда, она была не такая яркая и шикарная, как у прочих лодко- и матрацевладельцев, посматривавших на него с чувством собственного превосходства, но зато могла свободно поднять четверых и весла слушалась с полуслова. Одно было хлопотно: воздуха в свои резиновые цистерны-борта она принимала столько, что надувать ее велосипед-

ным насосом — все равно что кисточкой для бритья подметать футбольное поле. В конце концов подметешь, но сколько мелких движений! Поэтому Павел искал и нашел выход: перед спуском к морю заворачивал в гараж дома отдыха, там быстро надувал лодку автомобильным насосом и нес ее на берег готовенькую.

С первого дня он начал приглядываться к мужчинам, похожим на обрисованного Куртисом. Высоких, со светлыми волосами и серыми глазами среди отдыхающих было несколько человек, и Павел старался угадать, который же из них должен будет не сегодня-завтра заговорить с ним о халве. Он ждал, что этот момент наступит очень скоро.

На третий день своего отдыха Павел увидел на пляже Риту. Он заметил ее издали. Она сняла платье, оставшись в серо-голубом купальнике, и легла на песок недалеко от компании женщин, уже заметно поджарившихся на солнце.

Павел насажал полную лодку мальчишек и девчонок, которых много на каждом пляже, и поплыл подальше от берега. Море было спокойное, гладкое, будто на воду положили и туго натянули прозрачную пленку.

Вернувшись, Павел увидел, что не одни женщины быстро обратили внимание на Риту. Около нее в ленивых, но полных достоинства позах стояли двое рослых, атлетически сложенных юных пловцов в кокетливых шапочках — соискатели, как называл таких Павел. Усмехнувшись, он подумал, что, наверное, как всегда в подобных ситуациях, ленивость поз и небрежность, с которой цедятся слова, прямо пропорциональны заинтересованности.

Юнцы ушли дальше по берегу походкой развинченной, как у мастеров спортивной ходьбы. Но их место тут же занял более собранный человек, постарше и как раз такой внешности, какую описал Куртис. Тем лучше, значит, с Ритой можно заговорить, не возбуждая ничьих подозрений. Он ведь тоже может быть соискателем.

День проходил за днем, а халвой никто не интересовался. Павел уже начинал подумывать, что Надежда изменил планы. Или Куртис следит за ним, приглядывается? Возможно и это. Но в его положении оставалось только ждать и отдыхать. За неделю Павел перезнакомился с доброй половиной дома отдыха, познакомился и с Ритой. Этому во многом способствовала лодка. Ви-

дя, что он парень общительный, отдыхающие не стеснялись — женщины просили покатать их, мужчины брали лодку и сами катались. Но после критиковали алюминиевое весло: очень руки мажет, не отмоешь. Кто-то шутя советовал Павлу открыть прокатный пункт — мол, можно денег на обратную дорогу заработать.

Так как на пляжах всем дают прозвища, то дали и Павлу. Его звали Паша-лодочник.

21 июня после завтрака он, как всегда, накачал возле гаража лодку, взвалил ее на голову и зашагал к морю.

Его догнали бежавшие налегке девушки.

— Поможем Паше-лодочнику!

Девушки отобрали у Павла его нетяжелую ношу и побежали вперед.

— Весло возьмите! — крикнул он.

Одна вернулась, взяла весло.

Когда он дошел до пляжа, девушки уже были в купальных костюмах. Окружив лежавшую на песке лодку, они спорили, кому первой кататься. С ними был невысокий коренастый мужчина лет сорока на вид, похожий сложением на штангиста. Павел видел его на пляже и в столовой с первого дня, но не останавливал на нем внимания. Знал только, как все, что девушки прозвали его «Идемте гулять» — вероятно, часто приглашал на прогулки. Сейчас коренастый выступал в качестве арбитра между девушками. Наконец они его послушались. Он отобрал троих, бросил лодку на воду, все сели, и «Идемте гулять» неумело заработал веслом.

Павел подсел к игравшим в «кинга» женщинам.

Промелькнул час, другой. Солнце вошло в зенит. «Идемте гулять» все катался, несколько раз сменив за это время пассажиров. Павлу тоже наконец захотелось уплыть в море, подальше от берега, — там прохладнее, не так печет. Выждав, когда «Идемте гулять» подгрел к берегу, чтобы высадить очередную партию, Павел крикнул ему:

— Алло, капитан! Нельзя ли теперь хозяину?

— Прости, Паша! — отозвался тот. — Что же раньше не сказал?

Павел вошел в холодную воду. Мурашки побежали по ногам снизу вверх.

— Давай, — протянул он руку за веслом.

Но «Идемте гулять» предложил:

— Садись пассажиром. Ты всех возишь, давай теперь я тебя покатаю.

Павел согласился. Но не успел он устроиться, к ним подскочила дородная женщина в голубой резиновой шапочке — одна из тех, кто на зависть другим купается при любой температуре. Ухватив лодку рукой, она сказала своим тоном:

— Ой, мальчики, возьмите меня! Отвезите подальше — я там спрыгну.

«Идемте гулять» сердито возразил:

— Как так «спрыгну»? Лодку перевернете. В вас наверняка пудов пять есть.

Но упитанная пловчиха не обиделась.

— Может, пять, а может, больше. А вообще не вы хозяин. Как, Паша?

Лодка вправду была верткая, нестойчивая, но Павлу не хотелось обижать эту жизнерадостную даму, к тому же ему не нравилась неожиданно грубая выходка «Идемте гулять».

— Ладно, что с вами поделаешь, — сказал он, подвигаясь ближе к корме, где сидел «Идемте гулять».

Пловчиха села впереди, перевесив их обоих.

«Идемте гулять» за два часа освоился с веслом, и они быстро ушли от берега метров на триста. Пловчиха с удивительной для ее комплекции ловкостью перекочевала из лодки в воду, сказала «Привет!» и редкими саженками поплыла к берегу.

— Ну и бабища! — сказал «Идемте гулять». Скорей всего потому, что нечего было больше сказать.

— А вам что, лодки жалко стало? — спросил Павел.

— Да ладно, черт с ней, Паша, — примирительно заговорил «Идемте гулять». — Даже лучше получилось.

Павел обернулся к нему в недоумении. Оказывается, у него есть о чем сказать.

— Что лучше получилось?

— Я хотел поговорить о банке с халвой.

У Павла вытянулась физиономия. Вот так Куртис! «Высокий, худой, волосы светлые». Все наоборот.

И Павел подумал, что полковник Марков был прав, отказавшись тогда, во время встречи на даче, показать ему фотографию Леонида Круга, чтобы Павел как-нибудь невзначай не выдал Кругу, что знает его в лицо...

«Идемте гулять» перестал грести и спросил:

— Ну, так что скажешь насчет халвы?

— Есть халва. Когда отдать?

— Можно хоть сегодня. Но это не все... Нам надо пройти по берегу, оглядеться. Я уже ходил два раза. Тебе тоже полезно...

— Я человек послушный. Как скажете, так и будет.

— Давай на «ты». Сегодня после обеда пойдем гулять в лес. Вдоль берега. Пригласим девчонок. Пойдем к границе. Там все время в горку, с высоты линию берега видно хорошо. Смотри и запоминай.

— Там же, наверно, пограничники?

— Пограничники и здесь бывают. Мы пройдем километра полтора. В одном месте увидишь наблюдательный пункт. Он днем пустой. Скорее всего запасной. Или ночью там сидят.

— Для чего все это, можешь сказать?

— Объясню в свое время... Хотел спросить: знаешь, как меня зовут?

— Девчонки прозвали «Идемте гулять». А по паспорту как — не ведаю.

— Леонид. В общем, мы с тобой должны быть дружными.

— Не против, — сказал Павел.

— В столовке подойди ко мне, договоримся. Сейчас довольно. — И он направил лодку к берегу.

Пообедав, Павел подошел к столику в углу, где сидел Леонид, доканчивавший второе блюдо.

— Ну так что, Ленья? — бодро спросил он. — Идем гулять?

Девчонки, сидевшие за соседним столом, фыркнули, и одна из них сказала:

— О! Даже Пашу-лодочника вовлек в пенсионеры. Пропал человек!

Павел погрозил им пальцем.

— Вот вы смеетесь, а зря. Знаете, что такое озон? Вот пошли с нами...

Слово за слово, и Павел их уговорил. А по пути к ним присоединился еще кое-кто, и получилась компания человек в пятнадцать. Среди них была и Рита.

Шли гурьбой, оглашая лес смехом, пугая белок громкими возгласами.

Павел, подхватывая чужие шутки, не забывал, зачем пошел: внимательно изучал линию берега.

Сначала тянулись открытые песчаные пляжи. Они были безлюдны. Санатории и дома отдыха кончились.

Потом он увидел короткий мыс, клином врезавшийся в море. Формой и цветом он напоминал бетонные быки мостов, о которые крошатся в ледоход льдины, только на нем сверху, как мохнатая шапка, топорщился сухой кустарник.

За мысом показалась укромная бухточка, которая с той, дальней, стороны окаймлялась песчаной косой — длинной и узкой. На обратном пути Леонид дал Павлу знак, чтобы он отстал. А потом отстал и сам.

— Чуешь, какая бухточка? — сказал он, взяв Павла за руку.

— Уютно.

— Походи туда раза два-три, и вечером как-нибудь. Погуляй по бережку. Только не в одиночку. Посмотри, как ближе сверху спускаться. Я уже смотрел и еще схожу. Вместе нам больше лучше не гулять.

— Сделаю. Но, может, ты все же скажешь, к чему все это?

Леониду было понятно любопытство Павла, он не видел в этом ничегостораживающего.

— Скоро узнаешь. Зачем заранее жилы тянуть? Еще пригодятся.

После ужина Леонид подошел к Павлу.

— Ну и наломал я сегодня руки! — сказал он. — Неудобное какое-то весло.

— С непривычки, — объяснил Павел.

— Все-таки не то весло. И потом смотри... — Он показал Павлу ладони. Припухшие подушки пальцев лоснились, как рельсы. — Мажется. Пойдем в душ, а?

Павел отказался.

— Я пойду помоюсь. Холодной воде это не поддается.

Он пошел в свой коттедж.

Павел уселся на скамейке. По пути в душевую Леонид должен был пройти мимо. Через пять минут тот появился со скатанным в трубку полотенцем под мышкой.

— Сидишь?

— А что делать?

— На танцы шел бы.

— Еще не начинали.

Проследив, как Леонид скрылся в душевой, он отправился искать Риту. Нашел ее на площадке, где располагались столы для пинг-понга. Игра велась «на вы-

садку», Рита ждала очереди. Павел уговорил ее походить немного. Предупредив пинг-понгистов, что вернется, чтобы ее очередь не пропала, Рита взяла Павла под руку, и они пошли по аллейке.

Павел отдал Рите нарисованную им схему бухты, виденной днем. Они условились, что с завтрашнего дня Рита, сказавшись больной, будет по вечерам сидеть дома, в палате, — она жила в самом ближнем от центрального корпуса коттедже. Днем она должна быть или на пляже, или дома. Одним словом, чтобы он в любую минуту мог ее найти...

Дождавшись темноты, Рита исчезла с территории дома отдыха. Вернулась она после полуночи.

Миновал еще один день, потом второй, а Леонид не высказывал желания вновь заговорить. Павел дважды ходил к бухте с той смешливой девушкой, которая острила тогда в столовой по поводу прогулок и пропащих людей. Они облазили бухточку, прошлись по длинной косе. Был полный штиль, и зеркало бухты не имело ни единой морщинки. Павел подумал, что даже и при сильном волнении здесь волны не будет.

Утром 27 июня Леонид подошел к Павлу на пляже, когда он был один у лодки.

— Покатаемся, — не попросил, а скорее приказал он. — Поговорить надо.

В море он наконец изложил Павлу задачу, объявил, что это произойдет сегодня в час ночи. Они выработали подробный план действий и вернулись на берег.

Павлу было трудно поговорить с Ритой незаметно — Леонид не спускал с него глаз, — но он все-таки сумел, шляясь по пляжу, пройти мимо нее и сказать: «Сегодня в час ночи».

Перед обедом Рита позвонила из кабинета директора дома отдыха в город.

ГЛАВА 25. ДЕСЯТЬ СЕКУНД

В десять часов вечера они встретились в лесу. Было еще довольно светло, но закатный свет быстро меркнул. Ночь обещала быть теплой.

Леонид оделся по-походному. Фляга с водой и земля, пересыпанная в целлофановый пакетик, были за пазухой. Резинка шаровар не удержала бы флягу, поэтому он опоясался узким брючным ремнем.

Павлу пришлось одеться еще легче — ведь ему не в дальний путь, ему возвращаться надо. Человеку, катающемуся ночью в резиновой лодке, лучше не надевать костюм с галстуком. На нем была синяя рубаша с коротким рукавом — подарок Куртиса, — черные трусы и тапочки на резиновой подошве. Под мышкой он держал толстый увесистый сверток — лодку, в одной руке — автомобильный насос, который после обеда по настоянию Леонида он стащил из гаража. Леонид сам как следует смазал его вазелином, чтобы не скрипел. В другой руке было разобранное весло.

Вышли пораньше, с запасом. Могло случиться, что они наткнутся на пограничников, прежде чем достигнут облюбованной Кругом расщелины в высоком берегу бухты. Тогда они скажут, что заблудились, вернутся к дому отдыха и начнут все сначала. Ходу до бухты, если даже сделать большой крюк, минут двадцать пять — тридцать. Леонид взял направление прочь от берега. Он шагал впереди совсем бесшумно. Павел шел на вытянутую руку сзади след в след.

Стемнело. Но все же ночь была довольно светлая. Утешало лишь то, что на лес спускался туман.

Минут через пятнадцать Леонид под острым углом повернул в сторону моря. Туман становился плотнее. Но, когда они достигли кромки обрыва, нависшего над берегом, и, раздвинув кусты, посмотрели на море, Круг шепнул Павлу в самое ухо: «Плохо». Над морем тумана — ни клочка. Черный овал лодки на темно-сером фоне воды сверху будет замечен. Но что делать? Погоду не предусмотрить...

Удачно, без шума, забрались в расщелину. Она была очень узкая, уже размаха двух рук, но глубоко врезалась в покатый склон обрыва. Вероятно, весенние ручьи промыли эту щель. Ветви кустов, росших наверху, сплелись и образовали плотную крышу.

Не мешкая, начали надувать лодку. Леонид развернул ее, взялся за один борт, приподнял его выше головы. Другой борт свисал на дно расщелины. Павел приладил шланг насоса к соску лодки и стал качать. Потом они поменялись. В начале двенадцатого часа, когда лодка была уже надута и они молча стояли, глядя в море, наверху прошел пограничный патруль. Пограничников было двое, они не разговаривали и двигались тихо, но ветки похрустывали под тяжелыми сапогами.

И опять тишина. Море не шелохнется.

Леонид притянул к себе Павла, зашептал:

— Ох, плохо. Все плохо.

— Отменить нельзя? — шепотом спросил Павел.

— Мы же не ленту крутим — на каком кадре обрвать захотел, там и остановил.

«Киномеханик ты проклятый», — хотелось сказать Павлу.

Они стояли, касаясь друг друга плечом, и Павел чувствовал, что легкая, едва уловимая дрожь, охватившая Леонида, передается и ему. Это не страх, это была дрожь немыслимого напряжения.

Павел не испытывал ненависти к Кругу. Только спокойное, ровное презрение. Сейчас не время было копаться в душе. Он старался представить себе то, что должно произойти через полтора часа, и мысленно провести себя по всем этапам скоротечного действия, разъяв его на секунды и мгновения. Поэтому он был спокойнее Круга. Он даже ощущал, что комары жгут нещадно лицо, шею, голые ноги.

Справа, в самом углу видимой им части моря, слабо светлело зарево морского порта. Казалось, оно шевелится.

А Круг часто смотрел на часы, поднося их к самым глазам. Но от этого время быстрее не двигалось.

Около двенадцати снова прошли пограничники, теперь в обратном направлении.

Где-то далеко в море в восточной стороне замерцал белый блик. Он переместился слева направо, потом справа налево, осветлив линию горизонта, и погас. Наверно, корабль шарил прожектором.

Потом послышался отдаленный глухой рокот — то ли в воздухе, то ли в море.

Круг посмотрел на циферблат — было всего пять минут первого. Еще рано.

Рокот удалялся и скоро сошел на нет.

— Как думаешь, на каком расстоянии мы его увидим? — прошептал Круг.

Глаза хорошо привыкли к темноте. Павел считал, что надежная видимость у них с Кругом не меньше километра. Но расстояния на море обманчивы, особенно ночью и если смотришь с высоты. Так он и сказал. Вероятно, Круг старался высчитать наиболее подходящий момент, когда им надо сесть в лодку.

Интересно, подумалось Павлу, как эта гадина рисует себе его, Павла, возвращение, если их обнаружат? Скорее всего никак. Ему на это в высшей степени наплевать... Ну, посмотрим...

Устали плечи, устали ноги. Уши устали слушать тиканье часов — Павел раньше не предполагал, что обыкновенные наручные часы могут тикать так громко и нудно.

— Пора, — шепнул Круг.

Павел поднес циферблат к глазам. Без двадцати час. Ну что ж, пора... Он потянулся, чтобы выгнать из мышц оцепенение.

Приподняли лодку, боком выдвинули ее из расщелины, стараясь не царапать о стенки. Круг первым вышел на покатый склон. Комочки сухой глинистой земли покатались вниз. Он застыл.

Но ничто не нарушало безмолвия в туманном лесу. Они спустились к воде. Круг сел впереди. Павел с кормы занес одну ногу, другой оттолкнулся и в тот же момент опустился на упругое дно лодки. Павел своей половинкой весла греб с правого борта, Круг с левого. Работали без всплеска. Понадобилось пять минут, чтобы выгребсти на середину бухты. Остановились.

— Подгребем носом, — зашептал, обернувшись, Круг. — Как только подойдем к катеру, сразу гребни назад к берегу.

— Ты говорил, что-то должны передать?

— Багаж нетяжелый: сбросят в лодку.

Неожиданно на востоке, за толстым мысом, родился тихий ровный звук — будто жужжит маленький настольный вентилятор.

Круг предостерегающе поднял руку.

— Разве оттуда должны?.. — шепнул Павел.

— Подожди.

Круг весь напрягся вслушиваясь. Похоже было, что звук приближается.

Слух, измотанный долгим напряженным ожиданием, отказывался определить, далеко это или совсем близко. Но тут они явственно услышали другой звук — сочный, хрустящий. Словно тугая струя из открытого до предела крана бьет в раковину. Только очень быстроходный корабль может так звонко резать острым носом воду.

И вдруг прямо перед ними метрах в пятидесяти возник узкий силуэт маленького судна. Сбавив ход и чуть

отвернув, катер прошел мимо, держа их по правому борту, заложил крутой вираж, качнув лодку на своей волне, повернул носом в открытое море и, поравнявшись с ними, застопорил метрах в двадцати. Казалось, он ходил без мотора — никакого шума. Короткий, низко сидящий, с плоской зализанной рубкой, под цвет ночного моря. На открытой корме стоял человек.

— Живо! — едва не в полный голос выдохнул Круг.

Но прежде чем они опустили весла в воду, с катера спросили по-русски:

— Кто вы?

— «Экватор».

— Мы «Аляска». Быстро.

Круг греб сильнее, лодку заносило вправо, к носу катера.

За мысом взревела сирена.

— А, черт!

И в тот момент, когда до катера оставалось каких-нибудь пятнадцать метров, шипящий пронзительный прожекторный луч ударил со стороны мыса и воткнулся в борт катера, отпечатав на нем четкую тень двух сидевших в лодке.

Человек, стоявший на корме, кинулся к рубке.

Круг бросил весло в воду, встал, с трудом сохраняя равновесие...

— Давай же! — заорал он отчаянно, протянув руки вперед.

Павел сделал один гребок, другой. Низкая выступающая над водой не больше чем на полметра корма катера была совсем рядом. Металлические поручни ярко блестели в безжалостном свете прожектора. Круг весь подался вперед. Павлу казалось, что он не вытерпит, кинется в воду.

Снова оглушительно громко взревела сирена. Луч прожектора, бивший Павлу в спину, сделался теплее: судно, на котором был включен прожектор, приближалось. Усиленный мощным динамиком, разнесся над бухтой басовитый голос:

— Эй, на катере! Стопорь машину!

Глухое эхо отдалось в туманном лесу, звонко отскочило обратно на воду, звук гремел и шарахался из стороны в сторону. Все выглядело и звучало странно и фантастично. Особенно голос. Как будто это происходило в узком гулком тоннеле. Может быть, оттого, что

катер и лодка беспомощно барахтались в ослепительно светлой трубе прожекторного луча, все остальное, за пределами его фосфоресцирующих границ, казалось черным и беззвучно.

Вдруг со стороны прожектора застрочил пулемет. Длиннейшая очередь. Пули вспороли воздух над катером. Круг дернулся, вскрикнул и упал в воду. Лодка перевернулась. Ухо Павла не слышало, чтобы в пулеметную очередь вплелся одиночный выстрел, но ему показалось, что пуля, попавшая в Круга, прилетела с другой стороны, с берега.

Павел, вынырнув, увидел, что рядом, на расстоянии двух вытянутых рук, бултыхался Леонид. Голова его то появлялась над водой, то скрывалась. Сделав сильный гребок, он схватил Круга под мышку правой рукой, лег на левый бок и подгрел к катеру. Ухватившись за поручни, подтянулся на катер, на секунду оставив Круга, затем лег животом на поручни, перегнулся за борт и протянул Кругу руки. Круг цепко обхватил их чуть ниже локтей. И так же, ниже локтей, держал его Павел.

— Давай! — закричал Круг.

Катер вздрогнул и рванулся вперед. Павел рывком потянул Круга вверх. Тот вспрыгнул коленями на острый край борта, застонал и, как куль, перевалился через поручни на палубу кормы. Они вырвались из прожекторного луча, потом он снова нашел их. Еще одна длинная очередь прошла небо над катером. Вероятно, пограничное судно преследовало их, но скорость у катера была бешеная. Прожектор погас — он был уже бесполезен.

Мотор катера работал тихо, но Павел всем телом ощущал его мощь: палуба под ногами вибрировала.

Из рубки выскочил человек в каком-то полуматросском, полурыбацком одеянии. В руке у него был серебристый мешок.

— Ложись! — приказал он Павлу и сам опустился на корточки. Павел повиновался, лег рядом со стонавшим Кругом и сказал по привычке шепотом:

— Теперь ушли.

— Кто из вас Леонид? — спросил матрос.

— Я Леонид, — подавив стон, отвечал Круг.

Матрос постучал лежавшего вниз лицом Павла пальцем по затылку.

— Бери посылку и быстрее прыгай за борт. Еще недалеко, можно доплыть.

— Вы с ума сошли... Поедет с нами... — простонал Круг.

Павел приподнялся.

— Нет... нет... — запротестовал Круг.

Матрос, махнув рукой, ушел в рубку. Видно, вся команда катера состояла из капитана и этого человека.

Прервав стон, Круг сказал:

— Старик не получит посылку. Но кто знал, что так все... О, черт!

Он опять застонал.

— Куда тебя? — спросил Павел.

— Ноги. Вот тут. — Круг, лежавший ничком, показал рукой на бедро.

— Надо перевязку сделать, — сказал Павел и, приподнявшись, крикнул в рубку: — Алло! Бинт и йод есть?

Матрос открыл дверцу, ответил не выходя:

— Нет. До берега.

Павел снял синюю рубаху с короткими рукавами — под нею была еще белая майка. Стянул майку, разорвал ее на широкие ленты, связал их. Он перевернул Круга вверх лицом, расстегнул ремень, вынул у него из-за пазухи флягу и пакет с землей. Потом сдернул шаровары до колен. Осматривать раны было бесполезно — плохо видно.

— Обе? — спросил Павел.

— Кажется, да.

Видно, левую ногу ударило сильнее, потому что Круг, пока Павел ее бинтовал, скрипел зубами. Пуля прошла навылет через бедро левой ноги ровно посредине и застряла в правом бедре, потому что выходного отверстия не было.

Когда Павел кое-как перевязал Круга, тот сказал:

— Спасибо тебе, лодочник. Если бы не ты, кормить бы мне рыб... Век не забуду... Спасибо...

С того момента, как прожекторный луч вспыхнул на пограничном судне, и до того, как Павел и Круг очутились на борту катера, прошло всего десять секунд. Если бы сказать это Павлу, он бы не поверил.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ
**ВОЗВРАЩЕНИЕ
БЕКАСА**

Небольшой «мерседес» свернул с бетонного шоссе на узкую асфальтовую дорогу, ведущую к морю, и вскоре остановился на берегу бухты. Из машины вышли двое, оба в одинаковых темных костюмах. Тот, что вел машину, был среднего роста, очень плотный. Лет под пятьдесят. Черные с проседью волосы, причесанные на косой пробор, блестели, как покрытые лаком. Второй — высокий, худой и светловолосый. И намного моложе.

Оставив машину с открытыми дверцами, двое пошли к берегу — черный впереди, блондин сзади. У деревянного пирса, длинным языком лежавшего низко над водой, они остановились. Черный поглядел на часы. Было десять. Утро стояло ясное. Солнце, забравшееся уже высоко в безоблачное небо, грело жарко их спины.

— Если все в порядке, должны скоро быть, — сказал блондин.

Черный кашлянул в кулак, но не отозвался. Он, прищурясь, глядел туда, где четкая цветовая межа отделяла стеклянно отсвечивавшую гладь залива от темной взъерошенной громады открытого моря.

— Виктор обрадуется, — снова нарушил молчание блондин.

На этот раз черный разжал губы.

— Брат. Тринадцать лет не виделись.

Но словоохотливого блондина его тон не смутил.

— Мало ему хлопот и нахлебников... Думаете, этого оставят в системе?

— Монах любит Виктора... А его брат знает теперь Советский Союз лучше, чем все ваши умники во главе с божьим одуванчиком... И вообще довольно об этом.

Они ждали и смотрели. И вот из-за мыса показалось маленькое судно. Оно пересекло цветовую межу и нацелилось на пирс.

Катер с низкой зализанной рубкой пересек залив на полном ходу и лишь у самого пирса резко убавил скорость. Буруны вскипели за кормой. Скрипнув обшивкой по сухому дереву, катер прильнул к пирсу. Человек в полуматросском одеянии вспрыгнул на дощатый помост.

Двое на берегу не двинулись с места. От них до приставшей посуды было метров тридцать.

На пирсе появилась фигура человека в морской фу-

ражке. Это был капитан катера. Под мышкой он держал небольшой матово-серебристый мешок.

Приблизившись, капитан козырнул ожидавшим. Он был немолод и выглядел уставшим.

— Их двое, — сказал капитан. — Меня обнаружило пограничное судно. Стреляли.

На катере происходила какая-то возня. Черный спросил:

— Чего они тянут?

— Один ранен. Кажется, тяжело...

В это время из катера на белые доски пирса выбралась группа, выглядевшая странно в ярком свете солнца, заливавшего безмятежно тихий залив. Двое, стоя по бокам, поддерживали третьего.

Один из этой группы был в трусах и рубаше с коротким рукавом, босой, весь вымазан в крови. Другой, в сатиновых шароварах и баскетбольных кедах, еле держался на ногах. Третьим был матрос.

— Черт знает что! — удивился блондин.

Группа медленно двинулась по пирсу. Тот, что в шароварах, обняв двух других за плечи, ступал только на правую ногу, а левую ногу волочил беспомощно, охая и наваливаясь на своих помощников.

Достигнув берега, троица остановилась. Раненый поднял голову. Лицо у него было опухшее, воспаленное. В углах рта запеклись черные сгустки.

— Здравствуйте, — сказал он хриплым голосом.

— Вы Леонид Круг? — спросил черный.

— Да.

— Кто он? — черный кивнул на Павла.

— Должен был взять посылку, — ответил Круг. — Вышло не то...

Он передохнул, достал из-за пазухи флягу и непромокаемый пакет, протянул и сказал:

— Просили передать.

Тот взял флягу и пакет в одну руку.

— Едем.

Под оханья Круга они двинулись к машине. Черноволосый остался на берегу с капитаном. Он догнал остальных уже возле машины. Павел взялся уже за ручку задней дверцы, но черноволосый сказал сердито:

— Ждать!

Затем открыл багажник, вынул скатанный в трубку клетчатый коврик, дал его блондину. Тот расстелил ков-

рик на заднем сиденье и жестом приказал Леониду и Павлу садиться.

...Асфальтовая лента взбежала на бетонное шоссе, и машина резко прибавила скорость. Круг с закрытыми глазами сидел, держа спину прямо, Павел подложил ладонь под его запрокинутую голову.

Черноволосый поправил зеркальце, и Павел почувствовал, что на него пристально смотрят, но сам в зеркальце старался не глядеть. Часы у Павла остановились, и он не мог определить, сколько времени они ехали. Во всяком случае, не меньше полутора часов.

Затем свернули с шоссе и углубились в лес. Лес был аккуратный и прибранный, словно весь его почистили пылесосом, а каждое дерево прошло через руки садовника. Скоро деревья стали редеть, а потом машина выскочила на огромную поляну, на которой в строгом городском порядке стояли дачи. Возле одной из них, окруженной высоким забором, остановились. Черноволосый вышел из машины, нажал кнопку у двери рядом с воротами, ему быстро открыли, он исчез и не появлялся минут десять. Вернувшись, распахнул заднюю дверцу и сказал как будто бы приветливее прежнего:

— Выходить. Оба. — И помог Павлу извлечь Круга из машины.

Дача была из красного кирпича. Первый этаж имел по фасаду восемь окон, второй был вдвое меньше площадью, а над ним еще возвышалась башенка с ромбовидным маленьким окошком. Крыша из розовой черепицы. От ворот к широкому парадному входу вела узкая дорожка, выложенная белыми изразцовыми плитками. Перед дачей росли розы. Участок был большой и весь засажен яблонями.

На верхней ступеньке крыльца стояла молодая, гладко причесанная женщина в светлом полотняном платье. Увидев шедших, она скрылась в доме. Навстречу им откуда-то из-за роз появился высокий человек в клеенчатом белом фартуке и в шапочке с длинным узким козырьком. Он перехватил руку Круга, сменив черноволосого.

По внутренней лестнице поднялись на второй этаж, черноволосый отворил обе створки двери, ведущей в большую комнату, Леонида Круга подвели к тахте, и он лег на спину, придерживая руками левую ногу.

Черноволосый исчез, а приблизительно через час

явился врач, щеголеватый человек лет тридцати, с саквояжем в руке. Павел помог Кругу раздеться.

Женщина в полотняном платье принесла эмалированный тазик с водой.

Пока врач включал никелированный бокс, гремел иглами и щипцами, мыл руки, женщина успела сходить вниз и принести ворох одежды. Павел выбрал себе и надел техасские брюки из тонкого брезента. Они были ему немного длинны.

Осмотрев раны Круга, врач задумчиво посвистел. Потом быстро обработал отверстия, наложил пластыри и сказал помогавшей ему женщине, что надо тут же посмотреть раненого на рентгене и извлечь пулю из правого бедра. Еще он сказал: кости левого бедра, вероятно, расщеплены, ранение тяжелое.

За Кругом была прислана санитарная машина. Его увезли, одев в длинный махровый халат и обув в домашние шлепанцы.

Пока он отсутствовал, Павел помылся в ванной на первом этаже, а потом женщина предложила ему пообедать на кухне. Оказалось, что она прекрасно, почти без всякого акцента, говорит по-русски. Зовут ее Клара. Павел, к которому постепенно возвращалось бесшабашное настроение, спросил, сколько ей лет, и она без всякого кокетства сказала, что двадцать восемь. Когда Павел как следует ее разглядел, он подумал, что вряд ли принял бы эту Клару за иностранку, встретив на улице в Москве. Типичное русское лицо, очень миловидное.

Павел поинтересовался, где он будет жить. Клара ответила, что пока не знает.

Обед она подала почти русский — холодный судак, тушеное мясо с овощами, компот. Только борща не хватало. После обеда Павел поднялся наверх, прилег отдохнуть на тахту и заснул.

Его разбудил грохот на лестнице. В комнату вошел врач, за ним появились носилки, на которых двое несли Круга. Потом санитары притащили какие-то блестящие трубы и трубочки, колесики и шнуры и начали сооружать над тахтой некое мудреное приспособление. Они долбили стены, ввинчивали в потолок крючья, приворачивали шурупами к полу никелированные стойки. Когда все это было свинчено и подвешено, получилось похоже на стрелу подъемного крана. Круга уложили на тахту. Врач с помощью санитаров заключил его левую

ногу в систему трубок, планок и ремней, а потом взялся за шнуры, свисавшие с блока на потолке, и подтянул ногу ступней вверх.

Павел наблюдал за всеми этими манипуляциями, стоя спиной к двери, и поэтому не заметил, как в комнату вошел черноволосый человек, привезший их сюда. Перекинувшись с врачом несколькими словами, он поманил Павла к себе и сказал, что на все время, пока Круг будет поправляться, Павел останется с ним, будет жить в этой комнате и исполнять обязанности сиделки.

Так началась для Павла жизнь на чужой земле. К чему все это приведет, он не имел никакого понятия и старался пока не заглядывать вперед. В первую же ночь он просто выработал для себя линию поведения на каждый день. Он останется Бекасом, но в новых условиях Бекас должен измениться. Пусть каждый, кто пожелает здесь общаться с ним, ощущает главное: неожиданный поворот в судьбе устраивает его как нельзя лучше. А там видно будет..

С утра, едва проснувшись, Павел приступил к обязанностям сиделки. И более заботливого ухода Круг вряд ли мог желать.

Прошло три дня, но никто больше ими не интересовался. Только однажды дачу посетил врач.

За все это время Павел ни разу даже не показывал носа на дворе, ни на минуту не покидал раненого. Клара постепенно снабдила его принадлежностями госпитальной палаты, в которой лежат люди, лишенные возможности двигаться, и Павел ухаживал за Кругом по всем правилам.

Они почти не разговаривали. Леонид нервничал и, по всей вероятности, с нетерпением ждал чего-то, но был замкнут и не желал делиться с Павлом своими думами. Во взгляде его Павел улавливал все нарастающую благодарность, смешанную с удивлением. По правде сказать, Павел и сам не ожидал, что малопривлекательная роль сиделки дастся ему столь легко.

К концу четвертого дня, перед наступлением сумерек на дачу явился новый посетитель. Едва увидев его, Павел понял, что это брат Леонида. Они были очень похожи, только вошедший выглядел старше и намного грузнее.

Леонид сделал порывистое движение, хотел приподняться, но брат замахал руками и, быстро подойдя, припал щекой к его груди. Павел покинул комнату, неслышно притворив за собою дверь.

Спустя полчаса Клара позвала его наверх к Кругу.

— Познакомься, Паша. Мой брат Виктор. Мы ждали этой встречи тринадцать лет, — сказал Леонид.

— Очень рад, — сказал Павел.

Глаза старшего Круга смотрели на него доброжелательно.

Виктор Круг пробыл недолго. Пообещав навеститься завтра, он распрощался, поцеловал брата и пожал руку Павлу.

Уже со следующего утра они почувствовали, что отношение к ним изменилось. На дачу был привезен и установлен в их комнате телевизор. Клара объявила, что в холодильнике отныне всегда можно найти что выпить. А также фрукты. С Павла и Леонида сняли мерки, а через день принесли костюмы, белье и обувь. Леонид повеселел.

ГЛАВА 2. РАЗГОВОР ШЕПОТОМ

На десятый день Виктор Круг приехал не вечером, как обычно, а перед обедом. Вид у него был озабоченный. Попросив Павла пойти погулять в саду, он подвинул стул к изголовью тахты и тихо, в самое ухо, сказал брату:

— Я задам тебе несколько вопросов. Но говори шепотом. Нас не увидят — пока что телеустановки в этом доме нет. А микрофоны есть.

Леонид кивнул.

Виктор подошел к телевизору, включил его. Заиграла музыка.

Между братьями начался разговор, больше похожий на допрос, с той лишь разницей, что допрашивающий не желал допрашиваемому ничего, кроме добра.

— Ты лично встречался хоть раз с человеком по имени Михаил Зароков? — спросил Виктор.

— Нет, никогда.

— Кто явился к тебе с паролем?

— Дембович.

— Как ты познакомился с этим парнем?

— Через Дембовича. Он показал мне Павла.

— Как Дембович собирался прикрыть твоё исчезновение?

Леонид облизал сухие губы, вспоминая детали.

— Я получил от жены телеграмму со срочным вызовом. Должен был дать её Павлу. И записку к соседу по комнате, чтобы отдал Павлу вещи. Павел должен был показать телеграмму в дирекции дома, чтобы объяснить мой досрочный отъезд.

— Это было бы надёжно?

— Вполне, — отвечал Леонид.

— Ты уверен, что всё сделал так, как велел Дембович? Ни в чём не ошибся?

Леонид молчал.

— Я забыл про телеграмму, — наконец признался Леонид. — И записку не писал.

Виктор снова припал губами к его уху.

— По сути дела, это не имеет никакого значения, раз Павел оказался здесь. Но это твоя ошибка, очень серьёзная ошибка. Какие инструкции давал тебе Дембович о Павле на ту ночь?

— Он сказал так: что бы ни произошло, я должен попасть на катер. Если замечу какую-нибудь опасность, Павла в лодку не брать. Но пограничный катер появился в последнюю секунду.

Виктор махнул рукой.

— Надо, чтобы этот Павел, когда его спросят, излагал историю с телеграммой так, как должно было быть, а не так, как случилось на самом деле.

— Будут разбирать? — спросил Леонид.

— Следствие назначили бы всё равно, в любом случае... Не в том дело... Надежда не вышел на связь после вашей переправы.

Леонид впервые услышал это имя, но сразу догадался, какое отношение имеет оно к его переправе.

Братья помолчали, глядя друг на друга.

Потом Виктор заговорил:

— Не буду объяснять тебе подробно соотношение сил — это долго, и всего тебе не понять. Усвой основное: я на ножах со стариком Тульевым, отцом Надежды. Дембович лишь исполнял приказ, а устраивал твой побег именно Надежда. Если его расшифровали из-за этой истории, старик постарается раздуть дело. Шеф мне доверяет, но он очень любит сталкивать людей лоб в лоб при всяком удобном случае. У него на этот счёт

своя теория. Назначат следствие. А потом много будет зависеть от Себастьяна — ты его знаешь, он тебя встречал, черный. Его можно не опасаться. Старик ему не нравится.

Виктор умолк, прикидывая что-то про себя. И снова склонился к брату.

— Ты на всех допросах должен твердо держаться одной линии — говори, что сделал все по инструкциям. Растерянность в той бухте простят — рана твоя невыдуманная. Значит, и Павла тебе простят. Ему скажи так: для его собственного благополучия выгодно быть с тобой заодно. Ему здесь цена — копейка. Я могу устроить так, что он исчезнет бесследно. Но нам он нужен как свидетель.

— Он не дурак, — сказал Леонид.

— Посмотрим. У него своя судьба. Шеф не исключает, что твой партнер — советский разведчик, а вся эта операция — хорошо разыгранный спектакль. Павлу придется доказать, что это не так.

Леонид скрипнул ремнями, оплетавшими его раненую ногу, вздернутую ступней к потолку.

Брат продолжал:

— Тебя тоже могут подвергнуть допросу на детекторе. Вещь вредная. Но все окажется не так страшно, если ты не будешь бояться и волноваться. Внуши себе, что ты сам попросил испытать тебя. Что тебе до смерти интересно узнать, как эта штука устроена. Все время будь настороже. На неожиданные вопросы отвечать нужно не раздумывая, очень быстро. Главное — не задумывайся. У тебя ладони потеют, когда волнуешься?

— Не замечал, — сказал Леонид.

— Я предупрежу тебя заранее. Накануне очень полезно выпить.

Затем они переменили тему. Виктору интересно было узнать подробности жизни брата за последние тринадцать лет, на положении человека, скрывающегося от советской контрразведки.

А Павел, пока братья разговаривали, успел сделать массу полезных вещей. Во-первых, он познакомился с долговязым садовником, которого звали Франц. Оказалось, что Франц побывал в плену в Советском Союзе и поэтому знал довольно много русских слов, однако соединять их в связную речь так и не научился, главным образом потому, что не знал глаголов и прилага-

тельных, а только имена существительные. По словарному составу Павел легко определил, на каких работах использовался пленный Франц. С улыбкой произнося традиционное в конце войны «Гитлер капут!», Франц, морща лоб, одно за другим выложил перед Павлом трудные русские имена существительные: «кирпич», «стена», «кладка», «крыша», «дверь», «окно», «отвес», «мастерок», «раствор» и так далее. Вместо «дом» он произносил «том».

Павел сначала помогал Францу рыхлить землю вокруг цветов, а потом, ближе к вечеру, поливал из шланга яблони, стараясь, как показал Франц, лить воду в лунки вокруг стволов равномерно. Франц угощал Павла сигаретами, они то и дело устраивали перекур.

В том, что этот милейший садовник приставлен к даче не только для того, чтобы ухаживать за яблонями и цветами, можно было не сомневаться. Так же как смешно было бы считать Клару просто экономкой. Павел сознавал, что вообще каждый человек, с которым ему отныне придется общаться, будет его прощупывать и испытывать. Любого такого испытателя, отдельно взятого, можно обмануть так или иначе, но беда в том, что результаты этих испытаний должны стекаться к какому-то одному, наверняка умному и хитрому, диспетчеру, и если он, Павел, где-то собьется с надежды взятого тона, начнет путать и, избави бог, влиять, подстраивая свой курс под каждого данного собеседника, его легко разоблачат. Поэтому он обязан решительно подавить в себе настоящее «я», чтобы оно не мешало существовать Бекасу ни наяву, ни во сне. Не думать, не вспоминать о Москве, о товарищах по работе.

Садовник Франц курил сигаретку, покашливал, моргал белесыми ресницами, когда дым попадал в глаза. Павел завел разговор на географическую тему. Его очень интересовал ближайший от этих мест город.

Франц кивнул.

— Город? Цванциг километр. — Он дважды потряс перед Павлом растопыренными пятернями.

Тут Павел подумал, что совершенно необходимо побыстрее освободиться от одного опасного чувства, которое он испытывает с тех пор, как ступил на эту землю. Всякий раз, когда он слышит разговор на чужом языке, ему кажется, что уши у него немеют, словно

отмороженные, и что это заметно со стороны. Оказывается, очень трудно делать вид, что не понимаешь языка, который в действительности знаешь отлично. Насколько безопаснее было бы и вправду не знать...

Франц по-своему понял, что именно должно интересовать Павла в городе. Город — это значит женщины, рестораны, кино, вообще всякие развлечения. И вокзал, с которого можно уехать в другие города. Правда, у Павла совсем нет денег, но деньги — дело наживное.

Эту взаимоприятную беседу прервал голос Клары, звавшей Павла в дом. Брат Круга уже исчез, и Леонид требовал Павла к себе.

Леонид был взволнован и, кажется, расстроен. Он показал рукой на стул, на котором сидел перед тем Виктор, попросил нагнуться пониже и зашептал Павлу в ухо.

Очень скоро все стало ясно. Конечно, Леонид не хочет, чтобы его начальство узнало о том, что он нарушил данные Дембовичем инструкции относительно телеграммы и записки, но это голая формалистика, коль скоро Павел очутился на борту катера вместе с ним. И все же оба они должны строго держаться одной линии: все было сделано именно так, как предусматривалось. А насчет главного — подробностей тех десяти секунд в тесной бухточке — ни Павлу, ни Леониду ничего придумывать не надо. Требуется говорить чистую правду. Телеграмма и записка, которые Леонид якобы передал Павлу, естественно, потерялись во время их неожиданного купанья... И должны же, сказал Круг, понять здесь, что этот удачный побег навредил не больше, чем могла навредить их поимка. Кому навредить, Круг не объяснил. Павел отметил про себя, что Круг, вероятно, и сам не подозревает, насколько справедливы его рассуждения и доводы, если рассматривать их с точки зрения советской контрразведки. Ведь попади они тогда в руки пограничников, резидентскому существованию Михаила Зарокова пришел бы конец. И всей игре тоже.

Павел поморщился: опять, хоть и на одно мгновение, но Бекас улетучился из него. Леонид ничего не заметил.

— Ты встречался с человеком по имени Михаил Зароков? — спросил он.

— Не знаю такого, — ответил Павел.

— Дембович тебя ни с кем не знакомил? — Леонид передохнул и добавил: — Мы должны быть откровенны.

— С самого начала я узнал его старуху — Эмму. Был еще один ватный тип, по-моему, круглый идиот. А потом ты.

Леонид положил руку Павлу на плечо и прошептал:

— Мы с тобой связаны. Держись. Дрогнешь — пропадешь.

— Поправляй, если что не так, — сказал Павел.

— Само собой...

ГЛАВА 3. НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

28 июня 1962 года около часу дня Дембович стоял на тротуаре в узкой полосе тени от вокзала, поглядывая на небольшие, львовского производства автобусы, прибывавшие время от времени к павильону, на котором было написано: «Стоянка автомашин санаториев и домов отдыха». Дембович приехал в город, чтобы встретиться с Павлом. Он ждал автобуса с табличкой «Сосновый воздух». В руке у него был чемоданчик из искусственной кожи, очень похожий на тот, с которым уезжал в дом отдыха Павел.

Старик часто доставал из кармана светлого полотняного пиджака мятый цветастый платок и, сдвинув соломенную шляпу на затылок, вытирал мокрый лоб и щеки под глазами. Он не очень нервничал. Просто ему было жарко. Ночь он провел в поезде, спал плохо — вернее, совсем не спал, — за завтраком в вокзальном ресторане ему подали несвежую рыбу, есть которую было просто невозможно, и вот теперь он чувствовал себя слабым и разбитым на этой тридцатиградусной жаре, на раскаленной, курящейся зноем площади. Тень от вокзала смещалась в сторону павильона, и вместе с тенью передвигался Дембович.

Наконец он дождался. К стоянке подошел автобус дома отдыха «Сосновый воздух». Скрипнув, разжались дверцы — передние и задние. Народу в нем было битком.

Едва первые пассажиры автобуса, загорелые и веселые, с облегченными вздохами спрыгнули на горячий асфальт, Дембович повернулся и быстро-быстро зашагал к тоннелю, где размещались камеры хранения багажа. Хотелось бы посмотреть, как Павел со знакомым

чемоданчиком в руке выйдет из автобуса, а потом уже поспешить к условленному месту встречи, и ничего страшного из этого не получилось бы, потому что никто за Дембовичем не следил. Но это было бы не по инструкции, а старик стал в последнее время менее самостоятелен и боялся в чем-либо отступать от инструкции. Они с Павлом должны обменяться чемоданами в камере хранения.

Остановившись у второго окна, он начал читать правила сдачи багажа. Шумные пассажиры автобуса ввалились в прохладный, как погреб, тоннель, женский звонкий голос сказал: «Уф, как тут хорошо!» Кто-то с кем-то обсуждал, как заполнить время до поезда, что посмотреть в городе. Кто-то смеялся. Кто-то пытался установить очередь. Но беспечные курортники столпились у трех окошек как попало, и любитель порядка умолк. Дембович огляделся. Павла в тоннеле не было.

Нет Павла...

С растерянным выражением лица Дембович вышел под яркое солнце. Он уже не замечал жары.

Ноги сами подвели его к автобусу. Шофер, молодой курносый парень в шелковой выцветшей рубашке с коротким рукавом, стоя возле машины, пил лимонад прямо из горлышка бутылки.

Дембович подождал, пока парень не допил до дна, и, улыбнувшись довольно натянуто, спросил:

— Вы из «Соснового воздуха»?

— Из него, — охотно ответил шофер.

— Вы сейчас будете возвращаться?

— Да уж будем. А что, папаша? Подвезти? Прóbшу пана, садитесь.

У Дембовича мелькнула мысль тут же поехать в дом отдыха, узнать, что произошло. Ведь Павел должен был явиться к нему на свидание в любом случае — состоялась операция или нет. Он мог не явиться только по одной причине — если его забрали.

Но, может быть, он появится позже? Дембович спросил у шофера:

— А вы сегодня больше не приедете?

— Нет, папаша. У нас два рейса в день — утром к приходящему и вот этот. Больше не будет.

Дембович не знал, что делать. Инструкция была четкая и ясная: не встретишь Павла — сразу домой.

Но больше всего на свете, больше даже, чем пря-

мой опасности, Дембович боялся неизвестности. И тут уж ничего не поделаешь. В последние годы дошло до того, что он не мог лечь спать, пока не посмотрит, нет ли кого за дверью его комнаты, хотя каждый раз отлично знал, что никого там быть не может. Он и сам понимал, что это глупости и малодушие, но справиться с собой не умел. Вот и сейчас так: перед ним закрытая дверь, и надо непременно выглянуть за нее — что там? Иначе не будет покоя...

— Папаша, вам плохо? — услышал он голос шофера и ощутил его руку на своем плече. — Шли бы в вокзал. Жарища...

Дембович очнулся, смущенно отстранился от курного парня, глядевшего на него сочувственно и серьезно. Так смотрят здоровые люди на больных. Дембовичу стало обидно за самого себя. Нельзя расклеиваться до такой степени...

Он решил нарушить инструкцию.

В доме отдыха, когда они приехали, был «мертвый час». Дембович вошел в главное здание. Кругом было тихо, дремотно. Никого не встретив, он направился на пляж. Народу на берегу было немного. Около одной компании он остановился, прислушался к разговору. Молодые люди болтали о пустяках. Дембович перешел к одиноко жарившемуся на солнце мужчине. Присел на корточки. Мужчина поднял голову, молча посмотрел на Дембовича и вновь принял прежнее положение.

— Вода теплая? — не придумав ничего более подходящего, спросил Дембович.

В конце концов разговорились. Покинул пляж Дембович в смятении: он узнал, что из дома отдыха «Сосновый воздух» пропали двое, Паша-лодочник и «Идемте гулять», и что ночью на границе стреляли...

...На поезд Дембович успел едва-едва. По счастью, в купе мягкого вагона он оказался один — известное дело, люди с курортов редко возвращаются в мягких вагонах. Дождавшись темноты, старик улегся, но уснуть не мог. Старался не думать о Павле, о Круге, о Михаиле, но получалось так, что больше ему думать было не о чем и не о ком. Ругал себя, что не удосужился захватить люминал. Гадал, спит ли сейчас Михаил, ожидая его возвращения. И только под утро незаметно для себя уснул...

В полдень он подъезжал на такси к своему дому. Таран был голодный — значит, Михаил не ночевал, значит, провел ночь у Марии, а сейчас, наверное, преспокойно возит пассажиров. Дембовичу стало горько и обидно оттого, что вот он, старый человек, сжигает последние свои нервы, а тот, ради кого приходится все это делать, даже и не ждет его. Как будто Дембович ездил на базар за редиской, не дальше...

Но едва он успел войти в дом и снять с себя все дорожное, на улице, за оградой, послышалось короткое шуршанье резко заторможенной машины, клацнула рывком захлопнутая дверца, и через секунду перед Дембовичем стоял Михаил.

— Ну? — спросил он грубо.

Дембович, глядя ему в глаза, пожал плечами.

— Он не явился. В доме отдыха его нет. На границе была стрельба.

Можно было ожидать, что это прозвучит для Михаила как гром с ясного неба, но Дембович смотрел и не видел, чтобы хоть подобие растерянности мелькнуло у Зарокова на лице.

Михаил подбросил на ладони связку ключей, протяжно произнес: «Та-ак...» — и, обойдя застывшего посреди коридора Дембовича, прошел к себе в комнату. Торопливо надевая пижаму, старик ждал, что Михаил сию минуту позовет его и по обыкновению задаст привычный вопрос: «Как вы думаете, дорогой Ян Евгеньевич, что же это значит?» Но вдруг ему показалось, что щелкнул замок в двери, и неожиданно для самого себя он испугался. Уж не хочет ли Михаил покончить самоубийством?

Дембович босиком подошел к двери, дернул за ручку — заперто.

— Михаил! — позвал он. — Зачем вы заперлись?

Из-за двери ответил совершенно спокойный голос:

— Что вы так взволновались, Дембович? Подождите, имейте терпенье, я вас позову.

Дембович был не в том состоянии, когда думают о приличиях. Он остался на месте, чтобы послушать, что делается в комнате. Сначала шуршала бумага, потом он услышал какой-то хруст — словно от полена щепают лучину или ломают что-то хрупкое. Дембович отошел, поискал в коридоре шлепанцы, надел их и снова стал у двери. Наконец Михаил повернул ключ и

тихо, будто видел, что старик подслушивает, сказал через дверь:

— Ну, входите. Обсудим.

Старик давно научился без лишних слов понимать настроение своего постояльца, а теперь к тому же нервы у него были взвинчены, он все воспринимал обостренно. И, взглянув мельком на Михаила, Дембович уже знал: обсуждать нечего, Зароков все решил без него. Но что именно решил?

— Садитесь, — пододвигая стул, сказал Михаил.

Когда Дембович сел, Зароков, стоя, посмотрел на него сверху вниз внимательно, но, как показалось старику, отчужденно, как смотрит врач на безнадежно больного, и ровным голосом, словно читал лекцию, заговорил:

— Если даже принять без сомнений, что теперь контрразведка неминуемо выйдет на нас с вами, нет смысла заранее отпевать себя. Чему быть, того не миновать, и, чтобы побереечь нервы для допросов, не надо давать волю собственному воображению.

— Вы говорите со мной, как с мальчишкой, — раздраженно заметил Дембович.

— А у вас и голос дрожит, дорогой мой Дембович, — как будто даже с удовлетворением сказал Михаил. — Распустили себя.

Он закурил папиросу, сел на кровать. Дембович, не мигая, глядел широко открытыми глазами в одну точку, куда-то за окно.

Михаил переменял тон:

— Скажите, Ян Евгеньич, там, где вы брали путевки в дом отдыха, вашу фамилию знают?

Дембович ответил не сразу. Резкий переход от общего к частному был ему труден.

— Я же писал заявление, чтобы мне их дали, — наконец произнес он.

— По номерам путевок быстро можно установить, кому они первоначально выданы? — был следующий вопрос.

— Совершенные пустяки, — устало отвечал Дембович.

Оба понимали, что могло произойти одно из трех возможных. Павел и Круг схвачены ночью во время переправы. Круг ушел на катере, а Павел арестован. Или, наконец, и Павел и Круг ушли. В любом из этих

случаев в деле будут фигурировать путевки, по которым они отдыхали в «Сосновом воздухе». И следствие по прямой дороге выйдет на Дембовича.

Где-то в глубине сознания Надежда все еще не отказывалась от подозрений, что Павел подставлен к нему контрразведкой. Но если это верно, то Павел должен был явиться на свидание. Исчезнуть ему нет никакого смысла.

Теоретически можно было себе представить еще один, последний вариант: Павел-контрразведчик с самого начала имел целью переправиться за границу и вот теперь, используя оказию, вместе с Кругом уплыл на катере. В таком случае он, Надежда, с первого своего шага на советской земле служил лишь слепым инструментом в руках органов госбезопасности.

Этому Надежда всерьез верить не мог. Это выглядело слишком неправдоподобно...

После долгого, тягостного молчания любое произнесенное слово Дембович готов был принять с благодарностью, но то, что он услышал, ударило его в самое сердце и заставило сжаться.

— Я дам вам пистолет, — сказал Михаил. — Он может пригодиться. Но, по-моему, с этим никогда не надо спешить...

Зароков встал, снял с гвоздя у двери новую кремовую куртку, которую не надевал еще ни разу, завернул ее в газету. Потом выдвинул ящик письменного стола, загремел какими-то железяками, завернул их в другую газету и сунул сверток в карман брюк.

— Очнитесь, Дембович. Пистолет вот здесь, в столе...

Дембович встрепенулся. В глазах у него стояли слезы. Пальцы рук, лежавших на столе, заметно дрожали.

— Вы уходите? — тихо спросил он.

— Не навсегда, Дембович, не навсегда, — сказал Михаил успокоительно.

ГЛАВА 4. ДОПРОС БЕЗ ПРИСТРАСТИЯ

У Павла было такое ощущение, что до этого дня специально его особой никто не занимался. Конечно, он на виду у молчаливой меланхоличной Клары и у этого долговязого садовника, но они могли играть лишь

роль пассивных наблюдателей. Вероятно, в их задачу ничто иное и не входило.

Как-то вечером, в сумерках, когда Леонид Круг, проглотив снотворное, тихо заснул, повернув лицо к стене, Павел почувствовал вдруг странное нетерпение. Ему показалось, что хозяева Леонида слишком долго его выдерживают. Хотелось ускорить события, побыстрее пройти сквозь все, что они там приготовили для него, хотелось двигаться им навстречу.

После он, вероятно, будет ругать себя за то, что собирался сделать, но менять решения не хотел. Впрочем, существовало одно соображение, которое вполне оправдывало этот почти импульсивный поступок: Бекас не должен проявлять столь положительный характер и выдержку, это было бы подозрительно. Бекас должен быть нетерпеливым и немного взбалмошным.

Павел спустился вниз и постучал к Кларе. Она смотрела телепередачу из Мюнхена. Павел попросил извинения за беспокойство, Клара выключила телевизор и предложила сесть. Она не задала ему ни одного вопроса. Павел сам рассказал ей все о скитаниях Бекаса, о причудливых событиях последнего месяца, о сомнениях и необъяснимой тревоге, охватившей его в этот теплый душный вечер. Она слушала, улыбаясь в тех местах его рассказа, где он, говоря о себе в третьем лице, ругал Бекаса за легкомыслие и непреодолимую тягу к бродяжничеству. Павел просидел до половины двенадцатого. Он встал лишь тогда, когда заметил, что Клара подавила зевок.

Поднимаясь к себе на второй этаж, Павел подумал, что этот разговор сослужит ему службу. Ведь Клара доложит все кому следует. Но, рассуждая так, он, в сущности, старался оправдать свою нетерпеливость. И понимал это. И давал себе слово больше никогда не упреждать действий своих хозяев.

И вот настал день, которого он так ждал. Черноволосый плотный человек, встречавший их в бухте — Леонид звал его Себастьяном, — приехал утром после завтрака, поговорил с Кругом, а потом сходил к машине, принес желтый кожаный портфель, достал из него пачку бумаги и авторучку и позвал к себе Павла.

— Пишите автобиографию, — сказал он, протягивая бумагу и ручку. — Мать. Отец. Своя жизнь. Детально. Не торопиться.

Себастьян ушел, а Павел сел к столу у окна. Леонид, запрокинув голову на подушке, поглядел на него и сказал дружески:

— Пиши как есть, не скрывай ничего. Потом легче будет. Это в первый, но не в последний раз.

— Ладно.

Павел подробно написал биографию Бекаса. Почерк у него был довольно разгонистый, и получилось десять страничек. Он умышленно сделал несколько грамматических ошибок, запомнив их как следует. Прием не очень остроумный, но верный.

Себастьян забрал написанные листки и авторучку и уехал.

Через три дня за Павлом прислали машину. Рядом с шофером сидел незнакомый молодой человек.

Ехали сначала лесом, потом минут сорок мчались по широкой, но не очень оживленной автостраде, а потом опять свернули в лес и остановились возле двухэтажной виллы. Молодой человек проводил Павла в большой пустой кабинет на первом этаже и ушел, прикрыв за собою дверь.

Минут через пять явился полный, добродушного вида дядя, в очках, с небрежно повязанным галстуком. Он поздоровался, пригласил к столу, положил перед Павлом стопу бумаги и ручку и предложил написать подробную автобиографию. Павел сделал удивленное лицо.

— Я уже писал.

Толстяк ласково улыбнулся, развел руками.

— Не знаю, не знаю, молодой человек. Для меня вы ничего пока не писали. Прошу вас. Я не буду мешать. — И он быстренько выкатился из кабинета.

Павел почти слово в слово изложил то, что уже писал для Себастьяна. И аккуратно вставил те же ошибки. Толстяк вернулся, взял листки, поблагодарил Павла и проводил к машине. Через час Павел был на даче и рассказывал Кругу о поездке.

Еще через два дня за ним снова прислали машину с тем же шофером и сопровождающим. И привезли его на ту же виллу, ввели в тот же кабинет, где на этот раз он увидел вместе Себастьяна и добрягу толстяка. Первый располагался на кожаном диване, перед которым стоял низкий овальный столик с огромной круглой пепельницей, куда Себастьян стряхивал

пепел, — курил он непрерывно, Павел еще ни разу не видел его без дымящейся сигареты. Толстяк сидел на широком подоконнике, беспечно болтая ногами чисто по-школьному. Они не изменили поз при появлении Павла. Только прекратили разговор.

— Ну-с, молодой человек, — приветливо начал толстяк, — садитесь к столу, и будем беседовать. Мы хотим, если вы не против, познакомиться с вами поближе.

Павел опустился на стул за большим круглым столом посреди кабинета. Когда он вошел, под взглядами этих двоих ему казалось, что лицо его утеряло выражение бесхитростного любопытства и беспечности, которое он как бы надевал каждый день в момент пробуждения и не снимал до поздней ночи. Он чувствовал все мышцы своего лица, они словно бы одеревенели. Сейчас, после слов толстяка, Павел улыбнулся, стараясь снять скованность.

— Вы русский, да? — спросил Павел.

— Конечно, русский. — И толстяк сочно расхохотался.

— А как вас зовут?

— Александр.

Себастьян не разделял их приподнятого настроения. Откинувшись на спинку дивана, он смотрел сбоку на Павла как бы в задумчивости. Павел видел его лишь краем глаза, но все равно чувствовал неприязнь и враждебность, которыми был заряжен этот подтянутый, сдержанный и красивый человек.

Себастьян вмешался в разговор словно бы нехотя.

Спросил негромко:

— Где вы познакомились с Михаилом Зароковым?

Павел недоуменно повернулся в его сторону, будто не понимая, к кому обращен вопрос.

— Вы меня спрашиваете?

— Вас, вас...

— Зароков? Не знаю. Вообще фамилии такой никогда не слышал. Павел улыбнулся, посмотрел на толстяка, ища сочувствия.

Тот грузно прыгнул с подоконника, подошел к тумбе в углу, на которой стоял большой, в металлическом корпусе радиоприемник, нажал на нем одну из белых, похожих на рояльные клавиш. Но звук не включился. Вероятно, это был не приемник, а магнитофон. Вернувшись к окну, толстяк задал вопрос:

— Итак, молодой человек, вы родились... в каком году?

— Тридцатом.

Дальше пошли вопросы по биографии — в хронологическом порядке. Они задавались так благодушно, словно это был не допрос, а заполнение анкеты для поступления на курсы кройки и шитья.

Монотонность этого диалога нарушил Себастьян:

— Где вы познакомились с Леонидом Кругом?

— В доме отдыха «Сосновый воздух».

Еще серия вопросов и ответов, касающихся жития Павла Матвеева — он же Корнеев, он же Бекас, — и снова реплика Себастьяна:

— Когда Круг сказал вам о переправе?

— Двадцать седьмого днем.

Себастьян, как говорится, стрелял вразброс, но в этом была своя система. Если потом очистить допрос от мякины их бодрой беседы с толстяком, получится довольно подробная картина переправы и обстоятельств, ей предшествовавших.

Павел отвечал одинаково охотно и любезно и толстяку и Себастьяну, так что по тону вряд ли можно было уловить, как колеблется напряжение, испытываемое всем его существом.

— Прошу рассказать детально про переправу.

Павел изложил события ночи с 27 на 28 июня.

— Нарисуйте бухту, — приказал Себастьян. — Наш корабль. Пограничный корабль. Как стояли. И вашу лодку. В момент встречи.

Павел подумал и набросал схему бухты, расположение катеров и лодки. Пока Себастьян рассматривал чертеж, Павел попробовал отвлечь толстяка, чтобы самому отвлечься и отдохнуть.

— А у нас не так допрашивают, — сказал он тихо, чтобы не мешать сосредоточенному Себастьяну. — У нас следователь все записывает, чин чинарем. И потом расписаться дает.

Толстяк расхохотался. Ему было весело наблюдать наивную физиономию Павла.

— Во-первых, это можно не считать допросом, — объяснил он. — А во-вторых, он все записывает. — И показал на магнитофон.

Павел оценил такую откровенность. И подумал, что, пожалуй, ему было бы легче, если бы они ее не демон-

стрировали. Все заранее рассчитано, все должно давить на психику, в том числе и этот допрос без всякого видимого пристрастия. Значит, у них в запасе есть средства посерьезнее, чем старая песня со словами «спрашивай — отвечаем».

ГЛАВА 5. МИХАИЛА ЗАРОКОВА БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

План побега созрел быстро. Сейчас к Надежде вернулось то острое чувство опасности, которое прежде заставляло его больше доверять инстинкту самосохранения, а не разуму. А инстинкт требовал не доверять никому и ничему, даже собственным впечатлениям. Поэтому главным в его плане было проверить, следят ли за ним, а если да, то насколько бдительно. И потом, после проверки, действовать по обстоятельствам.

В путевке у него был записан рейс по телефонному заказу, который дала ему Мария. В два часа дня он должен подать машину по указанному адресу, а потом возить пассажиров в дачный поселок, за тридцать километров. Это кстати: на загородном шоссе легче обнаружить слежку. Нужно сменить машину, что трудно: в парке всегда есть несколько запасных таксомоторов, стоят на площадке под открытым небом.

На новой машине, с новым номером, если обстрелять все за несколько минут, уже из парка можно, пожалуй, выехать без «хвоста» — ведь следящие, если они есть, знают его по машине и по ее номеру так же хорошо, как и в лицо. И еще одно соображение: если он действительно на крючке у контрразведки, то можно предполагать, что где-то в чреве его машины спрятан миниатюрный радиопередатчик, посылающий в эфир непрерывные сигналы, по которым оператор на пеленгующей станции в любой момент может определить, в каком районе находится машина. Искать передатчик сейчас нет времени. Пришлось бы распотрошить автомобиль до основания.

Надежда поехал в парк. Поставив машину в угол к забору, чтобы никому не мешала, поднял капот, снял колпачок с трамблера, перепутал провода, один из них чуть зачистил, чтобы он замыкал на корпус, закрыл капот, быстро пересек двор и вошел в диспетчерскую.

Мария была на месте.

— Ты что приехал? — спросила она.

— Да, понимаешь, что-то барахлит мотор, а у меня же рейс по заказу. Через пятнадцать минут. — Михаил поглядел на часы. — Как бы это к шефу подкатиться, чтобы дал другую?

— Все на обеде, — сказала Мария. — Хотя обожди, дядя Леша здесь.

Дядя Леша был дежурным механиком. Мария позвала его, и в пять минут все было улажено.

— Бери машину Сливы, у него сменщик не вышел, — предложил механик. — Машина на ходу. Заправлена, помыта.

— Спасибо, дядя Леша. — Михаил протянул Марии свою путевку. — Перепиши.

Мария зачеркнула на путевке старый и написала новый номер машины.

— Заезжай часов в пять, пообедаешь, — сказала она, глядя, как Михаил прячет путевку.

— Обязательно.

Он наклонился через перила, поцеловал ее.

Спустя несколько минут Надежда выехал из парка на таксомоторе водителя Сливы. Пиджак, в котором был до этого, он снял и положил под себя на сиденье, форменную фуражку тоже снял. На нем была теперь кремовая курточка на «молнии». Все шло пока строго по плану...

Часто меняя скорость, Надежда сделал большой круг по восточной окраине города. Улицы здесь были в дневные часы малолюдны, автомобили сюда заезжали редко. За ним следом никто не ехал. Если с утра и был «хвост», теперь он от него оторвался.

Надежда закурил и прибавил газу. Пора ехать по адресу — это в районе новостроек, который здесь называли по-московски Черемушками.

Он опоздал всего на десять минут. Те, что заказали машину, жили в только что отстроенном доме. Надежда поднялся на лифте, позвонил. Дверь открыла пожилая женщина. Его ждали, но сами готовы еще не были.

— Переезжаем на дачу, — объяснила женщина. — Осталось сложить посуду в корзинку, и поедem. Входите, входите!

В квартире стоял переполох, два молодых голоса — мужской и женский — переругивались без всякого

вдохновения, автоматически. Иногда им мешал ругаться детский голосок, задававший какие-то вопросы. Видно, шла усиленная упаковка вещей.

— Может, хотите чаю? — спросила женщина просто из вежливости. — Я подогрею...

— Спасибо, — сказал Михаил. — Не беспокойтесь, занимайтесь своим делом, я на кухне подожду. Водички, с вашего разрешения, попью.

— Ради бога, ради бога. Стаканы там в шкафу, пожалуйста. — И ушла в комнату.

В кухне Надежда оглядел стены. Вытянув из кармана брюк бумажный сверток, откинул металлический клапан мусоропровода и хотел было выбросить туда из газеты разрозненные внутренности радиопередатчика, но тут же передумал и быстро сунул сверток обратно в карман. Взял из буфета стакан, спустил из крана воду, чтобы была холоднее, напился.

Тут и хозяйева появились, вся семья. Все они улыбались, малыш в том числе.

— Вы нам поможете? — спросила молодая румяная мама.

— Давайте что-нибудь потяжелее, — сказал Надежда, бросив мимолетный взгляд на высокого худого папу в очках с толстыми стеклами. Вид у того был измученный, страдальческий. Теща пригласила Надежду в комнату и показала на плетенную из прутьев корзину.

— Только осторожнее, здесь посуда, — предупредила она.

— Не беспокойтесь.

Не прошло и получаса, как чемоданы и узлы были сложены в багажник и славное семейство в полном составе разместилось в машине. Впереди села мама с сыном.

Вывавшись из путаницы улиц на загородное шоссе и отметив, что ни впереди, ни сзади нет других машин, Надежда выжал газ до предела и облегченно откинулся на спинку сиденья.

Разгрузка отняла совсем немного времени, и в четверть четвертого Надежда отъехал от дачи, пожелав дачникам хорошего лета.

На шоссе он повернул не к городу, а в противоположную сторону. Вдалеке синела зубчатая стена леса. Он ехал, все время держа стрелку спидометра на

восьмидесяти, и скоро машина нырнула вместе с дорогой в прохладный тенистый коридор. Ели подступали с обеих сторон прямо к кюветам. Надежда сбавил ход. Заметив тележную колею, ответвлявшуюся от дороги в глубину леса, он свернул на нее и поехал не спеша, притормаживая всякий раз, как под колеса ложились особенно толстые корни. Полоска этой лесной дороги, как рука с набухшими жилами, вся была переплетена корнями могучих деревьев. Показался просвет. Началась знакомая большая поляна, а за нею молодой ельничек. Как раз то, что ему нужно.

Надежда выбрал проезд поудобнее, чтобы не исцарапать машину — впрочем, эти мягкие елочки вряд ли могли царапаться, — вдвинулся в заросли метров на двадцать и выключил мотор. Вышел, отводя ветки от лица обеими руками, на чистое место.

В лесу пели птицы. Над поляной струилось зыбкое марево, пропитанное дремотным стрекотаньем кузнечиков.

Надежда вспомнил, что сегодня пятница. Он еще неделю назад договорился с Петром Константиновичем, своим сменщиком, поработать две смены подряд, в пятницу и субботу, чтобы в воскресенье быть свободным. Послезавтра они с Марией собирались поехать за город, погулять в лесу.

Он не удивился тому, что жалеет Марию. Удивительно было другое: собственное безоглядное бегство вдруг показалось ему паническим, а опасения по крайней мере преждевременными.

Но тут же подумал, что это говорит в нем его легализовавшийся двойник, привыкший к размеренной жизни, расслабившийся, умиленный шорохом бабьей юбки. И погода такая, что сейчас бы валяться в траве, напившись холодного молока...

Что ж, и с Дембовичем тоже придется расставаться. И не Надежда тут главный виновник — во всяком случае, не с него началось.

И как ни странно, только после этого Надежда вспомнил об отце. В последнюю очередь. Может быть, оттого, что отец дальше от него, чем город и люди, с которыми он был связан без малого год.

— Как перед дальней дорогой, — сказал Надежда вслух. — К чертям!

Из тайника, что у ели, он достал бумажник, тяже-

лый, туго набитый, раскрыл его. Денег пока достаточно. Паспорт на месте. Паспорт на имя Станислава Ивановича Курнакова, выданный в 1956 году милицией города Ростова-на-Дону, действителен по 1966 год.

Михаила Зарокова больше не существует. Он умер сегодня второй раз и теперь уже не возродится...

Надежда присел на траву. Если бы Мария увидела его сейчас, она бы, наверное, не узнала Михаила Зарокова. Лицо человека, сидевшего в задумчивости посреди заросшей цветами поляны, показалось бы ей чужим и неприятным.

Долгим было это раздумье. И важным. Надежда изменил первоначальный план исчезновения.

Поднявшись с травы, он посмотрел на часы. Было семь вечера. Он вывел машину из ельника, развернулся и поехал в город. До наступления темноты он работал, как обычно, возил пассажиров. А ровно в одиннадцать ночи оказался около своего дома. Машину поставил на соседней улице.

Перелез через забор в сад. В комнате Дембовича и на кухне горел свет. Подумал с досадой: «Еще не спит». Но Дембович спал. Он лежал на неразобранной кровати одетый, рука свисала до полу.

На столе Надежда увидел пустую коньячную бутылку и кусочки выжатого лимона на коричневом блюде. Надежда постучал ключами по дверной притолоке. Старик не шевельнулся.

Надежда знал: в кухне у запасливого Дембовича всегда стоит бидончик с керосином. Бидончик оказался на месте. Надежда облил углы комнаты, бельевого шкафа. Запер дверь дома, затем вернулся, закрыл на два оборота дверь комнаты Дембовича с внутренней стороны, а ключ положил в карман висевшего на стуле пиджака. Затем тихо, без скрипа, растворил окно, вынул из кармана коробок, чиркнул спичкой и сунул ее в шкаф. Не мешкая, вылез в окно, закрыл его и плотно притворил массивные ставни. Собака на секунду показала из будки, но, увидев своего, нырнула обратно. Надежда перелез через забор, огляделся. Улица была пустыня.

...Жители больших городов привыкли к недозволено быстрой езде таксистов. Поэтому запоздалые прохожие не удивлялись, видя мчавшуюся по улицам машину.

Выехав за город, Надежда еще увеличил скорость. Тридцать километров он покрыл за пятнадцать минут. Эта гонка в темноте его немного даже успокоила, хотя в принципе он не очень-то волновался. Голова была занята последним пунктом плана, созревшего там, на лесной поляне. Что бы ни произошло в будущем, он хотел дать всем людям, которые станут доискиваться, почему сбежал водитель Зароков, готовую причину.

Съехав на проселочную дорогу, он заметил впереди темное пятно. Включил дальний свет. Лучи фар высветили одиноко стоявшую на обочине повозку. Надежда сбавил скорость... Машина ударилась в заднее колесо телеги правой фарой...

Около пяти часов утра Надежда вышел на авто-страду. Движение было оживленное. Много грузовых. Он проголосовал перед порожним «ГАЗом», машина остановилась. Спросил шофера, далеко ли едет. Оказалось, на узловую железнодорожную станцию, за полтора километра отсюда. Повезло Надежде... В восемь часов утра он был на станции. Побрился в парикмахерской, поел в станционном буфете.

Билет взял в общий плацкартный вагон, место его оказалось на верхней полке. В вагоне было душно, но он быстро уснул, отвернувшись лицом к переборке.

ГЛАВА 6. МАЛОУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ

У Марии не возникло никакого беспокойства оттого, что Михаил не заехал в пять часов пообедать. И то, что он не пришел ночевать, тоже не удивило ее. Но, когда утром в субботу она явилась в диспетчерскую и узнала, что машина, на которой уехал Зароков, в парк не вернулась и пришедший на работу Слива устроил ей небольшой скандал за самоуправство, Марию охватили недобрые предчувствия. Она пошла к начальнику парка и рассказала о вчерашней истории с заменой автомобилей и о том, что такси Сливы в гараже до сих пор нет.

Начальник был человек несуетливый и понимающий. Он ограничился мягким выговором, приказал дать водителю Сливе другую машину, из запасных, а насчет Зарокова, которого он уважал и ценил как работника и об отношениях которого с диспетчером был хорошо осведомлен, посоветовал предпринять следую-

щее: сейчас же послать первого попавшегося водителя к Зарокову домой, а если его дома не окажется, сделать официальное заявление в милицию о пропавшей машине. Мария адреса Михаила не знала, поэтому тут же побежала в отдел кадров.

Когда вернулась к себе, диспетчерская была полным-полна. Неприятные вести почему-то и распространяются и собирают людей гораздо быстрее, чем приятные. Многие водители отложили выезд на линию на неопределенное время — очень хотелось побыстрее услышать подробности. А Марии не терпелось самой отправиться на розыски Михаила. Как велел начальник, она попросила первого попавшегося шофера, Шахнина, отвезти ее к Зарокову...

Когда остановились у забора, на котором был написан номер нужного им дома, и вышли из машины, Мария совсем пала духом: за забором тоскливо, как по покойнику, то выла, то скулила собака. Нехорошо звучал этот вой при ярком солнце бодрого июньского утра. Шахнин, опередив Марию, положил руку на медное кольцо калитки, повернул его.

Они увидели пепелище. Залитые водой черные головешки атласно блестели на солнце. Нелепо возвышались среди этой черноты остовы двух голландских печей, изразец на них был закопчен.

Поехали в городское управление охраны общественного порядка. Там им сказали, что пожар произошел ночью по неизвестным причинам, что хозяин дома Дембович был извлечен из горящего дома мертвым. При поверхностном осмотре никаких признаков насильственной смерти на трупе не обнаружено. О причине смерти точно можно будет сказать только после вскрытия, но, вероятнее всего, покойный был сильно пьян и не смог выбраться из горящего дома, задохнулся...

Вернувшись в парк, Мария работать была уже не в состоянии. Начальник распорядился вызвать подменного диспетчера, а Марии посоветовал идти домой. Но она не могла сейчас оставаться в одиночестве и, походив по улице туда-сюда, вернулась в диспетчерскую. Если что станет вдруг известно о Михаиле, то прежде всего здесь. Мария ничего не дождалась в этот день.

Воскресенье она просидела дома, совершенно убитая, вздрагивая и выбегая в коридор при каждом звонке у дверей. Но то все были гости к соседям...

В понедельник из милиции сообщили в парк, что таксомотор найден на проселочной дороге. Он врезался в телегу, разбит, но не очень сильно. Следов Зарокова обнаружить не удалось. Он исчез, как испарился.

Мария сходила в управление охраны общественного порядка, поговорила с работниками, занимавшимися поисками, но ничего сверх того, что было уже сообщено, они ей сказать не могли. Вероятно, Зароков скрылся, побоявшись, что его привлекут за аварию к ответу. Тем более что у него уже был раньше неприятный случай — наезд на пешехода...

Мария потеряла покой. Обязанности свои на работе она по-прежнему исполняла исправно, но делала все автоматически.

...Шоферы такси возят много разного народа, поэтому и знают много, и вскоре в парке стало известно, что старик, по фамилии Дембович, у которого квартировал Зароков, страдал болезнью сердца, пить ему совсем было нельзя, а он, старый дурень, царствие ему небесное, то ли с горя, то ли на радостях напился и сгорел в собственном доме по глупости.

Все сочувствовали Марии, все с горечью замечали, что она тает на глазах. И никто пока не догадывался, что она беременна. Михаилу сказать об этом она не успела.

ГЛАВА 7. ДОПРОС НА ДЕТЕКТОРЕ

Долговязый Франц и Павел сидели на скамье в дальнем конце сада и разговаривали, поглядывая на небо. Облака густели, белый цвет быстро сменялся свинцовым, а с севера, от моря, наплывали чугунно-темные клубящиеся тучи. Собиралась гроза, но духоты не ощущалось, воздух был свежий, как ранним утром.

Поговорив о разных разностях, они в конце концов остановились на дежурной теме, которая с момента первого их знакомства больше всего интересовала Павла. Павел любил послушать о городе, который недалеко отсюда, о городской жизни. Франц рассказывал об одной из своих прошлых вылазок, и, как всегда, Павел отмечал, что по части развлечений уравновешенный Франц не проявлял особой фантазии. Развлекался и тратил деньги он самым примитивным образом. Но сегодня садовник внес новую деталь — он

рассказал о встрече с друзьями по плену, серьезными людьми, которые, может быть, и не коммунисты, но честные ребята и настроены критически. Иронизируют по поводу нынешнего процветания и ругают политику правительства. Франц упомянул о них как бы мимоходом, безразлично, и Павел отнесся к этому упоминанию соответственно.

Начал накрапывать мелкий дождик, потом в листьях яблонь и кустов прошуршали первые тяжелые капли, словно небо пристреливалось. Через минуту наступила тишина, дождь совсем прекратился, и вдруг хлынул сплошной ливень. Пока Франц и Павел добежали до дома, оба успели промокнуть насквозь. Павел хотел подняться к себе, сменить рубаху, но тут возле ворот остановился автомобиль, калитка распахнулась, и на дорожке появился толстяк Александр. Он шел так, будто дождя и в помине не было. Вельветовая курточка сразу потемнела у него на плечах.

Войдя на крыльцо, он плотно провел ладонью по своим светлым, коротко остриженным волосам, стряхнул с руки воду. Улыбнувшись и не поздоровавшись, сказал Павлу:

— А я за вами, молодой человек. Поедем.

— Сейчас другую рубашку надену.

— Да ничего, дождь теплый, не простудитесь. Нас ждут.

Павел хотел сказать, что это несколько не задержит. Он слегка удивился такой спешке — не опаздывают же они к поезду, который отходит через пять минут? Но не стал спорить. Только заметил, вспомнив, как аккуратный Себастьян позаботился постелить коврик на заднее сиденье своей машины в то утро, когда встречал перемазанных в крови Павла и Леонида Круга:

— Не испорчу машину?

— Ничего, высохнет.

Они ехали тем же маршрутом, но остановились у другой виллы. Александр провел Павла по коридору и распахнул перед ним белую дверь. Они вошли в комнату, похожую не то на лабораторию, не то на врачебный кабинет. За белым столиком у окна сидел человек лет пятидесяти, худощавый, с нездоровым цветом лица, в белом халате и черной атласной шапочке, в очках с дымчатыми стеклами.

— Он не знает, зачем его привезли? — спросил врач по-немецки у Александра. Но глядел при этом на Павла.

У Павла мгновенно возникло уже хорошо знакомое ощущение, что уши онемели и что это заметно со стороны. Он непонимающе посмотрел на Александра, затем на врача.

— Я ничего не говорил, — ответил Александр. И по-русски сказал Павлу: — Это доктор, он займется вами. Раздевайтесь до пояса.

Врач воткнул себе в уши трубочки фонендоскопа, поманил Павла поближе и, приложив холодную целлулоидную мембрану ему к груди, стал слушать сердце.

— Поговорите с ним, — сказал он.

Александр по привычке присел на подоконник и спросил у Павла:

— У вас как вообще здоровье?

— Не жалуюсь.

— Спортом занимались?

— По роду занятий обязан быть в форме.

— Да, ведь вам приходилось бегать... — Александр имел в виду побег из тюрьмы. — А эту борьбу... как она называется... самбо знаете?

Это был не такой уж простой вопрос, хотя звучал вполне невинно.

— Самбо — ерунда... В тюрьме можно научиться кое-чему почище.

— А по-немецки так и не научились?

Мембрана фонендоскопа, как показалось Павлу, прижалась чуть плотнее. Павел развел руками.

— Warum? — спросил Александр.

Павел не колебался. Он решил покончить с этим вопросом просто и надежно. И ответил по-немецки:

— Darum.

Александр рассмеялся.

— А все-таки, значит, учились?

— В школе у нас был немецкий. Но я его не любил. С немецкого урока ребята смывались на стадион, играли в футбол. А потом старуха немка все равно выводила нас тройки. Чтобы не портить школьный процент успеваемости.

— А больше никакого языка не учили?

— А что, я похож на бывшего студента? — поинтересовался Павел.

— Но все же...

— Genug, — сказал врач.

Он взял Павла за руку, подвел к столу у противоположной стены, на котором стоял пластмассовый ящик, формой и величиной похожий на чехол для пишущей машинки с широкой кареткой. По дороге врач взял легкое кресло с плетеной спинкой и длинными подлокотниками, стоявшее посреди кабинета.

Щелкнув запором, врач снял пластмассовый чехол. Под ним оказался какой-то аппарат с рукоятками на передней стенке. На верхней крышке во всю длину был сделан вырез, и в нем был виден валик, похожий на скалку для теста. От аппарата отходило три пары разноцветных проводов. Над валиком на одинаковых расстояниях друг от друга краснели длинные клювики трех самописцев. Из стоявшего рядом плоского ящичка врач достал толстую гофрированную трубку, напоминающую противогазную, и другую трубку — тоньше первой и гладкую, затем два металлических зажима, похожих на разомкнутые браслеты, и две подушечки из пористой резины.

— Вы знаете, что это такое? — спросил Павла Александр, кивнув на прибор.

— Похоже на рацию, — сказал Павел.

— Это полиграф, в просторечии называемый детектором лжи. У вас в Советском Союзе много писали по поводу этой машины. Никогда не приходилось слышать?

Павел ответил:

— Болтали раз в камере, я тогда под следствием сидел. Толком не понял.

— Этот аппарат умеет читать мысли.

Павел подмигнул толстяку: мол, будет трепаться, сами умеем.

— Не верите? — спросил Александр. — А вот сейчас посмотрим.

Врач присоединил к проводам аппарата обе трубки и зажимы, поставил кресло спинкой к аппарату и жестом пригласил Павла сесть.

Но Александр сказал:

— Подождите, доктор, покажем ему фокус. Он не верит.

Александр стащил с себя вельветовую куртку, закатал рукав рубахи на левой руке и сел в кресло. Врач

обвил гофрированной трубкой его широкую грудь — гармошка сильно растянулась.

Гладкая трубка тугим кольцом легла на руку чуть ниже локтевого сгиба.

Металлические зажимы-браслеты врач надел на кисти рук Александра с тыльной стороны, потом взял пористые подушечки, отошел к раковине, в которой стояла банка с прозрачной жидкостью, окунул в нее подушечки, немного отжал их и вставил под зажимы так, что они плотно прижались к ладоням.

— Я вам после объясню устройство, — сказал толстяк.

Врач воткнул вилку в розетку, затем вынул из стола рулончик бумаги с мелкими делениями, как на чертежной миллиметровке, отрезал от него ножницами ровную полоску. Написав на полоске цифры от одного до десяти, он уложил ее на валик.

Павел с неподдельным интересом наблюдал за манипуляциями доктора, а толстяк, в свою очередь, наблюдал за Павлом.

Врач взял резиновую грушу наподобие пульверизаторной, приладил ее к соску гофрированной трубки и стал накачивать в нее воздух. Потом сделал то же самое с трубкой на руке и вышел в коридор, притворив за собою дверь. Александр сказал:

— Вот там на бумаге записаны цифры. Загадайте одну и скажите мне, я тоже загадаю ее. Испытывать аппарат будет меня, но, чтобы вы не подумали, будто мы с доктором заранее сговорились, сделаем именно так... Ну, загадали?

— Да.

— Запишите на бумажке. Вон, возьмите на столе у доктора, там и карандаш.

Павел вывел на клочке цифру.

— Покажите мне.

Павел показал. Это была шестерка.

— Спрячьте в карман.

Павел спрятал.

— Готово, доктор! — крикнул Александр.

Врач вернулся в кабинет.

— Теперь будет вот что, — объяснил Александр. — Доктор станет называть все цифры подряд, а я должен на каждую цифру говорить «нет». В том числе и на задуманную тоже. А потом увидите, что получится.

Доктор повернул рукоятку на передней стенке детектора. Ровным голосом, не спеша, он стал называть цифру за цифрой. Валик с миллиметровкой чуть заметно двигался. Ключики самописцев прильнули к бумаге.

— Один? — вопросительным тоном произнес врач.

— Нет, — ответил Александр.

— Два?

— Нет.

— Три?

— Нет.

И так далее. Голос у толстяка был спокойный. И при цифре «шесть» он звучал совершенно так же уверенно, ухо не могло уловить никакой разницы, хотя это и была задуманная ими цифра.

Когда счет кончился, врач выключил детектор, извлек из него бумажную ленту и принялся изучать извилистые линии трех разных цветов, оставленные самописцами. Это продолжалось совсем недолго.

— Шесть, — объявил врач.

Теперь уже Александр подмигнул Павлу.

— Ну как?

Павел спросил:

— А еще можно?

— Давайте повторим, — согласился толстяк.

Опыт повторили. Павел задумал и записал девятку. И врач с помощью детектора быстро и четко ее угадал. Было чему удивляться.

Павел понимал: это психологическая обработка. Но оттого, что он понимал, не было легче. Детектор продемонстрировал свои возможности очень убедительно.

— Позовем Лошадника? — спросил врач у Александра.

— Зови.

Врач позвонил по телефону, сказал два слова: «Мы готовы».

Очень скоро пришел Себастьян. Вероятно, Лошадник — его кличка. Павел давно обратил внимание, что здесь вообще в моде прозвища. Он несколько раз слышал, как в разговорах упоминались цветистые клички явно неофициального происхождения: Монах, Музыкант, Цицерон, Одуванчик и так далее. Некоторые из прозвищ давались по принципу от обратного: Леонид Круг говорил Павлу, что шефа всего этого заведения

зовут Монахом, а он, по слухам, был в свое время завзятым бабником.

Стоило чуть отвлечься, и Павел почувствовал, что ему стало легче, словно его выпустили на минуту подышать свежим воздухом. Леонид говорил, что полезно перед испытанием на детекторе напиться как следует. Но если б знать...

Пока врач снимал с Александра чувствительные щупальца детектора, Павел старался представить себе устройство аппарата: проявить любопытство к какому-то непонятному явлению — значит наполовину уменьшить страх перед ним.

Гофрированная трубка фиксирует дыхание и работу сердца. Гладкая трубка на руке снимает артериальное давление. А для чего пористые подушки на ладонях? Леониду брат объяснял, что они реагируют на отделение пота у испытуемого. Три датчика — три самописца.

Можно было сообразить, что действие детектора основано на простом факте: нервная система, регулирующая деятельность человеческого организма, не подчиняется тому, что условно называется волей. Но все же она существует, воля. И не так уж она условна.

Себастьян, Александр и врач, стоя у окна, о чем-то посоветовались. Потом Себастьян подвинул белый столик врача к креслу.

Врач намотал на валик аппарата рулон миллиметровки и сказал Павлу по-русски:

— Садитесь в кресло, закатайте рукав.

На Павла были наложены трубки, врач приладил зажимы, укрепил на ладонях пористые резиновые подушечки, предварительно окунув их в банку с раствором. И сел за стол напротив.

Себастьян и Александр встали у Павла за спиной так, чтобы он их не видел.

— На все вопросы, которые вам зададут, отвечайте только «да» или «нет». — Врач говорил по-русски почти без всякого акцента. — Смотрите мне в глаза. Отвечайте не раздумывая. Но и не торопитесь.

— Начнем с ключа? — спросил Себастьян.

— Можно с ключа.

Себастьян написал на ленте цифры от одного до десяти.

Врач снял с правой руки Павла зажимы и поду-

щечки, подвинул к краю стола листок бумаги и карандаш.

— Сейчас мы сделаем то, что вы уже видели, — сказал он. — Задумайте любую цифру. Запишите на бумаге и спрячьте. Мы отвернемся.

Все трое отвернулись. Павел вывел тройку, сложил и сунул листок в карман брюк.

— Можно, — сказал он заговорщически, как будто все они играли в какую-то занятную детскую игру. Себастьян включил аппарат.

— Итак, во всех случаях, даже когда я назову вашу цифру, говорите «нет», — предупредил врач.

— Валяйте, — ответил Павел.

— Один?

— Нет.

— Два?

— Нет.

— Три?

— Нет.

После проверки ленты врач сказал небрежно:

— Вы задумали тройку.

Павлу сделалось не по себе. Значит, аппарат работает точно. Значит, эти чертовы самописцы дергаются, когда он говорит «нет» на задуманной цифре. И это послужит ключом для расшифровки записи допроса. Самописцы будут так же дергаться всякий раз, как он произнесет неправдивое «нет»... Неужели нельзя их обмануть? Врач задернул шторы на обоих окнах, включил свет. Себастьян и Александр снова встали у Павла за спиной, врач сел за столик напротив.

— Теперь вы будете отвечать на вопросы, — сказал он. — Говорите только «да» или «нет». Не раздумывайте. Смотрите мне в глаза.

Себастьян включил детектор, возникло легкое монотонное жужжание.

— Вы родились в Москве? — задал первый вопрос Александр.

— Да.

— Ваш отец жив?

— Нет.

— Вы коммунист? — это спросил уже Себастьян.

— Нет.

— Вы сидели в тюрьме?

— Да.

— Вы коммунист?

— Нет.

— Вам нравится здесь?

— Да.

— Вы любите вино?

— Да.

— Вы служили в Советской Армии?

— Нет.

— Вы служите в органах госбезопасности?

— Нет.

— У вас есть дети?

— Нет.

Себастьян выключил детектор. Врач встал, подошел к Павлу, выпустил воздух из трубки, стягивавшей руку, подождал с полминуты и снова накачал ее грушей.

— Ну как, хорошо я отвечаю? — спросил Павел.

— Отлично, — саркастически сказал врач.

Павел быстро перебирал в уме десять заданных ему вопросов, вспоминая их последовательность. Он отвечал спокойно. Он знал это, потому что ни разу не услышал ни одного толчка собственного сердца. Значит, не волновался. Раньше, давно-давно, иногда бывало так, что он начинал слышать свое сердце.

Он старался угадать в последовательности вопросов какую-то систему. Но ее, кажется, не было. Разве что расчет на неожиданность важного вопроса...

— Продолжим, — сказал врач.

У Павла затекли ноги, он разогнул и снова согнул их. Мышцы на плечах ныли, хотелось потянуться, но тут ничего нельзя было поделать. Привязанный к детектору тремя парами электрических проводов, он чувствовал себя скованным.

Началась вторая серия вопросов. Открыл ее Себастьян.

— У вас есть мать?

— Да.

— Вы любите ее?

— Да.

Он спрашивал размеренно, спокойным голосом. И вдруг Александр, нарушив привычный ритм, спросил скороговоркой:

— Зароков работает шофером такси?

Павел отвел глаза от лица врача, повернул голову к толстяку.

— Я не знаю, как тут отвечать. Не знаю никакого Зарокова.

Обернувшись, Павел увидел, что оба — и Себастьян и Александр — держат в руках раскрытые блокноты. Значит, этот вопросник был составлен заранее.

— Ну ладно, пошли дальше, — сказал врач.

— Вы коммунист? — спросил Себастьян. Этот вопрос задавался в третий раз.

Павел крикнул что было сил:

— Нет!

— Не орите, молодой человек, — попросил Александр. — Спокойнее.

— Вы ездили за пробами земли? — спросил Александр.

— Да.

— Вы вор?

— Да.

— У вас есть жена?

— Нет.

— Леонид Круг получил телеграмму в доме отдыха?

— Да.

— Дембович познакомился с вами в ресторане?

— Да.

— Вы сегодня завтракали?

— Да.

— Вы рассчитывали попасть за границу?

— Нет.

Врач поднялся из-за стола и опять выпустил воздух из трубки на руке, вероятно, чтобы дать ей отдохнуть, потому что рука от локтя до ногтей онемела и сделалась синюшного цвета.

Вторая серия кончилась, и теперь уже можно было разглядеть определенную систему. Рядом с безобидными вопросами, ответ на которые им заранее известен — ведь Павел дважды давал письменные показания, — ставился вопрос по существу. Лживые «да» и «нет» будут на миллиметровке отличаться от правдивых.

Врач накачал воздух в трубку. Значит, будет еще одна серия. В кабинете стало душно.

— Вас зовут Павел?

— Да.

— Вы Матвеев?

- Да.
- Вы умеете стрелять из пистолета?
- Нет.
- Вы чекист?
- Нет.

Павел смотрел на дымчатые стекла очков сидящего перед ним врача и начинал испытывать раздражение. Свет яркого плафона отражался в очках двумя яркими бликами, резал глаза, хотелось увернуться в сторону, как от слепящего солнечного зайчика. Глаз врача не было видно.

— Sprechen Sie deutsch?

— Нет.

Себастьян выключил аппарат.

— Почему вы отвечаете, если не говорите по-немецки?

Павел устало улыбнулся.

— Это выражение я понимаю. Я уже говорил: в школе проходил немецкий.

Врач ослабил трубку на руке, снял зажим.

— Поднимите руку вверх, — сказал он, — пошевелите пальцами.

За окнами шумел дождь. Стоило Павлу прислушаться к этому ровному шуму, и все происходящее представилось ему чем-то неестественным, не имеющим никакого смысла. Хотелось сбросить с себя эти сковывающие провода и сказать громко: «Довольно ваньку валять, пижоны!» Если б это была только игра...

Приступили к четвертой серии. Она заняла меньше времени, чем предыдущая.

После перерыва была пятая серия. Все вопросы оказались пустыми, кроме одного. Себастьян опять спросил, не коммунист ли Павел.

Когда врач распахнул шторы, дождь еще продолжался, но стало заметно светлее. Тучи сваливались на юг, оставляя после себя редкие темные космы, которые быстро растворялись в молочно-белых легких облаках.

Александр взглянул на свои часы, и Павел успел увидеть, что было уже четыре.

Себастьян ушел, не попрощавшись, а толстяк позвонил по телефону насчет автомобиля.

— Поедем, отвезу вас домой. — В его тоне, когда он обращался к Павлу, совсем не было недоброжела-

тельства. Даже трехчасовая вахта у детектора не испортила ему настроения.

Обратно ехали молча. Только раз Александр пожаловался, что страшно проголодался.

...Леонид Круг давно пообедал, но против обыкновения не спал. Видно, ждал возвращения Павла.

— Допрашивали? — спросил он, когда Павел устал опустился на свое кресло-кровать.

— Угу.

— Детектор?

— Угу.

— Похоже на то, как я говорил?

— Похоже. Но только намного хуже.

Павел сидел, глядя на свои сложенные в пригоршню ладони. Они высохли, и на коже был виден белый налет. Он лизнул правую ладонь, сплюнул, выругался.

— Соль, что ли? Фу, гадость. — Вытер ладони о брюки, стряхнул с брюк белую пыль.

Круга интересовало только то, что касалось переправы. Павел успокоил его.

— Насчет той ночи было несколько вопросов. Отвечал, как договорились.

— Иди пообедай.

Но есть Павлу не хотелось.

— Давай лучше поспим, — сказал он.

Сняв туфли и брюки, Павел лег, укрылся простыней. Круг не успел докурить свою сигарету, а Павел уже храпел — он действительно чувствовал себя очень уставшим.

ГЛАВА 8. МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

На следующий день приехал Виктор Круг. Павлу бросилось в глаза, что старший брат выглядит сегодня как будто моложе меньшого. И голос вроде бы помолодел, стал как-то бодрее, громче. По обычаю, Павел оставил братьев вдвоем. Спускаясь вниз, он подумал, что, может быть, Виктор привез какие-нибудь вести о результатах вчерашнего допроса. Конечно, наивно было бы рассчитывать, что расшифрованные показания детектора станут достоянием большого количества людей, но Виктор-то должен был поинтересоваться, тем более что часть показаний имеет прямое отношение к его родному брату.

Виктор пробыл недолго. Когда его машина отъехала, Павел заставил себя побродить по саду еще немного, а потом поднялся на второй этаж. Леонид, можно сказать, сиял и светился. Должно быть, старший брат передал ему свое бодрое настроение, как эстафетную палочку. Павел подумал, что было бы неплохо, если братья и его включили в свою команду.

В последние дни Леонид частенько жаловался, что у него сильно чешется левая нога, и эти жалобы звучали жизнерадостно — раз чешется, значит, дело пошло на поправку. Но Павел про себя отметил, что гораздо больше у Леонида стал чесаться язык. И не мудрено: тринадцать лет вынужденного затворничества когда-нибудь должны же вызвать реакцию. Самое важное известие, услышанное Павлом за все это время, касалось Себастьяна. Леонид под большим секретом сообщил, что Себастьян и еще два сотрудника этого разведцентра — американцы. Себастьян здесь в качестве советника, но фактически второй хозяин...

Можно было не сомневаться, что Круг и сейчас выложит все, что узнал от брата. И даже не понадобится вызывать его на откровенность. Едва Павел вошел, Леонид начал рассказывать новости.

Как стало известно Виктору, показания Павла в части, касающейся их обоих, признаны правдивыми. Насчет остального Виктор ничего не сказал. Но и это уже много. Значит, детектор можно одурачить. И вообще, кажется, этот аппарат бывает не мудрее обыкновенной кофейной мельницы, когда натывается на твердого человека.

Еще Леонид сообщил, что от парня, который организовал его переправу, больше не было ни одной вести. У Виктора из-за этого возникли неприятности, потому что отец того парня, упрямый старик, считает Виктора виновным в провале сына. Но теперь все в полном порядке. Старика поставили на место, и он утихомирился.

Павел, за неимением других занятий давно начал изучать Леонида. Ему доставляло удовольствие предугадывать реакцию своего подопытного на те или иные явления их не слишком-то богатой событиями жизни. Когда Павел ошибался, он склонен был считать Круга личностью не совсем пошлой. В таких случаях Кругу нельзя было отказать ни в уме, ни в душевной оригинальности. Но бывали моменты, когда он казался Пав-

луциничным и примитивным. И Павлу становилось тоскливо и противно от мысли, что приходится делить судьбу, хотя и поневоле и, конечно, временно, с подобной скотиной. Так было сейчас. А Леонид, как на грех, жаждал братского общения.

— Знаешь, — сказал он, — давай побреемся. Давно ты меня не брил.

Обычно они брились электрической бритвой, которую подарил им на двоих Виктор, но иногда Леониду приходила охота, как он говорил, используя флотское выражение, срубить бороду, то есть побриться старомодной опасной бритвой, — это напоминало ему времена лесной жизни. В таких случаях Павел брал у садовника Франца его бритвенные принадлежности и «срубал» Леониду бороду.

Едва Павел намылил ему одну щеку, как на лестнице послышались шаги, и в дверях появился плечистый молодой человек. Он был выше Павла на целую голову. Посторонившись, он пропустил в комнату Клару.

— Вы поедете с ним, — сказала она Павлу.

Павел показал бритвой на намыленную физиономию Леонида, но гость покачал головой и постучал пальцем по часам.

— Придется тебе самому, — сказал Павел Леониду. — Не обрежься без зеркала. Или подожди меня.

Он вышел следом за Кларой и молодым человеком. Когда Павел шагнул за ворота и увидел машину, которую за ним прислали, он подумал, что Леонид, пожалуй, долго будет ждать его на сей раз. Машина напоминала те малоуютные экипажи, в которых там, на Родине, перевозят преступников. Его провожатый открыл заднюю дверцу, выдвинул ступеньку и пригласил Павла садиться. В кузове по бокам тянулись узкие мягкие диванчики. Павел опустился на диванчик справа. Провожатый закрыл дверцу, щелкнул выключателем — на потолке зажегся свет — и сел слева, напротив Павла. Затем нажал кнопку на передней стенке, и машина тронулась.

Павел уже научился определять время без часов, так как его часы стояли с той самой ночи, а новых ему не дали. Но это было легко в нормальных условиях, особенно если день солнечный, а жизнь течет размеренно. В глухой коробке, мчащейся на шуршащих

колесах неизвестно куда, течение времени изменяется, за ним очень трудно уследить.

Они ехали, может, час, может, два, а то и все три. И ехали быстро, хотя ощущение скорости тоже очень обманчиво, если едешь с закрытыми глазами.

Павел испытывал голод — значит, время обеда уже давно прошло. А машина и не думала сбавлять ход.

Когда они остановились и провожатый распахнул дверцу, Павел убедился, что завезли его гораздо дальше, чем в прошлый раз. Солнце, казавшееся после сумрака камеры на колесах нестерпимо резким, уже висело низко над горизонтом. Кирпичное приземистое одноэтажное здание, возле которого остановилась машина, было явно не жилым. Оно больше походило на казарму или на больничный барак. Часть окон по фасаду белела матовым стеклом. Рядом с домом были гаражи и еще какие-то строения. Вся территория, вплоть до окружающей ее высокой кирпичной ограды, залита асфальтом. Вокруг за оградой редкие сосны. Провожатый показал на входную дверь. Вошли в нее. Ступени лестницы, ведущей вниз, железные и узкие, как в машинном отделении корабля.

Один марш, другой, третий, четвертый...

Под первым этажом дома, оказывается, есть еще три. А может, гораздо больше. Они сошли с лестницы в коридор на третьем, но лестница опускалась глубже. Стены бетонные, сухие. Пол покрыт мягкой, пружинящей под ногами дорожкой. С потолка льется белый люминесцентный свет. Тихо так, что слышишь дыхание идущего впереди. Справа двери, странные для дома, даже если он и подземный. Они были овальной формы. Ручки как у холодильника. Поверхность — гладкая голубоватая эмаль.

Молодой человек, шагавший как робот, остановился у двери, на которой черной краской была выведена римская пятерка. Потянув за ручку, как за рычаг, он открыл дверь, и Павел удивился: она была толстая, с резиновой прокладкой, будто служила входом в барокамеру. За дверью оказался просторный тамбур, а за тамбуром другая дверь, обычной формы, но узкая и с вырезом на уровне лица, прикрытым козырьком из пластмассы.

Провожатый нажал одну из многих кнопок справа

от двери, она беззвучно ушла в стену. Не дожидаясь специального приглашения, Павел ступил в открывшееся перед ним замкнутое пространство, а когда оглянулся, дверь была уже наглухо закрыта. Не сразу можно было сообразить, что находишься в комнате. Пол, стены и потолок были неопределенного мутно-белесого цвета. Такое впечатление, будто попал в густой туман или в облако.

В длину — десять шагов, в ширину — шесть.

На короткой стене прямо против двери на высоте пояса — полка, которая, по всей вероятности, должна служить кроватью. На ней резиновая надувная подушка. В углу слева, у той стены, на которой дверь, в пол вделана белая изразцовая раковина. Из стены торчит черная эбонитовая пуговка, вероятно для спуска воды. Больше ничего нет. Свет — белесый, как стены, — исходит из круглого иллюминатора на потолке. Тишина...

У Павла зазвенело в ушах. Он сел на пол, прислонившись спиной к стене. Ждал ли он, что с ним произойдет когда-нибудь нечто подобное? Ждал, безусловно. Уж слишком гладко шло все до сих пор, невероятно гладко. Он не был бы удивлен, если бы его посадили в тюрьму сразу по приезде. Это выглядело бы вполне закономерно. Более удивительно как раз то, что они так долго его не сажали. Почему же его заключили в тюрьму именно сегодня, а не вчера и не позавчера? Имеет ли это какое-то отношение к результатам вчерашнего допроса?

А может быть, содержание в подземной тюрьме — обычная, предусмотренная правилами мера, применяемая к каждому, кто волею судеб вошел с хозяевами тюрьмы в контакт, подобно ему, Павлу? Долго ли его здесь продержат и какой режим приготовили ему? Судя по общему стилю тюрьмы, его ждет нечто достойное космического века. Но что толку гадать? Ему придется принять здешние условия безоговорочно. Для этих людей он вне закона. Его можно уничтожить в любой момент, и никто никогда не сумеет узнать об этом.

Павел встал, подошел к полке, потрогал ее. Полка обита губкой, спать на ней будет не так уж жестко. Он ртом надул подушку, прилег, чтобы примериться. Ничего, сойдет. Правда, нет одеяла. Но если все время будет тепло, как сейчас, то одеяло не очень-то необходимо. Неожиданно Павел почувствовал, что хочет спать.

И не стал сопротивляться дремоте. Придется Леониду бриться самостоятельно, подумал он, усмехнувшись.

Какое сегодня число? 3 августа. 3 августа 1962 года... Мать на даче, наверное, уже собирает понемножку черную смородину, варит варенье. Что-то делают товарищи? Думают ли о нем? Конечно, думают, что за вопрос! Но им труднее представить его мысленно — они не знают, где он, что с ним, не знают обстановки, его окружающей. А он все знает, ему легко представить их живо, как наяву. Вспомнилось почему-то, как по воле Дембовича он сидел под домашним арестом, под надзором у старухи, которую зовут неподходящим для старух именем — Эммой, и тогдашняя тоска показалась ему праздником.

3 августа, тридцать седьмой день его пребывания на чужой земле. Вернее, теперь уже под землей...

Его разбудила музыка. Духовой оркестр играл траурный марш. В первую секунду он подумал, что слышит оркестр во сне, но, открыв глаза и увидев себя в этой словно бы насыщенной белесым туманом камере, вспомнил, где находится, и прислушался. Траурная мелодия звучала тихо, но очень отчетливо. Павел попробовал определить, откуда исходит звук, встал, прошелся вдоль всех четырех стен и не отыскал источника. Звук исходил отовсюду, он был стереофоническим, и это создавало иллюзию, что музыка рождается где-то внутри тебя, под черепной коробкой. Он попробовал зажать уши. Музыка стала тише, но все же ее было слышно.

Мелодия кончилась. Трижды ударил большой барабан — бум, бум, бум. И снова та же траурная музыка. Павел начал ходить по камере, считая шаги. Досчитав до двух тысяч, сел на полку. Посидел. Потом прилег. Музыка не умолкала. Время от времени, через одинаковые промежутки, троекратно бухал барабан.

Он опять почувствовал дремоту и забылся. Очнулся из-за легкого озноба. Хоть и тепло в камере, но без одеяла как-то зябко спать, непривычно. Траурная мелодия впилась в него, и было такое чувство, что, выйдя он сейчас наружу, все равно она будет звучать в голове, он вынесет ее с собой, он налит ею до краев, и сосуд запаян — не расплескаешь. Павел одернул себя — не рановато ли психовать? Если это пытка, то она только началась.

Послышался посторонний звук. Пластмассовый козырек, прикрывавший снаружи широкий вырез в двери, был откинут. На Павла смотрели спокойные глаза. Они исчезли, и в вырез вдвинулось нечто похожее на поднос. Павел вскочил, подошел и принял поднос из гибкого белого пластика. Он был голоден и обрадовался, что его собрались покормить, но содержимое подноса мало походило на съедобное. Со странным чувством глядел Павел на синюю булочку и на четыре синие сосиски. Поставив поднос на полку, он разломил булочку. Она была и внутри ядовитого синего цвета. Он отломил кусок, пожевал — по вкусу булочка была выпечена из нормальной белой муки. Пресновата немного, но есть можно. Сосиски тоже имели нормальный вкус. Но цвет, цвет...

Он съел все это, зажмурясь. Потом отдал через щель поднос и получил низкую широкую чашку с кофе. Кофе был настоящий, натуральный, натурального цвета.

Итак, теперь ясно, что ему предстоит. Жизнь вне времени в обесцвеченной музыкальной шкатулке и причудливо расцвеченная пища. Это мог придумать только человек с воображением параноика.

ГЛАВА 9. СЕБАСТЬЯН НАВЕЩАЕТ ПАВЛА

Павел не мог бы сказать, сколько дней и ночей продолжается его заключение. Время можно было бы хоть приблизительно измерять промежутками между завтраком, обедом и ужином. Но ни завтраков, ни обедов, ни ужинов в привычном смысле слова здесь не было. Его кормили в неопределенные часы, никакой регулярности не соблюдалось. И пища была однообразна, как и музыка.

Он сброс бородой и очень похудел.

Он отдал бы многое, чтобы только знать, какое сейчас число, сколько времени.

Он перестал делать зарядку, потому что это было бессмысленно. Зарядку нужно делать утром. А у него нет утра, нет дня, нет ночи. Ничего. Только похоронная музыка, барабан и белый люминесцентный свет.

...Павел шагал из угла в угол, когда музыка вдруг умолкла. Павел вздрогнул и застыл, напряженно приподняв плечи. Было невероятно тихо. Он слышал, как часто бьется у него сердце.

Вместо музыки возникло шипенье, а потом он услышал русскую речь. Это было невероятно! Павел весь сжался слушая. Сначала он не осмысливал слов, просто слушал, впитывая их всем существом, и лишь постепенно сообразил, что скрытые в стенах динамики воспроизводят магнитофонную запись его допроса на детекторе. Свой голос он не узнал, зато хорошо узнал голоса Себастьяна и Александра.

Снова шипенье, и разговор повторился. Это была вторая серия вопросов. Павел слушал, боясь пропустить хоть звук.

«— У вас есть мать? — Да. — Вы любите ее? — Да. — Зароков работает шофером такси? — Я не знаю, как тут отвечать. Не знаю никакого Зарокова. — Ну, ладно, пошли дальше. — Вы коммунист? — Нет! — Не орите, молодой человек. Спокойнее. — Вы ездили за пробами земли? — Да. — Вы вор? — Да. — У вас есть жена? — Нет. — Леонид Круг получал телеграмму в доме отдыха? — Да. — Дембович познакомился с вами в ресторане? — Да. — Вы сегодня завтракали? — Да. — Вы рассчитывали попасть за границу? — Нет».

От наступившей тишины Павел оглох. Он не мог понять, то ли действительно потерял слух, то ли тишина настолько глубока и безгранична, что можно слышать ток крови в жилах. Тревога начинала овладевать им. Он с сожалением отметил, что в эти моменты перестал наблюдать за своим настроением словно бы со стороны, как делал все время. Внезапная перемена вышибла его из колеи... Нельзя терять контроль над собой в его положении. Чуть ослабишь тормоза — и покажишься под уклон неудержимо.

Для чего им понадобилось напоминать ему о допросе? Хотят этим сказать: голубчик, ты попался?

Павел смотрел на дверь, когда она открылась. Впервые за... за сколько же дней?

В камеру вошел Себастьян, и по выражению его красивого лица можно было понять, что он нашел заключенного именно таким, каким ожидал найти. Во всяком случае, не удивился. Одет Себастьян был безукоризненно. Он принес с собой запаха табака и свежей зелени.

— Ну, как дела? — спросил Себастьян, и его голос донесся, как сквозь подушку.

В горле у Павла пересохло. Он не мог вымолвить ни слова, он, похоже, разучился говорить.

— Какое сегодня число? — наконец произнес он.

— Не имеет значения, — ответил Себастьян, но, подумав, прибавил: — Вы здесь уже пять дней.

Павел отказывался верить. Не может быть, чтобы эта нескончаемая пытка длилась так мало и измотала его за столь короткий срок так сильно. Он сообразил, что Себастьян врет с расчетом. Чтобы сбить с толку, подавить остатки уверенности. И больше решил ни о чем не спрашивать.

Но неожиданно вспышка гнева разбила спокойствие.

— Зачем меня здесь держат? Что я вам сделал? — закричал он.

Себастьян покачал головой.

— Не надо на меня кричать. Я могу уйти. — Сейчас в нем не чувствовалось его постоянной холодности. Скорее он был снисходителен. — Прошу ответить: почему вы не желаете сказать, что знаете Михаила Зарокова?

Этот вопрос вернул Павлу равновесие. Если они считают его контрразведчиком или разведчиком, то должны понимать, что такой вопрос задавать бесполезно. Признаться, что он знаком с Михаилом Зароковым или догадывается, кого они имеют в виду, — все равно что подписать себе приговор. Слишком просто все было бы. Не такие же они наивные. Значит, его подозревают, но сомневаются.

— Я не знаю такого человека, никогда не знал, — сказал Павел.

— Ну хорошо. Можно еще посидеть — можно вспомнить. — Себастьян был совсем покладистым. — Будем говорить о другом. Садитесь.

— Я постою, — сказал Павел.

Себастьян присел на его полку.

— Вы можете хорошо вспомнить место, где брали землю и воду?

— Могу рассказать подробно.

— Я слушаю.

— Ехать надо так...

Рассказывая, он старался не выдать голосом волнения. То, что они заинтересовались историей добычи проб, застало его врасплох. Не для протокола нужны им эти топографические подробности. Выслушав, Себастьян дал Павлу блокнот и ручку и велел нарисовать

план станции, ее окрестностей, отметить кружочком, где он брал землю и воду.

Уходя, Себастьян задержался в дверях, спросил не оборачиваясь:

— Так вы не знакомы с Михаилом Зарковым?

— Нет.

Дверь неслышно закрылась за Себастьяном.

Павел начал вышагивать по камере, глядя в пол и не видя его.

Неужели они настолько серьезно к нему относятся, что решили ради его разоблачения проверить подлинность проб? Если они возьмут повторную пробу — ему крышка. Ведь та земля и вода, которые они получили через его руки, были обработаны в лаборатории, а новые будут настоящими.

ГЛАВА 10. ЖИТИЕ АЛИКА СТУПИНА

Собственно говоря, его уместнее называть по имени-отчеству — Альбертом Николаевичем, так как ему уже исполнилось двадцать семь. Но все друзья и знакомые обращаются к нему коротко — Алик. Так проще и удобнее. Фамилию свою он никогда не называет, отчасти потому, что считает ее неблагозвучной. В институтскую пору был такой момент, когда он хотел сменить ее, взять материнскую. Но по зрелом размышлении счел фамилию матери еще менее благозвучной и решил оставить все как есть.

Отца своего Алик помнит, но довольно смутно. Он ушел в армию на второй день войны и погиб в сорок втором где-то под Сталинградом — мать делала попытки найти могилу, но ничего у нее не получилось. У Алика осталось одно яркое воспоминание: отец, умывшись после работы, берет его под мышки, подбрасывает к потолку, ловит и целует. Щеки у отца колючие, пахнет от него табаком и земляничным мылом...

Мать, когда отец ушел на фронт, стала работать машинисткой. Вернее, стенографисткой и одновременно машинисткой. Жили не очень-то сытно. Как-никак их было трое: мать, Алик и Света, младшая сестренка.

После войны мать поступила работать в какой-то главк. Купила подержанную машинку и стала подрабатывать дома — брала рукописи для перепечатки у писателей. Машинка трещала в их комнате каждый вечер

до тех пор, пока они со Светой не укладывались спать. Позднее, когда Алик вырос и научился острить, он придумал такую шуточку: если его отец родился между молотом и наковальней, то он сам, Алик, был отстукан на пишущей машинке.

Они стали жить не хуже других, все у них было.

В школе Алик учился хорошо, мать радовалась. Чуть ли не с первого класса увлекся Алик марками, и эта страсть прожила в нем до поступления в институт.

В школе преподаватели отмечали некоторый интерес Алика к литературе. Дома у матери постоянно хранились еще не перепечатанные рукописи писателей, которые он иногда читал. И постепенно Алик выносил в себе убеждение, что его призвание — литературный труд. Он подал документы на факультет журналистики Московского университета. Экзамены сдал прилично, но баллов для зачисления, увы, не хватило. Один из коллег по несчастью надоумил подать в педагогический институт. Алик рассматривал свое пребывание в педагогическом как прозябание, не оставлял надежды впоследствии все-таки поступить в университет. Может быть, поэтому он относился свысока к своим сокурсникам, которые пришли в педагогический по той простой причине, что именно здесь и хотели учиться.

Дальше жизнь Алика Ступина пошла по пути, типичному для людей этого толка, по пути, который отлично знаком читателям газет и документальных повестей, по биографиям валютчиков, фарцовщиков и разных явных и скрытых тунеядцев.

Первую свою рюмку он выпил, еще будучи на первом курсе. Они собрались в квартире его приятеля, когда родители этого приятеля уехали на курорт.

Устраивали складчину, по полсотни с носа. Если с девушкой, то по семьдесят пять. У Алика таких денег сроду не было — откуда им быть? А те ребята о пятидесяти рублях говорили, как о семечках. Но Алик скорее готов был бросить институт, чем отказаться от компании из-за отсутствия денег. Он вспомнил о своей коллекции марок, пошел и продал ее одному типу на Кузнецком. Тип явно его обжулил, но все же дал много — три тысячи.

Эти деньги и сам факт продажи Алик от матери скрыл. После той памятной вечеринки у него появились новые друзья. Они все хорошо одевались. Один из них

помог Алику купить великолепные башмаки в комиссионном магазине — через знакомую девушку-продащицу. Однако эта компания скоро ему надоела. Он вдруг обнаружил, что перерос их всех, что они, в сущности, примитивны. Больше говорят, чем делают. А он уже по-настоящему ухаживал за женщиной. Три тысячи скоро кончились, и тогда его знакомая сказала, что есть люди, которые умеют делать деньги из ничего. Одного такого она знала лично. И Алик пожелал с ним познакомиться. Сначала он спекулировал почтовыми марками, и спекулировал успешно, потому что помогали старые познания в филателии. Затем круг деятельности расширился, операции с комиссионными магазинами требовали частых выездов в Ленинград и Ригу, и, не закончив четвертого курса, Алик оставил институт.

Для домоуправления, если бы оно поинтересовалось, у него имелась поддельная справка, что он работает нештатным переводчиком в издательстве. Матери он сказал, что на год прервет учебу, потому что его пригласили как знающего английский поработать переводчиком в «Интуристе».

В тот год, когда судили небезызвестных Рокотова и Файбишенко, Алик Ступин сделал крупные шаги на пути превращения в настоящего подпольного дельца. Процесс Рокотова напугал его и заставил убавить активность, но ненадолго. Он стал очень осторожным. И в его характере появилась еще одна черта — страсть к стяжательству. Не всепоглощающая, но достаточно сильная, чтобы подавить другие качества.

К этому времени сестра Света вышла замуж за военного моряка, уехала во Владивосток, а вскоре к ней перебралась и мать. Алик сделался совсем свободным человеком. Операции становились все внушительнее, дело дошло до бриллиантов. И вот тогда-то с ним и случилось несчастье.

Алик перепродал одному своему постоянному клиенту, Николаю Николаевичу Казину, которого он за глаза звал Кокой, ворованный бриллиант, заработал на этом чистыми тысячу в новых деньгах. А через неделю Кока явился к нему домой, выложил камень и сказал, что он фальшивый. Пришлось идти к знакомому специалисту, и тот подтвердил: да, камень не настоящий, искусная подделка из горного хрусталя.

Возмущенный Кока потребовал деньги, но у Алика наличности не оказалось, договорились встретиться завтра. На следующий день он шел на свидание, как на свои собственные похороны. Не хотелось, обидно было отдавать назад деньги. К тому же он испытывал смутное подозрение, что его обвели вокруг пальца, он подозревал, что Кока просто-напросто подменил камень.

Якобы обманутый Кока ждал его у себя дома на Большой Полянке. Дом у него был, что называется, полная чаша. В гостях у Коки сидел солидный дядя, похожий на старого антиквара, и они пили чай с вареньем. Алик в буквальном смысле слова не узнал вчерашнего разъяренного Коку — тот встретил его как лучшего друга. Не успел Алик заикнуться, что принес деньги, а хозяин уже налил ему чаю, усадил к столу. И сказал, что, если у Алика сейчас трудно с деньгами, можно и подождать. А пока нужно написать расписку, что взял заимообразно... Добровольно расставаться с деньгами Алику было очень трудно. Он написал расписку и унес принесенную для отдачи сумму, условившись с хозяином, что она будет к его услугам по первому требованию.

Это случилось полгода назад. С тех пор Алик не однажды встречался с Кокой, и всегда между ними происходил разговор на тему о задолженности, и каждый раз Кока проявлял поразительную любезность и соглашался подождать. В глубине души Алик считал, что он или редкостный добряк, или...

Оказалось именно второе «или». Добряк в один прекрасный день заявил, что настало время расплатиться. И не обязательно деньгами. В погашение половины долга Алик может оказать небольшую услугу, связанную с недолгой командировкой в дальний город.

У Алика с финансами было туго. Предложение Коки казалось неопасным. И Алик согласился. Кока объяснил, что нужно в ближайшие дни съездить в район города Новотрубинска и привезти оттуда пакетик земли и флакон воды из речки.

ГЛАВА 11. «БЕРИТЕ НА ЗАВТРА»

Он был одет как охотник. Крепкие яловые сапоги с подвернутыми высокими голенищами, брюки из плотной прорезиненной ткани, с карманами на коленях,

непромокаемая куртка бутылочного цвета. За одним плечом — ружье в брезентовом чехле, за другим — полупустой рюкзак.

Поднявшись по трапу «ТУ-104» и оставив рюкзак и ружье в багажном отсеке при входе, Алик отыскивал свое место — оно оказалось у иллюминатора — и утонул в кресле.

День стоял прохладный, на улице в куртке было в самый раз, а в самолете, когда он взлетел, стало жарковато, но Алик не замечал этого. Стюардесса разносила кислые конфеты, потом яблоки и печенье, потом лимонад — Алик ничего не взял. Он украдкой оглядел соседей в своем ряду — сзади и спереди из-за высоких спинок никого не видно — и больше не двигался...

Смешно было бы думать, что у Алика не хватило сообразительности понять, что за птица оказался этот велеречивый Кока и какого рода деятельностью он занимается. С того вечера, как они договорились, у Алика сразу появилось чувство, что за ним уже кто-то следит. Ночью у него созрело решение пойти в Комитет государственной безопасности и выложить все начистоту. С этой мыслью он и уснул тогда.

Утром чувствовал себя странно. Накануне не пил совсем, а впечатление как будто он с похмелья.казалось, свалился без сознания и провалился в кровати бог знает сколько времени — сутки, а может, двое. Но вчерашнего страха он не испытывал. И желания идти в КГБ тоже. Алик прикинул трезво, что будет, если он явится с повинной, и что — если не явится.

В первом случае — прощай привычная жизнь, берись за общественно полезный труд, денежки, что сколотил благодаря смекалке и тонкому расчету, выкладывай на бочку. Нельзя же полагать, что там удовлетворятся одним лишь фактом — заданием, полученным от Коки. Его обязательно спросят: а как дошел ты до такой жизни? И придется разматывать все от печки. Предположим, ему простят Коку. А все остальное куда девать? Идти каяться еще и в милицию, в прокуратуру? А после честно встать на путь исправления?

Такой выход казался чересчур сложным. А другой?

Алик привык называть вещи своими именами. На деловом языке просьба Коки называлась заданием иностранной разведки. Алику была известна статья, караю-

щая за исполнение подобных просьб. Но велик ли риск? Кока — его старая деловая связь. Правда, их бизнес карается законом, но, если бы кое-кто считал эту связь предосудительной, им давно бы дали понять. Вернее, их постарались бы разлучить, обособив каждого в казенном доме.

Ехать на станцию, названную Кокой, — это хлопотно, и там могут произойти непредвиденные осложнения. Но зачем обязательно ехать? Горсть земли можно взять во дворе, а воды налить из-под крана. И потом к черту Коку, больше с ним никаких дел. Решив так, Алик немного успокоился. Но в тот же день они случайно встретились на Петровке. Взяв Алика под руку, Кока предложил пройтись, они медленно двинулись к Большому. Кока противно шаркал ногами.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Что вы имеете в виду?

Кока помолчал, а потом сказал очень ласково:

— Мне хочется предостеречь вас, Алик...

Алик удивился: что за странный человек — сначала сам втравил, а теперь предупреждает...

А Кока, пожевав губами, продолжал:

— Вы человек молодой, но, знаю, практичный... Товар, которого от вас ждут, всюду одинаковый, не так ли? И не было бы ничего удивительного, если бы вы подумали: зачем куда-то ехать, зачем рисковать? Еще не подумали так?

Алик прикусил губу. Он боялся выдать свое замешательство. Нет, ему еще рано считать себя мудрее Коки. Кого он хотел обмануть?!

Кока не ждал его ответа.

— Я вас убедительно прошу, чтобы вы этого не делали. Это принесет только лишние хлопоты. И неприятности.

Кока раскланялся с какой-то женщиной, шедшей им навстречу.

— И не надо тянуть. Чем скорее привезете, тем вам же лучше.

Они дошли до Большого театра. Кока остановился. Алик так ни слова еще и не проронил.

— Вы сейчас не в кассу Аэрофлота? — спросил Кока.

— Пожалуй, пойду в кассу, — сказал Алик.

— Берите на завтра, — посоветовал Кока тоном,

каким советуют приятно посмотреть понравившийся фильм. — Это будет в самый раз.

Алик действительно отправился в кассу. Его не оставляло ощущение, что за ним следят, но не те, кто охраняет безопасность государства.

ГЛАВА 12. «НАМ ЗЕМЛИ НЕ ЖАЛКО»

Приехав на железнодорожный вокзал, Алик узнал в справочном бюро, когда отправляется поезд до нужной ему станции, во сколько он туда приходит и каким поездом можно вернуться оттуда в город. Все оказалось очень удобно: приедет он на станцию в девять утра, а обратный поезд в 14.37. Лучше не придумаешь. У Алика даже поднялось настроение. Из Москвы все казалось так далеко и сложно, а по сути дела, можно обернуться за два неполных дня.

...Почтовый поезд, составленный из выдавших виды скрипучих вагонов, не старался казаться экспрессом. Все станции были ему одинаково милы, он не проезжал заносчиво, как курьерский, ни одну, везде стоял охотно и долго. Алику не приходилось прежде ездить в таких поездах, да еще по глубинной, так сказать, Руси. Поэтому интересно было наблюдать незнакомую жизнь на тихом ходу. Правда, ему, выдавшему виды величественного Кавказа, здешние холмы представлялись несколько провинциальными.

Почтовый прибыл на станцию с небольшим опозданием, но по местным масштабам плюс-минус десять минут решающего значения не имели. Единственным человеком, который относился к опозданию небезразлично, был Андрей Седых, дизелист поселковой электростанции. Он заказал проводнику этого поезда, своему земляку, привезти из города двадцать пачек «Беломора», так как привык к этим папиросам, а в поселковом магазине они бывали с перебоями. Час назад он кончил дежурство и выкурил последнюю «беломорину», а для заядлого курильщика, как Андрей Седых, час без затяжки — пытка. Поэтому Седых, стоя на платформе, от души ругал про себя машиниста, расписание, автоблокировку, железнодорожное начальство и железнодорожный транспорт в целом. Сам он был человеком аккуратным и точным, в нем не выветрились привычки и понятия, выработанные во время службы на флоте,

поэтому Седых имел моральное право критиковать, невзирая на лица. Однако если есть рельсы, а по ним движется поезд, уж он обязательно когда-нибудь придет.

Дав поезду остановиться, Седых подошел к третьему вагону, а из вагона ему навстречу выпрыгнул проводник. Седых взял у него авоську с «Беломором», вынул одну пачку, распечатал, закурил и сразу повеселел. Балакать им было некогда — поезд стоял две минуты, да к тому же проводник был некурящий.

Когда состав тронулся дальше, Седых обратил внимание на пассажира, сошедшего с этого поезда. Точнее, сначала он увидел ружье в брезентовом чехле, а потом уже того, кто был при ружье. У него самопроизвольно возникло желание подойти к владельцу ружья, ибо все и вся, что имело хотя бы отдаленное отношение к охоте, вызывало у Седых непреодолимую симпатию. Страсть к охоте была у него в крови, а такой человек инстинктивно ищет себе подобных и не упустит возможности поговорить с товарищем.

Но что-то погасило в нем стихийный порыв. Что? Седых оглядел незнакомца с ног до головы. Сапоги, штаны, куртка — все было на нем прямо из магазина, только что лаком не крыто. Седых подумал, что, наверно, где-нибудь на штанах или на куртке еще и фабричный ярлычок не срезан. Не обмята одежонка, и нет в ней ладности. И образцово-показательный рюкзак за плечом топорщился, будто в нем не увесистый охотничий припас, а пяток ежей. А в чехле небось «зауэр» — три кольца в заводской смазке. Встречал Седых таких гусей. А на черта им «зауэр», никто не знает. У самого Седых была «тулка» двенадцатого калибра... И без шапки человек, а какой же охотник может быть без шапки?!

Одним словом, нюхом почуял Седых, что перед ним если и охотник, то из самых новичков, которые шмалют без всякого понятия, пугают зазря дичь и зверье, а если что и подстрелят — боятся испачкаться кровью.

Испытав разочарование, Седых тут же подумал: этот долговязый тип вообще никакой не охотник. Человек, если он охотник, должен знать сроки. А сейчас всякая охота закрыта и откроется еще не скоро. Вот что главное... А так как Седых считался в поселке активистом Госохотинспекции и однажды разоружил двух залетных браконьеров, промышлявших по перу и пуху, то он

счел нелишним приглядеться к незнакомому человеку, так сказать, и с этой точки зрения. Делать ему все равно было нечего, жена с сынишкой гостила у тещи в Иркутске, а дома сидеть одному до смерти скучно... Хотя, честно сказать, на браконьера-то обладатель таких капитальных сапог и такого рюкзака был похож меньше всего. Не те ухватки. Но все же не мешает посмотреть... Охотник пошел к кассам. Поговорил с кассиршей. Потом поинтересовался буфетом, но садиться к столу не стал. Вынул из бумажника какую-то бумажку, поглядел в нее, вышел из буфета, пересек пути и неторопливо зашагал к лесу, в сторону оврага.

Седых не пошел за ним следом. Он знал, что овраг заставит незнакомца повернуть влево, и отправился вдоль полотна наперерез. Седых не боялся потерять охотника: он все время слышал шум шагов, потому что охотник ходить по лесу совсем не умел.

Впереди был высокий холм, поросший ежевикой, и на нем Седых увидел охотника. Тот забирал левее. За холмом по открытому месту течет ручей под названием Говорун, узкий, можно перепрыгнуть. Седых двинулся в обход холма, рассчитывая зайти сбоку и дальше двигаться с охотником на параллельных курсах. Но, обогнув холм, остановился в удивлении.

Было бы понятно, если б он увидел, что охотничек достал из чехла и сложил ружье. Но долговязый, присев у ручья, раскрыл рюкзак и вынул из него маленькую карманную фляжку. Седых не мог не усмехнуться: если человек хотел запастись водой, то разве ж это запас? Фляжка на два хороших глотка, а сухари размочить уже не хватит.

Охотник опустил фляжку в ручей, наполнил ее, завинтил крышку и спрятал в рюкзак. Затем достал мыльницу, носком своего новенького подкованного сапога разрыхлил грунт, поддел половинкой мыльницы землю, накрыл другой половинкой, завязал рюкзак. Постоял, сполоснул в ручье руки. Закинул рюкзак и чехол с ружьем на одно плечо. И пошел обратно, к станции.

Ну вода, это понять можно, думал Седых, быстро и бесшумно двигаясь по своим следам. Но зачем земля? Червей, что ли, хотел накопать? Так он их не искал. Черпанул разок, и все... Седых пошел на станцию, куда держал путь незадачливый охотничек, — поглядеть, что будет дальше.

Долговязый прямым ходом проследовал в буфет. Взял большую бутылку белого кислого вина и сел у окна. И уходит куда-нибудь еще, по всему видать, не собирался. Уселся довольно плотно. Седых поглядел-поглядел на него через стекло и окончательно понял, что этот тип ему не нравится. Нормальные люди так себя не ведут.

На платформу из станции вышел в это время Дородных, лейтенант милиции, поселковый уполномоченный, тоже, как и Седых, из охотников. Посмотрев похозяйски направо-налево, лейтенант, увидев Седых, сказал:

— Здорово, Андрюха. — И, кивнув на авоську с папиросами, поинтересовался: — Дальний встречал? Новичков не было?

Дородных задал этот вопрос не из праздного любопытства. Дело в том, что еще в первых числах июля к нему приезжал из города сотрудник Комитета госбезопасности. Он просил лейтенанта внимательно следить за всеми незнакомыми приезжими, и если кто-нибудь из них будет вести себя странно, необычно — например, захочет набрать кулечек земли или бутылку воды из речки, — взять его под строгое наблюдение и немедленно сообщить в КГБ.

Сейчас Дородных немного задержался, так как в момент прихода поезда разговаривал по телефону со своим непосредственным начальством. Однако он не сильно беспокоился: на станции всегда есть кто-нибудь из коренных поселковых, так что новенький незамеченным не останется.

— Слушай, лейтенант, тут такое дело... — Седых подошел ближе, покосился на окна буфета и попросил: — Идем-ка в дежурку. Что скажу...

Немного погодя лейтенант, оставив Седых в дежурке, заглянул на минутку в билетную кассу, а затем отправился в буфет. Он вошел, остановился в дверях, поприветствовал буфетчицу, добродушно оглядел знакомых посетителей, которых было человек шесть-семь, сказал: «Ну как, идет торговля?» — и, посчитав предисловие достаточным, прямо подошел к столику, за которым сидел охотник.

— Здравствуйте, товарищ! — вежливо сказал Дородных.

— Здравствуйте.

— В гости к нам? Надолго ли?

— А что?

— Да так. А то я думал — проездом...

— Вы угадали. — Он не был расположен к дружеской беседе.

— Документики есть? — спросил Дородных менее любезно. Оскорбленный охотник полез в карман, достал паспорт.

— Так, так, все в порядке, — сообщил Дородных, посмотрев и возвращая документ. — Где работаете?

Появилась справка, удостоверявшая, что податель ее является внештатным переводчиком.

— А это что в чехле? Не ружье ли?

— Да.

— Охота еще запрещена. Вам известно?

Приезшему скорее всего не были известны сроки охоты.

— Я не стрелял.

— Не стреляли? — удивился Дородных. — Разрешите посмотреть!

Охотничек неумело извлек из чехла ружье. Дородных принял его в руки почти с благоговением.

Андрей Седых ошибся ненамного: стволы были еще в заводской смазке, но это оказался не «зауэр», а ижевская двустволка шестнадцатого калибра.

— Спасибо, благодарю вас. — Он вернул ружье. — Все в порядке.

Дородных заранее сам с собой договорился, что выходить за пределы охотничьей темы не будет, чтобы охотник не догадался об истинных причинах особого интереса, проявленного к его личности. Это было бы тактически неграмотно. То, что хотел выяснить, он выяснил: фамилия — Ступин, Альберт Николаевич, москвич, прописка в порядке.

Полагалось бы спросить охотничий билет, но Дородных уже и без того видел, что билета наверняка нет. Еще напугается, наострит уши. В общем тактика — великая вещь...

Через полчаса, когда Алик, успокоившись, допивал свое вино, лейтенант Дородных говорил по селектору с городом. Вот какой произошел разговор после того, как лейтенант сообщил сведения, почерпнутые из паспорта, и внешние приметы подозрительного гражданина по фамилии Ступин.

Город: Почему он вам показался подозрительным?

Дородных: Набрал в мыльницу земли, а из ручья налил воды во флягу.

Город: Любопытно. Спасибо, что позвонили. Что он собирается делать дальше?

Дородных: Сидит в буфете, легко выпивает. Интересовался поездом четырнадцать тридцать семь в вашу сторону.

Город: Вы спрашивали, зачем ему вода и земля?

Дородных: Воздержался.

Город: Хорошо, товарищ лейтенант. И не трогайте его больше. В какой вагон у него билет?

Дородных: Билет еще не брал. Поезд проходящий, продают за полчаса.

Город: Как сядет, вызовите меня, скажите вагон.

Дородных: Слушаюсь.

Город: Найдется у вас кто-нибудь свободный, чтобы прокатиться до города?

Дородных: Могу сам.

Город: Нет, вам лучше не надо, вас он запомнил. Кого-нибудь нейтрального.

Дородных: Есть под рукой товарищ... Он мне и сказал про этого гражданина. Дизелистом у нас на электростанции, зовут Андрей Седых. Если попросить — сделает.

Город: Устройте его в тот же вагон и проинструктируйте как следует. Надо смотреть, чтобы где-нибудь на промежуточной не сошел. Если что — задержать силой.

Дородных: Понял. Желаю благополучно встретить.

Город: Постараемся. Спасибо, лейтенант. Жду на счет вагона.

За полчаса до прихода поезда Алик купил билет. Вагон номер шесть, купированный. А место даст ему проводник. Вообще же, сказала кассирша, этот вагон всегда полупустой, так что о месте беспокоиться нет причин.

Лейтенант Дородных, быстро найдя начальника поезда, договорился об Андрее Седых, и тот поместился в шестом вагоне, в пустом купе по соседству с тем, которое указал проводник Алику Ступину.

Седых за всю дорогу не прилег, не вздохнул. Как сел у открытой двери купе, так уже и не вставал, кро-

ме одного раза. И напрасно. Охотник не имел ни малейшего желания сойти на промежуточной станции, а тем более прыгнуть на ходу. Только раз и отлучился из купе. В половине одиннадцатого ночи поезд прибыл в город.

На перроне вокзала Седых вышел из вагона следом за Аликом. Он видел, как двое рослых молодых людей подошли к Ступину, что-то коротко ему сказали, а потом все трое ушли через служебный ход.

Андрею Седых было вовсе невдомек, какую услугу оказал он сегодня одному незнакомому парню по имени Павел Синицын...

А в областном управлении Комитета государственной безопасности в это время допрашивали Альберта Николаевича Ступина. Он очень нервничал и на все вопросы старался отвечать самым исчерпывающим образом. Когда его попросили вкратце рассказать о последних годах жизни, он рассказал не вкратце, а подробно, со множеством деталей. И о махинациях своих говорил вполне откровенно.

Но на вопрос, зачем ему понадобились земля и вода, и не откуда-нибудь, а именно с этой станции, Алик ответить не мог. Когда этот вопрос был задан в третий раз, а Алик продолжал молчать, допрашивавший сказал:

— Вы поймите: нам земли не жалко. Мы народ добрый, берите хоть целый самосвал. Но просто по-человечески любопытно знать: зачем молодому интересному москвичу понадобились земля и вода с этой маленькой станции? А?

Голос его звучал прямо-таки задушевно, но глаза, смотревшие на понурившегося Алика, были холодны и понимающи. Алик предпочитал не смотреть в эти глаза. И вдруг он словно очнулся. Если его здесь задержали сразу, едва он сошел с поезда, если, еще не осмотрев содержимое рюкзака, они попросили показать мыльницу и флягу, значит, за ним следили с самого начала. Иначе все это необъяснимо.

Какой же смысл запираяться? Ведь его чистосердечное признание должны будут учесть... И Алик выложил все. А потом те же двое, что встретили его на вокзале, пригласили сойти вниз. Быстрая езда на машине, аэродром, самолет незнакомых Алику очертаний, и в пять часов утра он был уже в Москве.

Около шести Алика ввели в небольшой кабинет, где за столом сидел пожилой человек с усталым лицом, явно невыспавшийся.

Алик совсем пал духом, и было отчего.

Специальный самолет. Двое сопровождающих. Тут ждут, не спят. И все это из-за него одного. Из-за того, что кому-то понадобились горсть земли и стакан воды. В какую же историю втравил его Кока? Алику только теперь стало по-настоящему страшно.

Допрос скорее был похож на беседу. Невыспавшийся человек не проявлял раздражения, в его голосе не чувствовалось неприязни. Были интерес и терпеливое внимание. Первые вопросы носили формальный характер, но когда дело дошло до истории с фальшивым бриллиантом, официальность исчезла, и Алику сразу стало легче. Его собственная персона как бы отодвинулась на второй план, а в фокусе оказался Кока.

Давно ли Алик его знает? Часто ли виделись? Где Кока живет? Какова у него семья? Когда он ждет Алика? И последний вопрос:

— Встречали вы у него кого-нибудь, знакомил ли он вас с кем-нибудь?

— Нет.

Алик не хотел врать ни в чем и ответил правду.

— Это очень важно. Вспомните хорошенько. Может быть, вы с кем-нибудь его видели?

Алик никогда ни с кем Коку не видел, но он стал перебирать в уме свои встречи с Кокой и вдруг вспомнил, что в тот несчастный вечер у него сидел гость. Алик был тогда в таком состоянии, что не мудрено и не запомнить постороннего.

— Да, простите, — сказал он. — В тот раз, когда Кока взял с меня расписку, он был дома не один.

— А с кем?

— Такой старый, седой. Лицо красное. В очках.

— Кто он, чем занимается, не знаете?

— Мне показалось, что он похож на антиквара. Может, на старого учителя...

Алика попросили побыть в другой комнате, где стоял большой диван. Он провел там несколько часов. Два раза ему приносили поесть, но он выпил лишь компот. А вечером произошла сцена, которая одновремен-

но и ободрила его и потрясла, так как он неожиданно понял, что оказался в самом центре каких-то неведомых ему, но, безусловно, очень серьезных событий.

Когда Алика снова пригласили в кабинет, где его допрашивали, он увидел на столе свой рюкзак и чехол с ружьем. А тот, кто допрашивал, сказал:

— Сейчас вы отправитесь домой. Но прежде садитесь и выслушайте меня.

Алик повиновался. Он был оглушен.

— Я не буду читать вам мораль. — Пожилой человек, стоявший перед ним, секунду подумал, отвернулся к окну и продолжал ровным голосом, очень внятно выговаривая каждое слово, как будто диктовал текст машинистке: — Вы не юноша. Вы должны отдавать себе ясный отчет в каждом шаге, в каждом поступке. Вся ваша прошлая жизнь, исключая, разумеется, школу, — дрянь. Вы идете по пути предательства и дошли до крайней черты. Вы не переступили ее не по своей воле. Вас вовремя удержали. Это самое главное, что вы должны отныне знать и помнить. Вас следует привлечь к ответственности. Пока этого не будут делать, но не потому, что вы заслуживаете какого-то особого отношения или снисхождения. Вы их недостойны. Вам дается возможность коренным образом изменить образ жизни — используйте ее. Дальше все будет зависеть от вас.

Он снова повернулся лицом к Алику.

— Это были советы. То, что я скажу дальше... Но сначала один вопрос. Если вы прекратите всякие отношения с вашим Кокой, это его не удивит?

Спокойствие и серьезность этого человека делали все простым и ясным, снимали нервозность.

— Я собирался с ним порвать. По-моему, он об этом догадывается, — сказал Алик.

— Но вы еще останетесь должны?

— Отдам. — Алик опять опустил голову.

— Не забудьте взять расписку. Не захочет вернуть — погрозите, что пожалуетесь куда надо.

— Пожаловаться... — Алик не знал, как выразиться. — Он не поверит. Так отдаст, думаю.

— Ну слушайте, Ступин. — Пожилой человек сел напротив, облокотился о стол. — Сегодня же вечером — или завтра, как вам удобней — вы отнесете Коке мыльницу и флягу. Надо, чтобы он по вашему со-

стоянию не догадался о происшедших с вами неприятностях. Это не значит, что вы должны изображать восторг и умиление. Будьте самим собой. И запомните крепко: не болтать. Ни с одним человеком, кто бы он вам ни был. И порвите с Кокой.

— Понятно.

— А теперь идите. Вас проводят...

Алик, очутившись на улице, отправился не к себе домой. Он поехал на Большую Полянку.

Кока был дома, очень обрадовался. Обратил внимание на усталый вид, посочувствовал, советовал теперь отдохнуть, предлагал посидеть, выпить чаю.

Алик держал себя с ним не более вежливо, чем тогда на Петровке, при последнем свидании. Чай пить он отказался, а, выложив из рюкзака мыльницу и флягу, сказал решительно и мрачно:

— Не рассчитывайте, что я поеду куда-нибудь еще раз. Завтра принесу деньги.

Кока развел руками.

— Ну что вы, Алик! Куда ехать, зачем ехать?

— Завтра я отдам деньги, а вы вернете мне расписку.

— Ну хорошо, хорошо, — согласился снисходительный Кока. — Только не надо приходить сюда, милый мой, меня завтра трудно застать. Приходите после пяти на почтамт.

На том и порешили. Алик ушел.

...На следующий день полковнику Маркову стало известно, что так называемого Коку посетил некий иностранец, по приметам похожий на того Кокиного гостя, которого Алик принял за антиквара. При проверке выяснилось, что антиктвар — атташе по вопросам культуры одного из посольств, аккредитованных в Москве.

Не составляло труда установить, что пробы воды и земли, доставленные Аликом, были переданы Антиквару — так эта личность теперь фигурировала в деле, — потому что после его визита мыльница и фляга исчезли из комнаты Коки.

ГЛАВА 14. АГЕНТ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Павла продержали в подземной тюрьме больше месяца. Себастьян еще дважды допрашивал его. В последний раз Павел бросился на Себастьяна с кулаками,

но был сбит коротким точным ударом в подбородок, а когда поднялся с пола, Себастьян уже ушел. Бунт выглядел несерьезно — слишком много сил потерял Павел за это время.

Освобождение произошло таким же будничным порядком, как и арест. Тот же молодой широкоплечий гигант однажды открыл дверь, кивком приказал Павлу выйти и, следуя впереди, вывел его на поверхность. Павлу сделалось плохо, закружилась голова, он вынужден был присесть на ступеньке крыльца, а тюремщик — или кто он там был — терпеливо ждал, стоя рядом.

Дорога показалась Павлу короткой. Слава богу, думал он, что везут в легковой машине, а не в том ящике, в котором доставили сюда. Он принял такую дозу замкнутого пространства, что даже небольшая добавка могла натворить с ним беды. Контроль над собой — похвальная вещь, но наступает такой момент, когда и железным нервам нужна разрядка.

Встреча с Леонидом была трогательной. Круг даже прослезился, хотя не был пьян. Приспособление для перебитой ноги уже убрали, и их комната перестала походить на госпитальную палату. Леониду выдали пару костылей, скоро он начнет вставать.

По испуганному лицу Круга в первую минуту Павел мог догадаться, что выглядит после подземной тюрьмы не лучшим образом. И зеркало подтвердило это. Борода какая-то сивая, виски и щеки ввалились, волосы косматые. Клара разговаривала с ним так, словно он никуда не отлучался. Франц посочувствовал и успокоил: мол, ничего, все пройдет, бывает и хуже.

Франц, между прочим, оказался заправским парикмахером. Он с помощью расчески и ножниц подстриг Павла под полку. Бороду Павел сбрил сам. И без бороды показался себе еще более изможденным.

Леонид и Павел проговорили весь вечер, часов до одиннадцати. Оказывается, Леонида тоже допрашивали на детекторе. Специально привозили аппарат сюда. И Леонид тоже был поражен, как точно могут они определять задуманную цифру. Результаты допроса Леониду, само собой, не докладывали, но после Виктор сообщил, что, кажется, все в порядке. Да Леониду и не пришлось врать ни в чем, кроме истории с телеграммой.

Леонид приблизительно знал, что произошло с

Павлом. Виктор называл это строгой изоляцией. И это тоже входило в систему специальной проверки.

Леонид склонен был полагать, что содержание в тюрьме преследовало не одну только эту цель. Вероятно, Павла испытывали, так сказать, на прочность. Выдержав испытание, можно считать себя не просто свободным от подозрений. Виктор дал понять, что прошедший через строгую изоляцию может пользоваться доверием в самом широком смысле слова.

Павел рассказал Кругу о разговоре с Себастьяном по поводу поездки за пробами. Но Леонид насчет повторных проб ничего не знал. Нужно будет закинуть удочку Виктору.

Нетрудно было заметить, что Леонид искренне соболезнует Павлу, удручен из-за того, что ему пришлось принять столько лиха. Круг как будто бы считал себя отчасти повинным в этом. В речах его проскальзывали такие нотки, что, мол, старший брат делал все, что мог, но раньше у него были связаны руки. Он не имел права открыто проявлять по отношению к Павлу покровительства. Ему и за одного Леонида пришлось проглотить немало упреков.

Теперь другое дело. Теперь ничто не мешает. Кстати, самый активный враг Виктора, тот старый хрыч из бывших, вышиблен окончательно и бесповоротно. Кажется, убрался в Париж. Леонид распространялся бы и дальше, но Павла сморило как-то вмиг, и он уснул, не дослушав фразы...

Наутро он испытал такую острую радость пробуждения, как бывает только в юности. У этой радости нет видимых причин. Просто открывает человек глаза, вздыхает полной грудью, и у него такое настроение, что хочется подкинуть на ладони земной шарик.

Потекли безмятежные дни. Павел отъедался на Клариных харчах, а готовила она очень хорошо. Поговорка «не в коня корм» к нему явно не относилась. Уже через неделю ремень застегивался на старую дырочку.

Виктор Круг, навестивший их как-то под вечер, нашел Павла посвежевшим, а они не виделись с конца июля. Старший брат привез младшему хорошие вести. Леониду после выздоровления дадут должность инструктора по диверсионной подготовке. Судьба Павла пока не определена, но он может рассчитывать на самые благоприятные перспективы. В доказательство то-

го, что отношение к Павлу в корне изменилось, Виктор Круг сказал, что тот может, когда пожелает, съездить в город. Одному будет с непривычки трудно, поэтому лучше взять Франца гидом. У него есть малолитражный «фольксваген», и вдвоем они отлично прокатятся.

Виктор оставил немного денег и пожелал Павлу повеселиться как следует.

Из солидарности с прикованным к постели Леонидом Павел заявил, что не имеет желания развлекаться, но Леонид сам настоял, чтобы его друг не упускал такой приятной возможности. «Поезжай, поезжай, — сказал он. — Потом расскажешь — мне легче станет».

Франц идею поездки приветствовал. Выбрали день среди недели, потому что, объяснил садовник, по субботам и воскресеньям в городе бывает такая бестолковщина — ничего, кроме головной боли, не добьешься. Особенно теперь, в сентябре, когда все только что съехались после дачного сезона.

Ранним утром, позавтракав на скорую руку, Франц вывел из жестяного гаража свой вишневый маленький «фольксваген».

Они ехали не спеша. Практичный садовник вообще не торопился жить. Он как бы смаковал каждую переживаемую минуту. И от этого рядом с ним было очень уютно. Вот и сейчас Павел смотрел, как спокойно лежат его узловатые длинные пальцы на баранке, и испытывал невольное уважение к этому уравновешенному долговязому садовнику. Если бы еще не знать, что, кроме основных, у него есть и побочные обязанности, было бы совсем хорошо...

Город, особенно центр, сразу понравился Павлу. Чисто, много стекла и алюминия. Ультрасовременные здания не задавили своими многоэтажными громадами домов старинной архитектуры. Все это разностилье как-то уживалось в гармонии.

Оставив машину на платной стоянке в центре большой площади, они отправились в недорогой ресторан пообедать.

По пути оказался газетный киоск. Павел бросил беглый взгляд на широкий прилавок и неожиданно для себя остановился, словно его что-то зацепило, а что именно, он не сразу сообразил. Окинув глазами пестрые ряды газетных заголовков, он увидел короткое русское слово и, как ему показалось, покраснел. На прилавке

среди английских, немецких, французских газет лежала «Правда». Странное ощущение испытывал Павел, взяв ее в руки. Словно встретил в чужой разноплеменной толпе старого друга, который все про него знал, знал, да помалкивал. Павлу казалось, что «Правду» положили на прилавок специально для него, только его она и дожидалась, хотя было ясно, что это обычный киоск с обычным набором изданий.

Газета была вчерашняя. Франц, улыбаясь, глядел на него добродушно. Павел еще раз оглядел прилавок, заметил две газеты, напечатанные по-русски, взял и их. Эти оказались эмигрантскими листками из Парижа. У Павла не было мелочи, поэтому расплатился Франц. Он взял себе какую-то немецкую газету. За обедом Павел прочел «Правду» насквозь, от передовицы до радио-программы, потом принялся за парижские газеты. Франц читал свою.

После обеда погуляли по старым улицам, а затем Франц предложил зайти посидеть в пивную. Пиво было свежее и прохладное.

Они уже собирались уходить, когда в пивную ввалилась шумная компания, человек пять. Двое из них, как оказалось, знакомые Франца.

Сдвинули столы, заказали дюжину пива. Франц, улучив минуту, спросил Павла, помнит ли он, как Франц рассказывал о своих друзьях, которые, может быть, и не коммунисты, но... Так это они и есть..

Друзья Франца, раскрасневшись от пива, несли такую околесицу, а Франц, переводя ее, так неудачно старался подправить, что эта беседа сразу приобрела вид откровенной и неумной провокации. Павлу было как-то неудобно — неужели, думал он, считают его настолько глупым, что не нашли другого способа? В разговор он не вступал, а только слушал. Под конец стало совсем противно, и он потянул Франца на улицу, чему садовник не сопротивлялся.

Погуляли, заглянули в кинотеатр, но попали на какой-то нудный фильм, в котором актеры были наряжены в пышные одежды восемнадцатого века и все время пели очень громко, поэтому Павел с Францем быстро ушли. Гулять было интереснее.

Павел купил у уличного торговца для прозябавшего в одиночестве Леонида Круга игрушку. Это была трубочка, устроенная по принципу калейдоскопа, но вместо

причудливых цветных орнаментов она показывала женские фигуры.

Довольные проведенным днем и друг другом, слегка уставшие, но веселые, они вернулись, когда совсем стемнело. Павел описал Кругу поездку в город самыми яркими красками. Игрушка понравилась. «Правду» Круг читал потом целый день, а эмигрантские газеты просмотрел с пятого на десятое.

Больше никаких выдающихся событий в их жизни не происходило до октября. Круг понемногу начал вставать. Он в буквальном смысле слова учился ходить заново.

Октябрь принес крупные перемены. В первых числах дачу посетил Себастьян. Он приехал не один. Павел был представлен пожилому господину с карими внимательными глазами. Этот господин поселился в комнате на первом этаже и прожил на даче две недели. Каждый день Павел являлся к нему утром, как на службу, и рассказывал обо всех городах и селах Советского Союза, где ему удалось побывать за тридцать с лишним лет жизни. От Павла требовалось вспомнить топографию виденных им мест как можно детальнее. Особенно интересовали господина состояние дорог и приметы расположения воинских частей. Павел мешал истину с ложью, не очень-то беспокоясь о правдоподобии. Наконец достойный господин исчез со своим магнитофоном.

После него Себастьян познакомил Павла с инструктором парашютного дела. Это был парень, постоянно пребывавший в отличном расположении духа. По-видимому, он расценивал жизнь как один долгий затяжной прыжок без раскрытия парашюта в конце и поэтому смотрел на вещи философски. В нем не было той фанатерии, которой в избытке обладал модный Себастьян.

Инструктор, как всякий человек дела, иронически относился к теории, поэтому теоретические занятия продолжались всего три дня. Переводчиком служил Франц. Хотя Павел прежде подозревал, что садовник знает русский язык лучше, чем демонстрирует, все же переводил он плохо. Например, заключительную фразу теоретического курса, которая звучала в устах инструктора так: «Вообще же нормальному человеку лучше с парашютом не прыгать, а если уж ему приспичило сломать себе ноги или шею, то для этого есть более простые

способы», — эти слова Франц перевел в крайне невыразительной форме.

Практикой занимались на летном поле, расположенном далеко в стороне от больших дорог. Они прожили там полмесяца. Павел прыгал трижды из спортивного самолета, пилотируемого самим инструктором, с высоты полторы тысячи метров и приземлялся на ровном поле. Затем было два прыжка с приземлением на смешанный лес. А после того серия ночных прыжков из военного транспортного самолета на неизвестную заранее местность. Старая практика сослужила Павлу службу, и все сошло благополучно. Лишь однажды при ночном прыжке он немного не рассчитал момент соприкосновения с землей и вывихнул левую ногу в голеностопном суставе. Но инструктор оказался мастером и в этом деле, он быстренько вправил сустав, так что помощи врача не понадобилось.

Когда вернулись на дачу, инструктор преподавал урок, как лучше и быстрее спрятать парашют после приземления. Это у Павла получалось хуже, но инструктор сказал: ничего, нужда научит. Он заполнил какой-то длинный формуляр, попрощался и уехал, пожелав напоследок Павлу, чтобы ему не пришлось воспользоваться приобретенными знаниями.

Из всех, с кем судьба сталкивала Павла на чужой земле, этот остряк-парашютист был единственным симпатичным парнем, хотя его можно было считать циником. О нем у Павла остались приятные воспоминания.

Следующим был инструктор по подводному плаванию, человек лет тридцати, но уже лысый. Он приехал с аквалангом, привез резиновый костюм и прочие необходимые принадлежности. Прежде всего он спросил, умеет ли Павел плавать, и, получив утвердительный ответ, велел закаляться, то есть обтираться холодной водой по утрам, постепенно приучить себя к холодным душам. Павел сказал, что давно так и делает.

Павлу раньше не приходилось держать в руках акваланг, и занятия были ему интересны. Леонид Круг, ставший наконец мобильным, принимал в них участие, и надобность во Франце как в переводчике отпала. Круг успел отвыкнуть от немецкого, однако его знаний хоть с грехом пополам, но хватало.

Седьмое ноября, годовщину Октябрьской революции, Павел отметил крещением в ледяной воде. Лысый

инструктор привез его и Круга на берег знакомой им бухты, велел Павлу надеть резиновый костюм, маску, акваланг, ласты и мановением руки двинул его в море.

Тренировки продолжались в течение недели ежедневно. Было бы преувеличением сказать, что Павел научился чувствовать себя в воде как рыба, но кое-чего он все же достиг. Он мог плавать с грузом и без груза на нужной глубине и с нужной скоростью. Большого от него не требовалось.

Когда подводник убрался с лодки, приехал специалист по тайнописи, его сменил радист, а затем наступило затишье, и Круг организовал экскурсию в город. Франц сопровождал их.

Эта поездка была похожа на предыдущую, с той лишь разницей, что в пивной не оказалось провокаторов. Круг был возбужден, порывался кутнуть на всю катушку, но Павел сдерживал его напоминаниями, что у них нет для этого денег.

Как и прошлый раз, Павел купил в киоске газеты. Вечером, читая их в постели, он обратил внимание на некролог, помещенный в парижской эмигрантской газете. Фамилия усопшего была ему известна из дела резидента Михаила Зарокова. В некрологе сообщалось о кончине на семидесятом году жизни Александра Николаевича Тульева, «верного сына России».

За завтраком газеты просматривал Леонид Круг. Павел ожидал, что он как-то среагирует на это сообщение, и не ошибся. Увидев некролог, Леонид сказал: «Отлетался, божий одуванчик. Вечная память!» И объяснил Павлу, кто такой этот Тульев.

У Павла мелькнула мысль сохранить газету, может быть, вырезать некролог. Но это было рискованно. Как он объяснит свою прихоть, если она обнаружится?

Подошло рождество. Клара испекла огромный пирог, но сама уехала на целый день, и они выпили под пирог водку.

Минул Новый год, а затишье все продолжалось. Погода на дворе стояла отвратительная. Заморозки бывали только по утрам, днем земля расквашивалась. Снег падал редко, а выпав, тут же таял. Ветер с моря дул влажный, зябкий.

Однажды за Леонидом приехал брат и увез его на три дня. С тех пор Круг стал отлучаться все чаще, и

жизнь Павла делается совсем тоскливой. Куда ездит и что делает, Круг не рассказывал.

Задумываясь о дальнейшей своей судьбе, Павел терялся в предположениях. Появление инструкторов позволяло догадываться если не о цели, ради которой с ним возятся, то, по крайней мере, о способах его возвращения в Советский Союз. Но последовавшее затем бездействие его хозяев все опять затуманило. Вряд ли в этом был какой-то умысел. Скорее, им попросту не до него...

Однако всему пр-ходит конец. В один прекрасный день явился давно не показывавшийся Себастьян. Он изъяснялся в обычной своей бесцеремонной манере, но содержание беседы было необыкновенно ново.

Для приличия был задан вопрос, не желает ли Павел вернуться в Советский Союз, на что последовал ответ: хоть к черту на рога, лишь бы не торчать больше на этой опостылевшей даче. Себастьян сказал, что у Павла будет относительно легкое задание. Ему дадут маленькую рацию и немного денег. Он должен найти одного человека, передать ему рацию и деньги. Разумеется, его снабдят безупречными документами. А способ засылки будет неопасным.

Павел был согласен на все, и Себастьян уехал, сказав, что ждать теперь недолго.

Это произошло в начале марта. А через месяц Павла перевезли в другое место. Он покинул дачу, ни с кем не простившись, так как думал, что еще вернется. Однако не вернулся.

Ему выдали костюм, туфли, белье — все советского производства, велели сразу надеть, чтобы обносилось. Вручили паспорт на имя Павла Ивановича Потапова. Затем показали «Спидолу» — рижский транзисторный приемник. Но это не «Спидола», хотя может служить и обычным приемником, — в корпус вмонтирована портативная рация. Павлу объяснили, как настраивать ее на передачу. Дали подержать в руках микрокатушку. Он вставит эту катушку в гнездо рации и проведет краткий сеанс передачи, о дате которого ему скажут перед отправкой.

А задание предельно простое, обязанности его ограничены и необременительны. В городе К. или в городе Я. Павел разыщет человека, которого зовут Станислав Курнаков. Паролем послужат советские денежные

знаки — он предъявит Курнакову вот эти две бумажки: пятерку и трешницу. Они не поддельные. Дальше Павел должен исполнять приказания Курнакова.

Может случиться, что Павел его не найдет. Тогда-то и следует воспользоваться передатчиком. После этого рацию надежно спрятать. Павлу обосноваться в городе К., устроиться на работу и жить мирно, ни о чем не думать. Когда понадобится, его найдут.

ГЛАВА 15. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕКАСА

Теплым и дождливым майским вечером новенький сухогрузный теплоход под иностранным флагом отдал якорь на внешнем рейде Батумского порта.

В ожидании таможенного досмотра капитан и его помощники собрались в офицерской кают-компании, а команде было разрешено заняться личными делами. Капитанская каюта не пустовала в это время. В ней сидели Себастьян и Павел. Света не зажигали. Когда совсем стемнело, Себастьян приказал готовиться. Павел разделся, остался в плавках, застегнул на груди пряжки акваланга, приладил маску. Себастьян достал из шкафа резиновый мешок — в нем был мягкий матерчатый чемоданчик на молнии, а в чемоданчике «Спи-дола» и деньги. Сунув в мешок одежду Павла, Себастьян туго перетянул резиновым жгутом горловину, сделал на жгуте две петли, чтобы можно было продеть в них руки, и помог Павлу закинуть мешок на спину, поверх акваланга.

Павел взял в руки ласты, но Себастьян попросил не спешить. Он один вышел из каюты. Минут через десять вернулся и приказал следовать за ним. Они быстро достигли кормы, никто не встретился им по пути. С кормы свисал веревочный трап. На море был полный штиль.

— Давай! — шепнул Себастьян и хлопнул Павла по плечу.

Павел спустился по трапу до последней перекладки, вдел ноги в ласты и окунулся в теплую, темную, плотную воду.

Павел плыл медленно. Это было очень странно, но теперь, когда желанный миг возвращения на родную землю оказался так близок, хотелось продлить неповторимое ощущение...

Павел ехал в поезде, глядел в окно и думал об удивительных совпадениях, происходящих в жизни. Он начал эту операцию в поезде № 52 Сухуми — Ленинград и сейчас, как бы завершая большой круг, попал в этот же № 52.

Вскоре Павел понял, что тащиться поездом будет невозможно. В Адлере он сошел и поехал в аэропорт...

Во Внукове хотелось позвонить своим из автомата, но он решил на вокзале не мельтешить, сразу поехал на такси в город. На Калужской площади, отпустив машину, зашел в телефонную будку.

Сначала позвонил домой матери. Затаив дыхание считал редкие гудки — долго не подходили. Услышал родной голос, сказал:

— Здравствуй, мама! Как поживаешь?

— Жив, здоров? — Она волновалась, но не хотела этого показать. — Здравствуй, сынок мой!

— Как твои дела? Здоровье как?

— Да какие у пенсионеров дела! Мы народ бодрый. Ты-то как?

— Я постараюсь заехать хоть на минутку, тогда поговорим.

— Не передумашь?

— Нет, родная, подожди немного, скоро буду...

Потом он набрал номер Маркова. Когда полковник поднял трубку, Павел сказал, изменив голос на солидный руководящий баритон:

— Здравствуйте, Владимир Гаврилович. Как поживаете?

— Не обманешь... — Полковник вздохнул с облегчением. — Мне же пограничники сигнализировали...

— Ну, значит, не вышло! — Павел рассмеялся.

— Когда?

— Только что.

— Ты где?

— На Калужской площади.

— Спускайся к парку Горького, ко входу. Я сейчас за тобой приеду...

Марков повез его домой, на Садово-Кудринскую, повидаться с матерью.

Павел посидел дома минут тридцать, а потом спустился к машине. Марков сказал тихо:

— Вот такая у наших матерей судьба. Полчаса в год сына видит.

— И то хорошо, — откликнулся Павел.

— Ну ладно, у тебя все же несколько дней свободных будет. Порадуй ее...

Они поехали за город, на ту самую дачу, где беседовали в последний раз перед расставанием.

Павел принял душ, а потом сели обедать. Владимир Гаврилович не спрашивал у Павла, как он себя чувствует, только поглядывал на него украдкой, стараясь, вероятно, подметить перемены. Но их не было. Перед ним сидел тот же Павел, серьезный, но всегда готовый пошутить человек. Разве что появилась некая задумчивость, мимолетная, легкая, едва уловимая. Но так, может быть, кажется оттого, что не виделись давно, да и устал ведь он.

Марков не собирался с места в карьер требовать от Павла полный отчет. Наоборот, полковник ждал, не попросит ли он сам о чем-нибудь, что необходимо сделать немедленно, что не может быть отложено на завтра.

Вкратце изложив суть полученного задания, Павел сказал:

— Время у нас есть. Если б я сам искал Станислава Курнакова, сколько б мне потребовалось? Минимум дней десять. И сроков они не устанавливали.

Марков согласился, что не меньше, и спросил:

— А тебе не приходило в голову, что Курнаков — это Зароков?

— Была такая мысль.

— Зароков-то исчез, — сказал Марков. — А твой друг Дембович, он же Куртис, к сожалению, помер. Сгорел в собственном доме. И как говорится, унес с собой в могилу все, что знал. А знал он немало.

Владимир Гаврилович встал, поправил съехавший набок галстук.

— Ладно, я ушел. Отдыхай. Завтра приедем с Иваном Алексеевичем. — И вместо «до свидания» сказал свою любимую поговорку: — На неделю не напьешься, на год не насмотришься...

— Между прочим, — остановил его Павел, — все хотел вас спросить: чемоданчик-то тем моим симпатичным вагонным жертвам не вернули?

— Что, совесть мучает? — с шутливой суровостью спросил Марков и успокоил: — Давно. Не мы вернули — милиция. Теперь органы охраны общественного

порядка имеют в лице пострадавших супругов самых горячих почитателей.

Они посмеялись от души, и Марков уехал, захватив с собой «Спидолу».

Оставшись один, Павел вышел побродить, но скоро захотелось спать, и он лег, распахнув перед этим все четыре окна в комнате.

Иван Алексеевич Сергеев и Марков приехали на следующий день в обед. Генерал побыл часок и уехал, а Владимир Гаврилович остался до утра.

Павел подробно рассказал о своих закордонных днях. Магнитофон терпеливо фиксировал его повествование. Потом полковник сказал, что Станислав Курнаков, он же Михаил Зароков, он же Тульев, обнаружен в городе К., работает мастером в ремонтной радиомастерской.

Специалисты, тщательно изучив содержимое «Спидолы», установили, что заключенные в ней таблицы являются только частью шифра. Ясно, что ключ к шифру надо искать у Курнакова.

Первый тур закончился. Начинался второй.

Теперь Зароков-Курнаков, восстановив связь со своим центром, должен активизировать разведывательную деятельность.

— Что ж у нас получается? — самому себе задал вопрос полковник Марков. — Он, конечно, обрадуется посылке, но... — Полковник поднял глаза на Павла... — но обрадуешь ли его ты?

— Вы думаете, все-таки подозревает? — спросил Павел.

— Предположим.

— Лично меня он вряд ли опасается. Я всю дорогу бегал от него без оглядки, он скорей считает, что я сам его боюсь.

— Это верно. Но нам не будет известно, какие инструкции насчет тебя даст ему центр. Ведь, судя по твоему рассказу, они там не очень-то тебе доверяют.

— Тоже верно, — согласился Павел. Добавить ему было нечего.

После недолгого раздумья полковник продолжал:

— Будем исходить из худшего. Скажем, так... У тебя задача одна — добыть ключ к шифру. А Курнаков не захочет приблизить Бекаса, предпочтет держать на расстоянии. Как ты шифр отыщешь?

— Придется Бекасу переквалифицироваться в домушники, — сказал Павел.

— Пожалуй, придется. — Марков улыбнулся, но тут же снова стал серьезным. — Задача твоя ближайшая легче всего, что тебе уже пришлось сделать, но всегда учитывай одну неприятную возможность: вдруг Тульев решит избавиться от тебя.

— Ну-у, Владимир Гаврилович, в его-то положении да на такое дело...

— Рассуждай как хочешь, а Дембовича-то он собственной рукой подпалил. Так что будь начеку.

Потом, сощурив глаза, Павел посмотрел на Маркова как-то вопросительно.

— Знаете, Владимир Гаврилович, я забыл вам одну вещь сказать. Может сыграть роль...

— Так говори.

— Отец нашего подопечного умер.

— Как ты об этом узнал?

— Видел некролог в эмигрантской газете.

Маркова эта весть явно заинтересовала.

Он спросил:

— Покойный был уже не у дел?

— Да. Насколько знаю, его съели.

— Интересно, интересно, — оживился полковник. — Газету запомнил?

— Да.

— И число?

— Четырнадцатое сентября.

— Обязательно добудем. Определенно пригодится.

Павел встал, прошелся, остановился перед Марковым.

— Владимир Гаврилович, тогда у меня просьба... Дайте мне вырезку из газеты, когда найдете. Некролог. Я покажу ему в подходящий момент. Это будет выстрел в десятку. Я постараюсь.

Марков засмеялся.

— Ладно, получишь. Только не пускай ее в ход преждевременно....

Было уже очень поздно. Они пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по спальням.

У старшего лейтенанта Павла Синицына образовалось дней девять-десять, которые он мог использовать по личному усмотрению. Они пролетели очень быстро.

Взяв из окошечка справочного бюро листок с адресом, который был ему известен без того, Павел отправился на квартиру Курнакова. Все следовало делать естественно. Вдруг спросит, как Павел узнал адрес...

Хозяин ветхого деревянного домика, седой низенький дяденька пенсионного возраста, но выглядевший гораздо крепче своего домовладения, сообщил, что Станислав Иванович сейчас на работе, и объяснил, как найти мастерскую.

Судя по всему, работа в этой радиомастерской была, что называется, не бей лежачего. Павел целый час дежурил поблизости, ожидая, не выйдет ли Курнаков на улицу, и ни одного клиента не увидел.

В чемодане у него лежала «Спидола», и можно было предложить себя в качестве удрученного клиента, но если окажется, что мастер там не один, и вдруг другой, не Станислав возьмет «Спидолу» в починку? Лучше будет организовать сцену встречи старых друзей. Станислав наверняка подхватит.

Павел вошел в мастерскую.

В первой комнате, разделенной надвое широким барьером-прилавком, никого не было. За хлипкой фанерной дверью слышались мужские голоса. Павел постучал по прилавку костяшками пальцев.

Дверь открылась. За нею стояли рядом двое в синих халатах, один помоложе и пониже, другой постарше и повыше. Павел глянул на высокого, развел руки во всю ширь и закричал как в лесу.

— Стасик! Дорогой!

«Стасик» даже вздрогнул, глаза у него сделались круглые и испуганные. Но в этом сонном царстве можно было испугаться просто крика. Надежда моментально оправился, так что его коллега не успел ничего заметить. А старые друзья уже обнимались, делая это неуклюже и не совсем естественно, ибо их разделял прилавок.

— Кого я вижу! Друг! Какими судьбами? — кричал Надежда. Он не знал, как ему называть Павла.

Сцена встречи развивалась по нарастающей. Закончилась она словами Надежды, обращенными к его сослуживцу:

— Слушай, Коля, ты иди обедать сейчас, а я потом.

Коля оставил их вдвоем. Лицо у Надежды сразу потемнело.

— Так действительно можно сделать заикой, — сказал он, глядя Павлу в глаза. — А теперь говори, какими же судьбами?

Павел вынул бумажник, покопался в нем и положил на прилавок пятерку и трешницу. Надежда взял их, долго смотрел на номера, и складки у него между бровями постепенно разгладились.

— Привез что-нибудь? — спросил он, пряча деньги в карман. Павел похлопал по стоявшему между ними чемодану.

Надежда сказал:

— Знаешь что? Сейчас этот телок вернется, и пойдем отсюда. Все равно работы нет. Ты иди по этой улице к центру, я догоню.. — Он снял халат, повесил его на гвоздик...

Направляясь к городскому саду, Павел и Надежда шли по теневой стороне. Было жарко.

— Ты уверен, что пришел без «хвоста»? — спросил Надежда.

— Не опасайся. В чем, в чем, а в этом опыт есть.

— Что в чемодане?

— Рация, деньги.

— Где бы нам поговорить? — Надежда подумал и решил: — Занесем домой чемодан, а потом погуляем.

Надежда представил Павла хозяину и его старушке жене как лучшего друга, с которым не виделся бог знает сколько, и сказал, что Павел, возможно, поживет у него день-другой. Старики ничего не имели против.

Комната у Надежды была с низким потолком, но большая и чистая. Едва вошли, Надежда раскрыл чемодан, взял в руки «Спидолу», нежно погладил. Потом обвел комнату взглядом, прикидывая, где ее можно спрятать.

— Она работает и как приемник, — сказал Павел.

Надежда кивнул в сторону комнаты хозяев.

— Народ деликатный, без стука не заходят. Но знаешь....

Решено было взять «Спидолу» с собой — сейчас многие шляют по улицам с транзисторами, как ходячие громкоговорители. Видно было, что Надежде не хочется выпускать рацию из рук. Слишком долго был лишен возможности обладать такой необходимой

вещью. Часть денег рассовал по карманам, а другую Надежда убрал в ящик комода. Вышли на улицу.

Надежда начал с того, что было для него самым главным:

— Они назначили срок первой передачи?

— В любую среду от двадцати трех до двадцати четырех по московскому времени.

— А прием?

— Сказали, что сам сообразишь.

— О шифре речь была?

— Просили передать тебе «Спидолу», остальное меня не касается.

— Тебя учили работать с ней?

— Мне дали маленькую приставку, показали, как включить рацию на передачу.

— А когда ты должен воспользоваться этой приставкой? — спросил Надежда.

— Семнадцатого июля в те же часы. Если бы тебя не нашел.

— Они это допускали?

Павел пожал плечами.

— Значит, допускали.

— Ты как будто недоволен, что я тебя расспрашиваю? — деланно удивился Надежда. — Или я спросил что-нибудь лишнее?

— С чего ты?

— Ну ладно. Говори, какие инструкции получил, кто их давал.

— Найти Станислава Курнакова. В городе Я. или в городе К. Вручить «Спидолу» и деньги. Дальше исполнять приказания Станислава Курнакова. Сказал мне это Себастьян.

— И все?

— Больше ничего.

— А если бы не нашел?

— Включить приставку и передать в эфир. Рацию спрятать. Устроиться здесь и ждать.

Надежда замолчал. Было понятно, что он хотел выяснить, какой степенью доверия облекли Павла в центре, посылая сюда. Теперь он все узнал и был удовлетворен. Нервозность исчезла. Надежда успокоился.

— Сменим пластинку, Паша, — сказал он, когда сели. — Или ты не Паша?

— Фамилия другая. Потапов.

— Так что же мы с тобой будем делать, Потапов? На работу устраиваться надо, а? Ладно. Была бы шея, хомут найдется. Скажи, Потапов, ты знаешь мое настоящее имя?

Видно, Надежде показалось, что пластинку менять еще рано.

— Зароков Михаил.

— Тебе Себастьян сказал? Или Дембович?

— Нет.

— А кто?

— Сам сообразил, когда тебя в мастерской увидел.

— Не пойму...

Павел объяснил:

— На допросах, как «Отче наш», все время твердили о двоих — Дембович и Зароков, Зароков и Дембович. Эти фамилии у меня теперь в одном ящике лежат. Ну с Дембовичем-то мы почти что родные, а Зарокова я в том городе не слыхал. Но зато был знаком с одним фраером, который предлагал мне кататься бесплатно на такси. И вот я вижу этого самого фраера в радиомастерской и почему-то сразу вспоминаю Дембовича. И думаю себе: или Бекас стал психом, или он имеет перед собой человека по фамилии Зароков. Непонятно?

— Соображаешь. — Надежда как будто был удивлен. — А еще никаких фамилий в ящике нет?

Павел знал, что имеется в виду фамилия Тульев. Но как бы не так...

— Нет...

Теперь Надежда счел, что можно перейти на другую тему, и попросил рассказать, каким образом Павла забросили.

Павел описал все по часам, по минутам. Надежда заинтересовался подробностями жизни Павла и Леонида Круга в разведцентре, людьми, с которыми Павел сталкивался. Почти всех он хорошо знал. Портреты, нарисованные Павлом, были карикатурны, но обладали поразительным сходством. Надежда все время улыбался.

Павел мимоходом упомянул о букете прозвищ, слышанных им, и тогда Надежда спросил, не приходилось ли ему также слышать об Одуванчике. Павел сказал, что Леонид Круг часто говорил с крайней неприязнью о каком-то старце, который якобы вредит его брату, и иногда называл старца божьим одуванчиком. Надежду

при этих словах прямо-таки перекосило. В бумажнике у Павла лежал некролог об отце Надежды, но вынимать его еще не настал срок.

По пути домой зашли в продуктовый магазин, Надежда накупил всякой еды, взял бутылку водки. Он сказал, что первое готовит ему жена хозяина, борщ у нее получается отменный. У хозяев сын служит в армии. Надежда живет в его комнате и даже тапочки его старые donaшивает.

Пообедали, покурили. Отнесли тарелки на кухню.

Надежде не терпелось заглянуть внутрь рации, и, дождавшись темноты, он плотно задернул занавески, повернул ключ в двери, зажег настольную лампу и верхний свет. Затем достал из комода брезентовую сумку, в которой хранились набор отверток, сверл, напильников, маленькая электродрель, молоточки, и нетерпеливо снял маскировочный корпус «Спидолы».

Ее внутренности состояли из двух самостоятельных блоков. Полюбовавшись компактностью аппаратуры, Надежда принялся изучать цифры и буквы, выдавленные на черной блестящей поверхности эбонитовой обложки, составленной из продолговатых пластин. Потом взял маленькую отвертку и отвинтил одну пластину. Под нею открылась ниша, из которой Надежда извлек две картонные таблички, формой и размером похожие на маленькие игральные карты для покера, которые принято называть атласными, хотя делаются они не из атласа. И рубашка у них была карточная. А на лицевой стороне отпечатаны календари на 1963 год. Разграфлено по месяцам и по дням недели, воскресенья выделены красным. Но числа в календарях перепутаны. Это был шифр. Вернее, половина шифра.

Надежда взял из брезентовой сумки шильце и спросил у Павла иронически:

— Я тебе не мешаю?

— А что, нельзя? — Павлу не надо было притворяться, чтобы изобразить, как ему не хочется отходить сейчас от Надежды.

— Иди погуляй, что ли... С полчасака...

Павел повиновался. Во дворе, прохаживаясь под окнами, он обратил внимание, что свет в их комнате как будто бы уменьшился. Кажется, Надежда выключил настольную лампу. А через минуту-две снова зажег.

Павел сел на ступеньке крыльца. Ночь была беззвездная, темная. Поднимался ветер.

Наконец скрипнула дверь. Надежда подошел, опустился на ступеньку рядом с Павлом, закурил.

— Сегодня вторник? — спросил он, и голос у него был усталый.

— Сегодня уже среда.

— Ну отбой. — Надежда погасил папиросу. — Спать.

Он поделился с Павлом простынями и подушками. Павел лег на диване. Кровать Надежды была очень высокая, выше стола, он взгромоздился наверх, чуть ли не под самый потолок, и было смешно глядеть на него снизу.

— Свет-то забыли, — как-то по-домашнему проворчал Надежда.

Павел встал, выключил лампу.

— Черт те что, — сказал Надежда, ворочаясь. — Надо попросить хозяев, пусть уберут эти проклятые перины. — И добавил без всякой связи с предыдущим: — Надоело мне в этом городе. У тебя документы в порядке?

— По-моему, нормальные.

— А ну-ка покажи.

Павел встал, снова зажег свет, подал Надежде паспорт. Тот нашел, что сделано чисто.

Они лежали в темноте молча, и каждый думал о своем.

— Не спишь? — сказал Надежда.

— Не могу.

Тикали часы. На улице ветер шелестел листвой. Слышно было, как покашливает за стеной хозяин.

— Хотел бы я знать, что с Дембовичем, — сказал Надежда.

— А если забрали?

— Должны были забрать.

— Старик расколется как орех.

— А может, и не расколется. — Надежда повернулся на другой бок. — Ладно, бог с ним, с Дембовичем. Ты вот что... Завтра подыщешь себе жилье, тут это довольно легко. В одной конуре нам жить нельзя.

Ну вот, все правильно, подумал Павел. Он не очень-то и рассчитывал, что Курнаков разрешит ему неотлучно находиться рядом с собой.

Утром Надежда ушел на работу, а Павел, посоветовавшись с его хозяином, отправился искать жилье. Подходящая комната нашлась на параллельной улице, в пяти минутах ходьбы от Надежды. Столковавшись о цене, Павел заплатил за месяц вперед. Прописку решил пока что не оформлять, благо с этим делом тут просто. Вернувшись часа в три, Павел сообщил хозяевам Надежды, что все в порядке, отказался от предложенного обеда — мол, подожду друга — и пожелал немного отдохнуть.

В комнате Надежды, прибранной после их ухода, царили чистота и порядок. Павел пригляделся, прикидывая, откуда целесообразнее всего начать поиск, но ничего определенного решить не мог. Вещей, нужных и давно отслуживших, было очень много, тайник при необходимости можно устроить в двадцати разных местах. Так что Павел отверг мелькнувшую было мысль приступить к розыскам шифра немедленно. С минуты на минуту должен был прийти с работы его «друг».

Надежда явился бодрый, в приподнятом настроении. Доклад Павла его порадовал. К обеду он принес бутылку водки, и они просидели за столом часа полтора. Был выработан, так сказать, статус взаимоотношений. Они будут встречаться по вечерам. Павел несколько дней может побездельничать, побродить по городу, осмотреться, почитать объявления о найме рабочей силы, а потом они что-нибудь придумают.

В среду Надежда вышел в эфир, в четверг работал на прием.

Минуло еще три дня, а Павел так и не сумел найти ни одной подходящей возможности произвести у Надежды обыск. Хозяева сидели дома крепко, как медведи в зимней берлоге, незамеченным в комнату Надежды не проникнуть, да и он сам мог нагрянуть в любую минуту. Рисковать тут Павел не имел права.

Наконец он придумал выход и по телефону, который у него имелся, попросил у лейтенанта Кустова явку.

...Во вторник к хозяевам Надежды пришла из собеса девушка. Поинтересовавшись, как живут старики пенсионеры, не скучают ли, она предложила им две путевки на экскурсию в Москву, на ВДНХ. Завтра за ними заедет автобус, в Москве они будут на полном содержании — трехразовое питание и так далее. Группа

их состоит из двадцати пяти человек, все люди пожилые, как они сами... Старики с радостью согласились.

В среду, когда они уехали, в комбинате бытового обслуживания, которому подчинялась радиомастерская Надежды, было созвано совещание с обязательным присутствием заведующих производственными точками. Надежда, разумеется, тоже должен был участвовать в нем, и оно продолжалось три часа.

Павел проник в дом так, что соседи не видели его. Ключи хозяева оставляли под крыльцом.

Не мешкая, начал методично и тщательно осматривать комнату, ища тайник. Долгое время его попытки были тщетными. Потом он обратил внимание на настольную лампу. Это была, так сказать, капитальная конструкция канцелярского типа. Массивная, как пьедестал, круглая мраморная плита, к ней привинчена ребристая ножка-колонна, а над колонной на проволочном каркасе покоится большой матовый плафон. Вдруг Павел вспомнил, что, выпроводив его на улицу перед тем, как сесть за шифровку, Надежда почему-то на несколько минут погасил настольную лампу.

Сняв абажур и отвернув легко завинченную гайку на нижней поверхности мраморного основания, он отделил полую ножку. Хорошенько запомнив расположение витков, разматал изоляцию на проводе, и в руках у него очутился плотно скатанный ролик. Развернул его и увидел три колонки цифр. Это было то, что он искал, — ключ к шифру.

В глубине ножки белел комок ваты. Павел вытянул его, и на ладонь упала автоматическая ручка размером несколько крупнее принятого стандарта. Это был пистолет. Любопытно, почему Надежда не носит его при себе? Неужели перестал бояться?

Пересняв цифры, Павел снова устроил все как было.

В тот же день после ужина Надежда завел речь о женщине, которую зовут Мария, — казалось, Надежда угадывал и исполнял желания полковника Маркова. Он говорил, что тоскует по ней, что ему ее страшно не хватает. Эта исповедь завершилась настоятельной просьбой: Павел должен съездить в тот город, негласно разыскать и повидать Марию. И как-то вручить ей деньги. Может быть, заодно удастся что-нибудь узнать о Дембовиче.

Надежда отлично отдавал себе отчет, насколько это небезопасно, — ведь Павла многие знают в городе, контрразведчики, безусловно, не забыли историю с переправой, он может быть опознан, выслежен, может привести «хвоста». Но никакие соображения безопасности не останавливали его.

Павел сначала подумывал, что это просто способ отправить его подальше, а самому скрыться. Но было непохоже, чтобы Надежда хитрила.

Сообщив своим по телефону, что он должен исчезнуть на несколько дней, Павел попросил явку. Он встретился с лейтенантом Кустовым и передал ему добытый у Надежды ключ к шифру.

А потом отправился в город, где жила Мария.

ГЛАВА 17. ПРИВЕТ И ПОДАРОК

В феврале у Марии родился сын. Она назвала его Александром. Когда была в роддоме, каждый день под окно, возле которого стояла ее кровать, приходили ребята из таксомоторного, передавали через няню апельсины и яблоки, однажды написали записку: «Цветов пока нет. Но как будешь отсюда выходить, найдем вот такой букет». И правда, в день выписки явились с целой охапкой мимозы.

Подруги, которых Мария как-то незаметно растеряла с появлением в ее жизни Михаила, снова были с нею, а Лена Солодовникова буквально не отходила ни на шаг, часто оставалась ночевать. Короче говоря, чувство одиночества, которое Мария так тяжело переживала в первые месяцы после исчезновения Михаила, постепенно развеялось, и от тех времен в душе остался лишь осадок горького недоумения.

О причинах бегства шофера Михаила Зарокова судили и рядили в парке по-всякому. Нашлись и такие, кто объяснял дело, по их мнению, мудро и просто. Мол, чего тут непонятного — все они таковы, холостые мужики: заморочил девке голову, а увидел, что будет ребенок, — удрал.

Одна Мария знала, что это не так. Она же не успела сказать Михаилу о беременности... Она не винила Михаила ни в чем и не жаловалась на судьбу. Причиной, заставившей его бежать из города, Мария считала какие-то неведомые ей события, грозившие Михаилу

очень серьезной опасностью. А события эти могли быть последствием прошлого. Она сопоставила историю, поведавшую Михаилу в тот далекий зимний вечер, когда первый раз пригласила его к себе, и свою поездку в Москву, к матери друга Михаила. Вспомнилось странное впечатление, оставшееся от поездки.

Михаил был в плену, бежал, служил в армии под чужой фамилией. Друг, которого Михаил считал погибшим, оказался живым и сделался бандитом. Наконец, она знала, что Михаил кое в чем врал ей. Например, насчет жилья.

Мария складывала все вместе, и получалась злоедающая сеть, в которую, вероятно, и попал Михаил. Во всяком случае, она не сомневалась, что дело связано с уголовным миром. Сознание этого отравляло воспоминания обо всем хорошем, что принесла ей любовь Михаила, но его она любила по-прежнему. С сожалением перестала она носить подаренный им медальон. Однажды хотела даже выбросить — ведь эта вещь была ворованная, мать Мишиного друга отказалась ее принять. Но, поколебавшись, Мария спрятала медальон в старую сумочку, которой давно не пользовалась, — с глаз подальше. Все-таки это была единственная память о Михаиле. Для себя она твердо решила: вернется — примет его и не упрекнет ни словом. Если, конечно, он не преступник...

Заботы о сыне отодвинули в сторону все другие мысли, Мария понемногу окончательно пришла в себя. И вдруг одно непонятное происшествие вновь нарушило покой.

Мария так рассказывала Лене Солодовниковой:

— Понимаешь, до сих пор руки дрожат, не могу успокоиться... Вот слушай по порядку. Сегодня утром я повезла Сашку в консультацию. Что-то у него с желудочком неладно. Коляску оставила в скверике, против входа, ну, ты же знаешь... Все так делают... Пробыли мы у доктора полчаса, не больше, ничего страшного у Сашки не оказалось, просто перекормила. Выхожу, держу его одной рукой, а другой клеенку в коляске поправляю. Разгладила ладонью — кирпичик какой-то под клеенкой. Отвернула — представляешь, что оказалось? Пачка денег. Новенькие, в упаковке. Под ленточку вложена записка. Всего несколько слов. «Ваш друг передает вам привет и просит принять подарок».

Почерк не Мишин... Ты знаешь, Ленка, у меня прямо сердце оборвалось. Думаю: ну вот, дождалась. Их там, наверно, целая шайка. Награбили, и он мне от своей доли прислал. Даже не хотела Сашку в коляску класть после этих денег. Иду и думаю: что же делать? Деньги у меня в сумке, и будто я сама воровка. Куда их девать? Пошла в милицию. Ну, конечно, расспросы, допросы. А что я могла им сказать? Говорят, не можете ли вы предположить, кто подкинул эти деньги. Говорю, нет. Не буду же я замешивать Михаила. А потом они и сами в конце концов соображать должны, им же о его исчезновении известно. В общем, не стала я ничего предполагать. Говорю, возьмите эти деньги, а сказать мне больше нечего. Составили протокол, и я ушла.

Лена недаром считала Марию фантазеркой. Выслушав, она спросила таинственным шепотом:

— А записка? Надеюсь, ты ее не отдала?

Мария вздохнула.

— Конечно, не отдала. — Она вынула из сумочки записку. Подруги долго рассматривали ее, даже на свет. Начитанная Лена высказала догадку, что, может быть, на бумаге есть тайнопись, и предложила прогладить горячим утюгом. Это было очень смешно, и Мария сказала с грустной улыбкой:

— Ленка, Ленка, какая же ты еще девчонка...

Однако отговаривать ее не стала и сама включила стоявший на подоконнике электрический утюг.

Пылкое воображение обмануло Лену: на бумаге, кроме чернильных букв, ничего не было, и Мария спрятала чуть поджарившуюся, ставшую ломкой записку в сумочку.

Лена спросила:

— И все? И дальше ничего?

— А что же еще? Думаю, как же они меня разыскали? Ну, положим, Михаил адрес знает. Но ведь на дом ко мне не пришли. Значит, следили, выбирали удобный момент. От самого дома следили... Ужасно неприятно... И откуда узнали, что я дома сижу, в декрете? Значит, справлялись на работе. Пошла в парк. Там, как всегда, крики, шуточки: «Покажи-ка шофера Сашку». А мне не до шуток. Спрашиваю у Нины, у новенькой, не интересовался ли кто мной. Сказала, звонил мужской голос, спросил по имени. Нина ответила,

что меня нет, в декретном отпуске, и поинтересовалась, кто спрашивает. Ответил: знакомый. А какой там знакомый... Прямо не знаю, что делать. Хоть на улицу не выходи.

— Да что ты, Маша? — воскликнула Лена. — Не хватало еще — в родном городе жить и бояться.

— Я и не боюсь, — сказала Мария. — Просто неприятно. Один раз подбросили — могут и еще.

Они условились, что Лена пока поживет у Марии.

ГЛАВА 18. АРЕСТ

Павел признался Надежде, что Мария понравилась ему. И это была правда.

Он сразу узнал ее по описанию Надежды. Необыкновенно свежий цвет лица. И очень женственная. Ему неизвестно, какая она была прежде, но сейчас просто хороша, ничего не скажешь.

Не опуская ни единого штриха, Павел начал рассказывать, как нашел Марию, как дежурил возле ее дома, следовал по пятам до детской консультации.

— При чем здесь детская консультация? — перебил Надежда.

— Фу, черт, забыл, — спохватился Павел. — У нее же ребенок, сын. Четыре месяца.

Понадобилось подождать немного, чтобы дать Надежде переварить эту новость. Павлу еще не приходилось наблюдать, каким образом проявляется у Надежды радость. Но сейчас выражение лица у него было приблизительно такое, как в тот момент, когда он держал в руках рацию. Это было похоже на тихое ликование. Надежда сказал:

— Это мой сын, Паша.

Павлу оставалось только поздравить, что он и сделал.

— Ну дальше, — попросил Надежда.

А дальше Павел поведал довольно грустную для Надежды историю, как были положены в коляску деньги, как Мария обнаружила их, что с нею сделалось после этого и как она, не раздумывая, отправилась прямо в милицию.

И опять пришлось сделать перерыв, еще более долгий. Отчет Павла походил на процесс закалки: сначала металл раскаляют докрасна, а потом бросают в холод-

ную воду. Ни один из оттенков в смене чувств, владевших Надеждой, не ускользнул от внимания Павла.

— Продолжай.

— Больше я ее не видел. То есть, конечно, дождался, пока не вышла из милиции, проводил немножко, вижу, топает до дому, и отстал. Разузнал кое-что о Дембовиче, да не стоит сейчас говорить...

— Брось-ка ты, психолог, — мрачно сказал Надежда.

— В общем помер Дембович, вот что. Сгорел вместе с домом.

— Как узнал?

— От таксиста. Соседи сказали, какая-то старуха на пепелище два раза приходила. Скорей всего Эмма.

— Больше некому. — Задумавшись, Надежда машинально мял папиросу, пока из нее не высыпался табак. — А Эмму, значит, не взяли... Черт, неужели зря я порол горячку?

С того дня Надежда редко разговаривал с Павлом по душам. Вечерами он читал книги, которые брал у хозяина. В хорошую погоду ходил на ту сторону Волги купаться.

Павел по настоянию Надежды поступил на курсы шоферов и занимался каждый день с утра до обеда. Надежда правильно рассудил, что Павлу надо иметь крепкую профессию, не работать же всю жизнь грузчиком или экспедитором в пекарне. Сам он тоже с великим удовольствием сел бы снова за руль, но опасался это делать: если его ищут, то в первую очередь среди шоферов.

Надежда попросил Павла завязывать знакомства с железнодорожниками, с военными, с речниками. И в свободную от занятий половину дня Надежда велел ходить по ресторанам, на вокзал, на пристань, ездить за город подальше. Смотреть, какие грузы проходят, особое внимание обращать на воинские части, вооружение. Все это пригодится, а кроме того, общение с людьми полезно, так сказать, для общего развития.

Надежда был словно в ожидании. Наконец наступил очередной четверг. Сразу после двенадцати ночи Надежда включил «Спидолу», что-то записал, а потом целый час занимался расшифровкой.

На следующий день, когда Надежда кончил работу, они вместе пошли на почтамт. Там Надежда получил

открытку, посланную на его имя до востребования. Они прочли ее вместе, не отходя от окошечка. Содержание было немногословным: «Дорогой Станислав! Очень рад, что ты благополучно доехал. Все наши передают тебе большой привет. Напиши, как устроился. Жду с нетерпением». Подпись неразборчива. На лицевой стороне есть обратный адрес: «Москва, Большая Полянка...»

Надежда тут же написал ответ. Павел знал, что это контрольная почта. Если Станислав Курнаков действительно в К., он должен получить открытку и ответить. Если его здесь нет, открытка через месяц вернется к отправителю за неявкой адресата.

Надежда немного оттаял, словно эта открытка была приветом от друзей.

В воскресенье — это было на следующий день после того, как столица встретила космонавтов Валентину Терешкову и Валерия Быковского, — он очень рано разбудил Павла и попросил съездить в Москву, купить кое-какие радиодетали для нужд мастерской.

Это оказалось как нельзя кстати, потому что Павел собирался просить у своих явку, а раз он едет в Москву, то все складывалось проще.

Операция завершалась. Михаилу Тульеву, бывшему Зарокову, а в настоящем Курнакову, настало время давать показания. В Москве Павел встретился с Владимиром Гавриловичем Марковым.

— Будем брать, — выслушав доклад, сказал полковник. — День назначишь ты. И место тоже. Но прежде ему необходимо переехать на новую квартиру. Надо, чтобы там, где ты будешь потом жить, никто не знал в лицо прежнего Станислава Курнакова.

— С переездом будет сложнее.

— Уговори его как-нибудь.

— Да нет, уговоры тут не помогут. — Павел задумался, склонил голову к столу. И вдруг оживился: — Есть, Владимир Гаврилович! Но для этого придется провести кратковременную демобилизацию. У его хозяев сын в армии служит. Надо устроить ему отпуск, скажем, на месяц, отпустить домой на побывку. А где же он будет жить? Комнату его Стасик занимает.

Владимир Гаврилович записал в блокнот фамилию и имя солдата, которые назвал ему Павел, и сказал:

— Брать будем в день переезда. Чтобы новые хозяева не успели разобраться, кто из вас Станислав.

— А насчет некролога как, Владимир Гаврилович? Показать?

— Это можно бы сделать и после, что называется, в стационарных условиях. Но раз сам придумал, сам и покажи.

— Ну, кажется, все?

— Все. Кустов будет у тебя под рукой. И последнее. Прошу тебя, не зарывайся, будь предельно осторожен и смотри за ним строго. Это все же не игра. И пистолет у него заряжен не холостыми патронами. Слышишь, Павел?

— Ну что вы, Владимир Гаврилович... Вы ж меня знаете.

— Потому и говорю. Это самое творчество по вдохновению — оно у меня вот где сидит. Не смей гусарить!

— Пистолет он не носит, а авторучка в лампе.

— Все равно.

Они попрощались, и Павел ушел.

...Спустя четыре дня к старикам, хозяевам Надежды, пришла неожиданная радость: приехал на побывку сын. Они не хотели стеснять жильца, думали разместить своего Сашу у себя в комнате, — так даже лучше, сынок-то поближе будет, — но Надежда решительно воспротивился. Во-первых, ему не улыбалось быть целый месяц на виду у молодого солдата. Во-вторых, он и раньше уже подумывал сменить квартиру: с появлением рации и партнера вообще следовало позаботиться о более глухой изоляции от соседей.

При очередной встрече Надежда сообщил Павлу, что должен срочно менять квартиру, и просил подыскать на окраине подходящий домик, чтобы хозяев было поменьше и чтобы ход был отдельный. Павел уже на другой день нашел то, что нужно, но Надежда отверг его предложение: оказывается, он сам подыскивал себе новое жилье. И уже договорился с хозяевами, что переедет в воскресенье, 14 июля, со всеми вещами.

В субботу, 13 июля, Павел пришел вечером к Надежде и завел разговор насчет того, что неплохо, мол, завтра съездить на озеро поудить рыбу. На курсах шо-

феров, где он занимается, подобралась веселая компания, едут на автобусе, а механик, с которым у Павла дружеские отношения, берет казенную «Волгу». «Я же завтра переезжаю», — напомнил Надежда. Но в принципе идея ему нравилась, он за все время своего пребывания в К. никуда не ездил, совсем закис. Павел предложил удобный вариант: он сейчас же позвонит механику, чтобы тот завтра утром заехал за ними, забросят вещи на новую квартиру, а оттуда отправятся к озеру. Автобус уйдет раньше, но они его нагонят.

...Утро 14 июля было солнечным и теплым. Весело прозвучал на тихой улочке мажорный сигнал «Волги», вызывавший Павла и Надежду. Расставание со стариками хозяевами не было ни долгим, ни грустным. Объяснили им, что Станислав переезжает в другой город. Когда уселись, Павел представил Надежде своего друга-механика. За баранкой был лейтенант Кустов.

Отвезли вещи, заперли входную дверь, и опять в машину. Выхав на шоссе Москва — Ленинград, Кустов сказал, что минут через сорок будут на озере. Больше он не заговаривал, нужно было смотреть в оба — горожане на всех видах моторного и безмоторного транспорта ринулись на лоно природы, движение как в Москве на улице Горького в часы «пик». У Надежды тоже не было настроения болтать. Ехали молча.

Километрах в двадцати от города Кустов свернул влево и грунтовой наезженной дорогой повел машину к видневшейся невдалеке березовой роще.

— Вон за теми березками и наше озеро, — сказал Кустов.

Это значило, что минут через десять Павел и Кустов увидят своих. Павел был совершенно спокоен. Надежда ничего не подозревал. Вряд ли следовало опасаться, что он окажет какое-нибудь сопротивление. Во всяком случае, не успеет оказать. Финал будет сугубо прозаическим. Ни тебе побега, ни погони, ни стрельбы. Все произойдет так, как обычно бывает в жизни и как никогда не бывает в кино.

Машина въехала в молодую березовую рощицу. Сквозь редкие тонкие стволы просвечивалось небольшое озеро. На берегу стоял черный «ЗИЛ».

Павел достал из лежавшего на сиденье пиджака бумажник, вытянул из него узкую газетную полоску, развернул и подал Надежде.

— Взгляни, Михаил, что у меня есть.

Это был заголовок некролога из парижской русской газеты — имя, отчество и фамилия отца Надежды.

Надежда протянул руку без интереса, но, взглянув, рывком подался вперед, словно машина резко затормозила, и застыл, упершись глазами в сжатую пальцами бумажку. Лицо его мгновенно побелело.

Не поворачивая головы, не глядя на Павла, Надежда произнес тихо и совершенно спокойно:

— Ты все-таки знал. Но когда же... — он не договорил, оборвал себя.

Машина выезжала из рощицы. До берега, где их ждали, осталось метров сто. Надежда поднял глаза, посмотрел через ветровое стекло на стоявших возле автомобиля людей.

— За мной? — спросил он. И вдруг резко повернул голову, пытаясь схватить зубами воротничок рубашки.

Павел ударил его в лицо, навалился, прижал в угол.

— Тихо, Михаил, без фокусов.

Машина остановилась. Надежда сник и сидел с безучастным видом, как будто все это не имело к нему никакого отношения. Павел открыл дверцу.

— Ну, выходите, Тульев, — сказал Владимир Гаврилович. — Поедем в Москву.

Надежда поглядел на Павла, перевел взгляд на Маркова, прищурился и, словно стряхнув оцепенение, вылез из машины, встал перед полковником.

Надежду повели к черному «ЗИЛу».

«ЗИЛ» медленно двинулся вдоль берега, а потом свернул к роще.

Полковник подошел к воде, нагнулся, зачерпнул горстью и плеснул на лицо. Потом вынул носовой платок, не спеша утерся. Павел стоял рядом. В руке он держал ампулу, вырванную вместе с куском воротника.

— Как, ты говорил, зовут его шефа? — спросил Владимир Гаврилович.

— Монах.

— Значит, будем работать на Монаха. Отныне Надежда — ты...

ГЛАВА 19. ДВЕ РАДИОГРАММЫ

Радиограмма из разведцентра: «Надежде. Операция «Уран-5». Космическая разведка отмечает, что в квадрате БС-72-48 разворачивается новое строительство. Судя по характеристике района, речь может идти об объекте исключительно важного значения.

Попытка наших официальных представителей в Москве проникнуть в этот район не увенчалась успехом. Стройка развернута на большом удалении от железной дороги и недоступна для визуального наблюдения и технического контроля. Стратегическая служба надеется, что вы примете меры для того, чтобы уточнить:

- место и объем строительства, координаты на карте обязательно привязать к местности;

- наличие подъездных путей, характер груза и интенсивность его поступления (особое внимание обратить на объект квадрата БС 72-44);

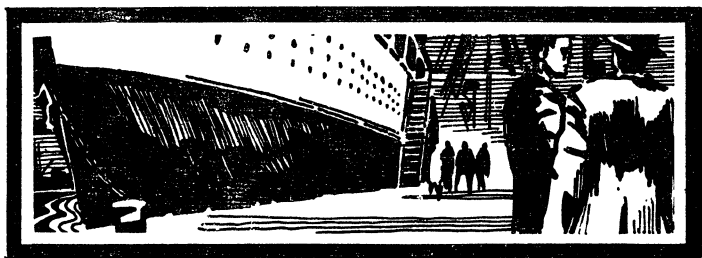
- какая организация строит объект, фамилии начальника строительства и главного инженера. По возможности их подробная характеристика и места работы в прошлом;

- желательно в этой стадии строительства добыть пробы воды, земли и растений.

Сообщите о мерах, которые предпочтете принять по этому делу. Впредь при переписке ссылайтесь на шифр операции. Вам кланяются друзья и ваш отец. Желаем успеха. Да поможет вам бог».

Ответ Павла:

«Уран-5. Нашупал подходы. Детали через месяц. Надежда».



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
С ОТКРЫТЫМИ
КАРТАМИ

С тех пор как старший лейтенант Павел Синицын, он же Бекас, поселился в городе К. и принял на себя обязанности резидента иностранной разведки Надежды, на протяжении полутора месяцев не случилось ничего. Зато в следующую же неделю возникло два новых обстоятельства, может быть, неравнозначных по важности, но свидетельствовавших об одном и том же, а именно: разведцентр неожиданно лишил Надежду своего доверия и счел необходимым учинить ему основательную проверку. Впрочем, правильнее будет сказать, что там, за кордоном, с некоторых пор стали сомневаться, действительно ли настоящий, а не подставной Надежда действует под этой кличкой.

Строго говоря, у разведцентра могли быть некоторые причины для сомнений. Например, хозяева Надежды вправе были не слишком-то верить в то, что ему так легко удалось скрыться от советской контрразведки под именем Курнакова после далеко не безупречной операции по переправе Леонида Круга. А тот факт, что для налаживания связи с Надеждой им пришлось использовать Павла-Бекаса, вряд ли мог уменьшить беспокойство. Правда, контрольную открытку Надежда получил и связь между ним и разведцентром налажилась, но само по себе это никаких гарантий еще не давало.

В общем, два обстоятельства, возникшие в начале августа 1963 года, заставили Павла, образно выражаясь, вновь застегнуться на все пуговицы. Сказать по чести, он в эти полтора месяца, после почти двухлетней непрерывной работы, позволил себе немного расслабиться. Но ему нетрудно было быстро обрести хорошую форму — как-никак за плечами есть опыт.

Полковник Марков через связного вызвал его на дачу в субботу. Павел думал, что просто хотят дать ему возможность провести воскресный денек среди товарищей, но оказалось не так.

— Свою ответную телеграмму помнишь? — спросил полковник, еще не дав Павлу сесть за стол.

— Уран-пять... Нашупал подходы к объекту... — начал вспоминать Павел.

Но Марков перебил его:

— Так вот, дорогой товарищ Надежда, такого объ-

екта не существует. В том квадрате, где они указали, нет никаких признаков объекта. Решительно никаких. И не предвидится в будущем.

Было чему удивляться.

— Для чего же им понадобилось это? Или у них были неверные сведения?

— Давай поразмыслим. — Марков взял из тощей папки листок с машинописным текстом. — Вот их радиограмма. Что бросается в глаза, когда читаешь? Абсолютная категоричность. Никаких там «возможно», «по некоторым данным» и тому подобное. Эта категоричность, заметь себе, может быть основана только на данных космической разведки, и тут не сходятся концы с концами. Указанные в радиограмме квадраты — голая, безлесная равнина. При воздушной съемке подобной местности возможна ошибка, если снять ее один только раз и именно в тот момент, когда метеорологическая обстановка неблагоприятна. Многократные повторные съемки в различных условиях такую ошибку исключают. Значит, что же получается? Допустить, что серьезные люди в столь серьезном мероприятии вынесли безапелляционное суждение по одной-единственной съемке, было бы смешно. Значит, этот вариант отпадает, а вместе с ним и твой второй вопрос.

— Остается первый, — сказал Павел.

— Да. И на него нетрудно найти ответ. Они опасаются, что Надежда провалился и теперь вместо него подставлен другой. Этой радиограммой они предоставляют нам готовую возможность начать с ними игру, короче — снабжать их обильной дезой. — Так Марков для краткости именовал дезинформацию. — Потечет деза — стало быть, их подозрения правильны: Надежда взят. Все это становится похоже на игру с открытыми картами...

— Без затей, но крепко.

— Если все верно, мы на этом сыграем. Но пока это лишь догадки. Нужно ждать подтверждения. Думаю, они не ограничатся единственным способом проверки, коль уж их гложет червь недоверия. — Марков заметил комично-страдальческую гримасу Павла по поводу «червя недоверия» и прибавил: — Что, оскорбляю слух? Пустяки, потерпишь...

Они улыбнулись друг другу, и Марков сказал прежним деловым тоном:

— У тебя следующий сеанс с центром, кажется, в среду?

— Да.

— Думаю, скоро опять свидимся. Если будет что-нибудь необычное — сразу дай знать.

— Слушаюсь, Владимир Гаврилович...

После обеда в воскресенье Павел уехал к себе в К., в среду ночью за городом провел назначенный центром сеанс связи и принял радиограмму, содержание которой требовало срочного свидания с руководством.

Радиограмма гласила:

«Форсируйте «Уран-5». Ставьте нас в известность о всех предпринимаемых действиях. Сообщите свой домашний адрес и место службы. Слушаем вас в среду в этот час».

Требование адреса вызвало у Павла тревогу. Надежда не успел сообщить центру о перемене местожительства. Откуда же им стало известно, что Курнаков по прежнему адресу больше не живет и в мастерской не работает? Кто-то, значит, узнавал в справочном бюро о Курнакове. Но там ничего сообщить не могли, потому что на новом месте Курнаков не прописан.

Мелочь, казалось бы, но Павел в который уже раз имел случай оценить предусмотрительность Маркова. Это он решил, что месяца два-три нужно Курнакову-Бекасу пожить без прописки и без работы.

Как видно из радиограммы, тот, кто разыскивал Курнакова, уже успел сообщить о своей неудаче в центр, и это, безусловно, усилило подозрения шефов Надежды.

А что же с местом службы? Как они могли узнать, что Курнаков ушел из радиомастерской? Только одним путем: этот «кто-то» должен был зайти в радиомастерскую.

Если разведцентр для проверки безопасности своего резидента столь торопливо идет на крайнее средство — посылает специального связного, — значит, дело серьезное. Тут оступаться нельзя...

Прежде чем отправиться на дачу, где его ждал Марков, Павел зашел на почтамт и узнал, нет ли корреспонденции на его имя до востребования. Но ничего не было.

Затем он посетил радиомастерскую. Напарник Надежды, курносый мастер Коля, встретил Павла как

доброго знакомого. На заданный между делом вопрос, куда пропал их общий друг Стасик, Коля простодушно отвечал:

— Ушел в отпуск по семейным обстоятельствам.

— А никто им больше не интересовался?

— Нет, — последовал ответ.

Павел сделал вывод, что связной, приезжавший в К., знал Надежду в лицо: пришел, ничего не спрашивал, понаблюдал, убедился, что Надежды здесь нет, и убрался.

Вечером в четверг Павел вновь встретился на даче с полковником Марковым.

Прочтя полученную радиограмму, Марков обрадовался: его версия подтверждалась. Но радость тут же исчезла.

— Теперь к Надежде должен явиться гость, иначе запрос об адресе не имеет смысла, — сказал Марков. — Это плохо. Впрочем, один гость уже успел посетить радиомастерскую и поинтересовался Курнаковым. — Марков имел в виду вчерашний визит Павла.

— Да. Это точно... А нельзя ему пожить под моим присмотром в К.? Недели две-три. Тянуть с проверкой они, видимо, не будут, раз так торопятся...

— Рискованно. Он еще не созрел.

Марков долго прохаживался по комнате, сильно сутулясь, глядя в пол. Потом остановился перед Павлом.

— Ничего не поделаешь. Придется тебе встречать гостя и выкручиваться. Гость Надежду пока не увидит, и это совсем расстроит наших партнеров. Но мы поправим им настроение одним правдивым сообщением. Давай-ка составим радиограмму.

Через несколько минут на листке, вырванном из блокнота, было записано:

«Косвенные данные, которые мною получены и точность которых я проверю в ближайшее время, заставляют думать, что ваши сведения по «Урану-5» неверны. Никаких свидетельств не только о большом, а и вообще о строительстве в указанных вами квадратах нет. Мой адрес: К., улица Подгорная, 5, дом Мамыкиных. Временно нигде не служу, ищу подходящее место. Надежда».

...Павел вернулся в К., чтобы в следующую среду передать радиограмму разведцентру, а затем ему оставалось терпеливо ждать, что же произойдет дальше.

...Однажды утром — это было на десятый день после отправки радиогаммы — в ресторане московской гостиницы «Останкино» случилось маленькое происшествие. За длинным столом, накрытым для группы туристов из Западной Европы, когда все расселись, одно место оказалось незанятым. На это никто не обратил внимания, кроме пожилой дамы, весьма заметно молодящейся, которая занимала место рядом с пустующим креслом. Она подозвала гида и сказала, что герр Ключе почему-то не явился, — между прочим, вся группа давно с удовольствием наблюдала, как влюбленно эта не по летам экспансивная особа смотрит на туриста Ключе, который просил всех называть себя просто Эрихом, хотя тоже был не первой молодости. Гид не придал сообщению дамы никакого значения: мало ли бывает таких случаев. Может, человеку захотелось посмотреть на утреннюю Москву. «Но, — возразила она, — мы же собираемся на целый день в путешествие по каналу Москва — Волга, герр Ключе не успеет». Гид понимал, почему она так расстроена, но утешить мог лишь тем, что к их возвращению герр Ключе, безусловно, будет уже в гостинице. Далеко ли он может уехать?..

Но в этом гид ошибался: Ключе успел уехать от столицы довольно далеко.

...В полдень Павел, неотлучно, как на дежурстве, сидевший дома последние трое суток, увидел в открытое окно идущего неторопливой походкой высокого мужчину в сером чесучовом костюме, в очках, с соломенной шляпой в руке. Он был похож на коренного москвича, который по приглашению знакомых приехал на дачу и разыскивает их, вспоминая, как ему описывали путь от станции... Мужчина в сером костюме искоса поглядывал на номера домов. Поравнявшись с № 5, остановился перед низким, до пояса, штакетником.

Павел вышел на крыльцо, потянулся сладко, будто только поднялся с постели, зевнул.

— Здравствуйте! — услышал он очень приветливый голос.

— Мое вам! — ответил Павел несколько удивленно, оборачиваясь к незнакомцу. — Чем могу?

Тот слегка поклонился.

— Это дом Мамыкиных? Не могу ли я видеть товарища Курнакова? — И, смущенный бесцеремонным

разглядыванием, прибавил: — Я приехал из Москвы. Он живет здесь?

— Живет-то он здесь, но сейчас его нет. Уехал, будет только завтра. А он вам зачем?

— Да один наш общий друг просил его навестить. Я тут по делам, и...

Павел грубо оборвал все более смущавшегося незнакомца:

— Если что нужно, можете передать мне. Я тоже его друг.

— Нет, нет, ничего не нужно, просто передайте привет с Большой Полянки. — Он как-то засуетился, несколько раз поправил очки, потом снял их, протер платком, опять надел. «Фотографирует, наверное», — подумал Павел.

— Так вы не стесняйтесь, заходите, — пригласил он довольно грубоватым тоном. — Кинем по банке. Я еще не опохмелялся, а по-черному пить противно.

— Простите, не понял.... — искренне заинтересовался вежливый собеседник. — Что означает «по-черному»?

— Это когда сидишь за столом вдвоем: сам и бутылка, а никого третьего нет.

Незнакомец тихо рассмеялся, еще раз поклонился.

— Спасибо, спасибо, я спешу. Передавайте горячий привет Курнакову.

— Пока Стасик вернется, ваш привет уже остынет, будет чуть теплый.

Они распрощались, и вежливый гражданин ушел так же неторопливо, как и пришел...

Вечером, вернувшись в гостиницу «Останкино», герр Клюге встретил в холле соседку по столу — она пожертвовала поездкой на Московское море, надеясь, что Клюге явится хотя бы в середине дня, но он обманул ее ожидания. То ли оттого, что была раздражена, то ли ее действительно неприятно поразил костюм, которого до сего вечера она и вообще никто на Клюге не видел, но дама сочла необходимым сделать ему замечание.

Павел в тот же вечер увиделся с полковником. Маркову его сообщение доставило большое удовольствие.

— Мы им все-таки покажем Надежду. В недалеком будущем. А пока начнем закладывать хо-о-рошую мину. Время подошло, — сказал Марков.

Павел увез с собой новый текст телеграммы для передачи в разведцентр на следующей неделе:

«Мною точно установлено, что ваши данные по «Урану-5» — блеф. Кажется, получил выход на объект аналогичного назначения. Ориентировочно расположен в квадрате КС 68-32. Понадобится разработка широкого плана действий. Получил привет с Большой Полянки, но не лично, а через Бекаса. Что это значит? Подобные контакты нежелательны в К. Если возникают сомнения и надобность видеть меня, дайте явку в Москве. Это безопаснее. Надежда».

ГЛАВА 2. ДИАЛОГИ С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

Вот выдержки из магнитофонной записи первичного допроса Надежды, который вел полковник Владимир Гаврилович Марков.

Из ленты № 4

Марков. Насколько можно понять из сказанного раньше, вы пользовались полным доверием у руководства центра...

Надежда. У Монаха — да. Но не у Себастьяна.

Марков. Почему?

Надежда. С Монахом мы были так или иначе связаны на протяжении пятнадцати лет. Он делал карьеру на моих глазах. И к тому же мы почти одного возраста — он старше всего на два года. А Себастьян появился у нас в шестидесятом. Попал, как у вас говорят, в сложившийся коллектив. И вообще по характеру недоверчив. Поэтому он с первого дня на всех смотрел косо, не только на меня.

Марков. В чем это проявлялось по отношению к вам?

Надежда. Мне попадало рикошетом. Так, мелкие придирки. Себастьян питал неприязнь к моему отцу. Это он дал отцу кличку Одуванчик. Он презирует русских, особенно из тех, старых, из дворян. Злые языки говорили у нас, что сам Себастьян появился на свет в борделе тетушки Риверс в городе Мемфисе, штат Миссисипи. А отцом его был отставной капитан Страттерберк, описанный Уильямом Фолкнером, тот Страттерберк, который имел обыкновение не платить девицам за их услуги и из-за этого часто получал пинка в зад.

Вот будто бы в результате одного из таких неоплаченных посещений и появился на свет Себастьян. Этим и объясняли его злость. Он злится на весь белый свет.

Марков. Он подданный Соединенных Штатов?

Надежда. Как вы понимаете, в документы к нему я не заглядывал. Но все знали, что он прислан к нам Центральным разведывательным управлением Штатов. Это точно.

Марков. Ну хорошо, оставим пока Себастьяна... Вот вчера вы рассказывали о своих миссиях в странах Азии и Африки. Впоследствии мы остановимся на этом более подробно. А сейчас нас интересует одна, чисто техническая сторона дела. Каждый раз, как вы отправлялись на очередное задание, вам давались явка или несколько явок, пароли... Помните ли вы их?

Надежда. Кое-что помню. Что-то, вероятно, забылось. Но ведь явка и пароль даются на один раз. Как говорится, по употреблении выбросить...

Марков. Разумеется. Но все же постарайтесь восстановить в памяти эти детали.

Надежда перечисляет названия ряда азиатских и европейских городов, адреса явочных квартир, имена и фамилии, пароли.

Марков. А был ли вам известен кто-нибудь из агентов, кого вы знали, так сказать, в частном порядке, а не потому, что вам дали явку и пароль в центре?

Надежда. Я понял ваш вопрос. Отвечу подробно. Осведомленность такого рода правилами работы, конечно, не поощряется, но когда долго варишься в одном котле с одними и теми же людьми — я говорю: одни и те же, только в разных комбинациях, — то через пятнадцать лет накапливается целое собственное досье на некоторых. Я знаю нескольких резидентов в разных странах. Если их уже не сменили. Кроме того, в некоторых местах центр держит постоянных агентов, которые никакой активной работы не ведут, а нужны там про черный день. Мы их называем между собой якорями. Если, скажем, тебе когда-нибудь дали к нему явку, а в следующий раз посылают туда же, но явку не дают, все равно ты уже его знаешь, как старого знакомого. У меня, например, есть один такой, с сорок шестого барменом работает. Я у него неоднократно коктейли пил в разные годы. Они просто сидят на месте и работают как обычные люди. Когда к ним приходят с паролем,

они исполняют порученное — и все, до следующего раза. Конечно, если подвернется какой-то из ряда вон выходящий случай, они могут проявить инициативу, но в принципе это от них не требуется...

Марков. В европейских столицах у вас есть такие знакомые?

Надежда. Были. Не уверен, сохранились ли они до сих пор. Но в общем-то, по моим наблюдениям, этот контингент самый стабильный.

Марков. Расскажите подробно о них.

Надежда сообщает имена агентов, их особые приметы, дает краткие характеристики. Следуют названия городов, отелей, ресторанов, различных учреждений.

Марков. Хорошо, этот вопрос ясен. Скажите, у вас остались семья, дети?

Надежда. Нет, это было совершенно невозможно. Здесь я нашел одну женщину, которую полюбил. У нее родился ребенок. Но вы же все знаете... *(Следует долгая пауза.)* Я могу задать вопрос?

Марков. Пожалуйста.

Надежда. Кто родился у Марии? Мальчик, девочка?

Марков. Мальчик.

Надежда. Как она его окрестила?

Марков. Александром. Вы что, верующий?

Надежда. Нет. Отец был верующий, в последние годы. Просто старый лексикон.

Из ленты № 7

Марков. Вы действительно любите Марию?

Надежда. Да.

Марков. Мария была в курсе вашей разведывательной деятельности?

Надежда. Нет.

Марков. Помимо ее поездки в Москву, какие еще ваши задания она выполняла?

Надежда. Больше никаких.

Марков. Почему вы решили убить сестру Михаила Зарокова?

Надежда. Свидание с ней означало для меня провал.

Марков. Если бы я сейчас спросил вас: как же вы могли пойти на это, как у вас поднялась рука? — ваш

знакомый Бекас сказал бы, что это больше похоже на проповедь из цикла «Не убий». Но все же — как?

Надежда. Я затрудняюсь... Надо было спасать свою жизнь... а при этом все средства хороши...

Марков. Ну ладно... (Пауза.) Сестра Зарокова жива-здорова.

Надежда. Что?! Что вы говорите?! (Пауза.) Не может быть!

Марков. Да. А ваш наемник, Терентьев, расстрелян по приговору суда, но не за то, что он ехал убивать сестру Зарокова. Его расстреляли за прежние дела, как государственного преступника. Полагаю, вам это неинтересно знать.

А теперь скажите вот что: оговаривался ли при вашей засылке в Советский Союз такой вариант, что в случае угрозы неминуемого провала вы попросите центр организовать вашу переправу обратно за рубеж?

Надежда. Да, такой вариант рассматривался, но лишь как самый крайний случай. Мне прямо было сказано, что на это я могу рассчитывать лишь после того, как мое пребывание в Союзе принесет ощутимые плоды. Подразумевалось, что я буду жить здесь долго, не менее пяти лет.

Марков. Способы обратной переправы определялись?

Надежда. В общих чертах. Называли два — морем и через сухопутную границу на Кольском полуострове.

Марков. Вербовка агентов входила в ваши задачи?

Надежда. По мере надобности. Если это потребуется для достижения поставленных целей. (Пауза.) Разрешите еще вопрос?

Марков. Пожалуйста.

Надежда. Нельзя мне увидаться с Марией?

Марков. Будущее покажет.

Надежда. Может быть, мне позволят написать ей?

Марков. Напишите.

ГЛАВА 3. НУЖНЫ ДОЛЛАРЫ

После памятной беседы в КГБ Алик Ступин резко переменял образ жизни и порвал все отношения с Коккой и прочими своими братьями по спекуляции. Он поступил на работу литсотрудником в многотиражку боль-

шого московского завода и начал пробовать себя в переводах с английского, которым владел довольно сносно. При воспоминаниях о тайном, пропитанном опасностью и иезуитством житье-бытье у него порою посасывало где-то в груди. Шальным, кружащим голову ветерком пробегала мысль: а не вернуть ли все? Но вспоминался разговор с усталым пожилым человеком там, на Дзержинке, ранним утром в не проветренном еще кабинете, и это сразу отрезвляло.

В новую свою жизнь из старой Алик перенес лишь любовь к новейшим магнитофонным записям, к коллекционированию этикеток от спичечных коробок, а также тесную дружбу с Юлей Фокиной, которая, он это знал, его обожает. О женитьбе они пока не говорили, но отношения их складывались таким образом, что они в любой момент могли пожениться. Юле было двадцать три, она только что окончила медицинский, но сумела каким-то образом избежать обязательного распределения и пока по настоянию родителей отдыхала от изнурительного учения в ожидании приличной вакансии в Москве. Впрочем, она была способным человеком, училась хорошо и не грешила особым легкомыслием. Одно только смущало Алика: она была знакомой престарелого Коки, он их и свел. Сама Юля объясняла знакомство с Кокой тем элементарным фактом, что жила с ним по соседству, на Большой Полянке, и, кроме всего прочего, говорила она, Кока же ей в дедушки годится. В конце концов Алик сумел подавить в себе зародыш ревности. Алику противны были даже косвенные напоминания о старом пройдохе, а Юля была самым прямым и живым напоминанием. Но Юля ему очень нравилась, и с этим он уже ничего не мог поделать.

Иногда она заезжала к Алику на работу, брала ключи от его квартиры и потом сидела одна у него дома, слушала магнитофон. В такие дни он любил приходить домой прямо с работы, не задерживаясь нигде. Было приятно знать, что Юля ждет, приготовила что-нибудь на ужин, и, когда он умоется, тут же сварит кофе, и он выпьет чашку, еще не садясь к столу, а опустившись в низкое кресло подле включенного магнитофона. Сначала это смущало его — слишком похоже на жизнь женатого человека, — но потом он подумал: а почему бы и нет? Если Юля и в замужестве останется такой, одно можно сказать: да здравствует семейная жизнь!

Близкой подруги, как она сама выражалась, подруги на каждый день, у Юли раньше никогда не было. Но в последний месяц она очень сблизилась с некой Риммой. Они были во многом похожи: обеим по двадцать три, обе высокие, прекрасно сложенные. Их вполне можно было принять даже за родных сестер.

Знакомство их произошло в кафе-мороженом на улице Горького: Римма подошла к одиноко скучавшей Юле и попросила разрешения сесть за ее столик. С первых быстрых и острых изучающих взглядов они почувствовали обоюдную симпатию, а когда, съев по две порции мороженого, покидали кафе, обе уже и представить себе не могли, что больше не встретятся.

Они обменялись телефонами и увиделись на следующий день. Через месяц они уже вообще удивлялись, как могли до этого жить друг без друга. И вот тогда-то Юля и решила познакомить Римму со своим Аликом, а Римма Юлю — со своим Володей. Римма, между прочим, однажды обмолвилась, что ее Володя — редкий нелюдим да к тому же работает в каком-то сверхсекретном «ящике», то есть в номерном институте или на номерном заводе, хотя при людях, которых хорошо знает, может быть своим парнем.

Одним словом, не было ничего удивительного в том, что как-то в солнечный сентябрьский вечер Алик Ступин, придя с работы, увидел у себя в квартире, кроме Юли, еще и другую молодую женщину, которая поразила его сходством с Юлей.

Алик ничего бы не имел против этой милой дружбы — с тех пор они часто проводили время втроем, — и все бы было хорошо, если бы не один внезапный разговор.

Это случилось вечером у него дома. Посреди какого-то малозначительного спора Юля сказала ни к селу ни к городу:

— Знаешь, Алик, а Риммин друг Володя едет за границу.

— Сейчас многие ездят, — без энтузиазма откликнулся Алик. — Куда?

— В Брюссель. Служебная командировка. И кажется, всего вдвоем или втроем. Это не в стаде туристов.

— Нда-а-а... — неопределенно протянул Алик.

— Никаких идей на этот счет не возникает? — иро-

нически спросила Юля. — Я считала, у тебя рефлексy отработаны.

— Не понимаю, о чем речь?

— Он мог бы нам кое-что привезти.

— Например?

— Например, французскую помаду и краску для ресниц. Брюссель — это почти Франция.

— А ты говоришь почти как людоедка Эллочка. Зачем вам косметика? Об вас спички зажигать можно.

— Не вечно же мы будем молодыми, как говорила моя бабушка.

— Косметика долго не лежит, она портится. Или выдыхается.

— Ничего, полежит. И если тебе приличные галстуки привезут, а нам кожаные пальто — разве плохо? — Юля начинала раздражаться из-за того, что Алик упорно не желал ее понять.

— К чему ты клонишь? Говори прямо.

— Нужно достать валюту.

Теперь Алик взглянул на нее с некоторым изумлением: мол, ого, малютка, не ожидал от вас такой прыти.

— Что значит «достать валюту»? Как будто это красная икра или билет на Райкина! Доставай!

— Нет, ты определенно заторможен! — воскликнула обычно невозмутимая Юля. — Неужели до тебя не доходит? Ты же дружишь с Кокой, а Кока наверняка может достать, я знаю.

Алика подбросило с кресла, словно он катапультировался.

— Что?! — закричал он вне себя. — Что ты знаешь?! Не болтай ерунды!

Нет, Юля, конечно, не была посвящена ни в настоящую Кокину, ни в бывшую Аликову подпольную деятельность, ни в их совместные махинации. Но она один раз была гостьей Коки, в его комнате, похожей больше на антикварный отдел комиссионного магазина, и она чисто женским чутьем угадала по всей обстановке, по воздуху Кокиного хрустального жилища, что старик зарабатывает себе на хлеб и на масло не продажей лотерейных билетов в метро и уж, во всяком случае, существует не на пенсию, как бы велика она ни была. Потому у нее само собой и произошло, если можно так выразиться, прямое замыкание этих двух понятий — «валюта» и «Кока».

Алик разозлился не на шутку:

— Не произноси в моем доме этого имени! Он мне не друг и никогда другом не был!

— Ну что ты кричишь? Побереги нервы, — пробовала утихомирить его Юля. — Тебе не друг, так мне сосед.

— Ну и целуйся со своим соседом!

— Фу, фу! — Юля поморщилась. — Как быстро слетает с тебя респектабельность.

— Обойдусь! — отрезал Алик.

Юля встала, вздохнула, взяла со столика сумку, натянула перчатки.

— И мы тоже обойдемся. — Повернулась к Римме: — Пойдем отсюда, а то он сейчас расплатится.

Они были уже на лестнице, спускались потихоньку, когда Алик открыл дверь и крикнул им вдогонку:

— Не советую!

— Спасибо за бесплатный совет, — ответила Юля.

...Юля, когда хотела, умела быть решительной и настойчивой. Уже на следующий день она по телефону договорилась с Николаем Николаевичем Казиным, то есть с Кокой, что послезавтра вместе с подругой навестит его вечером. Кока давненько не видел Юлю и очень обрадовался.

Встретил он их наилюбезнейшим образом. При виде двух молодых красивых женщин глаза старого пройдохи засияли.

Кока вдруг сделался суетлив, что вообще было ему несвойственно. Выставил из серванта на столик конфеты, фрукты, печенье, бутылку вина. Порывался найти еще что-то. Но подружки рассиживаться не собирались. Юля сразу приступила к делу:

— Николай Николаевич, а мы к вам с просьбой...

— Зачем так уж сразу, Юленька? — умоляюще произнес Кока. — Вы хотите сократить мне удовольствие? Не будем спешить, посидите, отдохните, вот вина выпьем, хорошее вино.

Но Юля стояла на своем:

— Я знаю, Николай Николаевич, приличия требуют сначала поинтересоваться здоровьем человека, а потом уж попросить в долг десятку. Но я считаю, что это-то как раз и неприлично. По-моему, надо делать наоборот. Так будет гораздо честнее.

— Вам нужны деньги? — с готовностью откликнулся Кока. В его вопросе слышался и ответ: «Пожалуйста».

— Да, но не рубли.

— А что же? Копейки, сотни, тысячи? — пошутил Кока.

— Нет, нам нужны доллары, — просто объяснила Юля.

На лице у Коки по-прежнему сияла улыбка, но выражение глаз изменилось. Они сразу потухли.

— Гм, доллары... — Кока пожевал губами. — Где же их взять, красавицы дорогие? — Он сделался поразительно похож на старую цыганку. — Они же на дороге не валяются. А?

— Ну, Николай Николаевич, — взмолилась Юля, — вы же все знаете, все умеете. Помогите нам, мы вам будем так благодарны.

Кока метнул на нее быстрый взгляд из-под бровей.

— А на что же они вам, если не секрет?

— Да понимаете... — Юля запнулась, посмотрела на Римму, молчавшую на протяжении всего этого разговора. — Вот она лучше объяснит... Скажи, Римма.

Римма коротко рассказала, кто такой ее друг Володя, куда и зачем он едет.

— Как его зовут? — поинтересовался Кока.

Римма взглядом спросила Юлю, говорить ли. Та кивнула.

— Борков, Владимир Борков, — сказала Римма.

— А не боится Владимир Борков везти уголовно преследуемую валюту?

Юля, почувствовав, что дело, кажется, идет на лад, заговорила быстро, торопливо:

— Римма его еще ни о чем конкретно не просила... Но чего тут особенного? Николай Николаевич, миленький, ну сделайте для нас! Такой случай больше даже не приснится...

Теперь и улыбка исчезла с лица Коки. Он стал серьезным.

— Сколько же долларов видится вам в ваших снах? Римма и Юля переглянулись. Юля сказала:

— Ну, двести... двести пятьдесят...

— Это будет дорого стоить.

— Ничего, сколько уж будет...

Кока оглядел, прищурившись, сначала одну, потом другую и сказал почти сухо:

— Ну, предположим... Однако должен вам сказать... Не обижайтесь... Словом, есть одно правило, которого я придерживаюсь уже давно. В подобных мероприятиях женщинам лучше не участвовать. Короче, этот человек... как вы сказали — Борков, да? Так вот, если вам нужны доллары, пусть Борков встретится со мной.

Римма и Юлия смотрели друг на друга с недоумением. Такого поворота они не ожидали. Римма слегка пожалала плечами: мол, что же делать, придется соглашаться. Но Юлия попробовала сначала возразить:

— Но, Николай Николаевич, мы ведь уже принимаем, так сказать, некоторое участие...

— И хватит, на этом оно и должно кончиться. — Кока снова улыбался.

— Хорошо, — сказала Римма. — Он может к вам прийти? Когда?

— Лучше не ко мне, а давайте, скажем... — Кока подумал. — Послезавтра в семь вечера на почтамте... на Кировской — знаете?.. Ну вот, вы придите вместе, я буду стоять у окошечка выдачи писем до востребования на букву «к». Вы ему меня покажите, а сами ступайте себе... Мы уж договоримся. Устраивает?

— Вполне, — сказала Римма.

...В назначенный час к Коке, стоявшему у окошечка, где выдавалась корреспонденция, подошел Владимир Борков. Кока не сомневался, что это именно он, потому что видел, как Римма и Юлия вошли в зал вместе с ним и глазами показали ему на Коку.

Это был молодой человек лет двадцати восьми, среднего роста, плотный, чернобровый, сероглазый, с темными, коротко стриженными волосами, зачесанными на косой пробор. Лицо твердое, тугое, с чуть заметным румянцем. Он производил впечатление человека, крепко стоящего на ногах, виден был характер. Смотрел прямо и приветливо. Но вместе с тем во взгляде его, как бы помимо воли, где-то в глубине глаз проскальзывало какое-то второе выражение, не то лукавое, не то дерзкое.

Все успел заметить в одну минуту прожженный, издавший тысячи всяких видов подпольный делец Кока с Большой Полянки...

Из почтамта они пошли в чайный магазин, что напротив и чуть наискосок. Переходя улицу, обо всем условились. Кока назвал сумму в рублях и сказал, что доллары при нем, а Борков ответил, что согласен и что

деньги тоже при нем. Кока разъяснил, как они должны осуществить обмен.

В чайном магазине он положил в карман Боркову доллары. А затем они пошли по Кировской к площади Дзержинского, завернули в посудный магазин, что на углу, и там Борков положил в карман Коке пачку двадцатипятирублевки. И на том они расстались...

ГЛАВА 4. СКАНДАЛ В БРЮССЕЛЕ

Делегация, состоящая из трех специалистов по химическому оборудованию, улетала с Шереметьевского аэропорта. Никто из официальных лиц ее не провожал: обычное дело, обычная командировка, всякий протокол и торжественность были бы неуместны. Двоих провожали жены, а молодая высокая женщина, державшая под руку третьего, не была женой этого молодого человека, как догадывались по каким-то неуловимым признакам супруги.

Двое из троих давно знали друг друга по совместной работе в научно-исследовательском институте. Это были солидные пятидесятилетние люди, один — доктор, другой — кандидат технических наук. Третий пришел к ним полгода назад, но успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Он инженер-конструктор, энергичен, оригинально мыслит в своей области и вообще вызывает симпатии как товарищ. Фамилия его Борков, Владимир Сергеевич. Его работа в институте началась с того, что он сделал ценное предложение, усовершенствовавшее целый цикл производства, и коллеги относились к нему с искренним уважением, несмотря на его молодость.

Расцеловались у выхода из аэровокзала, женщины помахали на прощанье, пассажиры вышли на перрон. Все как обычно.

К вечеру того же дня делегация уже была в Брюсселе. Здесь их встретили чиновник бельгийского министерства иностранных дел и представитель крупного химического объединения — советская делегация намеревалась заключить договор на приобретение нескольких комплектов химического оборудования.

Большой черный автомобиль остановился у отеля «Плаза». Это был не самый шикарный отель Брюсселя, но и не из дешевых, как раз подходящий для солидных

деловых людей. Здесь уже были забронированы номера. Старшие поселились вместе в люксе, а молодой Борков получил номер на четвертом этаже. Условились, что два часа дается на приведение себя в порядок с дороги, а затем — ужинать здесь же, в ресторане отеля. Владимир Борков управился с ванной и бритьем в полчаса, меж тем как «старики» по привычке делать все основательно и не спеша растянули эту операцию на полный обусловленный срок.

Сэкономленные полтора часа Борков использовал самым деловым образом. Сойдя по лестнице вниз, он подошел к портье с таким видом, как будто тот знает его невесть сколько лет, и совершенно по-свойски спросил на беглом французском языке, где здесь поближе и подешевле купить кое-что для женщин — ну там духи, кремы, кожаные вещи. Портье, нисколько не удивившись — такие вопросы задавались ему часто, — объяснил, что неподалеку есть большой универсальный магазин «Бомарше», там найдется все необходимое.

Борков предложил портье сигарету, но тот отказался, приложив руку к сердцу. Разговор этот занял пять минут. Взглянув на часы, Борков поблагодарил любезного портье и вышел на улицу. «Старики», вероятно, были бы изумлены, если бы увидели сейчас своего молодого коллегу. Сдержанность и скромность манер, которые считались его отличительной особенностью, улетучились бесследно. У него даже походка изменилась, стала не то чтобы расхлябанной, а какой-то ленивой. Казалось, он прислушивается к ритму улицы и старается идти в ногу с нею.

В магазине Борков прежде всего купил недорогой, но вместительный и приличный на вид чемодан, а затем начал методический обход прилавков.

Через час Борков вернулся в гостиницу. Из номера он позвонил по телефону в люкс к «старикам».

— Геннадий Павлович? Это я, Володя. Ну как, вы готовы?

— Я готов, но вот Вениамин Александрович запонки никак не найдет. Бойтся, что забыл. У вас, случаем, нет ли запасных?

— У меня одни, но сейчас я в рубаше, к которой запонки не нужны. Спускаюсь к вам.

— Сделай одолжение, милоч...

А еще через полчаса они сели в пятером за стол в ресторане — те двое встречавших тоже пришли, — и Владимир Борков снова был сдержанным и скромным. Выпили за успех торговли, плотно поужинали. Произошла деловая беседа. Гости интересовались техническими характеристиками оборудования, которое они собирались закупить, и бельгийский специалист не преминул отметить солидную профессиональную осведомленность молодого русского инженера Владимира Боркова. Разошлись в половине двенадцатого, условившись о расписании на завтра...

Подходили к концу четвертые сутки деловых переговоров. Вечером после утомительной поездки и осмотра одного из крупнейших предприятий химического машиностроения советская делегация возвратилась в Брюссель. Приехали в гостиницу усталые, но довольные ходом переговоров.

Владимир, пожелав «старикам» спокойной ночи, сам отнюдь не искал покоя. У себя в номере он первым делом внимательно осмотрел чемодан и сразу определил, что его вскрывали. Вещи оказались на месте, уложены в том же порядке. Борков, стоя у окна, выкурил сигарету, потом надел плащ, спустился в лифте и вышел из отеля.

Сыпал мелкий сеяный дождь, было довольно холодно. Борков поднял воротник. Улицы выглядели пустынно, и мигание бесчисленных реклам казалось странным в этом безлюдье — они подмигивали вхолостую, никому...

Борков дошел до площади, на которой была стоянка автомобилей, и тут его догнал таксомотор. Водитель притормозил у тротуара и веселым, задорным голосом спросил:

— Вам не надоело мокнуть? Может, сядете ко мне? — И открыл дверцу.

— Великолепная идея! — в тон ему сказал Борков, усаживаясь рядом. — Такие мысли приходят в голову не часто.

— Ну для этого просто надо сделаться владельцем такси, — отвечал шофер, совсем молодой парень. — Куда прикажете?

Борков назвал ночной ресторан.

— Там можно согреться, — сказал шофер.

Ехать было совсем недалеко, через несколько ми-

нут машина остановилась у ресторана. Борков расплатился.

— Желаю вам выйти отсюда сухим, — сказал шофер на прощанье.

— Спасибо, постараюсь...

Борков снял плащ, кинул его небрежно на руку швейцару, распахнувшему перед ним дверь, задержался перед большим, в полстены, зеркалом в просторном холле, бегло оглядел себя, пригладил ладонью влажные волосы.

Широкие двери, ведущие в зал, были плотно прикрыты. Из-за них доносилась приглушенная музыка — рояль и ударник.

Едва Борков вошел в зал, возле него вырос метрдотель, появившийся откуда-то из бокового помещения, — высокий мужчина лет сорока, плотный, во фраке, с внешностью циркового шталмейстера. Он оценивающе, как-то единым взглядом охватил фигуру Боркова, спросил вежливо:

— Вы один?

— К сожалению...

Зал был почти пуст, только за несколькими столиками сидели по два-три человека.

— Похоже на заседание общества трезвости, — пошутил Борков мрачно, без улыбки.

— О, не беспокойтесь, — сказал метрдотель, — тесно будет. Сейчас еще рано. Прошу прощения за вопрос: вы долго рассчитываете у нас посидеть?

— Если будет весело, почему же не посидеть?

— Тогда я вам рекомендую вон тот столик. Разрешите, я вас провожу.

Он повел Боркова к столику в левом углу, ближе к эстраде, возле свободного пятачка, оставленного для танцев.

— Здесь вам будет хорошо, — сказал любезный метрдотель. — Вы у нас впервые? — Это прозвучало скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Да. Командировка.

— Как поживает Париж? — Разговаривая, метрдотель успел позвать официантку, небольшую ростом девушку, очень живую, с блестящими черными глазами.

— Как всегда, — сказал Борков, щелчком указательного пальца стряхивая пепел с сигареты в пепельницу.

Метрдотель обратил внимание на этот жест. Так стряхивают пепел только русские.

Сигарета у Боркова погасла. Он полез в карман пиджака, достал коробку спичек советского производства. Прикурил и быстро сунул коробок обратно в карман. Метрдотель проводил глазами его руку и сказал:

— Вы говорите как истый парижанин. Мне всегда приятно слышать такую речь, давно не был в Париже. Надеюсь, вам у нас понравится. Будете ужинать?

— Конечно.

— Я принесу вам карточку.

Метрдотель услал куда-то девушку, сам подал Боркову карточку и, прежде чем отойти от столика, сказал почтительно:

— Желаю как следует повеселиться. Если понадобится, можете позвать меня через официантку.

— Благодарю.

Борков принялся изучать цены.

Зал меж тем наполнялся публикой. Постепенно устанавливался ровный, слегка возбужденный гул, похожий на шум в морской раковине, когда ее прикладываешь к уху.

Борков заказал две порции джина, бутылку белого сухого вина и ананасный сок. Через пять минут официантка принесла заказ, поставила на стол вазочку со льдом, и Борков медленно отпил из бокала...

Джаз начал свою программу. Вышла певица, на которой по традиции было очень много фальшивых драгоценностей и совсем мало платья. Она спела грустный романс, а потом веселую песенку о приключениях деревенского парня, впервые попавшего в большой город. Ей никто не хлопал, но она не обращала на это внимания. Публика была еще трезва, ночь только начала раскачиваться. Большая люстра в центре зала погасла, сразу сделалось уютнее.

Он выпил рюмку джина, закурил сигарету, и тут к его столику подошли в сопровождении метрдотеля две молодые женщины и с ними розовощекий господин лет пятидесяти, весьма добродушного вида, чем-то похожий на диккенсовского мистера Пикквика. Метрдотель сказал, обращаясь к Боркову:

— Вы не против, если эти люди составят вам компанию? Мне больше некуда их посадить.

— Пожалуйста, я не возражаю...

— Надеюсь, мы не будем в тягость, — сказал мистер Пикквик, усаживаясь...

Подошла официантка, приняла у них заказ. Другая официантка помогла ей обслужить новых клиентов, и вскоре стол был уставлен бутылками и всевозможными закусками.

В первые полчаса общий разговор не завязывался. Мистер Пикквик, сидя между своими дамами, угощал их, не забывая и о себе, а Борков исподтишка изучал соседей, стараясь определить, в каких отношениях они меж собой находятся. Похоже было, что мистер Пикквик более близок с блондинкой, особой, как видно, жизнерадостной и доброй. Вторая, черноволосая и темноглазая, выглядела как будто расстроенной, была задумчива и сидела с отсутствующим видом.

Но, по мере того как пустели бутылки, картина чудесным образом менялась. Блондинка постепенно теряла свой заряд бодрости и впадала в уныние, а брюнетка становилась все веселее.

Приблизительно в половине второго начали танцевать. Борков, видя, что мистер Пикквик уже минут пять с жаром что-то шепчет в ухо окончательно расклеившейся блондинке и совсем оставил без внимания вторую свою спутницу, осмелился пригласить задумчивую брюнетку на танец. Она охотно согласилась.

Оркестр играл твист. Разговаривать Боркову не пришлось, ибо сей танец создан не для интимных бесед с партнершей, тем более что на площадке было тесно и следовало быть внимательным, чтобы не сбить кого-нибудь. Но познакомиться они успели — брюнетку звали Жозефиной. Борков старался, и, кажется, танец у него получался недурно. Во всяком случае, он заметил одобрение в глазах Жозефины.

После танца по пути к столику они задали друг другу вполне естественный вопрос: кто откуда? Жозефина была испанка. Она не удивилась, что Борков из Парижа. Ну а когда отдышались, сама собой возникла потребность вместе выпить. Раз, другой и третий. А затем к ним присоединился и мистер Пикквик, которому наконец, удалось развеять мрачное настроение блондинки.

Джаз гремел непрерывно. Воздух в зале стал синим от табачного дыма. Официантки как-то поблекли от суеты, от шума, от духоты. Но Борков ничего не заме-

чал, он видел только матово-белое лицо и большие, темные, как вишни, глаза. Жозефина пьянела все больше.

В половине третьего блондинка решительно заявила, что пора уходить. Мистер Пикквик не очень сопротивлялся, он лишь заметил, подмигнув Боркову:

— Я готов, дорогая, но, по-моему, Жозефина только-только разбежалась...

— Это ее дело, — неожиданно резко сказала блондинка. — Мы идем. — Она поднялась. — Расплачивайся.

Пикквик попросил счет, расплатился за троих, пожелал Жозефине и Боркову скоротать время до утра повеселее и покинул их. Жозефина молча помахала ему рукой.

Они посидели вдвоем час или полтора.

— Надоело, — наконец сказала Жозефина. — Надо домой. Можете меня проводить.

Дальнейшее происходило для Боркова как бы в тумане.

— Вы далеко живете?

— Нет. Совсем рядом. На втором этаже этого дома.

В какой-то момент Борков почувствовал, что знакомство с Жозефиной не обязательно должно ограничиться совместным сидением за этим столом в шумном многолюдном зале. И как только он это сообразил, его действия приобрели некую чисто автоматическую целесообразность. Так нередко бывает у очень нетрезвых людей. Попросив у Жозефины извинения, он ненадолго оставил ее одну.

Не совсем твердые ноги сами подвели его к метрдотелю, стоявшему, как капитан на вахте, возле выхода из зала.

— Можно вас на два слова? — сказал Борков. — Но хорошо бы не здесь.

— К вашим услугам, — откликнулся метрдотель. — Пройдемте сюда, в мою контору.

Свернули в довольно широкий коридор, ведущий к буфету, и через несколько шагов метрдотель толкнул дверь справа. Борков очутился в небольшой комнате, где стояли старый кожаный диван с низкой спинкой, стол под цветной скатертью и два обтянутых кожей стула. Старомодный круглый абажур торшера бросал на стол пятно мягкого света.

— Слушаю вас, — сказал метрдотель, прикрывая дверь.

Борков замялся было, но лишь на секунду.

— Скажите. . Вы знаете эту женщину?

— И да и нет. Я вижу ее здесь не первый раз, но не представлен. При мне ее называли Жозефиной. Она остановилась у нас на втором этаже.

— Вы славный парень, — совсем пьяным голосом сказал Борков. — Как вас зовут? Меня — Владимир.

— Мое имя — Филипп.

— Будем знакомы.

Борков вернулся к своему столику. Жозефина красила губы.

Официантка почему-то забыла подать Боркову счет, а он тоже не вспомнил, что необходимо перед уходом расплатиться.

Перед номером на втором этаже Жозефина и Борков остановились.

Жозефина достала из сумочки ключ, вставила его в скважину замка и, сделав два поворота, посмотрела на Боркова.

— Разрешите откланяться, — сказал он, — желаю спокойной ночи.

Жозефина удивилась:

— Вы не зайдете?..

Борков колебался. Но распахнутая дверь заставляла принять решение.

— Хорошо, но только на одну минуту...

Они вошли в отлично обставленный номер.

— Присаживайтесь. И не бойтесь, я вас долго не задержу, — сказала Жозефина, опускаясь на тахту.

Выпили, а потом Борков читал ей по-испански стихи Лорки и по-французски Бодлера, расхаживая перед тахтой, а она покуривала сигарету и время от времени поглядывала на него с усмешкой. Наконец Борков, протившись, покинул номер.

Ему не следовало пить этот последний бокал: до своей гостиницы он добрался в состоянии предельного опьянения.

...Утром он проснулся оттого, что кто-то толкнул его в бок. К своему изумлению, Борков увидел рядом с собой в постели Жозефину. Она лежала с закрытыми глазами.

Не успел Борков сообразить, что с ним и где он на-

ходится, как в дверь постучали. Он отодвинулся от Жозефины и крикнул:

— Кто там?

— Полиция, откройте!

Борков вскочил с постели. Жозефина села, прикрываясь одеялом.

— Это за мной.

— Быстро в ванную! — приказал Борков.

Жозефина убежала, схватив в охапку свою одежду. Стук в дверь повторился.

— Одну секунду. Оденусь.

Борков открыл дверь. Вошли двое.

— Просим извинения. Полиция разыскивает важного преступника. С вашего разрешения мы осмотрим комнату, — сказал один из полицейских и тут же прошел в ванную. Оттуда он появился вместе с Жозефиной.

— Нам придется исполнить кое-какие формальности, — сказал полицейский Боркову.

— Произошло недоразумение, я прошу немедленно связать меня с посольством, — заявил Борков.

— Сначала несколько вопросов, господин Борков. Где вы были этой ночью?

Борков назвал ресторан.

— Вы были в обществе этой дамы?

— Да... То есть мы сидели за одним столиком.

— Когда вы привели ее сюда?

— Я не приводил ее. Как она очутилась здесь, мне совершенно непонятно. Повторяю, это недоразумение, я прошу связать меня с посольством.

— Рассказывайте сказки! Кто может подтвердить, что вы вернулись в свой номер один?

То, что произошло дальше, было похоже на финальную сцену из плохой детективной пьесы. Дверь растворилась, на пороге стоял метрдотель Филипп. Он сказал:

— Это мог бы сделать я, господин инспектор.

— Кто вы такой?

— Метрдотель. Меня зовут Филипп. Прошу убедиться... — И он предъявил какой-то документ. — Мосье Владимир — мой друг, прошу поверить его объяснениям. А что касается этой дамы...

— Мы обязаны составить протокол, — перебил его полицейский.

— Какая вам разница, где вы задержали эту аферистку? — возразил Филипп и незаметно сунул полицейскому в карман какие-то бумажки, вероятно деньги.

— Ладно, — произнес миролюбиво инспектор, глядя на Боркова. — Извините за беспокойство. — И к Жозефине: — Прошу следовать с нами.

Полицейские и Жозефина покинули комнату.

— Как же это вы так неосторожно... — сказал Филипп, когда они остались одни. — К тому же вы даже не успели расплатиться за ужин, и мне, видите, пришлось прийти сюда.

— Извините меня, Филипп... Я вам бесконечно благодарен... Все это как во сне... Ничего не могу понять... Сколько я вам должен?

Филипп назвал сумму. Борков достал деньги, отсчитал сколько положено.

— Приведите себя в порядок. У русских есть очень хорошая пословица: «Все, что делается, делается к лучшему», — так, кажется? — Филипп улыбался.

— Да, да... — растерянно ответил Борков.

Филипп посоветовал не расстраиваться и исчез.

...В девять часов утра Борков зашел в номер к «старикам», и они отправились завтракать в кафе при отеле. «Старики» ничего не заметили, хотя их младший товарищ выглядел невыспавшимся.

Этот день был у них свободен — хозяева предоставили им возможность отдохнуть и осмотреться. «Старики» собирались походить по музеям, а Борков сказал, что хочет заказать телефонный разговор с Москвой и будет сидеть у себя в номере. Его пробовали отговаривать: мол, лучше звонить ночью, — но Борков настоял на своем. Условились встретиться в три часа за обедом и разошлись.

Поднявшись в номер, Борков переоделся в спортивный шерстяной костюм, взял кипу газет, купленных накануне, и лег на кровать поверх одеяла.

Он читал, пока не начало щипать глаза, а потом задремал. Неожиданный телефонный звонок заставил его вскочить, но сразу взять трубку он не решился. Размеренные звонки повторялись с полминуты, прежде чем Борков протянул к телефону руку.

— Алло, вас слушают.

— Это Филипп, — громко раздалось в трубке. — Я разговариваю с Владимиром?

— Да, Филипп. Я ждал вашего звонка. Я кое-что потерял.

— Не беспокойтесь, все у меня.

Борков вздохнул облегченно, спросил:

— Когда мне можно вас увидеть?

— Могу приехать к вам в отель.

— Нет, нет, — поспешно возразил Борков. — Лучше где-нибудь в другом месте.

— Тогда сделаем так, — подумав, сказал Филипп. — Из отеля идите направо до угла, потом еще раз сверните направо и увидите кинотеатр. Я буду ждать у входа в кассы. Скажем, через час. Вас устраивает?

— Да, вполне.

Борков оделся, положил в портфель бутылку «Особой московской» и две стограммовые банки зернистой икры. Но тут же передумал и завернул водку и икру в бумагу.

Подходя к кинотеатру, он увидел Филиппа — тот пересекал улицу. И хотя метрдотель был сейчас не во фраке, а в отлично сшитом костюме и в шляпе, Борков узнал его тотчас по осанке.

У касс они сошлись.

— Отдать вам тут же? — спросил Филипп.

— Да, но как-нибудь тихо.

— Пройдемся.

Они двинулись по переулку, который вел к одной из главных магистралей города.

— Я принес вам кое-что в подарок, — сказал Борков, кивнув на пакет.

— Не стоит...

— Прошу вас, не отказывайтесь. Здесь всего лишь выпивка и закуска. Наша, из России.

— Ну хорошо, ради нашего знакомства, — согласился Филипп. — Давайте этот пакет и держите свою книжечку.

Пакет переключивал в руки к Филиппу, а в ладони у Боркова очутилось его служебное удостоверение.

ГЛАВА 5. СМОТРИНЫ В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Михаил Тульев сильно изменился за три с половиной месяца, минувшие со дня ареста. В своем превращении он прошел через несколько этапов — от состояния крайней подавленности до полного душевного рав-

новесия. Наблюдая череду этих последовательных изменений, полковник Марков находил наглядное подтверждение давно открытой истины, что для спокойствия духа человеку необходима прежде всего определенность положения, как бы плачевно оно ни было. Страшнее же всего неизвестность.

Как ни вышколен был профессиональный разведчик Тульев двадцатью годами опаснейшего риска, но внимательный человек наверняка приметил бы натяжку и нервозность, если бы понаблюдал его в обличье Зарокова или Курнакова. Ведь под маской всегда остается свое собственное лицо. Теперь перед Марковым сидел человек без маски, и человек этот был спокоен. Ничто не напоминало о его прошлом.

— Газеты, журналы вам дают регулярно? — спросил Владимир Гаврилович.

— Да, спасибо. Я читаю и книги. Уже лет пятнадцать не читал, если не больше.

— Не было времени?

— Не в том дело. Не было подходящего состояния души.

Марков пододвинул на край стола лист бумаги с тремя строчками машинописного текста.

— Вот также любопытное чтение.

Тульев пробежал глазами по строчкам.

«Надежде. Вам надлежит быть 2 ноября сего года от 17.00 до 17.15 (время московское) в Третьяковской галерее, зал Верещагина. Следующий сеанс связи — 9 ноября в те же часы».

— Захотели на вас посмотреть, — сказал Марков. — А отказывать мы не имеем права. Вы, наверное, обратили внимание, что наши встречи с некоторых пор не похожи на допросы, но не о том сейчас речь. — Марков сложил лист с радиограммой вдвое, сунул его в стол. — Рискую задеть ваше самолюбие, но скажу. Предположим, я вам не очень верю, но в галерею вы все равно пойдете. Провалить нас вам не удастся, потому что скорее всего к вам никто не подойдет. На вас просто посмотрят издали, живы ли вы, существуете ли до сих пор. Вас мои рассуждения не обижают?

— Нет, я бы рассуждал так же, — без всякой наигранности ответил Тульев.

— Ну вот, собственно, мы и договорились. Как сказал бы опять-таки ваш знакомый Бекас, это слегка на-

поминает смотрины, только все не так торжественно. И вы уж постарайтесь быть скромным.

— Я вас не подведу, — просто сказал Тульев.

— Рад буду, если не ошибусь... Но хочу спросить: вам не кажутся неосторожными действия ваших бывших шефов? Такие чрезвычайные меры... А может быть, они не верят вам?

— Не думаю.

— Правильно, — согласился Марков. — Они подозревают, что вас подменили. Ну что же, вот вам случай на деле доказать чистосердечность ваших слов.

Тульев снова вытянулся перед Марковым и стоял молча.

— Завтра обсудим детали. — Марков нажал кнопку звонка. Вошел сержант. — Проводите.

Второго ноября без четверти пять такси, на котором ехал Михаил Тульев, повернуло со стороны набережной в узкий Лаврушинский переулок и остановилось перед Третьяковской галереей. Тульев расплатился, захлопнул дверцу, кинул под колесо погасший окурок и, взглянув на часы, поспешил к входу, обгоняя многочисленных посетителей.

Покупка билета и сдача пальто в гардероб отняли десять минут, расспросы о расположении залов — минуту. В зал, где висели картины Верещагина, Тульев вошел, тяжело дыша, словно бежал бог весть откуда, чтобы только взглянуть на груду человеческих черепов на «Апофеозе войны». Но через минуту он был похож на обыкновенного неторопливого любителя живописи.

Пять минут протекло, десять — никто к нему не подошел, не заговорил. В четверть шестого он покинул Третьяковку, дошел до станции метро «Новокузнецкая» и, как было заранее предусмотрено, приехал на вокзал. Но ехал он не один, а под надежной негласной охраной московских контрразведчиков.

Не исключалось, что за Тулевым могла быть организована слежка людей Антиквара. Так оно и получилось. Тульева сопровождал от самой галереи, не отпуская от себя на большое расстояние, пожилой мужчина, полный, коренастый, с лицом пьяницы. Этот человек — как потом было установлено, по фамилии Акулов —

исполнял свое дело не очень-то квалифицированно, и обмануть его не составляло большого труда.

Тульев, по всем правилам конспирации, по дороге периодически проверялся, но делал это больше для вида, вернее, для Акулова. Акулов бросил наблюдение за Тульевым, когда убедился, что тот, купив билет, сел в вагон поезда, идущего в город К. Надо полагать, больше от него ничего не требовалось. Теперь Тульев остался в окружении своих законных телохранителей. Допускалась возможность, что за ним могло вестись поэтапное наблюдение, поэтому планировалось доставить Тульева на прежнюю его квартиру в городе К. Он пробыл там недолго — всего два дня.

Итак, смотрины состоялись и были односторонними.

Теперь надо было предполагать, что разведцентр сделает из всей этой проверки какие-то выводы и при назначенном внеочередном сеансе связи поставит задачу. Но сколь ни был готов Марков к новшествам со стороны своего зарубежного противника, радиограмма от 9 ноября звучала несколько неожиданно. Она была пространна и проникнута несвойственной таким посланиям задушевностью. Но вслед за похвалами Надежде и сочувствием в его тяжелой миссии следовали два важных пункта строго делового плана.

Во-первых, центр предлагал сменить шифр для радиопереговоров. Во-вторых, указывал способ передачи нового шифра. Вот как это произойдет. Надежда должен 10 декабря подойти к табачному киоску, в котором работает человек по фамилии Акулов (особые приметы сообщались), предъявить ему пароль (который также сообщался) и от него получить пачку папирос с микропленкой, содержащей таблицы шифра.

Центр ожидал, что первым посланием Надежды, зашифрованным по-новому, будет его доклад о всей работе, проделанной за время пребывания в городе К. Судя по этой радиограмме, центр начинал менять отношение к своему резиденту, возвращая ему доверие.

ГЛАВА 6. ПИСЬМО К МАРИИ

Мария долго вертела письмо, изредка посматривая на посетителя, молодого человека, принесшего его, и недоумевала: откуда оно и не ошибка ли? Она уже и забыла, когда в последний раз получала письма. Но на

конверте стоял и ее адрес и фамилия. С каким-то странным предчувствием вскрыла она этот толстый синий конверт.

«Здравствуй, Мария!» — прочла она на первом листке. Фиолетовые строчки поплыли, словно размытые волной: почерк был знакомый. Мария перевернула толстенную пачку листов и на последнем увидела подпись «Михаил».

Мария ничего не видела, ничего не слышала, будто в столбняке. И стояла так несколько минут, пока Сашка не заворочался в своей кроватке. Она склонилась над ним, но мальчик уже опять спал спокойно.

О том, что в комнате есть посторонний, Мария совсем забыла. Она подошла к окну, еще раз прочла первую строку, начала было читать дальше, но поняла, что лучше все-таки сесть... Опустилась на тахту и поднесла письмо близко к глазам, хотя никогда близорукой не была.

«Здравствуй, Мария!

Мне разрешили написать тебе. И вот я пишу.

Не знаю, примешь ты это письмо или нет. Буду надеяться, что примешь.

В моем положении и после всего, что произошло, я не имею права просить прощения. Глупо будет также умолять, чтобы ты поняла меня, вернее — мои действия. Их ни понять, ни простить нельзя.

Но все же, если сможешь, прочти до конца. Это уничтожит неопределенность и неизвестность между нами. Моя задача сейчас простая. Я должен рассказать тебе, кто я такой на самом деле. Но ты не должна никому говорить про это письмо. Никому. Так просят тебя товарищи, которые разрешили мне писать.

Я и теперь еще не все и не до конца могу сказать и открыть, поскольку некоторые факты, касающиеся лично меня, касаются также других лиц и других дел. Но что можно — скажу. Это хорошо продуманное письмо. Здесь я пишу правду и прошу мне верить.

Зовут меня Михаил. Фамилию настоящую пока сказать не могу.

Подробности моей жизни с родителями не интересны, я их опускаю, но в детстве моем был один важный момент. С тринадцати лет мой отец начал внушать мне ненависть к большевикам. Он всегда отделял Россию от большевиков. Россия — это одно, а большевики — дру-

гое. Слова у него не расходились с делом — он всегда работал против того, кого ненавидел. Я любил его и верил ему беззаветно.

Когда умерла мать, отец взял меня с собой. С тех пор я никогда и нигде не принадлежал себе.

У меня никогда не было дома, жены и детей. Был только отец, которого я очень любил. Теперь и его нет. О нем я скажу еще несколько слов ниже.

В двадцать лет я уже был почти готов к самостоятельной работе, оставалось еще попрактиковаться кое в чем.

О войне лучше не вспоминать. Если бы можно было, я вычеркнул бы те годы из календаря.

Когда Гитлера разбили, многие остались без хозяина и без стойла. Но есть надо, по возможности вкуснее. Голодных в Европе тогда было много. И грязных также. А еду и душистое мыло могли предложить только американцы. Они и предлагали — тем, кто был готов работать на них.

У нас с отцом выбора не было. Правда, после войны отец немного по-иному стал относиться к большевикам, хотя он не хотел в этом признаться даже самому себе. Но я видел это очень хорошо. Теперь жалею, что перемена взглядов никак не отразилась на его служебной биографии. Он сменил лишь кучера, но бежал в той же упряжке. А я всегда был там, где отец.

(Пожалуйста, не думай, что я пишу так в свое оправдание. Сочувствия не ищу, его не может быть. Но искажать истину не хочу. Так все было на самом деле.)

После войны немало пришлось помотаться по свету.

Я никогда не хныкал и привык действовать, не жалея о последствиях.

Прежде чем приехать в Советский Союз, пришлось взять другое имя. Вернее — фамилию, имена у нас совпадали. Под этой фамилией ты меня и знаешь: Зарюков. На советской земле я впервые по-настоящему ощутил, что я русский.

Моя жизнь в твоём городе тебе в основном известна. Потом я вынужден был срочно уехать, снова сменить имя. Поверь, что я много думал о тебе, не хотел оставлять тебя. Но иначе было невозможно. Без тебя я прожил на свободе год. Если можно считать свободой

существование человека вроде меня. За этот год я многое понял и многому научился.

Меня предупредили, что это письмо прочтешь не только ты. Но человек, который будет моим цензором, знает обо мне в десять раз больше, чем мне позволено здесь изложить. Поэтому я могу не стесняться своих слов и хочу немного поговорить о нас с тобой. Прежде чем начать, должен сказать одну вещь.

Против ожиданий, со мной обошлись мягко. Но в момент ареста (в июле этого года) и после у меня было достаточно случаев испытать за свою участь если не страх, то беспокойство, оснований для этого я успел заработать более чем достаточно. Поверь, что я даже в самые мрачные минуты не забывал тебя.

Я виноват перед тобой, что выдавал себя не за того, кто я есть на самом деле. К тому же ты по моей просьбе ездила в Москву. Но если взять нас с тобой просто как двух людей, женщину и мужчину, в этом я тебе никогда не лгал. И у меня всегда была уверенность, что ты любишь меня. Знаю, ты бы не могла полюбить, если бы я открылся перед тобой. Я искал любви обманным путем. Но неужели ты не сможешь простить?

Мне известно, что у нас родился ребенок (недавно мне сказали, что ты назвала его Александром). Если бы ты только знала, как я был обрадован и как счастлив сейчас! Помнишь, тебе подбросили деньги? Это я посылал. А ты отнесла их в милицию. Понимаю, что для тебя иначе поступить было немыслимо. Мне необходимо за это. Деньги были нечистые. Сейчас прошу об одном: если в твоём сердце осталось ко мне хоть что-то с тех времен, напиши о себе, о нашем ребенке.

Если еще не все для меня потеряно в твоей душе, я постараюсь вернуть прежнюю любовь. Мне сейчас сорок два. Я на родине моих предков. Вырвался из заколдованного круга. У меня хватит сил и воли изменить свою судьбу. И здесь есть люди, готовые помочь мне в этом, хотя я этого не заслуживаю.

У меня во всем свете остался единственный человек, которого я считаю (самовольно) родным. Это ты. Отец кончил свои дни печально. Я знаю, что те, на кого он работал почти всю жизнь, выбросили его за борт без жалости. Этого простить нельзя. Не подумай, что плачусь, стараюсь вызвать жалость. Но если лишусь и тебя — плохо мне будет. Очень плохо. Надеюсь все же

получить от тебя ответ. Буду считать дни. Напиши, пожалуйста! Очень прошу.

Может случиться, что ты никогда больше не захочешь меня видеть. Но ведь у нас есть сын. И никто не отнимет у меня права когда-нибудь заслужить его уважение. Я тебя люблю. Если разрешаешь, обнимаю и целую, как прежде. Жду. Михаил».

Молодой человек взял письмо у Марии и ушел.

Мария не спала всю ночь. А утром, когда уже рассвело, села писать ответ. Человек, который вручил ей письмо, сказал, что, если она захочет послать что-нибудь автору письма, она может это сделать через областное управление КГБ.

ГЛАВА 7. ПОДРУЧНЫЙ

Каких только профессий не бывает на белом свете!

В каждой большой общественной русской бане есть работники, которых называют нелепым словом «пространщики». В их обязанности входит следить за порядком в пространстве между длинными диванами в предбаннике.

Кондрат Степанович Акулов был заурядным пространщиком, но должность свою исполнял с любовью. Он никогда не забывал помочь распарившемуся гражданину развернуть простыню и вытереться, у него постоянно имелся запас березовых веников: для случайных посетителей — уже использованные, для постоянных — свеженькие. А если кто-нибудь, не боясь унести из бани вместе с легким паром и добротную ангину, желал выпить голышом кружку холодного пива, то Кондрат Акулов охотно бегал в буфет. Когда же румяный и стерильно чистый гражданин одевался, Кондрат складывал и упаковывал сменное белье. От гривенников и двугривенных не отказывался, но если получал только «спасибо», тоже не проявлял недовольства.

Дело в том, что у Акулова была другая специальность, гораздо серьезнее основной. И, как станет понятно из последующего, для исполнения побочных обязанностей главным удобным моментом в его работе было то обстоятельство, что пространщик имеет свободный и законный доступ к вещам своих клиентов.

Несокрушимая вежливость, добронравие и ровный характер создали Кондрату авторитет среди сослужив-

цев и постоянных клиентов. Короче говоря, при виде Кондрата хотелось незамедлительно воспользоваться готовой на такой случай формулировкой: не место красит человека, а человек место.

Тем сильнее было бы изумление сослуживцев и клиентов, узнай они о Кондрате всю подноготную.

Начать хотя бы с того, что из трех анкетных признаков — Ф. И. О. — подлинными у него были только Ф. и О. — фамилия и отчество, а И. принадлежало другому. Как и почему это произошло, мы увидим позже, а пока при описании жизненной истории пространства Акулова будем пользоваться его настоящим именем.

До 1941 года Василий Акулов жил в деревне недалеко от Смоленска. У него был брат годом моложе, которого звали Кондратом (деревенские балагуры сочинили для местного употребления пословицу: «Не всякий Кондрат Василию брат», имея в виду неуживчивость и замкнутость старшего из братьев). Мать с отцом умерли весной тридцать первого года, когда Василию было восемнадцать. Брат вскоре женился на двадцатилетней вдове: в доме без хозяйки хоть пропадай. Василий жениться не торопился. Жили втроем, работали в колхозе, держали огород, с которого выгодно приторговывали, благо город под боком.

Как только началась война, братьев призвали в армию. В запасном учебном полку они два месяца служили вместе, а потом попали в разные части.

Кондрата сразу отправили на передовую, и он погиб в декабре под Москвой. Василий Акулов долго кантовался, как тогда говорили, в тыловых подразделениях, только в сорок третьем попал на фронт, и после первого же боя дезертировал. Отсиделся с месяц в лесу, а когда передовая отодвинулась далеко на запад, рискнул пробраться в родную деревню. Но там даже печных труб не осталось: немцы спалили все дотла, а трубы разобрали погорельцы на кирпичи.

Тогда Акулов вернулся в лес, выкопал в глухой чаще большую нору с двумя лазами и стал жить диким зверем. Страх, который когда-то заставил его дезертировать, теперь принуждал не показываться на людях.

Поначалу все складывалось неплохо. Подошла осень, он накопал на колхозном поле картошки, засушил грибов, рябины и черники. Думал запастись и мясом, по-

тому что винтовка и патроны у него сохранились, можно было бы настрелять дичины. Но стрелять он боялся: услышат, начнут искать... Решил, что будет ставить силки. Ближе к зиме он насобирав сухого валежника, натолкал в нору. А чтобы было чем развести огонь, сплел из мха трут, отыскал несколько камешков, которые давали хорошую искру, а под кресало приспособил обломок напильника.

Капитально подготовился Акулов к зимовке. Одно мучило в первое время — не было соли. Но к этому он скоро привык. А что до блох, которые в великом множестве облюбовали вместе с Акуловым его теплую песчаную нору, то им он был даже рад — все не один.

Чтобы не ослепнуть в темноте, он положил себе за правило каждый день хоть раз вылезать на поверхность. Но иногда не угадывал время и высовывался ночью.

В общем, худо ли, хорошо ли, но прозимовал Акулов, дождался весны. Голод выгнал его из норы и заставил пойти на разведку — искать, где есть поближе человеческое жилье. Весну и лето жил воровством — по ночам делал робкие набеги на близлежащие деревеньки. Ходить и ползать он выучился тише любого зверя, да голод и страх кого хочешь научат. Но что было там воровать? Сами отошали так, что от ветра качались.

Потом опять накатила сытная осень, и Акулов опять подготовился к зиме. Шевелилась у него порой тяжкая мысль — пойти отдать себя в руки властей, покаяться. Но темный страх — темнее, чем его блошиная, провонявшая нора, — всегда побеждал.

Еще лето, еще осень, еще зима. Наступил 1946 год. Уже объявлена была амнистия, но Акулов ничего про то знать не мог, он не знал даже, что война давно кончилась, и неизвестно, сколько бы лет сидел он под землей и дальше, если бы не случилась беда. Произошло это весной, в мае.

Однажды среди дня Акулов выполз наверх размять поясницу. Оборванный, мятый, с лохматыми волосами до плеч, с сивой всклокоченной бородой, закопченный до чугунной черноты, был он дик и отвратителен. Почесываясь, мычал и тихонько повизгивал, словно уж ничего человеческого не осталось в нем. Он и сам-то о себе в мыслях говорил: «Животная»...

Разогнулся Акулов, поднял кудлатую голову и гла-

зам своим не поверил. Шагах в десяти от него, прислонившись к березе, стоит баба, щупленькая такая, но лицо милое. В красной юбке, в черной кофте нараспашку, на голове белый платок, через руку держит пузатое лукошко. Нестарая баба, можно сказать, молодая. Какого рожна ей в этой чащобе понадобилось, бог ведает. Небось шишки на самовар собирала, да далече забрела. Стоит и смотрит на него, будто в столбняке. Рот открыла, а закрыть не может. Видать, такой уж страшный он был, коли мог испугать даже бабу, насмотревшуюся за войну...

Давно отвык Акулов соображать побыстрее, но тут завертелось у него в голове. Подумал: «Прибить на месте». Винтовка в лазу, только нагнуться да руку протянуть. Но тут же решил: «Это успеется, баба крепко стоит, как примерзла». Он двинулся к ней, ступая неслышно, по-звериному. В глаза не глядел, боялся спугнуть. Только шею белую видел...

Изнасиловав бабу, Акулов поднялся и неслышно зашагал к норе. Он не торопился, не боялся, что она уйдет — сильно напугалась, так ни слова и не проронила. Где ж ей уйти.

Достал Акулов винтовку, щелкнул затвором, загнал патрон в патронник, но вспомнил, что стрелять нельзя, разрядил винтовку. Можно и прикладом... Обернулся, а бабы-то уж нет. Все-таки ушла. И вот тут-то его объял ужас. Расскажет, кого и где повстречала и что он с нею сделал, непременно расскажет... И что тогда будет? Он теперь не только дезертир. Еще и насильник. Стенки не миновать... Осталось одно — бежать от этой норы. Куда — он еще не знал, но бежать как можно дальше, пока баба не успела дойти до своей деревни...

Акулов держал путь на север. В пятидесяти километрах от Смоленска лежала большая деревня, где жила единственная его родня — тетка Лиза. Если жива еще, примет, он ее уговорит. Ему бы хоть дня два у нее побыть, обстричь волосы на голове, побриться да мурло отмыть. Не может же он в эдаком обличье скрываться от властей, враз арестуют. Да и обносился — дальше некуда...

С отвычки трудно дались Акулову эти километры, но страх не позволял ему отдыхать. Через сутки пришел к теткойной деревне. С опушки выглядел ее избу — цела стоит, только покосилась. Отлежался до темноты, а как

увидел, что в избе вздули керосиновую лампу, попластунски пополз через огороды.

На счастье, тетка оказалась одна — невестка еще не вернулась с пашни. Племянника она, конечно, сразу-то не признала, а когда уразумела, кто перед ней, стала горько плакать. И все вопрошала: да как же, да откуда? Он наврал чего-то пожалостней, она поверила. Невестка, когда пришла да послушала, тоже поверила. В долгом разговоре за малиновым чаем узнал Акулов, что война кончилась, и обрадовался.

Прожил он у тетки неделю, а потом забоялся. Надо было уходить: на одном месте долго сидеть ему теперь заказано. Главное же, документ бы правильный достать...

С одеждой Акулову повезло — обрядили его в костюм теткиного сына. Тот с войны не пришел, не было по нем и похоронной — может, в плену сгинул, может, пропал без вести. Все пришлось Акулову впору — и пиджак, и брюки, и сапоги, и рубашки. Отмылся, постригли его, побрили сердобольные бабы, дали двести рублей на дорогу, и побрел он кружным путем на железнодорожную маленькую станцию.

По дороге созрел у него план, как разжиться документами хоть какими ни на есть, лишь бы были настоящие, с печатью. Хитрости у Акулова не убавилось, даром что три года кротом жил.

Вспомнил он, что давным-давно, когда был еще мальчонкой, случались с ним раза два или три припадки, которых никто из домашних понять и объяснить не мог, а доктора тогда в их деревне не было. Налетал ветерок, обдавало холодным потом, и он брыкался посредине горницы, закусывая язык. Бабка определила: падучая. Значит, пропал парень, это уж до гробовой доски. А оно случилось так раз-другой и больше не накатывало. Осталось только что-то смутное и тошнотное в памяти, как пьяный сон.

И вот осенило Василия Акулова в трудную минуту, придумал верный ход. Пять суток трясся в пустых товарных вагонах, три эшелона сменил, заехал в Брянск. Там разузнал, где поблизости — ну не далее как километров за двести — есть психиатрическая больница, купил билет, сидячее место и поехал.

Дальше получилось как по писаному. Не ожидал Акулов, что так легко все выйдет.

...Вагон набит до невозможности — как посмотришь, обязательно подумаешь: зря в России говорят, будто вагоны не резиновые. Сидит себе с краю, на кончике скамьи, хмурый дядька, с соседскими ребятишками не заигрывает, толкнут — не огрызается. Что-то свое думает.

Поезд начинает притормаживать, к выходу потянулись пассажиры, что попытке, с чайниками и без чайников. Подъезжают к большой станции, стоянка будет долгая.

И вдруг хмурый дядька, на удивление сидящим рядом ребятишкам, как-то чудно выгибается, клацает и скрипит зубами, а потом встает и сразу плахой валится в проходе, чуть не сбивает кого-то. Опять выгибается дугой, на губах пена...

— Эй, проводник! Сюда поди, сюда! — несется по вагону крик.

А дядьку все корежит и бьет, никак его с полу не поднять.

Кто-то из пассажиров сбегал на вокзал, привел медсестру. Та посмотрела с интересом, пульс пощупала и дала команду:

— А ну, мужчины! Надо помочь, идемте за носилками.

Через десять минут припадочного унесли в вокзал, поставили тяжелые госпитальные носилки на ножках-каблучках в медпункте на пол. Еще через десять минут поезд ушел дальше, а припадочный остался. Куда ему ехать, он и тут никак в себя не придет...

Деловитая медсестра целый час сидела на телефоне в кабинете начальника вокзала, но все же дозвонилась в психиатрическую лечебницу, что расположена в районе села Вишенки. Оттуда выслали машину.

В лечебнице поставили диагноз, который не вызывал сомнений: эпилепсия. Данные анамнеза — со слов больного — подтверждали это. Страдает припадками с ранней юности. Последний — в поезде — был особенно сильным. Больной сам никогда не обращался к врачам, потому что знает: эпилепсию не лечат. Попадал несколько раз в психиатрические диспансеры, но не по своей воле, а вот так же, во время припадков, добрые люди подбирали и относили...

Всякий человек, попадающий в больницу, должен иметь документы, но у этого их не оказалось. Скорее

всего они или вытряхнулись из кармана, когда упал в вагоне, или их кто-то у него взял.

Зарегистрировали его как гражданина Акулова. Две недели он пробыл в лечебнице и даром хлеб не ел. Уже на второй день почувствовал себя вполне хорошо, как это и бывает часто у эпилептиков, а на третий предложил свою помощь на кухне — носил от колодца воду, колол дрова. Правда, слаб был, часто отдыхал, но работал старательно. Персоналу он понравился. Его не гнали из больницы, но он сам через две недели пришел к главному врачу и попросился на выписку.

Каждый покидающий лечебное учреждение подобного рода получает справку о том, что означенный гражданин с такого-то по такое-то число находился на лечении там-то по такому-то поводу. Получил ее и Василий Акулов, который отныне сделался Кондратом и помолодел на один год: он решил принять имя погибшего брата, ибо это было удобно во всех отношениях. Теперь необходимо было получить паспорт. Акулов отправился в Ч.

В городском отделении милиции его выслушали сочувственно. История с пропажей документов показалась правдивой и убедительной. А главное, кто же не пожалеет человека, страдающего таким тяжким недугом? Узнав, что Акулов намеревается пожить в Ч., горотдел милиции помог ему устроиться рабочим в горкоммунхоз. А пока все-таки отправили запрос к нему на родину, жил ли там Кондрат Акулов и кто он такой.

Через три недели пришла бумага, подтверждавшая все сведения, сообщенные Акуловым о его брате. В бумаге говорилось, что Кондрат Акулов был призван в армию и с тех пор о нем ничего не известно. В милиции насторожились, но, решив пока не задавать вопросов, послали в военкомат, там Акулову выдали белый билет. Это успокоило милицию, и он получил новенький паспорт.

В сорок девятом году Акулов перебрался в Москву, надоумил его один грамотный человек пойти в дворники. Занятие незавидное и пыльное, зато прописка и жилье.

Поселился Акулов в полуподвальной комнате недалеко от Никитских ворот и зажил тихой жизнью. Де-

сять лет орудовал он метлой и скребком, и дни его текли безмятежно. В собственной душе Акулов копать не любил, а если у него когда-нибудь и была совесть, то во время дезертирства и обитания в норе она так надежно сгнила, что теперь его совсем не беспокоила.

Шестидесятый год был переломным в деловой карьере Акулова. Во-первых, он перешел работать в баню. Во-вторых, тут-то и подцепил его Кока. Досконально разобраться, каким образом слепилась их дружба, Акулов бы не смог.

Николай Николаевич (Акулов звал Коку по имени и отчеству, а Кока Акулова просто Кондратом) был в бане постоянным клиентом, мылся регулярно раз в пять дней, всегда с веничком, из парной по два часа не вылезал. И место у него было свое, постоянное, на угловом диване во владениях пространщика Акулова.

Началось с разговоров насчет того, что, мол, старость не радость и так далее. Оказалось, что и Кока, вроде Кондрата, закоренелый холостяк. Однажды Николай Николаевич не погнушался, пожаловал к Кондрату в гости. Выпили, разговорились по душам. Кока в порыве откровенности доверил Кондрату большую тайну: что занимается он противозаконными делами, посредничает между спекулянтами. Видно, тонкий нюх был у Коки, быстро раскусил он, кто таков Акулов, знал, перед кем раскрываться. Ну откровенность за откровенность, и Акулов тоже рассказал о себе.

Кондрату льстило доверительное отношение Коки. Еще бы! Николай Николаевич, по всему виду, не чета ему, Кондрату, а теперь вот получается, что они вроде одного поля ягода...

Дружба крепла, и как-то Кока попросил Кондрата об услуге: надо было передать маленькую коробочку с серьгами, как сказал Кока, одному человеку, который придет в баню мыться и скажет Кондрату условное словечко. Передать незаметно — например, сунуть в грязное белье, когда Кондрат будет помогать этому человеку собираться домой.

Кока отблагодарил Кондрата, хотя тот пробовал отказываться, — дескать, уважу как друга. Сосчитав деньги, Акулов поразился: в пять секунд заработал двухмесячный оклад.

Такие поручения Кока давал не часто, дело приходилось иметь все время с одним и тем же человеком,

пожилым и солидным вроде самого Николая Николаевича, похожим по виду на профессора, и потому Кондрат не испытывал особых опасений. А платил ему Николай Николаевич каждый раз по двухмесячной зарплате — не шутка.

Иногда посылки шли в обратном направлении — от «профессора» к Николаю Николаевичу. «Профессор» никогда с Кондратом не заговаривал. В самый первый раз сказал три слова кряду — те, что Николай Николаевич велел Кондрату запомнить накануне; и с тех пор как язык проглотил.

23 ноября 1963 года в час дня «профессор» пришел мыться. По тому, как он взглянул, Акулов понял, что опять будет посылка Николаю Николаевичу.

В два часа Акулов уже помогал ему вытираться, а затем собрал грязное белье, простыню, мыльницу, завернул все в большой пергаментный лист и уложил в портфель. И во время этих несложных манипуляций успел взять в руки обычную передачу. Это была маленькая коробочка, в каких продаются перстни или сережки, плотно заклеенная белым медицинским пластырем. В тот же день вскоре после пяти явился Николай Николаевич. Кондрат вложил коробочку в его банный чемодан. А уходя, Николай Николаевич сказал, что навестит Кондрата дома 27-го вечером, попозже.

И правда, 27 ноября пришел. Кондрат устроил угощение но Николай Николаевич от всего отказался. Разговор был недолгий, но весьма серьезный. Кока объявил, что Акулову надо сменить работу. Другие странщики уже косо смотрят на их отношения. Кока договорился с кем надо, и Кондрат будет работать в табачном киоске.

Через неделю Кондрат Акулов водворился в одном из табачных киосков на Садовом кольце.

9 декабря под вечер к нему явился Кока и сказал следующее. Завтра к киоску подойдет человек, который скажет Кондрату: «Вы в Оружейных банях никогда не работали? Мне знакомо ваше лицо». На что Кондрат должен ответить: «Может быть, вы меня видели здесь?» Кондрат передаст ему коробку папирос «Казбек».

Михаил Тульев подъехал на такси в пять часов вечера. Сказал Акулову пароль, услышал ответ и попросил продать ему пачку «Казбека». Так он получил новый шифр.

Юля не усмотрела ничего необыкновенного в том, что Кока вдруг позвонил ей по телефону, хотя раньше никогда этого не делал, да и номера своего Юля ему не давала. Номер, впрочем, можно узнать через справочное. И сам разговор не показался ей неожиданным, если принять в расчет роль Коки в истории с долларами.

— Ну как, наш общий знакомый вернулся?

— Давно уже.

— Все в порядке?

— Чудесно! — воскликнула Юля от души. — Мы с Риммой так вам благодарны, Николай Николаевич! Все хотели позвонить или зайти к вам, честное слово, но, знаете как... дела всякие...

— Вам, Юленька, я могу простить что угодно. Как поживает Римма?

— Спасибо, у нее все хорошо.

— А у кого не хорошо?

— Не понимаю вас.

— Да нет, я шучу. Вы так акцентировали это «у нее», а я такой неисправимый софист-формалист, всегда придираюсь к словам... Видитесь с Риммой?

— Очень часто, почти каждый день.

— Так вот вдвоем и ходите?

— Почему вдвоем? Мы бываем и втроем.

— С Аликом?

— Нет. — Юля замялась. — Его я давно не встречала.

— Что так?

— Да ничего особенного и не начиналось. Он стал не тот.

— Хуже?

— Пожалуй, лучше.

Кока расхохотался от удовольствия.

— Великолепно! Так было, так будет! Чем мужчина несчастнее и неприятнее, тем милее он женщине. Но что же все-таки случилось с Аликом?

— Ничего особенного. Работает, переводами балуется. Просто я думала, что он ко мне относится немного иначе.

— Ну, по-моему, вы ему очень нравились...

— Не знаю. К тому же он, кажется, трус.

— Это уже серьезный довод, — с иронической серьезностью заключил Кока. — Но бог с ним, с Аликом. Поговорим лучше о вас. Так кто же с вами ходит третий? Наш знакомый?

— Разумеется.

— Ну да, понятно, этот... как его зовут? Забыл.

— Владимир.

— Да, да, Владимир. Вот память стала! Склероз, склероз! И фамилию ведь говорили вы...

— Борков, — напомнила Юля. — Владимир Борков.

— Так, вы говорите, командировка была удачная?

— Чудесная! Благодаря вам, Николай Николаевич.

— Смотрите, вот я возьму и поймаю вас на слове — мол, долг платежом красен и тому подобное. Как там Маяковский говорил? Мне бы только любви немножечко да десятка два папирос... Но я бескорыстен, я не курю, и я стар. Но это, кажется, звучит пошло-вато...

Юле почудилось, что Кока и впрямь расстроился, и ей стало жаль его.

— Скучно вам, Николай Николаевич? — спросила она с искренним участием.

— Я привык. — Кока вздохнул. — Так уж все одно к одному складывается, да еще погода, прости меня, грешного... — Он как бы стряхнул неожиданно набежавшую тоску и вернулся к шутливому тону: — Юни распустил... Не слушайте меня, Юленька, все это гнилые интеллигенты придумали, комплексы всякие... Скажите, милая, вы что сегодня вечером делаете?

— Римма меня будет ждать часов в семь.

— Где?

— У себя дома.

— А потом?

— Посидим, музыку послушаем. Володя должен прийти. Обещал принести кое-что почитать.

— А вы правда хотели бы отблагодарить меня?

— Я же вам говорю, мы просто...

— Подождите, — перебил Кока, — у вас есть прекрасный случай это доказать.

— Например?

— Пригласите меня в гости к Римме. Если это удобно. Ей-богу, погибаю с тоски сегодня.

— Ой, ну о чем тут говорить! С удовольствием, Николай Николаевич, Римма будет рада.

— Ну и отлично.

— Так вы запишите ее адрес, — начала было Юля, но тут же поправила себя: — А хотя зачем это? Мы же с вами соседи. Знаете что? Вы мне ровно в шесть позвоните и ждите меня на углу против церкви. Годится?

— Замечательное словечко! Конечно, годится! Сейчас четыре. Значит, через два часа...

...Римма действительно обрадовалась, увидев Юлю не одну, а с Кокой.

Обитала она в небольшой, метров шестнадцати, скромно обставленной комнате. Квартира была двухкомнатная, за стеной жили молодые муж с женой. Едва Юля развернула принесенные Кокой покупки, явился Борков.

Он сразу узнал Коку и, здороваясь, сказал, что очень рад встрече, но Кока отлично видел, что это не совсем так. От него не ускользнула мимолетная гримаса — смесь неприятного удивления и досады, — мелькнувшая на лице у молодого человека, когда он, целуя руку Юле, покосился на сидевшего в кресле Коку.

Пока Римма и Юля собирали на стол, Кока разговаривал с Борковым о его поездке за границу. Кока сидел, а Владимир похаживал вдоль стены, курил сигарету и стряхивал время от времени пепел в бронзовую тувельку, которую держал в руке.

— Вам пришлось побывать только в Брюсселе? — спрашивал Кока.

— Да, все дела устроили в основном там.

— Понравилось? Как провели время?

— Как вам сказать? — пожал плечами Борков. — Следовало бы ответить: плохо. Но сформулируем так: плохо, но мало.

Коке понравился ответ.

— Веселый городишко?

— Особенно некогда было веселиться. Программа насыщенная, с утра до ночи переговоры.

— Так ни разу и не развеялись?

Боркову было явно неудобно, его угнетала эта тема, отвечал он нехотя.

— Почему же? В кино ходили, в музеи...

— В магазины, конечно, заглядывали? — задавал наводящие вопросы Кока. — Изобилие?

— Насчет этого? — Борков дернул себя за галстук, потом за борт пиджака. — Да-а, конечно!

— Как публика одета?

Борков быстро оглядел Коку и сказал:

— Представьте себе, довольно скромно. Все очень хорошо сшито, но ничто не бросается в глаза. Вот вы, пожалуй, на брюссельской улице сошли бы за брюссельца.

— Женщины?

Борков улыбнулся — впервые с тех пор, как вошел.

— Наши лучше, можете поверить.

Кока не упустил случая сказать комплимент.

— Если вы сравнивали с Риммой, то понятно... Вы меня простите, что я устраиваю вечер вопросов и ответов, но скажите, Владимир... Владимир... — Кока пощелкал пальцами.

— Сергеевич, — подсказал Борков. — Но это ни к чему. Просто Володя.

— Ну хорошо, Володя... Интересно сравнить цены.

— Видите ли, смотря на что. Шерстяные и кожаные вещи стоят довольно дорого. Всякие лавсаны и перлоны очень дешевы. Так называемые предметы роскоши очень дороги. Вот видите мой галстук, например?

Кока поманил его поближе, деловито пощупал галстук. В это время в комнату вошла Юля, достала из шкафа тарелки, а уходя, задержалась в дверях, заинтересованная разговором.

— Сколько?

— Угадайте.

— Не берусь.

— Десять долларов.

— Не может быть!

Борков был доволен эффектом.

— Цент в цент. Но, правда, это уже считается дешевый галстук. А мне, между прочим, рассказывали, что бывают и по семьдесят, и даже по сто долларов.

— Разврат! — воскликнул Кока и рассмеялся. — Загнивают империалисты, а?

— Да уж загнивают, — согласился Борков.

Юля покачала головой и вышла.

— Не собираетесь больше никуда?

— Теперь вряд ли удастся.

— Почему?

Кока спросил это без особого ударения, мимоходом, но если бы Борков знал его лучше, он бы понял, что вопрос задан неспроста.

— Нашему институту режим сменили.
— Что значит «сменили режим»?
— Ну теперь мы пэ я.
— Почтовый ящик?
— Да.
— Зарплата прибавится?
— Может быть.
— Вы живете один?
— Здесь? Один. Родные в Саратове.
— У вас телефон есть?
— Не личный. В квартире.
— Разрешите мне записать? На всякий случай, а?
А вы запишите мой.
— С удовольствием.

Они продиктовали друг другу номера телефонов.

Тут Римма и Юлия принесли с кухни и поставили на стол тарелки с закусками, кофейник. Римма сказала:
— Просим...

В одиннадцатом часу Кока стал прощаться. Когда он ушел, Юлия сказала Боркову:

— Володя, зачем ты дурачил старика? По-моему, галстук у тебя польский, и купил ты его в Столешниковом переулке за рупь тридцать.

Борков рассмеялся.

— Точно! Но ему так хотелось, чтобы это был десятидолларовый галстук. Пусть потешится.

ГЛАВА 9. ПРЕДАТЕЛЬ ПО ПРИЗВАНИЮ

Поскольку Николай Николаевич Казин, с легкой руки Алика Ступина фигурирующий в деле под кличкой Кока, начинает играть все более важную роль, нелишне будет заглянуть в его биографию, чтобы понять, откуда он такой взялся. Прямо скажем, что экземпляр редкий, может быть, один на миллион, и любопытно будет проследить его развитие.

Честные люди, соприкасаясь с таким экземпляром, испытывают чувство глубокого омерзения, но все же именно оттого, что они, честные и порядочные, бессознательно порой ищут ему хоть какое-нибудь оправдание, высказывая классическое «ведь не всегда же он был таким»... И тут уместно предположить: а может, всегда?

Но оставим предположения, поместим эту релик-

товую бациллу на предметный стол микроскопа и хорошенько разглядим ее. Биография у Коки поистине фее-рическая.

Родился он 31 декабря 1899 года. Позже, когда пробовал сочинять стихи символистского толка, он усматривал в том факте, что рожден на рубеже двух веков, нечто мистическое, считал это предзнаменованием необычайной судьбы. Трудно сказать, сколько тут мистики, но вот факт: мать и отец, подобно Алику Ступину, звали своего сына Кокой и никак иначе.

Родители его были из московских городских мещан. Отец служил в банке, жили они обеспеченно. Мать, натура нервная и болезненная, шесть месяцев в году сидела дома, мучаясь мигренями, а шесть проводила в Крыму. Там, в ялтинском частном санатории, она и скончалась летом пятнадцатого года, когда уже была в разгаре мировая война. Отец носил траур до осени, а затем, по протекции устроив сына в петербургское Владимирское юнкерское училище, сошелся без венчания с богатой купчихой.

Жестокая по отношению к новичкам юнкерская среда сначала испугала Коку, но он скоро приспособился, найдя покровителей в лице двух старших юнкеров, из унтер-офицеров, которые уже понюхали службы в армии. Он добился их расположения элементарным подкупом, отдавая часть денег, присылаемых отцом. В благодарность за это они били его при случае только сами, не позволяя бить другим. А заслуживал он битья часто, потому что фискалил. И уже в этом проявилось его раннее призвание.

Рано утром 11 ноября 1917 года, когда рота Владимирского юнкерского училища, в которой числился Кока, выступила для захвата телефонной станции, он в момент какого-то замешательства нырнул в проходной двор, бросил там винтовку и был таков. Еще до рассвета он пробрался на квартиру к той знакомой отца, через которую ему пересылались деньги. Она приняла в нем материнское участие, помогла переодеться в гражданское платье, а через неделю Кока уехал в Москву — боялся, что его как бывшего юнкера в Петрограде обязательно схватят. Конец ноября застал Коку в отцовской московской квартире, где хозяйничала теперь их служанка. Напуганный революцией, целый месяц просидел Кока дома, не показывая носа на улицу. Отца в

то время в Москве не было, купчиха увезла его в какой-то город на Волге, где имела собственные пароходы.

Одним прекрасным утром в квартиру, где изнывал от неопределенности юный Кока, ввалился здоровенный мужик в новом тулупе, с угольно-черной курчавой бородкой — посланный отцом служащий купчихи. Он явился спасать Коку.

Через неделю они добрались до Сызрани, где Коку ждал отец с купчихой, а оттуда вчетвером, одевшись попроще и потеплее, пустились в дальнейшее путешествие на восток: отец наметил конечным пунктом Харбин.

На железных дорогах в ту пору творился невообразимый хаос, двигались в день по версте, с муками и слезами, а на станции Татарской, что между Омском и нынешним Новосибирском, их совместным мытарствам пришел конец. Ночью на темную станцию, где они в числе множества себе подобных ждали оказии, налетели конные бандиты. Купчиха, когда главный бандит с железнодорожным фонарем в руке вошел и зычно крикнул: «Пра-а-шу пардону!» — сунула Коке тяжелый кожаный мешок с медными планками и застешками, шепнула: «Спрячь за пазуху и тикай отсюда, схоронись где-нибудь, а как эти уберутся — придешь». Бандиты уже принялись весело за работу, а Кока, охватив руками живот, мелким шагом двинулся к выходу, где стоял вожак банды со своим телохранителем. Этот последний остановил его: «Куды-ы!» Но вожак осветил фонарем Кокину физиономию и молвил: «Пропустить шкета! С перепугу...» И Кока выскользнул на улицу... Напрасно отец вне себя матерился сквозь зубы и называл сына гаденышем, напрасно купчиха стонала и заламывала руки — Кока к ним не вернулся. К утру он успел уйти верст за пятнадцать, нанял в большом селе сани и двинулся на запад, в Омск. Так свершилось его второе предательство.

В Омске, где он прожил месяц на квартире у отлученного от церкви дьяка, Кока приобрел привычку курить и потерял невинность. Совратила его дьякова дочка, числившаяся в девицах, а курить научил сам дьяк.

В купчихином мешке оказалось семьсот золотых монет, все десятки. Проявив рассудительность не по летам, Кока заказал себе у портнихи, знакомой дьяка, специальную стеганую душегрейку на вате, а потом,

таясь от хозяев, собственноручно зашил монеты малыми порциями в ватные подушечки этой ловко придуманной им одежды.

Диковинно тяжелая получилась душегрейка, но своя ноша не в тягость, и он как надел ее, так уж больше не снимал, пока не добрался до Казани. Здесь судьба свела его с бывшим студентом Петроградского института путей сообщения, которого звали Герман, который был на три года старше Коки и так же, как и он, милостью гражданской войны оказался совершенно свободным и самостоятельным гражданином. Познакомились они на базаре. Кока желал купить револьвер, а Герман желал его продать. Они друг другу сразу понравились и с базара ушли вместе. С момента этой купли-продажи их можно считать друзьями по оружию. Герман оказался горячим приверженцем анархических идей Бакунина, а практическим толкователем их считал батьку Махно.

У Коки в голове царил идейная каша, он не разбирался в политике и был вроде того кота, который ходит сам по себе. Но пламенный анархист Герман в две ночи распропагандировал его, и Кока, обретя, таким образом, стройное мировоззрение, последовал за Германом на юг, к Азовскому морю, где гуляла махновская вольница.

Самого батьку они не увидели, но вождь махновского отряда, на который им посчастливилось нарваться, тоже оказался вполне красивой и зажигательной личностью. Герман и Кока поцеловали знамя, после чего были приняты под спасительную сень его. Им приказали добыть себе коней, но поскольку Кока все равно в седле держаться не умел (хотя и учился в юнкерском, где верховая езда была специальным предметом), лошадь ему была без надобности. Его зачислили в помощники к писарю, который ездил вместе со своей канцелярией в цыганской кибитке, а Герман выменял коня у старого махновца за карманные серебряные часы с двумя Кокиными казанскими золотыми десятками в придачу.

Недолго послужил Кока махновскому знамени. Веские причины заставили его и на сей раз прибегнуть к измене — теперь уже двойной, ибо он предавал одновременно знамя и друга Германа, которому в Казани клялся на крови.

Братья-анархисты, когда настали жаркие летние

дни, дивились, глядя на Коку: что за малахольный, мол, писаренок? Тут с голого пот в три ручья, а он парится в ватной жилетке. А вскоре после того, как обнаружил Кока на себе угрожающее внимание братьев, их отряд, дотоле промышлявший идилическим грабежом мирных украинцев, русских и евреев, наскочил на красную конницу и еле унес ноги.

Кока сообразил, что ему будет во всех отношениях лучше, если он прекратит бороться во имя матери порядка — анархии, и темной ночью задал стрелача. Заметим в скобках, что Герману, на свою беду, еще придется повстречать Коку.

...Как ветер сметает оторвавшиеся от дерева листья в овраг, так всех сорвавшихся с насиженного места неприкаянных сметало тогда в Одессу-маму. Коку, хотя и тяжел он был в золотой душегрейке, тоже подхватило этим ветром и вынесло прямо на Приморский бульвар.

Он поселился в меблированных комнатах в доме, принадлежавшем хозяину с немецкой фамилией, но похожему больше на турка. На второй или на третий день по приезде воспоминания о дьяковой дочке распалили молодое воображение Коки, он обратился за советом к хозяину, и тот познакомил его с особой, носившей французскую фамилию, но изъяснявшейся почему-то на чистейшем вологодском диалекте. Если прибавить к этому, что зрелая особа, залучив его к себе в дурно пахнущий терем на окраине, в первый же час спела под гитару подряд три романса об африканских страстях, то не покажется удивительным ералаш, возникший в голове у Коки. Потом ему под видом коньяка был поднесен покрашенный чаем свекольный самогон, и не успел Кока додумать мысль о подмене, как был уже одурманен и лежал в постели без штанов и, главное, без душегрейки. Растолкали его среди ночи не женские руки. И голос, приказавший в темноте убираться подальше, тоже не принадлежал женщине. Душегрейку ему вернули, но она была теперь первозданно легкой, такой, как ее сшила портниха в Омске.

На рассвете Кока прибрел к дому турка, разбудил его и потребовал объяснений. Но тот взбеленился и спросил у Коки документы, которых, разумеется, не было. И хозяин вышвырнул его на улицу. Кока плакал жгучими злыми слезами, испытыв на своей шкуре, что

такое обман и предательство. Но это научило его лишь одному: предавай всегда первый.

Прокляв Одессу, Кока решил пробираться на север, в Москву. Но попал туда только через год.

От Одессы до Киева и от Киева до Харькова не было села и города, куда не заглянул бы Кока на своем тернистом пути в белокаменную столицу. Жил он все это время спекуляцией. Тогда-то и зародилась в нем жилка, определившая на многие последующие годы его способ существования.

Период с двадцатого по тридцатый год не поддается более или менее подробному описанию, потому что был слишком калейдоскопичен. Достаточно перечислить должности и профессии, в которых пробовал свои силы возмужавший Кока, чтобы оценить многогранность его дарования.

Он был рассыльным в книжном издательстве; ассистентом оператора на киностудии; сочинял и дважды напечатал стихи и однажды в кафе поэтов выпросил у Маяковского книжку с автографом (которой не упускал случая похвастаться, будучи стариком); во время нэпа служил секретарем какого-то мудреного товарищества на паях; потом давал уроки музыки нэпманшам, хотя сам умел играть по памяти только вальс «Амурские волны», а нот не знал и слуха не имел; выступал в качестве конферансье на эстраде и работал страховым агентом; был оценщиком в комиссионном магазине и театральным кассиром.

Профессии менялись, но оставался неизменным общий фон — спекуляция на черном рынке.

В начале тридцатых годов Кока понял, что надо обзаводиться прочным служебным положением, и поступил в строительный трест юрисконсультom, предварительно заручившись хорошо подделанной справкой, что окончил когда-то три курса юридического факультета. Специалистов даже с незаконченным высшим образованием тогда крайне не хватало, и в зубы коню не смотрели. А в знании законов и в расторопности Коке отказать было нельзя. К тому времени он поселился в комнате на Большой Полянке и зажил степенной холостой жизнью.

До 1938 года все протекало прекрасно. Но вот в наркомат, где работал юрисконсультom Кока, пришел — кто бы мог подумать! — тот самый Герман, анархист

и махновец. Правда, с тех пор как изменчивый Кока разорвал в приазовских степях их добровольный союз, скрепленный кровью в Казани, Герман прошел очень длинный путь и давно забыл свои полудетские увлечения. Разочаровавшись в анархизме, он покинул махновцев, встретил в скитаниях умных людей и пошел за ними твердо и сознательно. Эти люди оказались большевиками. Герман командовал эскадроном в буденновской коннице, потом его назначили командиром полка. Он был трижды изрублен шашкой в кавалерийских атаках, несколько раз ранен пулями и осколками. В двадцатом году его приняли в партию. Разумеется, он не скрывал в анкетах свои анархические увлечения.

Герман не узнал сначала Коку, но тот напомнил, и друзья обнялись по-мужски, крест-накрест. Кока через неделю написал заявление в партком наркомата о махновском прошлом Германа. Германа арестовали, а Кока заслужил, таким образом, репутацию бдительного работника. Нет, Кока не считал свой донос бесчестным поступком. Он был уверен, что всего-навсего упредил события, так как, по его глубокому убеждению, иначе Герман написал бы донос на него. Ничего не подделаешь: каждый судит о других по самому себе, меряет всех своей собственной меркой.

Итак, которое же по счету предательство совершил Кока? Рано подводить итог, ибо главное предательство впереди.

Промежуток между 1938 и 1959 годами пуст по части измен. Надо лишь отметить, что в этот период Кока сильно разбогател на подпольных махинациях с иконами, золотыми монетами царской чеканки, брильянтами и, наконец, валютой.

1959 год достойно украсил биографию Коки. Летом он познакомился на почве общего интереса к драгоценным камням с респектабельнейшим атташе по вопросам культуры посольства одного из западноевропейских государств. С тем самым, который теперь занесен советской контрразведкой в дело под кличкой Антиквар.

Сей Антиквар недолго обхаживал Коку. Они оба были стреляные воробьи, им не требовалось прощупывать друг друга с помощью пробных шаров. Антиквар готов был платить, а от Коки ожидалось не столь уж много. Однако мы погрешили бы против истины, если бы стали утверждать, что Кока согласился исполнять невин-

ные на первый взгляд поручения Антиквара из одной только неумной жажды денег. У него и своих к тому времени вполне хватало. Вульгарно купить его можно было в тридцатом году, когда он смотрел на мир голодными глазами, но не в пятьдесят девятом.

Нет, Кока действовал по убеждению, продавался, так сказать, по идейным соображениям. И к тому же он, видимо, соскучился — давно никого не предавал.

Может быть, какую-то роль сыграла здесь также пощечина, полученная Кокой пятью годами раньше. Герман вышел из заключения реабилитированный, разыскал Коку и хотел его убить. Но он был стар не по летам и очень слаб, с Кокой ему бы не справиться, и он удовлетворился одной пощечиной. И имел еще наглость сказать на прощание, что если Кока рассчитывал задавить его своим доносом, погасить веру во все почитаемое Германием как святыня — веру в человека, в народ и в партию, — то он, Кока, ошибся.

В общем, какие мотивы были основными, а какие побочными — неважно. Важно то, что Кока прошел иудиной тропой до конца. И причитающиеся ему серебрики получал исправно.

ГЛАВА 10. НА СЛУЖБЕ У АНТИКВАРА

Деятельность Коки на службе у Антиквара поначалу носила сугубо прозаический характер. Хронометраж одного дня даст об этой деятельности достаточное представление.

Однажды Антиквар попросил Коку вот о чем. Надо несколько раз съездить в пригород Москвы, где расположен большой номерной завод, и просто послушать, о чем говорят рабочие. На территорию завода Коку, конечно, не пустят, но недалеко от главной проходной есть большая закусочная, у завода имеется также отдел кадров и бюро пропусков, куда не возбраняется заходить кому угодно. Что же Кока должен там делать? Ровным счетом ничего. Только слушать, запоминать, а вернувшись домой, составить подробную записку обо всем услышанном.

Кока отправился на завод рано утром и начал с бюро пропусков. В довольно большом помещении бюро много народу. Возле окошка стояла очередь, у застекленной телефонной будки — тоже. Стены подпирали

маявшие в ожидании мужчины и женщины, вероятно командированные.

Кока со скучающим видом встал возле будки.

— Алло, алло! Мне главного технолога... Девушка!.. Мне начальника вашего... Я ж издаюла, второй день торчу здесь без толку... За блоками... Да, с объекта номер пять... А когда он будет?.. Ну все равно, закажите хоть пропуск...

Взъерошенный молодой человек вышел из будки, а его место занял представительный дядя.

— Три-семнадцать, пожалуйста... Товарищ Ермолин? Это опять я, Прохоров. Что же получается, товарищ Ермолин? Мы просили головки бэ-ка-эр-восемь, а вы нам выписали пэ-ка-эр-восемь. Что? Нет, вы напутали... Но это же минутное дело... Да? Ну хорошо, спасибо... Что?.. Да уж постараемся.

Затем говорил военный.

— Четыре-десять... Алло, Леонид Петрович вернулся? Соедините меня с ним, пожалуйста... Леонид Петрович? Это майор Сухинин. Да, да... Пусковые прошли успешно... Я по другому поводу... Да, закажите, пожалуйста... Зовут Сергей Константинович... Спасибо.

Следующий — высокий подтянутый молодой человек с усиками.

— Главного инженера... Алло, Галина Алексеевна? Здравствуйте, это я, Гончаров... Главный у себя? Да, соедините... Дмитрий Михайлович, здравствуйте, это Гончаров с Волги, из ящика двадцать девяносто три. У нас по тысяча первому изделию есть предложение... Да, прислали меня обсудить. Хорошо. Есть!

У будки стоять дольше показалось Коке неудобным, к тому же его внимание привлекла встреча друзей. Два веселых парня столкнулись в дверях, начали на радостях хлопать друг друга по плечу, прямо на самом проходе, но их попросили отойти в сторону. Кока подвинулся к ним поближе.

— Ну здорово!

— Здорово!

— Ты откуда?

— С десятой площадки. А ты?

— С шестой.

— Жарковато?

— Соль добываем со спины.

— Давай меняться.

- Ты что, замерз?
- В сентябре при минусе живем. Замерзнешь...
- Пусковые были?
- Порядок. Точность — единичка.
- Везет вам! А у нас отложили.
- Что такое?
- Да ерунда в общем-то. Утечка кислорода...

Тут мимо них прошел от окошка к дверям пожилой человек. Он заметил не останавливаясь:

- Эй, молодцы, растрещались как сороки...

Оба взглянули на него, потом друг на друга, и один сказал:

— Ладно, Шурка. Ты уже с пропуском? В третий цех? Я тоже туда. Дождешься меня?

- О чем речь!

И они разошлись. А Кока направился в отдел кадров.

Выяснив там, каких специальностей рабочие требуются заводу, он пошел в кафе-закусочную. Был день получки, и, закончив смену, молодые парни компаниями шумно рассаживались, в буфете выпивали и, прежде чем разойтись, немного говорили по душам. Например, Кока запомнил, а придя к себе, записал такой коротенький разговор.

— Нет, Василь, мне обидно. В прошлом году на монтаже «Сибири» почти в полтора раза больше платили.

- Так сейчас же упростили монтаж?

- На два узла.

— Хотя бы на два. Но чего тебе горевать? Ее скоро совсем с производства снимут.

- Иди ты!

- Честно.

- А что будет?

- Не знаю. Говорят, для самонаводящихся.

- Хорошо бы...

Казалось бы, ну чего тут важного? Но Кока понимал, что эти отрывочные, разрозненные сведения, попав на стол опытных специалистов и аналитиков, могут приобрести огромную ценность. Ведь умеют же ученые по одной-единственной косточке воссоздать весь скелет какого-нибудь птеродактиля или динозавра. Во всяком случае, Антиквар оставался неизменно доволен составляемыми Кокой записками.

Пока их взаимоотношения были исключительно торговыми, Антиквар не боялся свободно встречаться с Кокой. И прежде всего велел Коке подыскать кого-нибудь понадежнее и поудобнее для связи. Таким образом на арене появился молчаливый пространщик Кондрат Акулов. Удобнее трудно придумать.

Самое последнее задание Антиквара заключалось в том, что Кока должен разыскать в Москве одного человека и навести о нем как можно более подробные справки. Фамилия — Борков, зовут — Владимир Сергеевич. Антиквар не дал Коке адреса Боркова, хотя и знал, где Борков живет. Так полагалось для контроля.

Когда Кока по телефону сказал Юле, что забыл имя и фамилию знакомого Риммы, для которого он доставал доллары, — это был тот редкий случай, когда Кока говорил правду. Получив от Антиквара записку и прочитав ее, он начал мучительно вспоминать, когда и где мог слышать эту или очень похожую фамилию. В последний год у него действительно, кажется, развился склероз, он стал забывать даже имена своих самых старинных клиентов. Он только знал, что фамилия «Борков» напоминает ему о чем-то недавнем.

Услыхав от Юли, что друга Риммы зовут Владимир Борков, Кока сначала испытал радость удачи, а затем глубоко задумался. Что же это значит? Каким образом и в какой связи стало известно его шефу имя человека, которому Кока полтора месяца назад продал двести долларов? Неужели еще возможны на свете такие невероятные совпадения? И случайность ли это?

Кока был тертый калач. В любых делах, с любым партнером он всегда строго придерживался одного правила, которое давало ему преимущество и которое он сам сформулировал так: если умеешь считать до десяти, останавливайся на девятке. Твердо усвоив закон, что в нынешний век сильнее тот, кто лучше информирован, он старался быть осведомленнее своих партнеров, но не показывал им этого.

И в данном случае он не собирался делать исключения. Не по-хозяйски было бы с его стороны выкладывать Антиквару сразу все. Поэтому Кока в своем сообщении лаконично доложил, что Борков им разыскан и что он постепенно начнет собирать о нем сведения. Однако, прибавил Кока в конце, это весьма не просто и не скоро делается. Антиквар в ответном зашифрованном

письме, переданном, как всегда, через Кондрата Акулова, уведомлял, что они должны в ближайшее время встретиться в подходящих условиях с глазу на глаз, чтобы обсудить серьезный вопрос, не терпящий отлагательства.

ГЛАВА 11. ГРИМ ДЛЯ БЫВШЕГО ЛАГЕРЯ

Этот обширный лесной край прорезала единственная железная дорога, прямая как стрела. Она была похожа сверху на голый ствол с одинокой ветвью, потому что от дороги отходила единственная ветка, дугообразная, терявшаяся где-то в густых лесных дебрях.

На конце этой ветки, если смотреть с большой высоты, висело нечто буро-ржавое, напоминавшее прошлогоднюю сосновую шишку. А если у кого была охота прошагать по ветке между двумя рыжими рельсами по источенным, полусгнившим шпалам до самого ее окончания, тот мог увидеть несколько неожиданную картину: железнодорожный путь упирался в забор из колючей проволоки, со сторожевыми вышками на углах, которые издали казались скворечниками, а пространство, огороженное забором, было застроено длинными деревянными бараками. Тлен и запустение царили во круг.

Здесь когда-то содержались военнопленные, бывшие офицеры гитлеровской армии, в подавляющем большинстве из войск СС. Они работали на лесозаготовках и могли считать, что им повезло. Отнюдь не все, что было, для нас поросло быльем, однако пленные давным-давно отпущены по домам, и лагерь, оставленный за ненадобностью на произвол ветра и дождя, заполонили буйные кусты и травы. Бараки осели и покосились, крыши сделались как решето.

И вдруг в один прекрасный день к лагерю подъехала мотодрезина, к которой была прицеплена платформа, нагруженная строительными материалами. Из вагончика спрыгнули на полотно люди в спецовках. Их было немного, всего пять человек.

Обследовав лагерь, они принялись за работу. Сначала напилили в лесу бревен, сделали подпорки для бараков. Затем приступили к починке крыш — вместо безнадежно проржавевших листов настилали новые. И в довершение покрасили крыши зеленой краской.

После этого подправили сторожевые вышки и приступили к очистке всей территории от густых зарослей. В ход пошли пилы, косы и топоры. Пять дней трудилась бригада, взглянула на дело рук своих и осталась довольна.

Случись тут посторонний наблюдатель, он был бы немало озадачен. Что за чертовщина? Кажется, эти люди намеревались реставрировать заброшенный лагерь. Но тогда почему же они сделали все на скорую руку, тят-ляп? Подлатали крыши, подперли готовые рассыпаться бараки, расчистили землю — и убрались. Нет, всерьез так ничего не восстанавливают. Недоумение возросло бы еще больше, если бы после этого наблюдатель обнаружил, что на заброшенной железнодорожной ветке появился старенький маневровый паровоз и с ним пять изношенных пульмановских вагонов. А через несколько дней на этом паровозе был доставлен к лагерю человек, привезший с собой четыре небольших металлических ящика. Он вырыл между бараками четыре неглубокие ямки, положил в них эти ящики и присыпал их сверху слоем земли. И уехал.

Если же нашему наблюдателю пришлось повоевать во время Великой Отечественной войны, то у него в конце концов, несомненно, возникли бы определенные ассоциации. Он подумал бы о широко распространенном на войне способе, при помощи которого сбивали с толку авиаразведку противника. Например, делалось так.

На огромной поляне расположились огневые позиции дальнобойной артиллерии резерва главного командования. Подъезды и подходы к батарее тщательно замаскированы, землянки личного состава укрыты в лесу, над каждым орудием растянута громадная маскировочная сеть.

В недалеком соседстве, тоже на поляне, стоят такие же по размерам орудия, но деревянные. Они тоже замаскированы, но маскировка носит следы намеренной небрежности.

Фашистский самолет-разведчик — его звали «рамой» или «костылем» — прилетит, покружит над плохо замаскированной деревянной батареей, сообщит по радио своим артиллеристам данные для стрельбы. Через десять минут на ложную позицию обрушивается беглый огонь крупнокалиберных стволов. Пилот «рамы» смотрит с неба, засекает попадания и радуется: через пол-

часа можно считать батареею несуществующей. К ночи, глядишь, нисколько не пострадавшая настоящая батарея подает свой смертоносный голос. А специально выделенная команда делает новые орудия — деревянные, конечно. Потом выбирает новую полянку и устанавливает на ней свои гигантские игрушки.

И опять прилетает «рама»...

Труд, затраченный на создание ложных артиллерийских позиций и аэродромов, даже если это и казалось иному ленивому солдату пустой блажью начальства, всегда оправдывал себя сторицей.

То, что было сделано с заброшенным лагерем военнопленных, напоминало старый военный прием. Дряхлые бараки были, если можно так выразиться, омоложены посредством косметического грима. Был имитирован ряд производственных зданий с характерными признаками объекта оборонного значения. Подновлена железнодорожная ветка. А замаскированные радиоэлектронные установки и специальные закладки будут, когда это нужно, издавать сигналы, излучать волны, которые обязательно засекут и зафиксируют те, кому этого очень уж хочется. Одним словом, все было так, как бывает в действительности, с той лишь разницей, что никакого развернутого производства здесь нет и не предвидится.

Лагерь военнопленных располагался именно в том квадрате, в котором был помечен стратегически важный объект, указанный в последней радиограмме, переданной Павлом в разведцентр от имени Надежды. Загримированный вскоре после отправки этой радиограммы по приказу полковника Маркова лагерь представлял теперь собой вместе с железнодорожной веткой вполне подходящий объект разведки. Можно было предполагать, что иностранный разведцентр не оставит без внимания столь важное сообщение Надежды и перепроверит его.

Какими бы точными и всепроникающими ни представлялись небесные автоматические шпионы, оснащенные самыми последними достижениями науки и техники, все-таки живой человеческий глаз во многих случаях бывает вернее и нужнее. Вот почему Антиквар, вызвав Коку на свидание, убедительно просил его совершить дальнюю поездку и снабдил фотоаппаратом, смонтированным в роговых очках. Кока не ожидал подобного

поручения, он думал, что речь пойдет о дальнейшем изучении Владимира Боркова и, между прочим, так и сказал шефу. Но тот ответил, что Борковым они займутся — и очень серьезно — несколько позже, а сейчас необходимо ехать.

Инструкции были короткие и несложные. Антиквар нарисовал схему железной дороги, пометил на ней две станции, между которыми от дороги отходит влево ветка. Кока должен выбрать такой поезд, чтобы он следовал по этому участку в светлое время суток, — вообще-то можно сфотографировать и ночью, но днем надежнее. Заранее предвиделись затруднения: на помеченных станциях, вероятно, дальние поезда не задерживаются, пролетают их с ходу. Через стекло фотографировать нельзя, даже если окна в поезде будут незамерзшие. Следовательно, придется Коке проявить изобретательность, придумать что-либо, исходя из обстановки.

Антиквар без особого труда научил Коку пользоваться фотоаппаратом. Чтобы сделать снимок, надо нажать пальцем медную головку винтика, соединяющего правую дужку с оправой стекол. Вторичный нажим переводит пленку на следующий кадр. Всего в пленке пятьдесят кадров, но Кока, наверное, успеет сделать всего два-три...

15 декабря Кока выехал на восток. Поезд был выбран удачный: он проходил нужный участок около одиннадцати часов утра.

Как и предвидел шеф, Кока испытал при съемке неудобство. Окна в мягком вагоне были не просто замерзшие — их стекла покрылись пухлой изморозью толщиной, пожалуй, в палец. Двадцать минут простоял Кока в ледяном тамбуре, чтобы не пропустить ветку, отходящую влево от дороги. Каждые пятнадцать-двадцать секунд открывал дверь, очень боясь при этом, что вагон качнется и его вышвырнет. Мимо все время шастали туда-суда пассажиры в ресторан. Один, увидев, что Кока открывает дверь, поинтересовался: «Вы что, папаша, прыгать собираетесь? Не советую. Холодно там».

Кока в сердцах проклинал шефа, думал о том, что тот совершенно не знает жизни и, посылая его в эту поездку, не учитывал реальных возможностей. Ну разве

может здравомыслящий человек рассчитывать, что из поезда, несущегося со скоростью восемьдесят километров в час по бескрайней лесной глуши, покрытой белым саваном снега, удастся заметить ничем не обозначенную ветку? И кто должен заметить? Человек, впервые едущий по этой дороге. И не просто заметить, а еще и успеть сфотографировать. И стоя не на твердой земле, а в тамбуре немилосердно раскачивающегося вагона при открытой двери, под обжигающим ветром.

Но Кока всегда был везучим. Он вовремя открыл дверь, увидел ветку и на ней вдали паровоз и сделал три снимка. В Москву он вернулся 22 декабря с выполненным заданием и жестоким насморком: стояние в тамбуре не обошлось даром.

ГЛАВА 12. ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО

«Здравствуй, Михаил!

Твое письмо и обрадовало меня и огорчило. Что с тобой произошло?

Когда ты так неожиданно исчез, я подумала: значит, попал в какую-то нехорошую историю, связался с преступниками. И не хотелось в это верить, а другого объяснения у меня не было. Да и все у нас решили так же, почти все.

Зла я на тебя не держала, но обидно было до слез, что ты меня обманывал. Ни одной женщине не пожелаю пройти через то, через что прошла я.

До самого Сашкиного рождения ходила, как побитая собачонка, глаз от земли не поднимала. Потом понемногу стала оживать, а тут ты о себе напомнил. Нет, не подумай, я тебя не забывала никогда, но эта посылка денег меня покорила. Грубо все вышло, нечисто, не по-людски. Деньги твой посланец подбросил в коляску. Я знала, что деньги от тебя. Больше не от кого было. И после этого окончательно уверилась, что ты связался с нечестной компанией. Потому что честные люди так не поступают.

Ну ладно, тут дело ясное. У тебя своя голова на плечах, ты давно уже не мальчик и можешь распоряжаться своей судьбой, как считаешь лучше. Не мне тебя учить. Самое обидное в другом. Зачем ты меня обманывал, лгал по мелочам? Вот ты говорил, будто живешь в плохоньком домишке на окраине, это была неправда.

А история с моей поездкой в Москву? Я ведь тогда была глупая и наивная, верила тебе целиком. У меня мелькнула догадка, что не все так просто, как ты объяснил, но тебе я доверялась больше, чем себе. А теперь ты просишь извинения за эту поездку. Значит, тоже врал? Вот что обидно. Меня всегда учили: говори только правду, даже самую горькую. Ты поступал иначе. Не считай это упреками, но высказать тебе все я должна. И покончим с эгим. Расскажу о Сашке.

Можешь радоваться: он очень похож на тебя, теперь это уже видно. И нос, и глаза, и лоб совершенно твои. Моего, конечно, нет ничего. Очень живой и веселый мальчик. Растет нормально, на редкость спокойный, очень редко плачет и особенно не капризничает. Соседки даже удивлялись. Крепкий, здоровый, ничем пока не болел. В общем, все отлично, только вот не знаю, правильно ли я ему отчество дала — Михайлович. Фамилия-то у него настоящая, моя, а вправду ли ты Михаил? Может, тебя зовут по-другому? Но ничего, переживем. Раз записала Михайловичем — пусть так и будет. Ты для меня останешься тем Михаилом, которого я знала.

Думаю, тебе будет интересно послушать, как реагировали на твое исчезновение в парке. Начальник долго не хотел верить: мол, как же так, образцовый работник и прочее. Слива, чью машину ты взял (помнишь его?), горячо тебя благодарил (в кавычках, конечно). Его разбитую машину пришлось сдавать в ремонт.

Ну вот, кажется, я написала все, что могло интересовать тебя. Теперь поговорим о том, что не дает покоя мне.

Твое письмо пришло не по почте, его принес нарочный. Он сказал: если я пожелаю ответить, то должна передать свой ответ в областное управление КГБ. Из этого нетрудно сделать и заключение. Не такая уж я дура, чтобы не сообразить. Ты арестован, но за что? Что же такое должен натворить человек, чтобы его забрали в КГБ? Неужели ты предатель? Или, боже упаси, шпион?

Это не укладывается у меня в голове. Откровенно скажу тебе: готова была простить и уже простила авансом, если бы ты оказался замешан в какую-то уголовщину. Я уверена была, что ты по своей доброй воле не можешь сделаться вором или бандитом, а если сделал-

ся, то виноваты тут какие-то твои темные дружки, старые связи, которые ты не мог разорвать по каким-то причинам.

Нет, ты не можешь быть предателем и тем более шпионом. Но тон твоего письма меня смущает, что-то очень плохое и неладное произошло. Но что? Такие вопросы, догадываюсь, не имею права задавать. Разве что самой себе.

Кто же ты все-таки есть на самом деле? То вдруг мне кажется, что ты почему-то не наш, а вроде бы иностранец, так, во всяком случае, вытекало из твоего письма. Потом с отцом какая-то непонятная история. Нет, я совсем запуталась и ничего не понимаю. К сожалению, твое письмо не у меня и по этой причине я не могу вновь к нему вернуться и уже в более спокойной обстановке еще раз все взвесить.

Понятно одно: ты был не тот, за кого выдавал себя. Неужели ты и со мной просто так, по-человечески, был тоже двуличным? И все твои слова, которые говорились только для меня, были игрой? Это было бы слишком подло.

Не хочу скрывать. Я отношусь к тебе теперь уже не так, как прежде, но ты мне не чужой и никогда чужим не сделаешься. Я хочу с тобой встретиться. Возможно ли это? Может быть, мне попросить в КГБ о свидании? Если тебе разрешат написать еще раз, объясни, как мне поступить. Ведь если позволили послать это письмо, то, наверное, отношение к тебе не такое уж плохое. Разузнай все и постарайся ответить. Буду ждать с нетерпением. Я сейчас в таком состоянии, сама себя не узнаю. Даже Сашка чувствует, как я мечусь. Но постараюсь найти равновесие.

Что еще написать? Сначала не хотела, но потом подумала, что ты должен это знать, хотя тебе будет неприятно. Дом, в котором ты жил, сгорел. Дотла. И в нем погиб твой хозяин, старик (кажется, его фамилия Дембович). Я несколько раз ходила на пожарище, но потом там на калитку повесили замок. Участок так и пустует с тех пор.

Посылаю тебе фотокарточку Саши. Здесь ему ровно год.

Передай от меня большое спасибо тем, кто разрешил нашу переписку. Живу я нормально. Лишнего не имею, а все необходимое есть. Не жалуюсь.

Желаю тебе самого лучшего. Главное — будь хоть теперь честным перед людьми и перед самим собой. Мария».

ГЛАВА 13. БРЮССЕЛЬСКИЙ ШЛЕЙФ

Кока и Антиквар встретились на Москве-реке. Первым прибыл на лед Кока. Он был похож на заправского, выдавшего виды рыбака и ничем, кроме большой и совершенно новой заячьей шапки, заметной издали даже на туманной, бело-сизой полосе заснеженной реки, не отличался от остальных любителей подледного лова, ревниво сидевших каждый над своей лункой. Кока выбрал удобное место — под довольно высоким берегом, с которого свисала надо льдом старая ива, — наверное, ее узкие листья летом купались в воде. Пробуравив коловоротом две лунки, он наладил мормышки и устроился поудобнее на складном своем парусиновом стульчике. Все это мероприятие не доставляло ему удовольствия, он вообще никогда не ловил рыбу ни на удочку, ни на блесну, а подледный лов был ему тем более чужд, и потому весь камуфляж, предложенный Антикваром, представлялся Коке излишним и неудобным. Кока ради этой встречи должен был покинуть теплую постель, уютную комнату и сейчас торчать здесь, на этом проклятом морозе.

Антиквар явился раньше, чем ожидал Кока. Он оставался недалеко, пробил себе лунку, сел на такой же, как у Николая Николаевича, парусиновый стульчик и опустил в черную воду мормышку. Сидели, смотрели в лунки, издали интересовались успехом соседей, которым попадались окуньки величиной с мизинец. Прежде чем подойти к Коке, Антиквар по пути к нему останавливался у нескольких рыбаков и подолгу задерживался около них, интересуясь ходом клева. И наконец подошел к Коке. А Кока к тому времени окончательно замерз и был зол.

— Здравствуйте и не сердитесь, — сказал Антиквар. — Что вам удалось узнать?

— Работает в научно-исследовательском институте. По вывеске институт принадлежит Союзглавхимкомплекту, но не так давно его сделали номерным, и вывеска — просто ширма, — отвечал Кока таким тоном, словно тема разговора была ему до смерти скучна.

— Как вы сказали? Союз... хим... Что это обозначает?

— Это главк. Главное управление Совета народного хозяйства. Занимается вопросами комплектования оборудованием предприятий химической промышленности.

Лицо у Антиквара стало сосредоточенным, как будто он разгадывал замысловатый ребус.

— Мне трудно запомнить, — сказал он. — Вы потом напишите это на бумаге.

Кока вяло улыбнулся и потер озябшие руки.

— По-моему, союзкомплект вам будет неинтересен. Я же говорю: это лишь вывеска. Институт занимается другими делами.

— Какими?

Кока пожал плечами.

— А вам не кажется наивным ваш вопрос? Если бы я это знал, зачем тогда нужен этот парень?

— Но, может быть, вам известно в общих чертах?

— Увы...

— Хорошо. Что вы еще выяснили?

— Он холост. Ухаживает за красивой молодой женщиной. Живет один. Имею его телефон.

— Выпивает?

— Не могу пока сказать. Не знаю.

— Член партии?

— Тоже не знаю.

— Надо все это выяснить. И еще один важный момент. Проверьте его по местожительству. Поговорите с соседями. Только осторожно.

— Хорошо, постараюсь.

Кока в душе подсмеивался над своим собеседником. Он знал о Владимире Боркове пока не так уж много, но, во всяком случае, гораздо больше, чем рассказывал Антиквару. Он по-прежнему придерживался правила: если умеешь считать до десяти — останавливайся на девятке. И чувствовал себя перед лицом партнера уверенно, как вооруженный до зубов и закованный в броню конквистадор перед обнаженным индейцем, у которого в руке жалкое тростниковое копье.

Уж что-что, а сопоставлять факты и делать из этого выводы Кока умел. Сейчас у него в руках были два факта. Первый: он, Кока, продал Владимиру Боркову перед поездкой последнего в Брюссель двести долла-

ров. Второй: по возвращении из Брюсселя им заинтересовалась иностранная разведка. Поначалу Кока задал себе вопрос, случайно ли это совпадение? Теперь, по тщательном рассмотрении, он категорически отвечал: нет, не случайно, а вполне закономерно. Но сразу вставал другой вопрос: на чем основана эта закономерность? Однако тут для Коки все было предельно просто: на свойствах человеческой натуры. В данном случае у Коки не вызывала сомнений элементарная схема: Борков, отправляясь за границу в служебную командировку, купил доллары. В Брюсселе, имея лишние деньги, дал себе волю и, вероятно, попал в какую-то скандальную историю, связанную с вином и женщинами, — те, кто ищет легкомысленных любителей развлечений, чтобы использовать их в своих целях, каким-то образом заполучили материал, компрометирующий Боркова. Дальше, по логике вещей, в схеме должен значиться шантаж, и лучшим доказательством в пользу такого вывода служит тот факт, что вот они вдвоем с Антикваром находятся сейчас на рыбалке.

Дело, которое начинал Антиквар, Кока про себя называл «Брюссельским шлейфом». Он подумал: интересно, какое выражение лица будет у его партнера, если вдруг ни с того ни с сего произнести название этого города? Скорее всего лицо его выразит крайнюю степень удивления.

Заманчиво было бы поглядеть... Но Кока не таков. Он не собирается ради секундного удовольствия обесценивать перед шефом свои собственные услуги.

Антиквар выпил из термоса несколько глотков горячего кофе и наконец прервал молчание.

— Слушайте внимательно, Николай Николаевич, — сказал он, вытирая платком губы. — Этот Борков мне нужен. От него потребуются некоторые сведения.

— А он знает о том, что нужен вам? Или, как в старом анекдоте, осталось только уговорить Ротшильда?

Но Антиквар не принял иронического тона.

— Будет знать. Вы ему об этом сами и сообщите.

— Но захочет ли он?

— Вероятно, захочет.

— За деньги?

— Деньги тоже кое-что значат. Но сначала выслушайте меня.

— Да, я весь внимание.

— У меня имеются кое-какие документы. Вот они. — И он вложил Коке в валенок аккуратный пакет из целлофана.

Кока внутренне ликовал. Ну конечно, все идет как по нотам!

— Вы встретитесь с Борковым, — продолжал Антиквар. — Где — по вашему усмотрению. Обязательно в уединенном месте, потому что вам придется демонстрировать документы Боркову...

«Объясняет как маленькому», — с неприязнью подумал Кока.

— ...Ему будет неприятно увидеть эти документы. Они его могут скомпрометировать, если станут известны, предположим, органам госбезопасности или его начальству по службе.

— Шантаж, — несколько разочарованно определил Кока.

— Да, разумеется, — отрезал Антиквар. — А тот мальчик... как его?.. который ездил по вашей просьбе за пробами земли... Эго что — не шантаж?

— То другая масть. У нас с Аликом Ступиным были деловые связи.

— Я вас не понимаю, — сердито сказал Антиквар. — Вы потеряли желание сотрудничать с нами?

— Нет, почему же, — поспешил возразить Кока. — Просто я предвижу, что такие методы в отношении этого Боркова могут оказаться неподходящими. Это не Алик Ступин. Гораздо сложнее.

— Ну так вот. У вас в валенке несколько фотографий. На них изображен Борков. Его снимали в Брюсселе, куда он ездил по делам службы. Вы, конечно, догадываетесь, что к службе изображенные моменты не имеют ни малейшего отношения. — Антиквар взглянул на Коку.

— Да, — сказал Кока. — Это элементарно.

— Покажите фотографии не сразу. Сначала объясните ему, что вам известно кое-что о его похождениях в Брюсселе. Поиграйте с ним, посмотрите, с какого бока лучше подойти. Может случиться, что до фотографий дело при первом свидании не дойдет, они останутся у вас в резерве. Предложите ему работать с вами за наличный расчет. От него потребуйте немного — только сведения в рамках его личных служебных обязанностей.

— Он спросит, кем я уполномочен...

— Заинтересованными лицами.

— Но если он потребует, так сказать, официальных полномочий?

— Какие же еще полномочия, если вы ему подробно напомним его брюссельские похождения? — раздраженно спросил Антиквар. — Все и так должно быть понятно. Вы же не святой дух — каким же образом вам стало известно то, что произошло в Брюсселе?

Тут только Кока осознал, что его озабоченность по поводу полномочий действительно должна казаться шефу совершенно излишней. Он не осведомлен о связи Коки с Борковым на почве долларов. Сам же Кока был уверен, что Борков, когда зайдет речь о Брюсселе, рассудит примерно так: «Старик берет меня на пушку. Продал мне доллары. Он знал, что я еду за границу. А поведение молодого человека с деньгами в кармане можно представить себе каким угодно, было бы воображение». К тому же Кока вспомнил, что при встрече с Борковым в доме у Риммы он задавал Боркову двусмысленные вопросы. Поэтому у Коки были все основания беспокоиться о полномочиях.

Мысленно ругнув себя тугодумом, Кока сказал:

— А если он категорически откажется?

— Тогда предъявите фотографии. Между прочим, на одной из них — репродукция его служебного удостоверения.

— Удостоверение ему теперь уже наверняка сменили. У института другой режим. — Кока слегка задумался. — Понимаете, у меня какое-то двойственное ко всему этому отношение.

— Именно?

Кока опять забыл, что шеф не знает о долларах, и чуть было не ляпнул о своих впечатлениях от встреч с Борковым. Он хотел сказать, что, с одной стороны, Борков кажется ему вполне подходящим объектом для обработки, но, с другой стороны...

— Никогда нельзя определить заранее, как они себя поведут, такие люди, — сказал Кока. — Он может пойти и заявить в Комитет госбезопасности.

— Думаю, что не пойдет.

— Почему вы так уверены?

— Стилль поведения за границей у Боркова был достаточно красноречив. Он завяз по уши.

— Ну, знаете ли, молодой человек может по легкомыслию закутить и слегка поскользнуться. И не при-
дать этому особого значения. Но когда речь идет о на-
рушении гражданского долга, они рассуждают несколь-
ко иначе.

— Речь идет также о его карьере.

Кока прищурился.

— Ах, дорогой шеф, у нас в понятие о карьере вкла-
дывают немножечко не тот смысл, к которому привык-
ли вы. Русский человек может плюнуть на любую са-
мую роскошную карьеру в самый неожиданный момент.
И потом, видите ли, сейчас не те времена.

— Вы опасаетесь, что он донесет?

— Не «донесет», а просто исполнит свой естествен-
ный долг.

— А пример Пеньковского?

— Вот именно, пример...

— Я могу назвать другие имена, — сказал Анти-
квар, и по тону чувствовалось, что он вот-вот взорвет-
ся. — Их наберется немало. И не надо приплетать сю-
да особенности национального характера.

— Исключения только подтверждают правило, —
меланхолично заметил Кока.

И тут Антиквар не выдержал.

— Послушайте, милейший Николай Николаевич.
Как прикажете вас понимать? Уж не хотите ли вы
меня распропагандировать? — Он даже побледнел
от гнева. Бросив взгляд через плечо, продолжал
совсем тихим шепотом: — Нашли место для дис-
куссий!

Кока сник. Вид у него был виноватый.

— Мне кажется, — произнес он примиряюще, —
мы пускаемся в опасную комбинацию. Поэтому надо
исходить из худшего. Кто же предупредит нас, если не
мы сами?

Антиквар смягчился. Потрогав леску пальцами,
сказал:

— Мы впервые разговариваем в повышенном тоне.
Надеюсь, впредь этого не будет. Вы правы, безусловно,
предстоящее дело требует осторожности. Я не буду вас
торопить. Приглядитесь к этому человеку получше.
Понаблюдайте за ним. В людях, по-моему, вы разби-
раетесь, определить его характер вам будет несложно.
И подходящий момент для решительного разговора вы-

брать сумеете. — Он откашлялся, сделал паузу. — Риск есть, но не такой уж большой...

— Сколько времени вы мне дадите? — спросил Кока.

— Не будем устанавливать сроки. Но чем быстрее, тем лучше. Скажем, в пределах этой зимы.

— Связь та же? — Кока имел в виду Акулова.

— Да. Но если вам понадобится передать что-нибудь срочное, позвоните по телефону, который я вам дам. Звонить надо из автомата. Наберите номер и подождите, пока снимут трубку. Когда снимут, ничего не говорите, повесьте трубку и позвоните еще раз. Держите трубку до пятого гудка. И после этого разъединитесь. Таким образом я буду знать, что мне следует срочно явиться к Акулову.

— Хорошо.

Напоследок Антиквар сказал:

— Попробуйте вовлечь его в свои коммерческие дела. Такая возможность есть?

Кока подумал минуту и ответил:

— Можно попробовать. Если он даст себя затянуть...

— Если, если, — буркнул Антиквар. — С вами сегодня просто нет сил разговаривать. Скажите прямо: я мало вам плачу?

— Ладно, не сердитесь. Не в деньгах суть... Просто я не такой оптимист, как вы.

ГЛАВА 14. ПОЕЗДКА С СЮРПРИЗОМ

Когда Павел вошел в камеру к Надежде, тот лежал, закинув руки за голову.

Надежда поднялся рывком, сел на край кровати. Он уже привык к почти ежедневным приходам Павла и, как всегда, был обрадован. Павел обещал принести какую-то интересную книгу, но в руках держал лишь маленький сверток.

— Все откладывается, — сказал Павел, заметив разочарование на лице Надежды. — Нам предстоит небольшое путешествие.

— Куда? — насторожился Надежда.

— Едем в Ленинград. Встряхнись и побрейся. — Павел положил сверток на стол. — Воспользуйся моей бритвой. Мы взрослые люди. Я был бы последним глупцом, если бы думал, что ты не понимаешь моей зада-

чи. Я хочу, чтобы ты коренным образом изменил свой взгляд на некоторые вещи. И вообще на жизнь. Ты же понимаешь это?

Надежда молча кивнул головой.

— Ну вот, — продолжал Павел, — теперь я хочу, чтобы ты своими глазами увидел кое-что. Как говорится, для закрепления пройденного. Думаю, оценишь откровенность...

— Давно ценю.

— Тогда брейся.

Они выехали в Ленинград «Красной стрелой». У них было двухместное купе. Павел занял нижнюю полку.

Они улеглись, едва экспресс миновал притихшие на ночь, укрытые пухлым снегом пригороды Москвы. Но сон не шел.

Вагон мягко покачивало. Темное купе то и дело освещалось матовым, как бы лунным, светом пролетающих за окном маленьких станций, и во время этих вспышек Павел видел, как клубится под потолком голубой туман, — Надежда курил.

Павла уже начала охватывать дремота, когда он услышал тихий голос сверху:

— А почему именно в Ленинград?

Павел повернулся со спины на правый бок, положил голову на согнутую руку и сонно ответил:

— Хороший город.

— Я знаю, что хороший. Отец рассказывал. Рисовал мне грифелем на черной досочке улицы и дома. Он там родился.

— Он тебе рисовал Петроград, а не Ленинград.

— Разве перестроили?

— Нет. Центр остался прежним. Дело не в архитектуре.

— Его же сильно бомбили...

— И обстреливали тоже. Но раны все зализали.

— Отец читал в газетах, будто во время войны шпиль Адмиралтейства специально укрывали, чтобы не пострадал от осколков. И даже конную статую царя Николая тоже. Он не верил. Это правда?

— Да. Все статуи укрывали.

— Ты был тогда в Ленинграде?

— Тогда я еще под стол пешком ходил под руководством мамы в столице нашей Родины. Но после войны каждый год хоть разок, но езжу.

— Родственники есть?

Павлу было уже не до сна. Он откинул одеяло.

— Дай-ка папиросу.

Закурив, снова лег, поставил пепельницу себе на грудь и сказал:

— Мой отец в семнадцатом году был матросом на Балтике. А погиб под Пулковом. В январе сорок четвертого. Когда блокаду снимали.

— Он был профессиональный военный?

— Кадровый, ты хочешь сказать? Нет. До войны строил мосты. А воевал заместителем командира полка по политчасти. Раньше их называли комиссарами.

Надежда долго молчал, затем спросил несвойственным ему робким тоном:

— Ты ему памятник на могиле поставил?

— Могила братская. Без меня поставили.

— Офицер — в братской? — не скрыл удивления Надежда.

— Погибшие в бою званий и чинов не имеют, — строго, как прочитал эпитафию, произнес Павел. — Если бы каждому убитому и умершему от голода ленинградцу отдельную могилу — земли не хватит. — И прибавил после долгой паузы: — А не поспать ли нам? В Питер прибудем рано...

Проводник разбудил их без пятнадцати восемь. Зимнее утро только занималось.

Наскоро умывшись, они выпили по стакану горячего чая и вышли в коридор, сгали у окна. Впереди по ходу поезда в белесой дымке восхода угадывались размытые силуэты домов.

Павел и Надежда пошли в вокзальную парикмахерскую. Они ничего не брали в дорогу, ни портфелей, ни чемоданов, и это помогло им сразу почувствовать себя ленинградцами, а не приезжими.

Побрившись, вышли из вокзала, постояли на площади.

День выдался редкостным для зимнего Ленинграда. Крепкий сухой снег скрипел под ногами, сверкал ослепительными кристаллами. Небо нежно голубело.казалось, наступает какой-то праздник — до того весело выглядела площадь и широкий Невский проспект, убегающий от площади вдаль, к золотой игле Адмиралтейства.

— Ничего на ум не приходит? — спросил Павел,

взглянув в сосредоточенное и вместе с тем как будто растерянное лицо Надежды.

— Стихи... — сказал тот задумчиво. — Вспоминаю стихи. И не могу ничего вспомнить.

— Ладно. — Павел хлопнул Надежду по плечу. — Давай-ка для начала позавтракаем.

Они зашли в молочное кафе на Невском. Съели по яичнице, выпили по стакану сливок и по две чашки кофе. Надежда ел без аппетита, но торопливо, словно стараясь побыстрее покончить с необходимой формальностью.

— Так, — сказал Павел бодро, когда они покинули кафе. — Теперь надо обеспечить жилье. Айда в гостиницу.

Надежда взял его за рукав.

— Слушай, Паша... — Он замялся. — Только куда-нибудь в такую, где не было бы иностранцев...

— Чего захотел! — рассмеялся Павел. — Тут круглый год туристы со всего света. Да что они тебе?!

— Просто так... Не знаю...

— Ну, ну! Это мы понять можем. Ладно. Поедем в «Россию». Далековато, но зато новенькая, туристским духом еще не пропиталась.

Павел хотел взять такси, но Надежда упросил поехать городским транспортом. Тогда Павел предложил воспользоваться метрополитеном. Однако Надежда предпочитал ехать по поверхности, чтобы можно было смотреть на город. Поэтому сели в троллейбус.

Свободных мест в гостинице по обыкновению не оказалось, но Павел пошептался с администратором, и им дали прекрасный номер на двоих на шестом этаже. В номере они пробыли недолго. Не раздеваясь, почистили друг другу щеткой пальто, отдали ключ дежурной по этажу и сбежали вниз.

— Ну так что? — спросил Павел, шагая чуть впереди Надежды. — Город в нашем распоряжении. Не начать ли с Эрмитажа?

— Я хочу видеть все, — сказал Надежда голосом, совсем незнакомым Павлу. Он был взволнован.

— Положим, это невозможно, но что успеем, то наше.

— Сколько мы тут пробудем?

— Три дня.

Четыре часа они ходили по тихим залам Эрмитажа,

пока не ощутили ту непреодолимую, совершенно особую усталость, которая появляется только в музеях. После этого бродили по Невскому, по набережной Невы, на резком ветру, дувшем с залива, и утомление как-то незаметно растворилось в морском воздухе. Обедали в ресторане недалеко от Гостиного двора, и на этот раз Надежда ел с аппетитом.

Потом отправились в оперный театр. Вечером шел балет «Спартак». Билетов, разумеется, в кассе не было, и Павлу пришлось проявить чудеса красноречия, чтобы выдать у администратора два места в ложе, бронированной какой-то сверхжелезной броней.

Надежда весь спектакль не обменялся с Павлом ни единым словом. Всю дорогу к гостинице он молчал, глубоко уйдя в себя и нимало не смущаясь тем, что это может показаться невежливым его спутнику. Лишь когда улеглись в постель и погасили свет, Павел услышал, как Надежда словно в полусне произнес негромко:

— Враг номер один.

— Ты о чем? — спросил Павел.

Надежда ответил не сразу.

— Там, откуда я приехал, все это вместе взятое называется «враг номер один».

— Подходящее название, — усмехнулся Павел.

На следующее утро за завтраком они составили план похода по знаменательным местам Ленинграда. Надежда думал, что план этот рассчитан на два оставшихся дня, но Павел сказал:

— Все это мы должны выполнить сегодня.

— Но ты же говорил, едем на три дня...

— Завтра будут другие дела.

Какие именно, Павел не объяснил, а Надежда спросить постеснялся.

С девяти утра до десяти вечера они не присели ни на минуту. Не ели, редко курили и почти не разговаривали. Только смотрели и слушали. Иногда, правда, Павел комментировал кое-что в своей иронической манере, но это не влияло на состояние Надежды.

Из домика Петра отправились в Петропавловскую крепость, а оттуда, надышавшись настоящим на холодном камне воздухом казематов, поехали в светлый Смольный. Затем был Казанский собор, где они долго стояли над прахом фельдмаршала Кутузова. А после собора — Пискаревское кладбище, по которому они хо-

дили, сняв шапки. Когда покидали кладбище, Павел сказал, что где-то здесь среди многих десятков тысяч погребенных лежит и его отец. Надежда приостановилась, посмотрел на Павла, хотел молвить что-то, но не нашел слов.

Вернувшись в центр, они хотели подняться на Исаакий, но, к сожалению, он уже был закрыт, и, поужинав в великолепном ресторане гостиницы «Астория», они поехали к себе, чтобы пораньше лечь спать. Даже Павел устал от непрерывного хождения и обилия впечатлений, а о Надежде и говорить не приходилось. Больше года он вел малоподвижный образ жизни и теперь с непривычки еле держался на ногах.

В половине одиннадцатого Надежда разобрал постель и лег. Павел вышел из номера, объяснив, что надо уладить кое-какие дела с администратором. Отсутствовал он минут двадцать, а когда вернулся, Надежда уже спал глубоким сном...

Проснувшись утром, Надежда не обнаружил Павла в номере. На столе лежала записка: «Буду в девять». Он побрился, потом оделся, спустился в вестибюль за газетами и снова поднялся к себе в номер.

Он сидел у стола и читал, когда в дверь постучали. Надежда вздрогнул. Кто бы это мог быть? Павел входил без стука. Может, просто ошиблись номером? Стук повторился, робкий, тихий.

— Да, войдите!

Надежда поднялся, шагнул к двери. В этот момент она отворилась. На пороге стояла Мария.

Газета выпала из рук Надежды. Он застыл, подавшись вперед. Мария смотрела на него прищурившись, словно издали.

— Ты? — не веря глазам, только и мог сказать Надежда.

Мария закрыла дверь.

— Как видишь...

— Где же Саша? — спросил Надежда, все еще не двигаясь с места.

— Дома оставила. Он с подружкой моей, с Леной. Не хотелось мучить малыша, я ведь самолетом...

Надежда наконец вышел из столбняка. Приблизившись, он обнял Марию и прижался лицом к ее густым каштановым волосам.

Потом они сидели в обнимку на его застеленной кровати.

— Ну как ты, что ты? — спрашивал Надежда. — Рассказывай.

— Сначала ты.

— Нет, раньше о тебе и о Сашке.

Мария вспомнила эти два года, показавшиеся ей десятью, и были моменты в ее рассказе, когда Надежда опускал голову. Мария прерывала себя, без нужды утирала платком нос, говорила: «Вот так, значит...» — и продолжала.

Выслушав, Надежда долго сидел понурившись.

— А как твои дела? — прервала молчание Мария.

Он медленно повернулся к ней.

— Я все сказал тебе в письме. Все, на что имел право.

— Что же теперь?

— Не знаю. Если мне поверят до конца... — и осекся.

— Это возможно? Зависит от тебя?

— Не имею права молить об этом. Если бы заглянули в душу, поверили бы... Без этого жить незачем...

— Что ты говоришь, Миша?

— Нет, накладывать на себя руки не собираюсь. Чепуха. Старое. — Он прошелся перед нею, пинком отодвинул стоявший на дороге стул. — Мне двадцати лет не хватит, чтобы рассчитаться по всем счетам. Эх, Мария, Мария! Как мне хорошо сейчас, если бы ты только знала.

Надежда поднял ее, притянул к себе, поцеловал в губы...

В три часа явился Павел. Он говорил с Марией как с давнишней знакомой, никакой неловкости между всеми троими не ощущалось совершенно.

— Спасибо вам за все, — сказала Мария.

— А теперь, увь, пора расставаться. Вот билет на самолет, отлет в семнадцать часов.

— Так быстро?! — воскликнул Надежда и посмотрел испуганно на Марию.

— У вас еще все впереди, — ответил Павел.

— Да, да... это верно... мне пора... там ведь Сашок, наверное, заждался... — смущенно сказала Мария.

— Такси у подъезда. Я подожду в машине. — И Павел покинул номер.

Через двадцать минут Надежда и Мария подошли к такси. Они поехали провожать Марию на аэродром. Прощание не было грустным.

— До скорой? — спросила Мария, поставив ногу на нижнюю ступеньку трапа.

— Может, до скорой... — ответил Надежда. — Я люблю тебя. И Сашку люблю... Слышишь?!

— Да, да...

Павел с Надеждой уехали в тот же вечер из Ленинграда. В пути не разговаривали. Уже в Москве, когда шли по перрону, Надежда, глядя под ноги, произнес глухим прокуренным голосом:

— Слушай, Павел... Не знаю, как сказать тебе...

— Ладно, — откликнулся Павел. — Когда-нибудь скажешь...

ГЛАВА 15. ПАРТНЕРЫ, ДОСТОЙНЫЕ ДРУГ ДРУГА

На следующий день после встречи с Антикваром Кока приступил к выполнению полученного задания. Справочное бюро через тридцать минут снабдило интересующим его адресом, а уже через час он звонил в квартиру, где жил Борков.

Дверь долго не открывалась.

Наконец недовольный старческий голос:

— Вам кого?

— Я из Госстраха, можно на минутку?

— Страхи, госстрахи... — открывая дверь, беззлобно передразнил старичок, седенький, в аккуратной жилетке с меховой подпушкой.

Старичок строго оглядел Коку и, картинно наклонившись, жестом руки пригласил его в комнату.

— Милости просим, сударь. Я вас слушаю.

— Николай Николаевич, — представился Кока.

— Дмитрий Сергеевич, — ответил старичок.

Кока пространно разъяснил цель и задачи государственного страхования, рассказал о выгодах для граждан, пользующихся его услугами. Красноречие Коки подействовало на Дмитрия Сергеевича, и он охотно застраховал не только свою собственную, но и жизнь своей супруги Татьяны Ивановны. Когда формальности были закончены, Кока поинтересовался соседом по квартире.

— Живет тут один молодой человек, — ответил Дмитрий Сергеевич.

— Он дома?

— Нет, на работе, придет поздно, сказал, партийное собрание.

— Досадно.

— А вы что, сударь, получаете с охвата?

— Конечно.

— Ну тогда не печальтесь. Володя Борков страховаться все равно не будет — молод и здоров.

— Он давно здесь живет?

— Раньше меня въехал.

— Не беспокоит?

— Да всякое бывает.

— Что — пьет, шумит?

— Бывает... Татьяна Ивановна его воспитывает.

— И помогает?

— Не всегда.

— Ну, извините, Дмитрий Сергеевич, за беспокойство. Благодарю вас. До свидания.

— До свидания, сударь.

Кока для вида зашел в соседнюю квартиру, а затем, довольный своим визитом, покинул дом. Бланки Госстраха, взятые им у знакомого, оказались как нельзя кстати и помогли успешно решить задачу. Однако проверка Боркова на этом не заканчивалась. Теперь Кока искал нового случая для встречи с ним.

Благовидный предлог подвернулся сам собой. 15 января 1964 года Кока встретил возле дома Юлю, разговорились, и Юля сказала, между прочим, что в субботу, 18 января, у нее день рождения. Коке не стоило труда получить от нее приглашение.

Восемнадцатого ровно в семь вечера Кока явился к Юле домой. Гости еще не прибыли. Юля познакомила его со своими родителями, которые были заметно удивлены, что у их дочери такой пожилой друг. Юля коротко объяснила, что Кока живет по соседству, и, кроме того, их связывают общие друзья, — она имела в виду Римму и Боркова. Родители, по-видимости, были удовлетворены этим разъяснением. Однако Кока видел, что он не очень-то им приглянулся.

Кока вручил Юле подарок — серебряный браслет старинной работы, редкую вещь, долго хранившуюся в его коллекции. Юля была в восторге.

К восьми гости наконец собрались. Пришло человек пятнадцать, все — молодые люди. Были среди них и Римма с Борковым.

Кока сел за стол рядом с Риммой, по правую руку от нее. По левую занял место Владимир. Он был серьезен и не слишком разговорчив. Казалось, какая-то забота лежит у него на душе.

Но тост следовал за тостом, становилось все веселее и непринужденнее, и Кока, который позволил себе выпить лишь совсем немного сухого вина, замечал, что Борков постепенно оттаивает. По робкой просьбе Юлиных родителей договорились за столом не курить, выходить в коридор или на кухню. Вскоре курильщики начали отлучаться по очереди на несколько минут.

Увидев, что Борков достал из кармана сигареты и зажигалку, Кока, попросив извинения у Юли и Риммы, поднялся из-за стола.

— Душно там, — сказал он Боркову, когда тот появился следом за ним в коридоре.

— Да, жарковато, — согласился Борков, закулив и выпустив клуб дыма к потолку.

— Как поживаете, Володя? — задал банальный вопрос Кока. — Давненько вас не видел...

— Да по-разному. Вернее, жизнь в полоску.

— Простите?.. — не понял Кока.

— Ну, полоска красная, потом полоска черная, потом опять красная. С переменным успехом, в общем.

— Полагаю, так даже интереснее.

— Возможно. Но лучше было бы без черных полосок.

— А отчего же они появляются?

— Да по разным причинам.

— На работе нелады?

— Всякое бывает и на работе. У нас иначе нельзя. Век такой.

— А вы, если не секрет, кем служите?

— Это не секрет. Я инженер-конструктор. Придумываю разные машины и приборы.

— Много получаете?

Кока опасался, что Борков сочтет его вопросы назойливыми, но тот как будто не придавал этому мимолетному разговору в коридоре ровно никакого значения и отвечал с уже знакомой Коке ленивой иронией.

— Человек так устроен — ему всегда мало, сколько ни получай. Не мне вас просвещать.

— Я спросил не из простого любопытства, — сказал Кока серьезно. — Вы мне симпатичны, и вот у меня появилась мысль — не могу ли я быть вам полезен.

— В чем? — со вздохом спросил Борков. — Валюта мне больше не понадобится, за границу не собираюсь.

— Я не валюту имею в виду.

— Что же тогда?

— Мне нужна помощь в одном деле. Для вас это было бы вроде сверхурочной работы. Оплата, уверяю, очень даже неплохая.

Борков посмотрел на него долгим взглядом и сказал:

— С вами опасно связываться. Вы же валютчик, но, простите, старый человек. А я молодой специалист, мне еще жить да жить. Молодому специалисту из «почтового ящика» лучше не иметь дел с валютчиками.

Кока подумал, что его шеф, пожалуй, был все-таки прав, когда рассуждал по поводу карьеры.

— Я не навязываюсь, — произнес он, словно бы искренне разочарованный. — То, что я собирался вам предложить, не имеет к валюте никакого отношения. А насчет того, что я стар, вы правы.

— Не хотел вас обидеть, — сказал Борков. — Простите.

— Ничего, я не из обидчивых. Но жалко, что вы отказываетесь. Могли бы прилично заработать.

— Криминал в этом есть? — спросил Борков.

Кока усмехнулся.

— Отчасти.

— В чем должна заключаться моя помощь?

— Думаю, понадобятся ваши знания. Как инженера.

Борков был слегка удивлен.

— Если есть криминал, то при чем здесь инженерные знания? Отмычки делать, что ли?

— Зачем же так примитивно? Я со взломщиками не вожусь.

— Не скажете же вы, что у вас там частное конструкторское бюро или подпольная фабрика.

— Нечто в этом духе, — улыбнулся Кока.

— И каковы же будут мои обязанности?

— О деталях я пока ничего говорить не буду. Плохо

разбираюсь в технике. Мне важно ваше принципиальное согласие. А детали — ерунда.

— Но я-то нужен вам именно для деталей?

— Да. И я уверен, вы как раз тот человек, который справится с делом.

Тут из комнаты, где шумело веселое застолье, выглянула Юля.

— Володя! — крикнула она. — Как не совестно? Ушли на целый час. А ну-ка кончайте курить.

— Так продолжим наш разговор после? — тихо спросил Кока, беря Боркова под руку и направляясь к распахнутой двери.

— Можно продолжить, — ответил Борков.

— Я вам позвоню на днях.

— Хорошо. Только попозже вечером...

Кока оставил компанию, когда веселье было в самом разгаре...

В четверг 23 января около девяти часов вечера Кока позвонил по телефону-автомату Боркову домой.

— Я думал, вы уже отказались от своего проекта, — сказал Борков.

— Что вы, наоборот! — воскликнул Кока. — Чем больше размышляю на эту тему, тем больше убеждаюсь, что я прав.

— Узнали о деталях?

— Кое-что.

— Ну так выкладывайте.

— Это не для телефона. Могу я к вам сейчас заехать?

— Лучше бы на нейтральной почве...

— Давайте увидимся где-нибудь в ресторане.

— Сегодня не могу, — решительно отказался Борков. — Придется пить, а у нас завтра с утра ответственное совещание, нужно быть в форме.

— В какой день мне вас потревожить?

— Когда вам будет удобно.

Однако через два дня, позвонив, Кока снова услышал отказ. На сей раз Борков не мог встретиться потому, что у него сидела Римма.

На протяжении января Кока сделал еще две попытки, но Борков продолжал водить его за нос. Старик уже испытывал желание прекратить бесполезные окольные заходы и взять Боркова, что называется, за жабры напоминанием о Брюсселе. Решил позвонить в последний

раз, и тут вдруг Борков согласился увидеться. Он дал Коке адрес своего приятеля и сказал, что им там будет удобно все обсудить.

В назначенный час Кока приехал на Большую Грузинскую улицу, нашел нужный дом и поднялся по темной узкой лестнице на четвертый этаж — дом был старый, без лифта. Отдышавшись, надавил кнопку звонка два раза, как велел Борков. Тот сам открыл ему.

Свидание продолжалось долго. Вначале Кока посетовал, что Борков напрасно тянул время, не давая согласия. На это Борков ответил:

— Хотел проверить, насколько серьезны ваши намерения. Думал, вы так это, сгоряча, а потом остынете. Теперь вижу — ошибся.

Кока оценил расчетливость и здравомыслие Боркова. Он даже сказал, что Борков — вполне достойный партнер, несмотря на завидную молодость.

— Еще неизвестно, каким партнером я окажусь, — возразил Борков. — Излагайте.

Кока достал из кармана кожаный кошелек, порылся в нем и извлек золотую десятирублевую монету царской чеканки. Повертел ее в пальцах, подбросил на ладони — она сверкала как маленькое прирученное солнышко. Кока любовался ею. Может быть, в этот момент ему вспоминалась далекая юность, бандиты на станции Татарка и тяжелый мешок купчихи, недолгая жизнь среди махновцев и коварная одесская девица с французской фамилией и вологодским выговором... Наконец Кока поднял глаза на Боркова.

— Прежде всего мне нужна ваша консультация. Вот держите эту штучку. Разглядите ее хорошенько.

Борков взял монету.

— Ну десятка.

— Вы так пренебрежительно говорите, как будто каждый день размениваете по десяти золотых рублей.

— Нет, первый раз держу в руках. Какой же из меня консультант?

— Посмотрите, что там написано по торцу монеты, — попросил Кока.

Борков прочел вслух:

— Золотник, семьдесят восемь, запятая, двадцать четыре доли чистого золота. Ну и что?

Борков подумал минуту.

— Каким образом нанесена на монету эта надпись?

— Возможны несколько способов. Какой применялся в данном случае, не знаю.

— Так, так, так, — оживился Кока. — Вы знакомы с этой областью?

— Весьма поверхностно.

— Ну а если бы вас попросили изготовить штамп?

— Это очень сложно. Нужны специальные материалы и инструменты.

— Предположим, в вашем распоряжении будет все, что необходимо...

— В домашних условиях такую работу выполнить трудно.

— Говорят, в Китае пробовали в домашних условиях варить чугун, — пошутил Кока.

— Пробовали, — подтвердил Борков. — Но тем чугуном можно было только орехи колоть. Да и то земляные.

— Уверяю вас, Володя, мне известны кустары, которые на дому умеют изготавливать более сложные агрегаты. И буквально из ничего.

— У меня нет такого опыта. Обратитесь к кустарям, раз они вам известны.

Кока покивал головой.

— Да, но как раз машинку для накатки надписи на монету они сделать не могут. У вас же целый институт под рукой, там же, вероятно, есть всякие мастерские, лаборатории...

— Интересное у вас представление об институтах. Это же не частная лавочка.

— Но подспорье для частной деятельности, — возразил Кока. Ему начинало надоедать это затянувшееся препирательство. — Короче говоря, я хочу попросить вас, чтобы вы изготовили штамп.

Боркова этот деловой тон тоже устраивал больше.

— Что я буду иметь? — спросил он.

— Ну, скажем, на автомобиль. Вам нравится «Москвич»?

Борков не ожидал, что речь пойдет о такой крупной сумме. Он сказал:

— Вы подозрительно щедры.

— Не бойтесь, я внакладе не останусь.

— Сроки?

— Важнее качество, а не сроки. Но быстрее всегда лучше.

Борков закурил. Поднявшись из-за стола, взъерошил свои короткие волосы, начал вышагивать по комнате из угла в угол. Кока не мешал ему думать.

— Послушайте, Николай Николаевич, — остановившись, начал Борков, — штамп вам нужен не для того, чтобы колоть орехи?..

— Безусловно.

— Он должен быть употреблен по прямому назначению, то есть для производства золотых монет?

— Да.

— Но зачем нужно золото превращать в монету? Ведь оно от этого не повысится в цене, а труда на чеканку придется положить немало.

— Монету можно продать дороже, чем такое же по весу количество золота.

— Настолько дороже, что чеканка рентабельна?

— Да. Иначе не нашлось бы человека, чтобы заниматься этим хлопотливым делом.

Борков присел к столу.

— Ну хорошо. Попробую сделать машинку. На этом мое участие в вашем предприятии кончится?

— Конечно, больше от вас ничего не требуется.

— А попробовать машинку нужно же.

— Вы получите от меня монеты и опробуете. Почему вас этот вопрос так беспокоит?

— Я не хочу иметь дело ни с какими вашими компаньонами. Это же чистая уголовщина.

— Милый Володя, поверьте, риск совсем невелик. Вы представляете себе, какого сорта люди будут покупателями самодельных монет?

— Какие-то подпольные миллионеры, наверное...

— Именно! Так неужели вы думаете, что такой покупатель вдруг захочет сдать продавца монет в милицию?

— Все равно, — сказал Борков. — Не совсем понимаю, для чего нужно людям, имеющим золото и желающим его продать, превращать это золото в монету.

— Я же вам говорю, что монета стоит дороже. И вообще штучным товаром торговать легче.

Но Кока, как всегда, говорил не всю правду.

Борков попросил денег на производственные расходы по изготовлению штампа. Кока дал ему триста рублей и еще пятьсот в качестве задатка.

Изучая связи Николая Николаевича Казина, контрразведчики годом раньше вышли на одно узкое сообщество людей, которое показалось им по меньшей мере необычным.

Прежде всего поражала пестрота состава. Один из них, пятидесятилетний мужчина, семьянин, отец двух детей, имел высшее техническое образование и работал заместителем заведующего лабораторией твердых сплавов в большом институте. Второму было тридцать лет, он жил холостяком, имел на иждивении мать и работал гравером в комбинате бытового обслуживания. Третий числился инвалидом, получал на этом основании небольшую пенсию, а в далеком прошлом был известен Московскому уголовному розыску и блатному миру как высококвалифицированный фармазонщик и кукольник с непонятной, но довольно экзотической кличкой «Звон на небе» или просто «Звон», что уже не так экзотично. В миру же его звали Антон Иванович Пушкарев. Выйдя в последний раз из тюрьмы перед самой войной, Пушкарев «завязал», сочтя, вероятно, что возраст уже не позволяет заниматься прежними делами, — ему сровнялось тогда сорок пять — и переквалифицировался в спекулянты. Не брезговал и краденым, но с тех пор в руки закона не попадался. Четвертым в этом тесном содружестве был Кока, который его, собственно, и сколотил.

Собирались они всегда у Пушкарева, занимавшего двухкомнатную квартиру в районе улицы Обуха, недалеко от Курского вокзала. Лаборант и Гравер, как именovali двух первых товарищи, занимавшиеся этой группой, приходили к Пушкареву всегда со свертками в руках. Иногда также и Кока являлся на сборище с ношей — туго набитым портфелем.

Весь шестьдесят третий год группа собиралась регулярно раз в неделю, по субботам. Лишь Кока пропустил несколько свиданий.

Что роднило столь разных во всех отношениях людей? Для чего они сходились вместе по субботам?

Сначала предположили, что компания собирается ради пульки. Просиживали они у Пушкарева часа по три-четыре — как раз столько, чтобы разыграть «разбойника». Состояла компания из четырех или — когда

Кока отсутствовал — из троих: именно столько необходимо игроков для преферанса. А в приносимых свертках могла бы быть выпивка и закуска, что, как известно, преферансу не противопоказано.

Но скоро выяснилось, что друзья Коки не подвержены страсти к азартным играм. С помощью некоторых технических средств установили, что содержимым пакетов Гравера и Лаборанта и вместительного Кокиного портфеля, когда они приходили к Пушкареву, почти всегда были металлические предметы. Возникла версия, что в дом Пушкарева проносятся части какой-то машины.

Затем стало известно, что Лаборант остается на работе и ставит какие-то опыты со сплавами, а с недавнего времени почему-то заинтересовался далекой от его основной специальности областью — гальваникой.

В мастерской у Гравера была обнаружена разбитая гипсовая форма с оттиском лицевой стороны десятирублевой золотой монеты. Ее нашли в куче мусора в углу. Видно, Гравер не очень заботился о конспирации и посчитал достаточным расколоть форму на несколько крупных кусков, растереть же ее в порошок поленился.

Три эти факта, сведенных воедино, позволяли выдвинуть довольно убедительно выглядевшую версию, а именно: четверо во главе с Кокой всерьез намерены заняться изготовлением металлических денег.

Что привело каждого из членов этой корпорации к мысли организовать собственный монетный двор?

Относительно Коки вопрос был ясен. В свете всей его предыдущей деятельности это новое предприятие выглядело совершенно закономерно. Как выражаются театральные критики, тут все было в образе. Кока оставался верен себе. Сама идея выпуска золотых монет выкристаллизовалась у него уже давно, в процессе общения с подпольными дельцами, которые опасались держать нечестно нажитые деньги в сберкассе и страстно желали обратить их в благородный металл. То один, то другой прибегал к посредничеству Коки с просьбой найти царские монеты — почему-то именно такая «расфасовка» пользовалась наибольшим доверием. Коке не всегда удавалось удовлетворить заявки, добывать настоящие царские монеты становилось все труднее. Поэтому однажды у него и явилась естественная и счаст-

ливая мысль: а нельзя ли наладить производство этих монет на дому? Перед ним открывалась обширная и почти абсолютно безопасная сфера приложения сил. Подделывать, скажем, советские деньги, находящиеся в обращении, Кока никогда ни за что и себе бы не позволил и другим бы не посоветовал. Этот путь быстро привел бы на скамью подсудимых. А фабрикация царских монет — совсем другой коленкор. Тут обе стороны — определяющая спрос и создающая предложение — одинаково преступны и обе действуют тайно, не вторгаясь грубо в область государственной финансовой жизнедеятельности. Возможность разоблачения со стороны представителей спроса практически мизерно мала. Есть, правда, возможность получить когда-нибудь по морде, но это, как считал Кока, нисколько не снижало рентабельности задуманного предприятия. Главное было — не нарываться на частнопрактикующих зубных техников, которые делают людям золотые протезы. Почему именно их следовало опасаться, станет понятно из последующего.

Итак, идея была налицо. Для ее воплощения требовались исполнители со специальными знаниями и техническим опытом. А поскольку Николай Николаевич Казин обладал идеальным нюхом на все, что было с душком и червоточиной, то ему вскоре удалось разыскать подходящих соратников.

Гравера Кока раскусил и обработал в два счета.

Гравер окончил два курса Московского художественного института имени Сурикова. На третьем преподаватели ему объявили, что он совершенно не в ладах с перспективой и с рисунком и что живописца из него не получится.

Гравер решил стать абстракционистом. Он начал писать картины, которые, по его замыслу, должны были выглядеть очень свежо. Какое-то время он даже ходил в новаторах. Но потом вдруг все увидели, что картины Гравера писаны бездарной рукой, что они, попросту говоря, барахло. Гравер сильно обозлился и, склонный к аффектации, принял решение, по примеру Льва Толстого, опроститься. Таким образом появился он в граверной мастерской комбината бытового обслуживания, где все его творчество сводилось к вырезыванию дарственных надписей на металлических пластинках, часах, кольцах.

Неудавшийся художник жаждал материального благополучия. На этом и сыграл Кока, вовлекая Гравера в компаньоны. Специалисту по граверным работам в его проекте отводилась немаловажная роль — изготовление форм и чеканов.

Лаборант попался Коке случайно, явившись в комиссионный магазин с набором старинных бронзовых статуэток французского скульптора-анималиста Кэна. Кока по обыкновению пришел понюхать, не найдется ли чего-нибудь интересного среди сдаваемых на комиссию вещей.

Лаборант имел импозантную внешность и удрученное выражение лица. Так как Николая Николаевича Казина, словно гиену на пададь, тянуло к людям, испытывающим затруднения (а вдруг из этого можно извлечь пользу?), то не прошло и пяти минут, а они уже были знакомы.

Статуэтки у гражданина не приняли из-за дефектов, и это повергло его в отчаяние. Вышли из магазина вместе. Кока, не задумываясь, предложил ему займы, и тот после недолгих колебаний согласился взять с условием вернуть при первой возможности.

Они обменялись телефонами. Лаборант, чтобы у Коки не было сомнений, показал свое служебное удостоверение.

Когда при более близком знакомстве Кока узнал, что специальностью Лаборанта являются металлические сплавы, он решил привлечь его к осуществлению своего проекта.

Обязанности Лаборанта в корпорации определялись четко: найти способ производства монет-заготовок, из которых затем можно фабриковать фальшивые золотые десятирублевки.

Вовлекая Владимира Боркова, Кока говорил, что собирается делать золотые монеты. Но он, конечно, врал, иначе Кока не был бы Кокой. Лаборант и Гравер получили задание изготовить такую монету, которая была бы точной копией настоящей десятки по весу, размерам и внешнему виду, но состояла бы на три четверти из неблагородного металла и содержала только одну четверть золота, — надо сказать, Кока проявил известную щедрость по отношению к будущим покупателям, скалькулировав столь по-божески. Золото должно покрывать внутреннюю металлическую болванку доста-

точно надежным слоем, чтобы «царская водка» не могла выявить подделки.

Что касается четвертого участника, Пушкарёва, то о его возможностях и способностях Коке было известно еще со времен нэпа — судьба не однажды сводила их на различных перекрестках. Пушкарёв обеспечивал корпорацию помещением для монетного двора. Его прошлый опыт фармазонщика также мог пригодиться при реализации продукции. Сам Кока взял на себя заготовку сырья, то есть золота, и общее идейное руководство.

Такова была структура монетного двора и его личный состав. В течение года компаньоны проделали большую работу. Лаборант проявил подлинную изобретательность и после упорных усилий сумел найти подходящий сплав для сердцевин и метод нанесения на нее ровного слоя золота. Метод был гальваническим.

Гравер изготовил безупречные штампы. Затем они вместе с Лаборантом сконструировали целый литейный цех в миниатюре для непрерывной массовой отливки заготовок и гальваническую ванну, в которой на сердцевину будет наращиваться слой золота. Много времени отнял станок для чеканки, но в конце концов было найдено очень удачное решение.

Долго носили Гравер и Лаборант разрозненные детали оборудования. Им помогал Кока. Это оказалось самой нудной частью работы. Хорошо еще, что на чердаке дома, где жил Пушкарёв, с незапамятных времен валялась настоящая чугунная обливная ванна, а то бы худо им пришлось с доставкой главного узла для гальванического цеха. Такую махину ни в портфеле, ни под мышкой не принесешь.

Настал день, когда компаньоны в глубоком сердечном волнении склонили головы над блестящим золотым кружочком. Он был точь-в-точь как настоящая десятка. Только... Только одного не хватало. Как ни бились Лаборант с Гравером, они не в силах были найти способ выбить по торцу монеты надпись: «1 золотник 78,24 доли чистого золота». А без этого все их предыдущие достижения не стоили и гроша.

Казалось бы, по сравнению с уже преодоленными трудностями эта машинка — сущие пустяки. Однако Лаборант, как самый технически грамотный среди ком-

паньонов, должен был огорчить своих друзей, что решение вставшей проблемы, пожалуй, будет самым затруднительным делом. Без содействия специалиста, имеющего опыт в конструировании аналогичных приспособлений, тут никак не обойтись.

Предприятию еще в утробном состоянии грозила смерть. Глядеть на это спокойно Кока был не в силах, и он начал лихорадочные поиски выхода. Тут-то милостивая судьба и поставила на его дороге инженера-конструктора Боркова.

Вербуя его в свою корпорацию, Кока убивал двух зайцев — выполнял задание Антиквара и выводил из тупика монетный двор. Такого успеха он давно уже не добивался. Однако не так-то просто было заполучить от Боркова эту машинку. Кока злился на медлительность, Борков объяснял задержку объективными причинами.

Спустя месяц после беседы в доме приятеля Боркова на Большой Грузинской он вручил Коке небольшой, с обыкновенную нетолстую книгу, но необыкновенно тяжелый сверток, и Кока, попрощавшись с несвойственной ему торопливостью, поспешил к Пушкареву. Тотчас были вызваны Лаборант и Гравер. Машинку опробовали.

Через несколько дней Кока встретился с Борковым. Он был явно расстроен.

Машинка для дела оказалась непригодной, сделанные на штампе надписи не умещались по торцу монеты. К тому же они были очень нечеткими, особенно цифры.

Борков был раздосадован.

— Что вы говорите?! Неужели произошла ошибка в расчетах?

— Выходит, так.

— Может быть, сгодится все-таки?

— Если ничего не смыслите, лучше помолчите, — разозлился Кока. — Сколько вам потребуется времени для переделки?

— Учитывая некоторый опыт, недели три...

— Многовато. Но ладно. Через три недели зайду. Прошу повнимательнее.

Вскоре, еще до получения от Боркова новой машинки, компания Коки продала первую партию фальши-

вых монет приезжому из Тбилиси. Было похоже, что Коке удалось приобрести машинку каким-то другим путем.

Теперь работники ОБХСС считали, что «монетный двор» окончательно созрел для ликвидации, и внесли на этот счет предложение. Но представители КГБ решительно воспротивились. По оперативным соображениям на данной стадии преждевременно подвергать фальшивомонетчиков аресту. Арестовать Коку — значило провалить всю задуманную полковником Марковым операцию...

ГЛАВА 17. БОРКОВ ПРОЯВЛЯЕТ ХАРАКТЕР

Умолчав о подробностях истории «монетного двора» и о своей собственной в нем роли, Кока во всем остальном не поспешил на детали, и его отчет шефу получился весьма красочным. Он считал, что Владимир Борков, изготовивший хотя и не пригодившуюся машинку, но тем не менее сделавшийся соучастником преступной группы, отныне готов для вербовки. Антиквар рекомендовал не оттягивать.

Когда Кока по телефону попросил о встрече, Борков, ждавший гонорара за работу, быстро согласился. Они опять увиделись на Большой Грузинской.

Кока положил свою инкрустированную белым металлом палку на стул, снял тяжелое меховое пальто, повесил его на гвоздь, вбитый в дверь, и не торопясь подошел к столу, за которым, скрестив руки на груди, сидел невесело глядевший Борков.

— Ну-с, молодой человек, я ваш неоплатный должник, — тоном доброго дедушки, привезшего внуку гостинцы, начал Кока. — Вы отлично потрудились, а каждый труд должен быть вознагражден.

Борков усмехнулся, но заговорил мрачным голосом:

— Но ведь машинка-то еще у меня. Смотрю на вас и думаю: если у вас попросить взаймы, вы, пожалуй, дадите, но сначала произнесете речь о вреде алкоголя и об испорченности молодого поколения.

Кока театрально всплеснул руками.

— Неужели похож на такого нудного старикашку?! Ай-я-яй! Никогда не предполагал. — Кока плавным движением опустил руку во внутренний карман пиджака и двумя пальцами, оттопырив мизинец, извлек не-

большой пакетик пергаментной бумаги. — Вам не надо просить у меня в долг. Вы их заработали. Первый ваш образец все же пригодился. Мир, к счастью, не без дураков. — И он положил пакетик перед Борковым. — Двадцатипятирублевыми устроит? Здесь ровно тысяча.

Борков, не изменяя позы, метнул быстрый взгляд на деньги.

— Вы называли, кажется, другую сумму.

— Совершенно верно, — подтвердил Кока. — Но не волнуйтесь, в следующую встречу вы получите еще столько же. У меня сейчас просто нет при себе.

— Лучше было бы сразу, — недовольно бросил Борков.

— Неужели вам не хочется больше меня видеть? — Кока явно поддразнивал его и не скрывал этого.

Борков развернул пакет, взглянул на деньги, спрятал их в карман и сказал:

— Бросьте вы этот дурацкий тон, Николай Николаевич. Не идет. Чего вам от меня еще нужно?

— Помилуй бог, Володя! — воскликнул Кока. — Я просто предполагал, что на этом наша дружба не кончится. У нас могут и в будущем найтись общие интересы.

— Какая там дружба! — Борков махнул рукой. — Что между нами общего?

— Мы уже дважды были полезны друг другу.

— Ну и хватит. Неужели не понятно?!

— Я бы так категорически не отказывался. У меня вы всегда найдете возможность заработать на карманные расходы. Есть много способов.

— На карманные расходы? Например?

Кока опустил глаза, долго рассматривал свои коротко стриженные ногти, наконец произнес:

— Боюсь говорить. Боюсь, не так поймете.

— Да уж пойму. До сих пор получалось.

— Ну хорошо. — Кока как бы собрался с духом. — Вы можете, например, раз в два-три месяца составлять для меня коротенький отчет, что вам приходилось делать на работе, лично вам. За хорошую плату...

Борков съежился при этих словах, но тут же принял злой и презрительный вид. Наступило долгое молчание. Борков смотрел на Коку, плотно сжав губы, словно решив не отвечать вообще. Это выглядело как

предложение убираться к чертовой матери. Но Кока не отступал.

— Что же вы скажете?

— Вы, Николай Николаевич, сошли с ума. Обратитесь к психиатру.

— Это ничуть не страшнее, чем ваша машинка.

Борков порывисто встал, отшвырнул стул ногой и почти закричал:

— Ах, уже машинка моя?! Не ваша, нет! Моя! — Он стоял над Кокой со сжатыми кулаками.

Переход от полного спокойствия к бурной вспышке был так неожидан, что старик на мгновение растерялся.

— Не волнуйтесь, Володя, — сказал он примирительно. — Я не вкладывал в свои слова никакого особого смысла.

— Это шантаж! — по-прежнему громко выкрикнул Борков. — Вы провокатор! На кого вы работаете, старая сволочь?!

Кока вздрогнул как от пощечины.

— Я не заслужил... — начал было он, но Борков не дал договорить.

— Посмотрим! Я сейчас возьму тебя за шиворот и отвезу на Лубянку. — Сказав это, Борков сразу успокоился. — А ну-ка одевайся, дорогой мой вербовщик, я тебя сейчас завербую куда надо.

Кока почувствовал, что наступил решающий момент. Он тоже поднялся и встал перед Борковым.

— Хорошо, мы пойдем. Но вы не учитываете одного важного обстоятельства.

— Не валяйте дурака, — отмахнулся Борков. — Обстоятельства яснее ясного.

— Может быть, нам лучше обсудить все мирно, без крика?

— Одевайтесь! — приказал Борков.

Тогда Кока сел и невозмутимым голосом заговорил монотонно, как будто читал вслух чужую речь:

— Должен предупредить вас о следующем. Мне известно все, что случилось с вами в Брюсселе. Я, конечно, скажу там, куда вы меня собираетесь вести, и о Брюсселе, и о долларах, и о сделанной вами машинке. После этого, надеюсь, ваша судьба будет ненамного слаще моей. Учитывая все это, вы должны понять, что ваше намерение непродуманно, более того — безрассудно.

Борков склонился над Кокой, опершись рукой о спинку его стула.

— При чем здесь Брюссель, старая крыса?

— Я не крыса и не сволочь, — задыхаясь, прошептал Кока. — Ты щенок! Я этого не забуду. Ты еще пожалеешь, что оскорблял меня. На, смотри!

С этими словами Кока вынул из того же кармана, что и деньги, другой пакет — в плотной черной фотографической бумаге — и швырнул его на стол.

Борков развернул пакет, извлек из него пачку фотографий и начал медленно перебирать их.

Кока следил за ним с неприкрытым злорадством, угадывая по выражению лица, какую он карточку рассматривает в данный момент.

Вот он, Борков, сидит с женщиной за столиком в ресторане, они смотрят, улыбаясь, друг на друга с поднятыми бокалами в руках.

Борков и женщина танцуют.

Они же в номере гостиницы. Пьют вино.

Борков крупным планом — пьяное лицо.

На низкой кровати лежит Борков и рядом с ним в постели та же женщина.

Женщина обнимает и целует Боркова.

Борков и женщина. Оба раздетые.

Борков в трусах стоит около кровати и смотрит на дверь, а женщина держит в руках дамские принадлежности.

У кровати стоит растерянный Борков, рядом женщина с растрепанными волосами и двое полицейских в форме.

Борков и Филипп. Борков отсчитывает деньги.

Улица Брюсселя в яркий солнечный день. Метрдотель Филипп и Борков идут по тротуару плечом к плечу. Филипп смотрит прямо в объектив. Борков повернулся к своему спутнику и что-то говорит ему, протягивает большой сверток, который держит в левой руке. Вид у Боркова помятый и растерянный.

Точно такой же кадр, только теперь пакет держит Филипп. Он протягивает Боркову белый маленький конверт, стараясь делать это незаметно. Но жест отлично виден.

И наконец, последнее — репродукция служебного удостоверения Боркова в натуральную величину.

— Та-а-ак... — протянул Борков, сложив фотогра-

фии. — Сначала вы всучили мне доллары, а теперь шантажируете Брюсселем. Издалека зашли...

Кока уже окончательно оправился. К нему вернулась прежняя уверенность.

— Не говорите ерунды, — презрительно заметил он. — Не я вас искал, вы сами меня нашли, когда вам понадобилась валюта. Подозревать в предумышленности скорее можно вас, а не меня.

— Откуда же фотографии?

— Это другой вопрос.

— Не считайте меня дурачком. Таких совпадений не бывает. Значит, снабдили долларами, а потом на всякий случай сообщили туда, на Запад, что едет, мол, подходящий субъект. Так, что ли?

Только теперь, после того как Борков высказал свои предположения насчет заранее подготовленного шантажа, у Коки исчезли его собственные подозрения относительно Боркова и этого поразительного совпадения. Он с облегчением почувствовал, что не испытывает больше к Боркову прежнего смутного недоверия.

— Что вы действительно субъект — согласен. Остальное — чепуха, — сказал Кока.

— Кто дал вам фотографии? — снова спросил Борков, но уже тихим усталым голосом.

— Ишь чего захотели! — Кока даже развеселился. Он, кажется, начинал испытывать к Боркову нечто вроде сочувствия. — Вы еще не раздумали вести меня на Лубянку?

— Она от вас не уйдет, — мрачно откликнулся Борков.

— И от вас тоже.

— Наверное. Но я устал с вами разговаривать. Давайте кончать.

— Я с самого начала хотел, чтобы мы договорились побыстрее. Но у вас же амбиция... — Кока будто бы оправдывался. — Мое предложение вы уже слышали. Слово за вами.

— Что именно интересует вас в моей работе?

— Все, что вам приходится делать.

— Я должен излагать в письменном виде?

— Да.

— И передавать вам?

— Да.

Борков хлопнул ладонью по столу.

— Не пойдет.

— Почему? — удивился Кока.

— С вами я больше общаться не хочу.

— Но почему же?

— Вы валютчик и фальшивомонетчик. Да еще и шпион. Слишком много для одного человека. Вас быстро разоблачат.

Во второй раз Коке представилась возможность оценить рассудительность молодого партнера. И подивиться в душе, как может это редкое для молодых людей качество уживаться у Боркова с легкомыслием.

— Откуда вдруг такая щепетильность? — деланно обиделся он. — Какая вам разница?

— Если я должен кому-то передавать какие-то сведения, то предпочитаю иметь дело с человеком, который не на виду у милиции.

— Что вы, что вы! Я чист, я вне всякой опасности в этом смысле.

— Трудно сказать. Может быть, за вами давно следят. Одним словом, не хочу.

— Но это уж просто каприз. — Кока пожал плечами.

— Как вы не понимаете! — горячо воскликнул Борков. — Это что, игрушки, по-вашему? Или у вас и правда старческий маразм? И так я уже, к сожалению, слишком часто появлялся на вашей орбите.

— Одно с другим совершенно не связано, — заверил Кока.

— Нет, я еще раз говорю: с вами никаких дел.

Если бы записать эту беседу, как записывают на электрокардиограмме биение сердца, получилась бы ломаная линия, то взбирающаяся круто в гору, то стремительно падающая вниз.

Как ни старался Кока, Борков был непреклонен. Дав согласие доставлять интересующие Коку сведения, он категорически отказывался поддерживать с ним впредь какие-нибудь отношения. Кока предложил держать связь через третье лицо (имея в виду Кондрата Акулова), но и этот вариант Боркова не устраивал.

Ситуация еще больше осложнилась, когда к концу разговора Борков, измученный сомнениями, завел речь о том самом, что Кока при встрече со своим шефом на рыбалке называл полномочиями. Он потребовал доказательств, что Кока действительно связан с иностран-

ной разведкой. Старик пробовал возражать: какие же еще нужны доказательства связи, если перед Борковым лежат эти фотографии? Но Борков заупрямился и сказал, что если уж его хотят купить, то пусть покупает сам хозяин, а не перекупщик.

Кока видел, что переубедить Боркова не удастся. Разошлись, договорившись о том, что в ближайшие дни Кока известит Боркова о согласии с его условиями или они расстанутся навсегда.

ГЛАВА 18. ОПАСЕНИЯ АНТИКВАРА

Николай Николаевич, отчитываясь перед шефом о работе с Борковым, был объективен, не преувеличивал свои достижения, но и не умалял их. Он считал — и шеф с этим согласился, — что основное сделано.

Однако, перечисляя причины, по которым Борков отказался сотрудничать с ним, Николай Николаевич, разумеется, опустил валютный мотив.

Антиквару, если он не собирался бросать дело на полпути, оставалось лишь одно — предстать перед Борковым.

Когда были определены дата и место встречи, Кока увиделся с Борковым «для уточнения деталей», как он выразился. Во время короткого разговора Кока трижды повторил убедительную просьбу: Борков, в их общих интересах, ни в коем случае не должен говорить человеку, с которым встретится, что он покупал у Коки доллары. Борков обещал исполнить эту просьбу.

Антиквар не сразу решился на свидание с Борковым. Он колебался, опасаясь прямого контакта с совершенно незнакомой личностью, перед которой ему придется выступать открыто в качестве представителя иностранной разведки. Но соблазн заполучить в свое распоряжение по-настоящему ценного агента победил. Борков — не Николай Николаевич Казин. Тот хоть и ловек, но нигде не работает, не имеет общественного положения. Стариком можно пользоваться как мальчиком на побегушках, и только. А тут человек в расцвете сил, работающий в секретном учреждении и, судя по всему, с отличными данными для скорого продвижения по служебной лестнице.

Ему не нравилось, что встречаться с Борковым придется на той же квартире, где происходили свидания

Боркова с Кокой, но ничего лучшего придумать не удалось. Субботним вечером 7 марта Антиквар пешком пришел на Большую Грузинскую улицу.

Борков с первого взгляда произвел на него благоприятное впечатление. Молодой человек немного нервничал, но старался не выдавать этого перед гостем. Его сдержанность и серьезность вполне отвечали важности момента.

Фундамент, заложенный Николаем Николаевичем, избавлял Антиквара от длинных предисловий, и он сразу, как только они расположились за столом друг против друга, приступил к делу.

— Нам нужно поговорить о многом, а времени у меня мало, — сказал Антиквар, поглядев на часы. — Чтобы не разбрасываться, давайте поступим так: сначала я буду спрашивать, а вы будете отвечать. Затем наоборот. Хорошо?

— Согласен.

— Скажите, вы член партии?

— Да.

— Так. Какой у вас оклад?

— Сто семьдесят. Плюс премии.

— Недурно, кажется?

— Денег всегда мало.

— Положение на службе прочное?

— Да, вполне.

— Дело перспективное?

— Думаю.

Лаконичностью ответов собеседник все более располагал к себе Антиквара.

— Ваша работа имеет какое-нибудь отношение к военным приготовлениям?

— К обороне, — мимоходом поправил Борков. — Самое непосредственное.

Затем Антиквар предложил Боркову коротко рассказать о своей жизни. Биография была небогатая, ее изложение заняло пять минут. И опять последовали вопросы.

— Вам знакомо общее направление деятельности вашего института?

— Да.

— У него есть объекты на периферии?

— Есть. Несколько.

— Вам приходится бывать на них? В командировки посылают?

— Довольно часто. Раз пять-шесть в год.

— Режим на ваших предприятиях строгий? Обыскивают в проходной?

— Ну что вы! Конечно, нет.

— Вы лично имеете доступ к совершенно секретным документам?

— Да.

Положительно Антиквар начинал испытывать радость, какую приносит человеку только очень большая удача. Но тут он задал вопрос, который резко переломил настроение. И не только настроение. Этот момент можно считать поворотным пунктом в развитии событий.

— Почему вы не желаете иметь отношений с Николаем Николаевичем?

Антиквар спросил об этом между прочим, для разрядки, чтобы не замешивать тесто слишком густо. Борков впервые ответил пространно, и то, что он сказал, мгновенно сделало Антиквара мрачным и настороженным.

— С ним опасно, — убежденно, как о хорошо продуманном, заявил Борков. — Во-первых, он валютчик. Я это знаю потому, что сам пользовался его услугами. Когда наметилась поездка в Брюссель, я искал доллары. Меня свели с Николаем Николаевичем, и он быстро достал мне двести долларов... Сразу стало ясно, кто он такой... А сейчас за валютчиками охотятся и госбезопасники и обэхээсники... Вы понимаете, чем это грозит?

У Антиквара перехватило дыхание, будто его схватили за горло. Спокойное течение беседы, размеренный ход мыслей до этого создали настроение, которое можно было назвать благодушным. И вдруг все смешалось в голове у Антиквара, словно винт, на котором держалось равновесие, выдернули одним рывком. Ему показалось, что он просто ослышался.

— Николай Николаевич давал вам доллары?!

— Да. Двести.

— Он заранее знал о вашей поездке в Брюссель?

— Да.

Антиквар снял очки, прикрыл глаза ладонью, словно его раздражал свет люстры.

— Вы не знали об этом? — тихо спросил Борков. Антиквар молчал. Он, кажется, совсем забыл о присутствии собеседника. — Мне не нравятся такие совпадения, — сказал Борков.

Антиквар не реагировал. Как шахматист, восстанавливающий в памяти вслепую, без доски, сыгранную партию, он воспроизводил историю своего знакомства с Николаем Николаевичем Казиным. Слова Боркова о долларах были полной неожиданностью, свидетельствовали о двуличии Коки и ставили Антиквара перед неприятной необходимостью — решить, кто он такой, этот хитрый старик. И кто такой сидящий перед ним инженер Борков.

Когда Антиквар давал задание найти Боркова и навести о нем справки, Николай Николаевич ничем не выдал, что уже знает этого человека. Только очень тренированный лжец способен вести такую игру.

Кто завязывал узел? Что здесь — умысел или обыкновенное стечение обстоятельств?

Если это из разряда поражающих воображение, но не столь уж редких в жизни случайностей, то умолчание Николая Николаевича можно было легко объяснить: он хотел набить себе цену.

Альтернатива выглядела страшно: кто-то один из двоих — Казин или Борков — действует по тщательно разработанному плану.

— Могу я задать вам вопрос?

Голос Боркова не вывел Антиквара из задумчивости, и отвечал он механически.

— Да, пожалуйста.

— Хотел бы знать, кто вы...

— Сотрудник посольства... — От дружелюбного тона не осталось и следа. Антиквар надел очки и спросил совсем неприязненно: — Для вас это имеет значение?

— Да. В таком случае я должен сказать вам то же, что и Николаю Николаевичу.

— Я еще ничего не предлагал, — проворчал Антиквар.

Он понял, что ведет себя недостойно перед этим едва оперившимся птенцом, и тут же опять сделался любезным.

— Я пришел просто познакомиться... — Это звучало примирительно, но, заметив ироническую улыбку Бор-

кова, Антиквар добавил с насмешкой: — Вы очень нежно к себе относитесь.

— Такой дипломат, как вы, еще хуже, чем валютчик, — сказал Борков.

— Почему же?

— Спросите у Пеньковского.

Антиквар покачал головой.

— Ах вот оно что! Ну конечно, конечно...

Он вспомнил, что и Николай Николаевич называл на рыбалке фамилию Пеньковского, и готов был считать, что это тоже не случайно. Но отогнал навязчивую мысль — эта одиозная фигура была злобой дня, ее поминали по разным поводам все...

— Значит, мы с Николаем Николаевичем вас не устраиваем, — подвел итог Антиквар. — Ну хорошо... Можно поддерживать тесные отношения и никогда не встречаться лично. Такой вариант вам подходит?

— Это было бы лучше всего.

Антиквар вынул из пиджака коричневый бумажник, блокнот и авторучку. И сказал сухо:

— Поскольку мы понимаем друг друга с полуслова, давайте перейдем на язык деловых людей. Вот деньги — здесь не так много. Вот ручка и блокнот. Напишите на чистом листе следующее: «Аванс получил». И распишитесь.

Борков колебался. Он переводил взгляд с блокнота на бумажник, с бумажника на блокнот и кусал губы. Наконец спросил:

— Зачем расписка?

— Наша гарантия — деньги. С вашей стороны должна быть какая-то гарантия?

Борков взял авторучку, раскрыл блокнот, положил его поперек.

— Почерк менять не следует, — предупредил Антиквар. — Распишитесь, пожалуйста, как вы обычно это делаете.

Посмотрев на сделанную Борковым запись, он спрятал блокнот и ручку и поднялся со стула.

— Я ухожу. Вам придется встретиться еще только раз со мной или с Николаем Николаевичем. Чтобы условиться, каким образом мы будем держать связь.

— Когда это произойдет? — спросил Борков. Вид у него был подавленный.

Антиквар надел свое бобриковое пальто, дешевую шапку-ушанку.

— В ближайшее время. До свидания. — Антиквар поклонился.

— Всего хорошего. Я вас провожу.

— Нет, нет.

— До двери...

Антиквар, выйдя на свежий воздух и оставшись наедине с собой, вновь смутно ощутил нависшую над ним опасность. Он не мог отделаться от возникшего там, в комнате, откуда только что вышел, противного чувства. Он представлялся самому себе водителем машины, который крутит баранку и вдруг обнаруживает, что рулевое управление отказало и машина на полной скорости несется сама по себе.

Ему было невмоготу бездействие, хотелось немедленно предпринять какие-то меры, чтобы опасения, заползшие в душу, были бы подтверждены или развеяны. Остановившись под фонарем, он снял с одной руки перчатку, пошарил в кармане пальто, сгреб звякнувшую мелочь, поднес ее на ладони к глазам. Двухкопеечная монета нашлась.

На углу, где Большая Грузинская пересекает улицу Горького, Антиквар зашел в будку телефона-автомата.

Кока поразился, услышав голос шефа, и сразу сообщил, что произошло нечто серьезное. Было десять часов вечера, он уже собирался ложиться спать, намотавшись за день, но хотя слова шефа и звучали безобидно, однако вся усталость мигом слетела.

— Примите, пожалуйста, заказ на междугородный разговор, — сказал Антиквар.

— Плохо слышу. Повторите, — ответил Кока.

— Мне срочно нужен разговор с Баку.

— Вы ошиблись. Это частная квартира.

— Извините.

Впервые за их знакомство Антиквар прибег к вызову Коки на экстренную явку. Пароль звал Коку срочно явиться в заранее обусловленное место. Они встретились через час на Центральном телеграфе.

В переговорном зале, как всегда, было много народу. Антиквар заговорил со сдержанным негодованием, сквозь зубы:

— Вы знали этого субъекта задолго до того, как

услышали его имя из моих уст. Вы продавали ему валюту. Как это понимать?

Кока вздохнул, почувствовав облегчение оттого, что игра в молчанку кончилась.

— Все-таки доложил, подлец, — молвил он как бы про себя. — А я, старый дурень, унижался, просил не говорить...

Антиквар посмотрел на него так, будто Кока вырос перед ним из-под земли, но ничего не сказал. Кока начал объяснять сбивчиво, спотыкаясь. Он моментально смекнул, какую паутину подозрений мог сплести шеф из истории с долларами. Может быть, впервые в жизни Кока был искренен до конца и рассказал все в мельчайших подробностях.

— Нам обоим есть над чем подумать, — бесстрастно резюмировал Антиквар, когда Кока умолк. — Я вас разыщу.

Они разошлись.

Исповедь Коки успокоила Антиквара. Она была, несомненно, правдива. В этом убеждала незаметная с виду, но очень красноречивая деталь: Кока не скрыл, что упрашивал Боркова молчать о долларах, об их знакомстве.

То, что Борков не сдержал слова и выложил все, когда его никто не тянул за язык, Антиквар расценил как плохо замаскированную уловку. Борков хотел поднять свои акции. Иной расшифровки Антиквар вообразить не мог. Все остальное не выдерживало критики.

Но версия о заранее разработанном плане все-таки не отпала. Антиквар на первом же задании решил устроить Боркову проверку.

ГЛАВА 19. ПРИЗРАК ПАНИКИ

После разговора с Борковым Антиквар потребовал от Коки максимума осторожности. По этому поводу он прочел целую лекцию о методах конспирации.

Вот почему Кока впервые отказался от услуг домашнего телефона и все переговоры, касающиеся его дел и связей, отныне вел из телефона-автомата.

— Володю можно? — Кока говорил из автоматной будки на площади Пушкина.

— Он в больнице, а кто его спрашивает? — ответил

Коке знакомый голос Дмитрия Сергеевича, старичка в меховом жилете.

— Это его товарищ. А что с ним случилось?

— Вчера ночью увезла «скорая помощь». Отравление.

У Коки от услышанного перехватило дыхание.

— В какую больницу, куда он помещен?

— В Первую градскую. А кто спрашивает?

— Благодарю вас! — И Кока осторожно повесил трубку. На душе стало как-то сразу пусто.

Что же делать? Во-первых, надо немедленно сообщить шефу. Во-вторых, во-вторых... А вот что надо было делать во-вторых, Кока решить не мог.

Спускаясь вниз по улице Горького, он на всякий случай проверил, нет ли за ним слежки, и, убедившись, что ее нет, немного успокоился. Что могло произойти с Борковым? Ведь шеф говорил ему, что Борков без особых волнений принял предложение о сотрудничестве и даже проявил похвальную осторожность во взаимоотношениях. Что это за отравление — случайное или преднамеренное? Допустим, случайное. Тогда все в порядке и нет повода для беспокойства. А если преднамеренное? Тогда что? Тогда тоже нет особых поводов для волнений, во всяком случае, для него. Все естественно. Моральная подавленность. Страх перед расплатой. И решение созрело. Теперь только бы остался живой. Пусть волнуется шеф. И надо как можно скорее довести до его сведения эту новость...

Кока и не заметил, как очутился у своего дома. Поднялся на третий этаж, долго возился у двери, пока сумел открыть все четыре хитроумных замка. Быстро разделся, достал из тайника принадлежности для тайнописи. Тщательно выводя буквы, написал шифрованное сообщение. Потом для профилактики выпил двадцать пять капель валокордина, вышел на улицу и сел в такси.

На счетчике было около рубля, когда Кока приказал остановить такси. Расплатившись с шофером, вышел из автомашины. Несколько минут медленно шел по незнакомой улице. Остановился около почтового ящика и опустил письмо. Обрато Кока возвращался городским транспортом.

Через два дня он получил у киоскера Акулова ответ шефа. Тот предлагал немедленно узнать в больни-

це, что произошло с Борковым, и навестить его. Если это попытка самоубийства, постараться успокоить и при этом не стесняться в обещаниях материальных благ. Затем срочно сообщить о решении через Акулова, а тайнописью впредь пользоваться только в остронообходимых случаях.

...В справочном Первой градской Коке сказали, что Борков поступил с отравлением от принятого им в большом количестве барбамила. Сейчас состояние улучшилось и для жизни опасности нет.

Коку к больному Боркову не допустили. У него уже находился какой-то посетитель, а двоих сразу нельзя. Надо дожидаться, когда тот посетитель возвратится. И Кока, возмущенный такими порядками, сидел и ждал. Сидел час. Сидел два. За это время он, однако, успел заметить, что стоявшая в очереди впереди него молодая женщина уже возвратилась, а он все ждет и ждет. Когда она ушла, Коку осенила идея. Он подошел к гардеробной, назвал фамилию больного, которого навещала эта женщина — он слышал, как она назвала фамилию, — и, получив халат, поднялся на третий этаж.

Кока увидел Боркова лежащим в коридоре. Рядом на табуретке сидела Римма. Она тихо говорила что-то. Кока отвернулся, прошел мимо и, воспользовавшись вторым ходом, покинул хирургическое отделение больницы. Он не хотел попадаться на глаза Римме. Свидание с Борковым не состоялось. О разговоре в таких условиях не могло быть и речи. Но Кока был рад: сомнения исчезли, и Борков теперь не внушал ему подозрений. Скорее наоборот. Этот случай говорил в его пользу.

...В первый же вечер по выходе Боркова из больницы Кока позвонил ему на квартиру, попросил встречи. Борков после некоторого раздумья согласился. Встретились они на площади Маяковского у памятника. Борков похудел, был вял, бледен. Кока предложил зайти в ресторан «София». Борков не возражал, ему было все равно. В ресторане, выбрав столик в углу, подальше от людей, они сели. Сделали заказ. Борков от водки отказался. Кока не настаивал, он понимал, что пить ему сейчас нельзя.

— Меня просили передать искреннее соболезнование по поводу случившегося, и вот это вам для восстановления здоровья. — Кока положил перед Борковым конверт, в котором лежало пятьсот рублей.

Борков и глазом не повел. Он был совершенно безучастен к тому, что здесь происходило.

— Нельзя так опускать руки. Нужно встряхнуться, все не так уж плохо, — сказал Кока.

Борков продолжал смотреть в одну точку. Затем поднял глаза на Коку, коротко произнес:

— Боюсь...

Кока оживился.

— Ну разве можно так! Даже при переходе улицы риск бывает велик — можно попасть под машину и расстаться с жизнью. А у нас с вами пока все шло хорошо, так и пойдет. Надо только соблюдать меры предосторожности. А барбамил что ж? Он всегда под рукой... Ну, ваше здоровье. — Кока чокнулся с пустой рюмкой Боркова. — Перед вами могут открыться блестящие перспективы. — Кока кивнул куда-то вбок. — Пью за это.

— На что намекаете? — спросил Борков.

— Советский Союз составляет ведь только одну шестую часть суши, не правда ли?

— Обождите, — сказал Борков. — Я, пожалуй, тоже выпью.

Он быстро налил в рюмку водки, чокнулся с Кокой и опрокинул ее в рот.

Кока улыбался ободряюще. Нечто вроде улыбки промелькнуло и на лице у Боркова, но она была иного рода...

...Через месяц Владимир Борков получил от Антиквара задание составить письменный обзор работы периферийных объектов института. Основными пунктами обзора должно быть: а) расположение и наиболее характерные ориентиры на местности; б) фамилии начальников и ведущих конструкторов; в) характеристика выпускаемой продукции.

Боркову были даны средства тайнописи — блокнот карманного формата и карандаш. Когда обзор будет готов, Борков должен поступить следующим образом. Купить чемодан и наполнить его вещами — неважно какими, лишь бы они были тоже купленными, новыми. В числе вещей обязательно должно быть несколько предметов из магазина канцелярских товаров — блокнот, тетрадка, перья и тому подобное. Дело в том, что блокнот, врученный Боркову, по виду был в точности такой, какие выпускаются одной из московских фабрик

с наклеенным на корочке настоящим фабричным ярлычком. Если чемодан попадет не по назначению, блокнот с тайнописью вряд ли обратит на себя внимание среди других письменных принадлежностей.

...К середине апреля обзор был готов. В воскресенье, девятнадцатого, Борков отправился в ГУМ, купил чемодан умопомрачительной расцветки, затем прошелся вдоль прилавков на втором этаже, и к концу похода чемодан заполнился разнообразными швейными изделиями и канцелярскими принадлежностями.

Выйдя из магазина, Владимир направился к площади Дзержинского. По пути была аптека, и он зашел в нее, чтобы купить зубную пасту — у него дома паста кончилась. В отделе штучных товаров он несколько минут постоял над застекленной витриной, рассматривая лекарства, а потом подошел к кассе, выбил чек и получил у продавца пасту, а также — странное дело — два флакончика валерьянки. Пасту сунул в карман плаща, а валерьянку спрятал в чемодан. Тут же он переложил из пиджака в чемодан и блокнот с тайнописью.

Затем он действовал точно по полученным от Антиквара инструкциям. Путь его лежал на Комсомольскую площадь.

Из метро он отправился прямо к автоматическим багажным камерам Казанского вокзала.

Отыскав свободную ячейку, Борков поставил в нее чемодан, набрал на диске четырехзначный номер — зашифрованный ключ к ячейке, опустил в щелку пятнадцатикопеечную монету и закрыл дверцу. Как делают все пассажиры, пользующиеся камерами-автоматами, Борков записал номер ячейки и набранное число. Для этого он отошел в сторону, чтобы кто-нибудь не увидел, заглянув ему через плечо, цифры шифра. После этого спустился в метро и по телефону-автомату позвонил Коке. Не называя себя, он четко, с расстановкой продиктовал подряд семь цифр — номер ячейки и шифр и еще добавил двойку.

Условленный способ кодирования был простейшим, но сложнее тут и не требовалось. Борков смотрел в бумажку с многозначным числом, но, перечисляя записанные цифры, он каждую из них увеличивал на единицу: тройку называл четверкой, ноль — единицей и так далее. В конце была двойка.

По инструкции он должен был оставить чемодан на одном из трех вокзалов Комсомольской площади. Единица обозначала Ленинградский, двойка — Казанский, тройка — Ярославский.

...Через неделю пришла радиограмма на имя Надежды. Она была краткой: «К вам обратится с просьбой наше доверенное лицо. Окажите всю посильную помощь». Далее сообщался пароль и ответ.

Михаил Тульев и Павел выехали в город К. Они вновь поселились в том домике, куда Тульев-Надежда перевез свои вещи, но где ему так и не удалось пожить, потому что как раз в день переезда он был арестован.

Без малого год минул с той поры. А что такое год? Долгий это срок или короткий? Месяц, день, час, минута — они одинаковы для всех людей только как условная мера времени. Но для жизни у каждого человека — своя особая мера. И каждый когда-нибудь неизбежно открывает для себя давно открытую истину, что год может пролететь быстро, как один день, а иной день тянется долго, как целый год.

Чем измерить время, проведенное Михаилом Тульевым под арестом? Какой календарь годится человеку, который тысячу раз прогнал себя по ступенькам своего прошлого — вниз-вверх, вниз-вверх — в поисках своей потерянной души?

Внешне он мало изменился, только смуглое лицо его побледнело без солнца, да плечи стали немного сутулиться, когда он задумывался. Но Павел видел большую перемену. Надежда-Тульев прежде был нервен и норовист без нужды, как пассажир на узловой пересадочной станции, ожидающий поезда и боящийся его прозевать. И вместе с тем в облике его было нечто хищное, ястребиное. Теперь от него веяло спокойной сосредоточенностью, а черты лица сгладились и подобрались.

Павел спал крепко, но обладал способностью мгновенно просыпаться от тихого шума в комнате. И часто по ночам он просыпался оттого, что Тульев чиркал спичкой, закуривая.

Павел не испытывал к нему недоверия и не боялся с его стороны какой-нибудь неразумной выходки, хотя, ставя порой себя на его место, думал, что сам он, пожалуй, в подобной ситуации не растерялся бы и попро-

бывал дать тягу. Однако тут же возражал самому себе: да, но для этого нужно, чтобы человек крепко верил в свое дело. Михаил же Тульев поставил жирный крест на всем, что когда-то считал своим делом, вдребезги разбил идолов, которым прежде поклонялся. Однажды ощутив себя человеком без будущего, он страстно желал теперь лишь одного: утвердиться в жизни, почувствовать свою необходимость на земле.

Павел и Михаил сами готовили себе горячую пищу, и это помогало убивать время в ожидании гостя. В магазин ходили по очереди, чтобы кто-то один всегда был дома.

Тульев много читал, пользуясь довольно богатой библиотекой хозяев. Иногда Павел просил его позаниматься с ним английским языком, которым Тульев владел в совершенстве.

Так прошло восемь дней. На девятый день утром пожаловал долгожданный гость. Им оказался Кока. Увидев его через открытое окно, Павел предупредил Михаила и ушел в другую комнату, затворив за собой дверь.

Кока постучал. Войдя, поздоровался и сразу сказал пароль, а услышав ответ, попросил дать ему напиток — утро стояло жаркое. Михаил предложил чаю — они с Павлом только что позавтракали, чай был горячий, — и Кока с благодарностью согласился выпить чашку-другую. Пил он вприкуску, не торопясь. Интересовался житем Михаила, исподтишка его разглядывал.

— Вы что же, нигде не работаете?

— Работаю. Взял неделю за свой счет.

Тульев под фамилией Курнакова числился шофером в транспортном грузовом управлении, которое занималось дальними перевозками. Это было сделано еще в феврале — на случай новой проверки со стороны центра.

— В одиночестве обитаете?

— Есть товарищ.

— Я хотел сказать — не женаты?

— Пока нет.

— Ну и правильно.

— Я тоже так думаю.

Утолив жажду, Кока приступил к делу. Перед Надеждой появилась рукопись, отпечатанная на портатив-

ной машинке, — это была копия обзора, составленного Борковым.

— Нас не могут подслушать? — спросил Кока.

— Нет. Все в порядке. Но береженого и бог бережет.

Они вышли из дома в сад, сели на скамейку.

— Тогда прошу минуту внимания. — Кока положил ладонь на рукопись. — Вы прочтете это и увидите, что здесь названо несколько объектов. Вам нужно проверить сообщаемые данные, но объектов слишком много, все охватить будет непосильно, поэтому возьмите какой-нибудь один. На ваше усмотрение. Что вам будет удобнее. Просили передать, что дело срочное.

Надежда взяла рукопись, перелистал ее. Он был мрачен и недоволен.

— Некстати вся эта затея. И что значит срочно?

— Срок не называли, но пожелание такое, чтобы по возможности быстрее. Здесь есть и недалекие объекты.

— Суть не в расстояниях, — сказал Надежда с досадой. — Ну хорошо. Каким образом нужно передать, когда будет готово?

— Сказано, что вы сами назначите дату и способ. Через разведцентр.

Надежда с минуту подумал и спросил:

— Этот человек в табачной лавке жив-здоров? Надежен?

— Да.

— Тогда скажите тому, кто вас послал, что воспользуемся киоскером. Пусть его предупредят.

— В этом нет необходимости. Он постоянно действующий.

— Тем лучше...

Кока отказался от обеда, сказав, что спешит.

Павел и Надежда через неделю уехали в Москву.

Владимир Гаврилович Марков, узнав о посещении Надежды Кокой, был удовлетворен, ибо события в основном развивались нормально. Хотелось бы, конечно, поторопить их, но искусственность тут была категорически запрещена. Он бы сфальшивил, если бы Надежда исполнил просьбу Антиквара слишком скоро. Это позволило бы Антиквару почувствовать фальшь. Вот почему только в июле Павел посетил киоск, где работал Кондрат Акулов, и оставил ему микро пленку, на которой было сфотографировано написанное рукой Надежды со-

общение об одном из объектов, упомянутых в обзоре Владимира Боркова. Антиквар, прочтя сообщение Надежды и сравнив его с данными Боркова, испытал ужас. Похожее чувство охватывает человека, который входит в темную комнату и инстинктивно сознает вдруг, что в ней затаился и ждет кто-то чужой.

Надежда утверждал, что данные Боркова правильны только в части, касающейся координат объекта. Во всем остальном они — чистая липа. Надежда сообщал истинные имена и фамилии начальника и главного инженера интересующего разведцентр объекта и сведения о подлинном характере выпускаемой им продукции.

Опасения Антиквара усилились. Значит, Владимир Борков подставлен ему контрразведкой. А может быть, и не подставлен? Может, пошел, покался и его решили использовать для засылки дезинформации? Такой вариант тоже не исключался. Иначе имеет ли смысл контрразведке оставлять на свободе Коку и не тревожить его самого, атташе иностранного посольства?

Состояние Антиквара было почти паническое. Он составил пространную депешу для центра, отослал ее и с нетерпением ждал ответа. Он не знал, как вести себя в дальнейшем с Борковым и Николаем Николаевичем, а пока в целях предосторожности решил прекратить с ними всякую связь.

От Надежды в разведцентр тогда же ушла радиogramма, в которой сообщалось, что он рассчитывает заполучить в недалеком будущем документы чрезвычайной важности, для передачи которых необходим самый верный и надежный канал. Разведцентр в ответной радиogramме, начинавшейся словами «К неукоснительному исполнению», категорически приказывал Надежде прекратить какое бы то ни было общение с лицами, ранее входившими в контакт с ним, а относительно передачи ценных материалов сообщал, что о способе Надежда будет уведомлен дополнительно.

Антиквар также вскоре получил от центра инструкции. К удивлению, ему предлагалось продолжать связь с Борковым. Дезинформация, будучи разоблаченной, тоже приносит известную пользу. А безопасность Антиквара как разведчика, обладающего статусом дипломата, не вызывает сомнений, поскольку он служит каналом для этой дезинформации.

Так рассуждали в центре.

Владимир Борков — полковнику Маркову

«Полагая, что история знакомства Риммы с Юлей вам известна, опускаю этот момент и перехожу к фактам, касающимся меня непосредственно.

Как и предполагалось, К. не отказался снабдить меня долларами. Насколько удалось заметить, он не испытывал при этом никаких колебаний и подозрений на мой счет. Здесь сыграло большую роль то обстоятельство, что К. давно знает Юлию и, безусловно, верит ее рекомендации.

В Брюсселе сложилось не все так, как было задумано. Несмотря на кратковременность моей командировки, первые дни никто мной не интересовался. Стало очевидным, что наш расчет на то, что К. обязательно должен доложить А. о взятых мною у него долларах, а последний, в свою очередь, поставит об этом в известность разведцентр и таким образом я окажусь в их поле зрения, не оправдался. Вынужден был перейти на запасной вариант и действовать в зависимости от складывающейся обстановки.

Метрдотеля по имени Филипп я нашел в первое же посещение ночного ресторана. Описание его внешности, полученное мною из показаний Надежды в Москве, оказалось очень точным. Обратить на себя его внимание не составило труда. Как распорядитель он по обязанности принимает каждого ресторанного посетителя лично, и я не составил исключения. То, что я советский гражданин, удалось показать довольно мягко, с помощью жеста и коробка московских спичек (с первых шагов я выдал себя за француза). Мне не пришлось навязываться Филиппу, я только облегчил ему подход.

Филипп действовал быстро и решительно, но появление его подручной — Жозефины — было обставлено аккуратно и не могло бы насторожить человека непредвзятого.

Во всем, что последовало дальше, ничего оригинального не случилось, обе стороны шли друг другу навстречу. Думаю, что номер гостиницы, куда привела меня Жозефина (все адреса и названия различных заведений даю в приложении), специально оборудован для приемов, подобных оказанному мне.

Только после выпитого у нее бокала вина я почувствовал действие снотворного. Очевидно, его доза была ударной. Но я все же сумел уйти из ее номера. С трудом добрался до своей гостиницы. Остальное помнится как во сне. Утром я обнаружил в своей комнате Жозефину. Вскоре пришли полицейские. Назревал скандал. Однако в роли спасителя появился Филипп. И все уладилось. Я не заметил, как и когда меня фотографировали, а между тем качество фотографий, которые мне пришлось видеть у К., и планы кадров говорят об отличных, удобных условиях съемки.

Жозефина провела свою партию легко и естественно. Я тоже не испытывал особых затруднений, хотя в отдельных случаях можно было бы действовать мягче. Но поскольку рыбка уже заглотнула крючок, я не очень беспокоился, где и когда ее вытащить.

После визита Жозефины у меня исчезли служебное удостоверение, карточка, на которой я был снят с матерью, и пропуск в институтскую поликлинику. Как и ожидал, все эти документы с соблюдением конспирации мне вернул Филипп (они были изъяты у Жозефины). Попыток к вербовке меня Филипп не предпринимал, несмотря на благоприятную для этого обстановку. Очевидно, было решено последний ход сделать в Москве. Это нечто новое в их тактике.

При первой встрече с К. по возвращении из Брюсселя (она произошла в доме Риммы) я склонен был предполагать, что он уже получил задание начать мою обработку. Такое заключение напрашивалось потому, что некоторые вопросы К., заданные мне в разговоре, звучали двусмысленно, как будто ему уже было кое-что известно. Но это оказалось ошибочным впечатлением.

И наоборот, когда К. предложил мне принять участие в фабрикации фальшивых золотых монет, я думал, что он уже не будет выступать в качестве представителя разведки. Разумеется, слишком опрометчиво для человека, занимающегося шпионажем, быть замешанным в уголовном преступлении.

Это чистосердечное заблуждение очень помогло мне естественно провести эпизод, во время которого К. услышал от меня отказ сотрудничать с ним как агентом разведки. (Подробности моих бесед с К. и А. опускаю, поскольку беседы записаны на магнитофонную ленту. Я прослушивал ее — запись хорошая.)

Уславливаясь затем о свидании моем с А., К. несколько раз повторил настоятельную просьбу, чтобы я не сообщал А. о долларах. Это убеждало, что в глазах К. я оставался пока вне подозрений. В противном случае он не осмелился бы скрывать от А. факт нашего знакомства до моей поездки в Брюссель. Так как в мою задачу входило возбудить у А. сомнения, я при свидании сказал о своих связях с К. на валютной почве. А. трудно переваривал эту новость. Плохо владел собой. Его отношение ко мне сразу изменилось. Однако при повторной встрече я не мог заметить недоверия.

Полученный от вас обзор я переписал в блокнот, врученный мне А. Затем поступил точно, как велел А., — купил чемодан, заполнил его кое-какими вещами и положил туда блокнот. Чемодан отвез и сдал в автоматическую камеру хранения на Казанском вокзале и по телефону сообщил К. шифр камеры.

Больше ни К., ни А. я не видел. С их стороны попыток слежки за мной не наблюдал. Это же подтверждает и наша оперативная служба.

Деньги в советских знаках, полученные от К. и А., прилагаю.

Лейтенант В. Кустов (Борков).
14 июля 1964 года».

Кустов, сидевший молча напротив полковника, видел, что он в прекрасном настроении. Заметив, что отчет дочитан до точки, Кустов сказал:

— Простите, Владимир Гаврилович, не упомянул одну деталь.

— Что именно?

— Я в чемодан, кроме всего прочего, валерьяновых капель положил два пузырька.

— Это зачем еще? — удивился полковник.

— Полагаю, ему пригодится.

Полковник нахмурился, но Кустов понимал, что это не всерьез.

— Ты, я вижу, вроде Павла Синицына, — сказал Владимир Гаврилович ворчливо. — Фантазеры...

— Виноват, товарищ полковник.

— Не лень было в аптеку ходить?

— Так ведь по дороге...

— Ладно. Кончилась твоя миссия в этом деле. — Полковник встал, протянул Кустову руку. — Спасибо,

Володя. За исключением отдельных шероховатостей, все было отлично, хотя это и первый твой блин.

— Служу Советскому Союзу, товарищ полковник, — серьезно произнес Кустов.

— Вопросы и просьбы есть?

— Да, Владимир Гаврилович, прошу отметить Риту, извините, Маргариту Терехову... Она заслуживает этого.

— Согласен. Рита хорошо выполнила задачу... Теперь нам нужно подумать над одним вопросом и, главное, быстро решить его...

— Да, Владимир Гаврилович...

— Всех ли мы знаем людей, на которых опирается Антиквар, и до конца ли мы его вытряхнули?

— Думаю, да.

— Почему?

— Вряд ли можно допустить, чтобы Антиквар за столь непродолжительное время пребывания в нашей стране мог иметь на связи более трех агентов.

— Вот в этом нам как раз следует хорошенько убедиться и быть уверенными, что после него не останется никаких корней... Подумайте и вы с Павлом, как это лучше сделать, а завтра после обеда обменяемся мнениями.

ГЛАВА 21. ВСЕМУ ПРИХОДИТ КОНЕЦ

Антиквар с некоторых пор стал ощущать за собой упорную слежку. Он был опытным разведчиком, да к тому же следившие не особенно щепетильничали, это входило в их планы, так что заметить слежку не составляло труда. А после того как стало очевидным, что Боров является агентом советской контрразведки, слежка имела достаточные объяснения, и Антиквар находил ее в порядке вещей.

Сидя за рулем, он посматривал поочередно в зеркальца — над ветровым стеклом и сбоку. Миновав центральную часть города, повернул к Серпуховке, через Каширское шоссе выскочил на кольцевую автостраду. Там он надеялся быстро покончить со слежкой. Мотор его машины легко давал сто восемьдесят километров в час, а скорость на автостраде не ограничивается.

Как только он миновал Добрынинскую площадь, на колесо ему села светло-бежевая «Волга», которую он мельком отметил в столпотворении автомобилей еще

при въезде на Каменный мост. В зеркало хорошо было видно, что в машине, кроме шофера, на заднем диване сидят двое. Антиквар попробовал оторваться от бежевой после очередного светофора, рассчитав так, чтобы пересечь линию в момент, когда зеленый свет сменится желтым. У него получилось все очень удачно, но «Волга» не отстала, проехав на желтый свет, хотя могла и должна была затормозить, потому что была в момент переключения света метрах в семи от пешеходной дорожки. Антиквару стало совершенно ясно, что это хвост, и злой спортивный азарт овладел им.

Достигнув лепестковой развязки, которой соединялось шоссе и кольцевая автострада, он взглянул в зеркальце, убедился, что «Волга» тут как тут, и по отлогому широкому подъему рывком въехал на автостраду. Сразу сбавил газ, потому что «Волга» отстала, — ему хотелось поиграть с нею, он был уверен в своем моторе и знал, что уйдет от преследования, когда пожелает.

«Волга» настигла его и уже собиралась обогнать, не боясь того, что он развернется и уйдет обратно, так как движение на кольцо одностороннее, встречная полоса отделена широким газоном. Антиквар дал «Волге» поравняться с собой и вдавил акселератор до упора. Машина у него была очень приемистая, с места за несколько секунд развивала едва ли не сто километров, и «Волга» моментально осталась далеко позади, словно колеса у нее вертелись вхолостую.

Антиквар больше не смотрел на преследователей, он знал, что его не достанут. Он съехал у кольца на Ярославское шоссе и через пятнадцать минут был у Колхозной площади. Немного не доезжая до нее, свернул вправо, выбрал тихий переулок, поставил машину, запер двери и пешком пошел на площадь. Здесь взял такси и велел шоферу ехать не торопясь на Новодевичье кладбище. Было пять минут второго.

Антиквар не раз посещал Новодевичье и хорошо разбирался, если можно так выразиться, в его географии и административном делении. Он гулял по аллеям с видом завсегдатая, медленной походкой, заложив руки за спину, глядя одинаково рассеянно на лица встречавшихся ему людей и на пышные надгробия.

Он был одет в серый легкий костюм и белую рубашку апаш. В петлице лацкана синел маленький треугольный значок, через плечо висела «лейка» в черном чехле.

Без пяти два Антиквар остановился перед могилой с очень красивым памятником, перевесил фотоаппарат на шею, вынул его из чехла и снял заднюю крышку. Ему необходимо было показать, будто с аппаратом что-то не ладится.

Мимо проходили люди, тихо, стараясь не шаркать и говорить шепотом. Антиквар не обращал ни на кого внимания, словно и вправду целиком сосредоточился на неполадке в аппарате. На его часах было две минуты третьего, когда рядом остановился Акулов.

— Поглядите под ноги, — тихо сказал он и отошел в сторону.

Антиквар посмотрел под ноги — на чистом песке лежала кассета с торчащим кончиком пленки. Ее за секунду до этого бросил Акулов. Антиквар нагнулся, чтобы взять кассету, но в тот же миг чья-то нога в черном башмаке на толстой подошве накрыла ее, едва не прищемив Антиквару пальцы.

Он, вздрогнув, поднял голову. Перед Акуловым и Антикваром стояли четверо молодых — лет по тридцати — мужчин в летних светлых костюмах. Тот, кто наступил на кассету, уже держал ее в руке.

— Что за хулиганство! — возмутился Антиквар. — Среда бела дня...

Другой из четверки, вероятно старший, вынул бордовую книжечку, предъявил ее Антиквару.

— Подполковник Шатов. Мы из Комитета госбезопасности. Вам и ему, — подполковник кивнул на Акулова, — придется пойти с нами.

— В чем дело? — спокойно спросил Антиквар.

— Вам придется последовать за нами, — повторил Шатов.

Антиквар торопливо полез в карман, но Шатов уже на него не смотрел, отдавая распоряжения, как их везти.

Тут вставил слово Акулов:

— Ну что вы, ребята! Я-то тут при чем?

— Вы подбросили пленку, а он собирался ее взять...

— Это моя кассета, — вступился Антиквар. — Она чистая, можете убедиться. Я протестую. Это провокация.

— Хорошо, разберемся. А сейчас прошу следовать за нами.

Их группа уже обратила на себя внимание, находившиеся поблизости люди начинали останавливаться.

— Я подчиняюсь силе, — сказал Антиквар и первым зашагал по дорожке, на ходу пряча «лейку» в чехол. Они остановились возле одного из ближних отделений милиции. Трое провели Антиквара и Акулова прямо в кабинет начальника отделения. Четвертый уехал куда-то на бежевой машине.

Подполковник Шатов предложил Акулову сесть на диван, а Антиквара пригласил к столу. Наконец Антиквару удалось предъявить свои документы — карточку дипломата.

— Я требую немедленно связать меня с посольством, — заявил Антиквар.

— Наши желания совпадают. Сейчас мы вызовем представителя Министерства иностранных дел, и он займется этим, — ответил подполковник.

Антиквар глядел хмуро и всем своим видом давал понять, что ситуация представляется ему идиотской. Акулов впал в проstration.

Через несколько минут в кабинет вошел четвертый член группы, пропустив впереди себя пожилого человека в синем халате, у которого в руках были два пластмассовых бачка для проявления фотопленки, а под мышкой черный мешок. В широкий карман халата был засунут третий бачок.

Шатов уступил место за столом. Человек в синем халате разложил свое хозяйство, затем поместил бачки в мешок. Мешок этот был особого рода, служил как бы переносной темной комнатой для обработки пленки. Он был светонепроницаемым, по бокам у него имелись два ввода — рукава, снабженные резиновыми манжетами, плотно охватывающими руку. Подобными мешками, только меньших размеров, пользуются фотокорреспонденты в командировках для зарядки кассет. Фотолаборант устроился поудобнее, взял кассету, отобранную у Антиквара, и засунул в мешок обе руки. Пошуршав там недолго, он вынул кассету — уже пустую, — передал ее Шатову.

Это была обыкновенная эбонитовая кассета фирмы «Agfa» с цветной яркой наклейкой.

Шатов достал из кармана перочинный нож с набором самых разнообразных лезвий, пододвинул стул к окну и расположился на подоконнике. Оглядев внимательно кассету, отклеил этикетку — под ней ничего не оказалось. Затем снял крышку, долго ее рассматривал.

Крышка, казалось, возбудила в нем какие-то подозрения, но он пока отложил ее в сторону и с помощью ножа разломил корпус кассеты на две части. Исследовав их, снова взял крышку.

Фотолаборант за это время успел проявить пленку.

В кабинете царило напряженное молчание. Оно казалось противоестественным в этом небольшом, с обычную жилую комнату, помещении, собравшем восемь человек. Фотолаборант медленно поворачивал пленку за конец оси, выступавшей над бачком, Шатов скреб ножом о крышечку кассеты, и эти звуки резали Антиквару слух. Акулов сидел, безучастный ко всему происходящему. Наконец фотолаборант кончил дело. Ополоснув пленку, он посмотрел ее на свет и лаконично известил:

— Пустая.

Шатов прервал свое занятие, обернулся к фотолаборанту.

— Благодарю вас. Просушите и дайте мне. Можете быть свободны.

Фотолаборант отнес куда-то бачки, вылил их содержимое, а затем собрал все в мешок и оставил кабинет. Шатов продолжал исследовать крышечку, действуя на нервы Антиквару скрипом и скрежетом.

— Ну вот, полный порядок, — неожиданно сказал он громко, и Антиквар вздрогнул.

Шатов перешел к столу, взял из подставки лист бумаги и стряхнул на него крошечную полоску фотопленки — длиной в полсантиметра, а шириной не более двух миллиметров.

— Микрофотография, — с удовлетворением констатировал Шатов и пригласил Антиквара: — Прошу убедиться.

Но тот лишь метнул быстрый острый взгляд исподлобья, поверх очков и не пошевелился.

— Что вы можете заявить по этому поводу? — спросил Шатов.

— Это провокация...

Вскоре прибыл сотрудник Министерства иностранных дел и, выслушав сообщение подполковника Шатова, посмотрел дипломатическую карточку Антиквара. Затем снял трубку и неторопливо стал набирать номер на диске телефона.

— Это консульский отдел посольства? С вами говорит сотрудник Министерства иностранных дел Овчин-

ников. В вашем посольстве есть атташе... — Он назвал фамилию. — Так. Необходимо, чтобы представитель посольства приехал в отделение милиции... — последовал номер отделения и адрес. — Да, прямо сейчас. Пожалуйста, мы ждем.

— Я требую отпустить меня. Вы не имеете права... — сказал Антиквар.

— Вот сейчас придет представитель вашего посольства, ознакомится со всем происшедшим, и тогда мы решим, как с вами быть. А пока составим протокол. Сейчас мы еще не знаем, что содержит эта пленочка, однако факт есть факт — вы хотели ее получить от этого гражданина. Вот это мы и фиксируем.

Писание протокола заняло пятнадцать минут. Когда он был готов, Овчинников предложил Антиквару прочесть и подписать его. Антиквар бегло просмотрел написанное и категорически заявил:

— Я не распишусь на этом.

— Почему? — спросил Овчинников. — Что-нибудь неверно?

— Да. Никто не подбрасывал кассету. Она принадлежит мне. А этого человека я вижу впервые.

— Вы будете подписывать? — последовал вопрос к Акулову.

— Что вы, гражданин начальник! — встрепенулся тот. — Я себе не враг!

— Вам это не поможет. Обоим, — вставил Шатов. Он не был раздражен, говорил спокойно. — Ладно, подпишем мы вместе с представителем Министерства иностранных дел товарищем Овчинниковым.

— Я могу быть свободен? — спросил Антиквар.

— Надо дожидаться консула.

— Не ломайте комедию!

— Это не комедия.

Тут в дверь постучали, и появился высокий мужчина лет тридцати пяти.

— Что случилось? Почему вы задержали дипломата? — спросил консул.

— Этот дипломат злоупотребляет своим положением. Он был задержан в момент приема секретных материалов от гражданина Акулова, — объяснил Овчинников.

— Ложь! Этого гражданина я вижу впервые. Я про-

тестую. Это неслыханно... — вскочив со своего места, резко заговорил Антиквар.

— Чем вы можете подтвердить свои обвинения? — спросил консул.

— Многим! — вмешался в разговор подполковник Шатов. — В качестве первого доказательства мы можем прокрутить киноленту, на которой можно увидеть встречи вашего дипломата с арестованным нами гражданином Казиным, которого он привлек к шпионской работе. Несколько позже мы сможем показать вам его сегодняшнюю встречу на Новодевичьем кладбище с гражданином Акуловым. Товарищ Воркин, прошу организовать показ фильма.

— Не надо, — бросил сквозь зубы Антиквар.

— Мы можем идти? — спросил консул.

— Теперь — да, — последовал ответ.

Всю дорогу до своего посольства Антиквар никак не мог прийти в чувство от оглушительного удара, который был нанесен так неожиданно. Его жгла досада на самого себя, на разведцентр, на всю эту глупейшую затею с Борковым и с передачей пленки. В одно мгновение все полетело к чертям. Оказалось, что советской контрразведке вовсе не интересно держать его нетронуемым во имя засылки дезинформации. Гроша ломаного не стоят хитроумные расчеты разведцентра.

Оставалось проверить, действительно ли Кока арестован и что с Борковым.

...Трубку на том конце сняли сразу.

— Алло, вас слушают, — сказал нежный женский голос.

Не произнеся ни слова, женщина, звонившая из автомата, нажала на рычаг, но тут же подумала, что могла соединиться неправильно, и снова опустила монету в щелку, набрала аккуратно номер. Ей было известно, что по этому телефону никто, кроме мужчины, отвечать не может.

На сей раз ответил низкий мужской голос. Женщина спросила:

— Это Николай Николаевич?

— Нет.

— Можно его к телефону?

— Его нет.

— Он что, вышел?

— Да.

— Надолго?

— Не знаю. А кто его спрашивает?

— Знакомая. Когда он будет?

— Неизвестно. Как вас зовут? Что ему передать? — попытывался сочный баритон.

— Ничего. Я еще позвоню.

— Ну звоните, звоните...

По телефону Боркова ответили, что он уехал в длительную командировку.

Когда служащие посольства, по просьбе Антиквара звонившие Коке и Боркову, рассказали о своих переговорах, Антиквару стало совсем плохо. Чтобы проверить, насколько глубоко копнули контрразведчики тайную жизнь Николая Николаевича Казина, оставалось узнать, целы ли его сообщники-фальшивомонетки. Адрес Пушкарева Кока с неохотой, но все же дал Антиквару в свое время. Полуподвальная квартира в переулке рядом с улицей Обуха оказалась опечатанной.

В тот же день Антиквар составил для передачи в разведцентр обстоятельное донесение обо всем случившемся и отослал его с дипломатической почтой...

Разведцентр прислал следующую шифровку: «Надежде. Операция провалена. Обусловьте с Бекасом связь, предложите ему выехать в другой город, желательно в Сибирь. Сами немедленно уходите на юг, в Николаев или Одессу. Сохраните дубликат пленки. Слушаем вас непрерывно».

Ответ гласил: «Кажется, обнаружил слежку. Выезжаю в Одессу. Жду указаний».

И наконец, приказ центра: «Будьте готовы к переправе. Слушайте нас двадцатого августа и затем каждый следующий день в течение недели в 23 часа 10 минут. В эфир больше не выходите. Радиопередатчик спрячьте».

...22 августа поздним вечером на даче под Москвой сидели полковник Марков, Павел и Михаил Тульев. Прощальная беседа подходила к концу.

Перечитав еще раз радиограмму, в которой детально излагалось, как должна совершаться переброска Надежды за границу, Владимир Гаврилович сказал:

— Ваши бывшие хозяева испугались, что связь с Кокой вас погубит. Вы опять обретаєте ценность в их глазах. Ради этого мы трудились, и хорошо, что не напрасно.

Владимир Гаврилович не упомянул, каким важным

звеном в цепочке была роль Боркова-Кустова, о существовании которого Михаилу Тульеву знать было не обязательно. Но без этого звена вся операция контрразведчиков по разоблачению Антиквара и Коки выглядела бы для разведцентра непонятно и подозрительно. И вряд ли бы Тульева отозвали из СССР.

За окном сверкнула зарница, потом послышался дальний гром, а может быть, это поезд прогрохотал по мосту — километрах в полутора от дачи проходила железная дорога. Полковник продолжал, обращаясь к Тульеву:

— Ну что же. Кажется, мы обо всем договорились... Впрочем, если чувствуете хоть малейшую неуверенность, еще не поздно все повернуть, можно найти приличную отговорку. Вы и здесь будете полезны.

Полковник сказал это только во имя одного: чтобы между ними не оставалось решительно ничего недоговоренного, никаких недомолвок.

Михаил Тульев был взволнован и, как всегда в такие моменты, заговорил отрывисто:

— Остаться сейчас — жить в долгу. Я слишком много задолжал России. Мне с ними надо расквитаться.

— Месть будет вам плохим попутчиком.

— Это не месть. Деловые соображения. Они сами когда-то учили меня этому.

— В таком случае прочь колебания. Вопросы и просьбы будут?

— Нет, Владимир Гаврилович. С Павлом мы уже обо всем договорились, — ответил Тульев.

— Можешь быть спокоен. Все будет исполнено, — откликнулся Павел.

— Я знаю. И хочу, чтобы и вы были спокойны. Спасибо вам за все.

— В таком случае у нас говорят: ни пуха ни пера, — закончил полковник Марков.

Прошло несколько дней. Поезд увозил Михаила Тульева в Киев, когда посольство, в штате которого состоял Антиквар, получило от МИДа ноту. В ноте сообщалось, что атташе имярек, избалованный в шпионской деятельности, направленной против Советского Союза, объявляется персоной нон-грата и лишается права дальнейшего пребывания на территории нашей страны (в доказательство приводились факты: задания, дававшиеся завербованному им Николаю Николаевичу

Казину, контакт с Кондратом Акуловым, попытка получить от него микропленку и пр.). Атташе предлагалось покинуть страну пребывания в 24 часа.

Прожив недолго в Киеве, Тульев выехал в Одессу.

ГЛАВА 22. ЧЕРНОЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Это был славный и веселый пароход, который, если быть точным, именовался турбоэлектроходом. И вез он в своих каютах и на своих трех палубах веселых, жизнерадостных людей — туристов из европейских стран. Там, у себя на родине, они отличались друг от друга профессией, доходами, партийной принадлежностью. Да и на пароходе существовали различия: кто-то обитал в роскошных каютах-люкс, а кто-то во втором и третьем классе. Но все-таки, сделавшись в одно прекрасное утро туристами, люди обрели некую общую черту, которая сразу сгладила и затушевала разобщавшие их в обыденной жизни социальные грани и трещины, — правда, лишь на время круиза. Черта эта чисто туристская — острое любопытство и интерес к новым краям.

Пароход совершал рейс вдоль берегов Черного моря. Он швартовался в Сухуми, Сочи, Ялте, спуская по трапу на солнечный берег яркую, пеструю, смеющуюся толпу своих трехсот пассажиров. Но к Одессе он подходил невеселым. Почему?

Были две основные причины. Во-первых, в Ялте он задержался против расписания на десять часов по вине одной немолодой, но легкомысленной пары, которая, отправившись в Массандру, отдала такую щедрую дань великолепным марочным мускатам, что ее потом искали целую ночь. Это опоздание украло десять часов из срока, отпущенного на Одессу, а ведь в Одессе есть что посмотреть. Поэтому туристы были расстроены, а злополучная пара заперлась в своей каюте, пережидая, пока гнев собратьев остынет.

Во-вторых, Одесса встречала пароход сильным дождем и неожиданным для этого времени года холодным ветром. А меж тем давно известно, что ни на кого дождь и прочие атмосферные невзгоды не действуют так удручающе, как на туристов.

Пароход должен был ошвартоваться у пассажирского причала Одесского порта ранним утром, а ошвартовался вечером. Больше всех сокрушались те, кто рассчитывал

попасть на спектакль в оперный театр, — представление там давно началось. Их досада не поддавалась описанию, но и у остальных настроение было не лучше.

Наконец долгожданный миг настал: трап спущен, на борт поднялись офицер-пограничник с помощниками, карантинный инспектор и представитель «Интуриста».

Офицер-пограничник и два его помощника в широких плащах-накидках пристроились у трапа, повернувшись спиной к ветру, к косым струям дождя. Один из пограничников держал полированный ящичек, бережно укрывая его полрой плаща.

Сходили группами, и порядок был такой: старший группы предъявлял пограничникам список и сдавал паспорта. Пограничник складывал паспорта в ящичек. Затем мимо него к трапу проходили члены группы. Каждому пограничник вручал пропуск на берег, оставляя себе контрольный талон. В общем процедура довольно необременительная, если бы не эта проклятая погода...

На причале туристов ждали комфортабельные автобусы, но, несмотря на дождь, большинство отказалось ими воспользоваться. Они попросили вести их к лестнице — к той самой лестнице, каждую ступень которой сделал знаменитой на весь мир эйзенштейновский «Броненосец «Потемкин».

Но оставим двести девяносто девять пассажиров парохода на попечение гостеприимного города, а сами последуем за трехсотым туристом, который сразу же, едва его группа вышла на Дерибасовскую, откололся и незаметно исчез. Он интересен во многих отношениях. Во время путешествия он вел себя странно для туриста — сказался больным и лежал один в своей каюте в первом классе. Не сходил на берег, не прельщался танцами и хоровым пением, ни с кем не вступал в контакт, делая исключение лишь для старшего своей группы, с которым, судя по их отношениям, был давно знаком. Никто из пассажиров не мог бы описать его лицо и вообще внешность хотя бы мало-мальски достоверно.

Турист торопился и нервничал, потому что опаздывал. Его утешала мысль, что тот, кто ждет свидания, догадался справиться в морском порту о задержке парохода. Он никак не мог найти такси — не было свободных машин в этот дождливый вечер. В конце концов по совету прохожего сел в автобус и через полчаса приехал в аэропорт.

В зале ожидания на первом этаже в низких темных креслах с изогнутыми металлическими подлокотниками сидели серьезные и унылые авиапассажиры: самолеты не выпускались.

Обойдя зал и не обнаружив того, кто был ему нужен, турист по широкой пологой лестнице поднялся во второй ярус и, окинув взглядом двойной ряд кресел, стоявших спинками друг к другу, сразу увидел его. Лицо было хорошо ему знакомо и в фас и в профиль. Турист уверенно подошел к читавшему книгу человеку и спросил громко, не стесняясь сидящих поблизости:

— Простите, вы не Уткина ждете?

Тот поднял глаза.

— Алексей Иванович? Очень рад. Я уж заждался.

— Да я не виноват. Обстоятельства...

Тульев встал с кресла.

— Все равно спешить некуда. Идемте покурим...

Они спустились вниз, в туалет. Зашли в кабину. Но здесь долго говорить было крайне неудобно: в гулком, выложенном кафелем подвале даже шорох был отчетливо слышен из конца в конец. Непрерывно входили и выходили люди.

— Все спокойно? — шепотом спросил Тульев.

— Да. Давай поменяемся одеждой.

Поменялись костюмами и плащами. Затем Тульев дал своему партнеру билет до Москвы на рейс, который из-за непогоды откладывался на неопределенное время, а от него получил пропуск на туристский пароход. Затем они вышли из туалета и поднялись на второй этаж.

Перед входом в ресторан был просторный холл, одна стена которого, стеклянная сверху донизу, глядела на перрон. Они остановились в углу и прижались лбами к стеклу, будто стараясь рассмотреть мокнущие на бетоне самолеты,

— Почему задержался? — спросил Тульев.

— Опоздали на десять часов.

— Ладно, к делу.

— Ты должен быть у входа в морской порт к одиннадцати. — Уткин посмотрел на свои часы. Это был советский хронометр «Спортивные». — Сейчас восемь, времени хватит. Подойдешь к старшему в группе. Вы друг друга знаете — это Виктор Круг.

— Как же, приятели, — заметил Тульев.

— Чем он тебе насолил?

— Долго рассказывать. Что дальше?

— Наша группа должна была посетить филатовский глазной институт, но из-за опоздания это отменили. Походят по городу, а потом должны ужинать в каком-то ресторане. Так что раньше одиннадцати они в порту не будут, можешь не спешить.

— Уж больно мы с тобой на близнецов не похожи, — с иронией сказал Тульев.

— Не беспокойся. Никто из этих горластых баранов на пароходе меня больше одного раза в лицо не видел. А на паспорте фото твое. Я ни разу на берег не сходил. И вообще сейчас, наверное, пограничники в паспорта не очень-то внимательно вглядываются — погода такая...

— Как меня зовут?

— Карл Шлехтер.

— Кто я такой?

— Художник из Гамбурга.

— Подходяще.

— Послушай, что тут у тебя произошло? — спросил Уткин. — Такую горячку пороли, гнали меня сюда как на пожар.

— Лишние вещи говоришь, — жестко осадил его Тульев. — Ты сюда надолго?

— А это не лишнее?

— Ладно. Квиты.

— Где рация?

— Подробный план у тебя в кармане. Там все описано.

— Трудно здесь?

— Узнаешь сам. Зачем тебя заранее пугать или, наоборот, успокаивать. Прыгнул в воду — плыви, а то утонешь... Скажи лучше, каков порядок прохода на судно.

— Это просто. Сдаешь пограничнику пропуск, получаешь паспорт, и все.

— Когда отваливает посудина?

— В девять утра завтра.

— В советские порты заходит?

— Прямо на Босфор.

— Хорошо.

Помолчали. Тульев, плотно прикусив мундштук папиросы, смотрел на размытые дождем, похожие на обсосанные леденцы разноцветные огни рулевых дорожек и взлетной полосы, редким пунктиром расчертив-

шие раннюю темноту вечера. Уткин не мог уловить по его лицу, о чем он сейчас думает. Казалось бы, человек должен радоваться, а он словно окаменел.

— Долго здесь пробыл? — спросил Уткин совсем тихо.

— Три года.

Уткин посмотрел на погасшую папиросу Тульева.

— Давай мне твое курево — на пароходе советские папиросы тебе ни к чему.

Тулев неожиданно улыбнулся.

— Верно. А я и не подумал.

Он вынул пачку «Қазбека». Уткин закурил и сказал:

— У меня в каюте есть американские сигареты.

— Номер каюты какой?

— Семнадцатая, по правому борту. Да Круг тебе покажет, он по соседству.

Еще постояли молча, а затем Тулев резко повернулся.

— Пора. Проводи меня вниз.

У выхода они подождали, пока не пришел автобус из города.

— Ну счастливо, — сказал Тулев. — Твой самолет будет, наверное, утром. Следи. Объявят рейс по радио. Или узнавай в справочном.

— Счастливо, передавай привет нашим.

Они пожали друг другу руки, и Тулев вышел под дождь. Уткин смотрел, как он быстро пересек полосу мокрого асфальта и прыжком вскочил в раскрытую дверь автобуса. Автобус тут же тронулся...

Когда Тулев доехал до центра города, дождь прекратился, и на пустынных дотоле улицах как-то сразу стало оживленно, будто людям до смерти надоело сидеть в четырех стенах.

Час он убил в кафе на Дерибасовской. Потом пешком отправился в порт. Дорогу спрашивать не было необходимости: до Приморского бульвара его довели парходные разноголосые гудки, а там уж заблудиться невозможно.

Было еще рано. Тулев остановился на бульваре у парапета и смотрел на раскинувшийся внизу целый город на воде, прислушиваясь, как ворочается и дышит вечный работяга-порт.

Тулев спустился по лестнице, медленно подошел к воротам порта. Было без двадцати одиннадцать. При-

шлось побродить, почитать расписания, объявления. В пять минут двенадцатого он издалека услышал громкий женский смех, шарканье ног. К воротам приближалась толпа туристов. По всему было видно, что они неплохо провели время.

Тульев напряженно выглядывал в толпе Виктора Круга. Его не было, и Тульев испугался. Но вдруг донесся голос Круга — он крикнул по-немецки:

— Подождите меня все у входа!

А затем Тульев увидел его. Круг просто отстал, шел позади, как пастух за стадом. Так ему было удобнее заметить Тульева и показать себя. Тульев пристроился в хвост растянувшейся толпы, затем чуть отстал и, повернувшись вполоборота, ждал, когда Круг приблизится.

— С нами бог, — шепнул он, поравнявшись с Тульевым. Он хотел дать понять, что волновался за Тульева. Но это получилось неубедительно.

— С нами бог, — повторил Тульев. Он давно не говорил по-немецки и сейчас услышал себя словно со стороны, как будто тот человек, который полчаса назад стоял у парапета на бульваре, так там и остался и смотрит вслед человеку, удаляющемуся в глубь порта, чтобы сесть на пароход.

— Все гладко? — спросил Круг.

— До сих пор — да. Надо еще подняться на борт.

— Это сойдет, не нервничай.

— Я спокоен. Но глупо будет споткнуться на последней ступеньке.

— Давай догоним их.

Они прибавили шагу. К турбозлектроходу, на белом боку которого, как сабля, висел трап, подошли веселой гурьбой. Тут же явились пограничники во главе с офицером. Они встали перед трапом. Круг взял список и начал вызывать туристов. Туристы по одному подходили, отдавали пограничникам пропуск, те сличали его с контрольным талоном, внимательно смотрели в паспорт и жестом показывали, что можно подниматься по трапу. Уже человек двадцать прошло через контроль, когда Круг произнес обычным своим бодрым голосом:

— Шлехтер!

Тульев обошел стоявших перед ним двух дам, протянул пограничникам пропуск. Взгляд на контрольный талон, взгляд в паспорт, быстрый взгляд в лицо. Все в порядке.

Через четыре месяца полковник Владимир Гаврилович Марков получил первое сообщение от Тульева, пришедшее в Москву далеким кружным путем. Дешифрованное и перепечатанное на машинке, оно занимало целых двадцать страниц.

Марков отчеркнул красным карандашом то место, где Тульев писал о приеме, оказанном ему за границей, о своем теперешнем положении:

«Встретить меня центр послал Виктора Круга. Это был рассчитанный жест, который сразу насторожил. Круг всегда был соперником и даже открытым врагом моего отца и, возлагая на него эту миссию, центр давал понять свое отношение ко мне. На полное доверие рассчитывать не приходилось.

При первом же обстоятельном разговоре (еще на корабле) я спросил у Круга, что с отцом. Он сказал, что старик умер. С того момента я считал наиболее благоразумным не скрывать своей крайней неприязни к Кругу. Психологически это было правильно. После нескольких открытых стычек я заметил, что первоначальное его настроение по отношению ко мне начало изменяться. Налет подозрения постепенно исчезал.

Шеф принял меня тотчас по прибытии. Присутствовал Себастьян. Длинной беседы не было. Шеф ограничился общими фразами о самочувствии, сказал, что рад меня видеть целым и невредимым. Себастьян молчал. Я передал им микро пленку.

Меня поселили рядом с резиденцией шефа. Три дня отдыхал. Затем пропустили через детектор. Набор вопросов свидетельствовал о том, что они испытывают насчет меня серьезные сомнения. Было несколько вопросов о Бекасе. Отвечал, как условились.

Техника допроса мне хорошо известна. Думаю, что это испытание пошло в мой актив.

На девятый день вызвал шеф к себе на квартиру. Это уже кое о чем говорило. У него опять сидел Себастьян. Шеф сказал, что с микро пленки сделаны отпечатки. Предварительный анализ показал, что, кажется, меня можно поздравить — материалы ценные. Только после этого возник вопрос об источнике информации. Сообщил согласно плану операции. Интерес к Бекасу сразу возрос. Действую в этом направлении.

Когда Себастьян ушел, мы с шефом выпили. Вспомнил о моем отце, много теплых слов говорил о нем. Потом начал ругать Себастьяна и его хозяев из ЦРУ. Говорил, что они грубы и неотесанны, но ссориться с ними невыгодно, потому что у них много денег. Затем речь пошла о моем пребывании в СССР.

Еще будучи совершенно трезвым, шеф признался, что их аналитическая служба давно признала меня недостойным полного доверия, что здесь ходили обо мне самые противоречивые толки. Положение несколько изменилось, когда центр получил мою телеграмму, в которой я сообщил о ложности данных по объекту «Уран-5». Это почти восстановило мою репутацию, но только почти. Та радиограмма центра, которая предписывала мне приступить к операции «Уран-5», содержала заведомо неправильные координаты и была чисто проверочной. Я, таким образом, выдержал экзамен.

Шеф в порыве откровенности без обиняков заявил, что в решении моей судьбы главную роль сыграл провал Казина и Антиквара. Не будь его, центр ни при каких обстоятельствах не решился бы отозвать меня из России.

Далее шеф рассказал, что в провале Антиквара и Казина виноваты ротозеи (в том числе и Себастьян), которые хотя и высказывали сомнение, но не раскусили вовремя некоего Владимира Боркова. Его подцепили в Брюсселе как будущего кандидата на вербовку, в Москве завербовали, а он оказался советским контрразведчиком. По этому поводу Себастьян, как говорил шеф, скрежетал зубами и называл агентов центра молоко-сосами. Его, кажется, отзывают отсюда.

Я осторожно высказал сомнение — разумно ли было подвергать риску Антиквара, посылая к нему на встречу Акулова, когда можно было подключить к этому делу более надежного человека. Шеф одобрительно отнесся к моим рассуждениям, заметив при этом, что они не от хорошей жизни вынуждены были поручить передачу моей микропленки Акулову. Больше было некому.

На прощанье шеф сказал мне: «Благовари этого проклятого Боркова. Если бы не он, не сидеть бы тебе здесь и не пить этот великолепный коньяк».

Из нашего разговора возникла вполне отчетливая схема, объяснившая мне ход событий, которые оказывали решающее влияние на умонастроение центра и за-

ставляли его действовать так, а не иначе. Причем из недомолвок шефа я понял, что центр в данном случае отнесся к своим собственным ошибкам на редкость самокритично и намерен сделать из этого серьезные выводы.

Итак, вот схема. Стечение обстоятельств вынудило центр свести меня с Казиным и через него с Антикваром. Казин и Антиквар завербовали Боркова — ошибка, как полагают в центре, из категории фатальных несчастий.

Борков провалил Антиквара и Казина — естественный результат. Через Казина и Антиквара контрразведка должна выйти на меня.

Так как я располагаю ценными сведениями и еще могу принести пользу, меня следует вызволять из беды.

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что я имею теперь возможность время от времени пить коньяк в обществе своего шефа.

Сейчас все складывается как нельзя лучше. Думаю, что меня пошлют, как мы с вами и договорились, в одно из разведывательных подразделений...»

Владимир Гаврилович перечитал это место еще раз, захлопнул папку. Не все развивалось именно так, как было задумано, но в общем получилось неплохо.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая. Нет ничего тайного...

Вместо пролога	7
Глава 1. Кража в вагоне	9
Глава 2. Спустя два месяца	12
Глава 3. Бекас	15
Глава 4. Выходной день	23
Глава 5. Зароков не теряется	26
Глава 6. Квартирант	31
Глава 7. Обыск	37
Глава 8. Мария получает задание	41
Глава 9. Кто такой Михаил Зароков	50
Глава без номера и без названия	57
Глава 10. Визит участкового уполномоченного	58
Глава 11. Риск ради будущего	61
Глава 12. Последствия визита участкового	66
Глава 13. Грязный вариант	69
Глава 14. Забытый Павел	75
Глава 15. Телеграмма	77
Глава 16. Терентьев ест пирожки	79
Глава 17. Чего не знали Павел и Надежда	83
Глава 18. Беда одна не приходит	85
Глава 19. Урок логики	88
Глава 20. Земля и вода	92
Глава 21. Третий сеанс	96
Глава 22. Встреча перед маем	99
Глава 23. Дембович распределяет путевки	102
Глава 24. «Идемте гулять» и Паша-лодочник	105
Глава 25. Десять секунд	112

Часть вторая. Возвращение Бекаса

Глава 1. Долгожданная встреча	121
Глава 2. Разговор шепотом	126
Глава 3. Несостоявшееся свидание	131
Глава 4. Допрос без пристрастия	136
Глава 5. Михаила Зарокова больше не существует	141
Глава 6. Малоутешительные подробности	146
Глава 7. Допрос на детекторе	148
Глава 8. Музыкальная шкатулка	159
Глава 9. Себастьян навещает Павла	165
Глава 10. Житие Алика Ступина	168
Глава 11. «Берите на завтра»	171
Глава 12. «Нам земли не жалко»	174
Глава 13. Пробы отправляются по назначению	181
Глава 14. Агент с ограниченными полномочиями	183
Глава 15. Возвращение Бекаса	192

Глава 16.	Старые друзья	197
Глава 17.	Привет и подарок	205
Глава 18.	Арест	208
Глава 19.	Две радиogramмы	214

Часть третья. С открытыми картами

Глава 1.	Визит без предупреждения	217
Глава 2.	Диалоги с глазу на глаз	223
Глава 3.	Нужны доллары	226
Глава 4.	Скандал в Брюсселе	233
Глава 5.	Смотрины в Третьяковской галерее	243
Глава 6.	Письмо к Марии	246
Глава 7.	Подручный	250
Глава 8.	Кока напрашивается в гости	259
Глава 9.	Предатель по призванию	263
Глава 10.	На службе у Антиквара	270
Глава 11.	Грим для бывшего лагеря	274
Глава 12.	Ответное письмо	278
Глава 13.	Брюссельский шлейф	281
Глава 14.	Поездка с сюрпризом	287
Глава 15.	Партнеры, достойные друг друга	294
Глава 16.	«Монетный двор»	302
Глава 17.	Борков проявляет характер	308
Глава 18.	Опасения Антиквара	314
Глава 19.	Призрак паники	320
Глава 20.	Краткий общий отчет	329
Глава 21.	Всему приходит конец	332
Глава 22.	Черное море, белый пароход	341
Эпилог		347

Шмелев О. М. и Востоков В. В.

Ш72 Ошибка резидента. 2-е изд. М., «Молодая гвардия», 1974.

352 с. (Стрела.) 100 000 экз.

Приключенческий роман об одной сложной операции, проведенной советскими контрразведчиками. Центральным мотивом повести служит психологическое единоборство резидента иностранной разведки и советского чекиста. Книга рассчитана на массового читателя.

Ш 70302—167
078(02)—74 без объявл.

P2

**Шмелев Олег Михайлович
и Востоков Владимир Владимирович
ОШИБКА РЕЗИДЕНТА**

**Редактор А. Лобанова
Художник Б. Корсунский
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор И. Соленов
Корректор Г. Василёва**

Сдано в набор 6/III 1974 г. Подписано к печати 31/V 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 11 (усл. 18.48).
Уч.-изд. л. 19,3. Тираж 100 000 экз. Цена 71 коп. Заказ 566.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суще-
ская, 21.

Scan Kreyder - 24.10.2018 - STERLITAMAK

71 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ